

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ**

ВИКТОР ГЮГО

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

В 15 ТОМАХ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1953

ВИКТОР ГЮГО

ТОМ ТРЕТИЙ

МАРЬОН ДЕЛОРМ

ЭРНАНИ

КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ

ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Москва 1953

Издание осуществляется под редакцией

В. Н. Николаева, А. И. Пузикова,

М. С. Трескунова.

Переводы с французского.

МАРЬОН ДЕЛОМ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта пьеса, представленная через полтора года после «Эрнани», была написана на три месяца раньше. Обе драмы сочинены в 1829 году: «Марьон Делорм» — в июне, «Эрнани» — в сентябре. За исключением кое-каких незначительных поправок, которые нисколько не меняют ни основной мысли произведения, ни сущности характеров, ни соответствующей силы страстей, ни хода событий, ни даже расположения сцен или добавочных эпизодов, автор издает в августе 1831 года свою пьесу в том виде, как она была написана в июне 1829 года. Она дана здесь без какой-либо существенной переработки или изменений, дополнительных спаек и иных переделок, не считая приспособления пьесы к условиям сцены, которого всегда требует постановка. Автор ограничился этим, то есть тем, что кое-где подрезал самые края своего произведения, без чего драма не могла бы плотно улечься в рамки театра.

Итак, пьеса два года оставалась вдали от театра. Мотивы этой отсрочки, с июля 1829 года до июля 1830 года, известны публике: она была вынужденной, автору чинили препятствия. Сюда относятся, — быть может, он когда-нибудь опишет эту небольшую полуполитическую, полулiterатурную историю, — сюда относятся цензурное вето, последовательное запрещение пьесы двумя министерствами — Мартиньяка и Полиньяка, и прямо выраженная воля короля Карла X. (Если автор произносит слово *цензура*, не прибавляя к нему эпитета, то только потому, что он достаточно открыто и достаточно долго боролся против нее пока она господствовала, и имеет право не поно-

силь ее сейчас, когда она принадлежит к числу низвергнутых сил. Если ее когда-нибудь осмелятся восстановить, тогда мы посмотрим.)

Отсрочка постановки «Марьон Делорм» еще на один год, с 1830 по 1831, была добровольной. Автор сам от нее воздерживался. Так как многие лица, с которыми автор не имеет чести быть знакомым, писали ему, спрашивая, существуют ли еще какие-нибудь новые препятствия к постановке пьесы, — автор благодарит их за любезное внимание, проявленное ими к столь маловажному событию, и считает своим долгом объяснить перед ними.

После изумительной революции 1830 года, когда театр среди общей свободы завоевал и свою свободу, заживо погребенные Реставрацией пьесы «сокрушили теменем камень своей гробницы», как говорит Иов, и всей толпой с большим шумом рассыпались по театрам Парижа, куда публика явилась рукоплескать им, еще трепещущим от радости и гнева. То было актом справедливости. Это опустошение цензурных архивов продолжалось несколько недель, вызывая у всех большое удовлетворение. Театр Французской Комедии вспомнил о «Марьон Делорм». Несколько влиятельных членов труппы посетили автора; они настойчиво уговаривали его, чтобы он позволил им поставить это произведение, освобожденное, подобно другим, от запрета. В то время повсюду проклинали Карла X, и запрещенный им четвертый акт пьесы имел бы, по их мнению, у зрителей политический успех. Автор должен откровенно сказать здесь, как он и тогда говорил в дружеском кругу лицам, обратившимся к нему с этой просьбой, и, в частности, большой актрисе, так блестяще исполнявшей роль доньи Соль: именно это соображение — вероятность успеха политического характера — побудило его еще некоторое время не выпускать своего произведения в свет. Он почувствовал, что находится в особом положении.

Правда, он в продолжение многих лет принадлежит к числу если не самых знаменитых, то по крайней мере самых деятельных сторонников оппозиции; правда, с тех пор как он достиг зрелого возраста, он глубоко предан всем идеям прогресса, усовершенствования и свободы; правда, он, быть может, кое-чем засвидетельствовал свою преданность им, в частности — ровно год тому назад, по поводу этой самой «Марьон Делорм»; но он вспомнил,

что, когда политические страсти привели его шестнадцатилетним юношей в литературный мир, его первые воззрения, то есть первые иллюзии, были роялистскими и вандейскими; он вспомнил, что написал «Оду на коронавание», — правда, в эпоху, когда Карл X, будучи популярным королем, говорил, вызывая этим общее ликование: «Конец цензуре! Конец алебардам!» Автору не хотелось, чтобы когда-нибудь ему могли поставить в упрек это прошлое — прошлое, исполненное, конечно, ошибок, но вместе с тем и убежденности, добросовестности и бескорыстия, какими будет исполнена, как он надеется, вся его жизнь. Он понял, что ему запрещен дозволенный всякому другому политический успех в связи с падением Карла X; что ему не подобает быть одной из отдушин, через которые вырывался бы наружу общественный гнев; что при виде этой пьянящей июльской революции его голос мог слиться с голосами лишь тех, кто рукоплескал народу, но не тех, кто проклинал короля. Автор поступил, как велел ему долг. Он сделал то, что сделал бы на его месте всякий благородный человек: он не дал согласия на постановку своей пьесы. Вообще говоря, скандальный успех, достигаемый с помощью политических намеков, мало улыбается автору, — об этом он заявляет прямо. Подобный успех немногого стоит и бывает непрочен. Автор хотел с добросовестностью художника изобразить Людовика XIII, а не того или иного из его потомков. К тому же именно теперь, когда нет больше цензуры, авторы должны сами быть своими цензорами, честными, строгими и внимательными. Тогда они будут высоко держать знамя искусства. Когда располагаешь полной свободой, надо соблюдать во всем меру.

Сейчас, когда триста шестьдесят пять дней, то есть, по нынешним временам, триста шестьдесят пять событий, отделяют нас от низвергнутого короля; когда поток народного возмущения перестал обрушиваться на последние шаткие годы Реставрации, подобно морю, которое отступило от пустынного берега; когда Карл X забыт основательнее, чем Людовик XIII, — автор дал свою пьесу публике, и публика приняла ее совершенно так же, как автор дал ее: чистосердечно, без задних мыслей, как явление искусства, хорошее или плохое, но и только.

Автор поздравляет с этим себя и публику. Это уже кое-что, это — много, это, в настоящий момент увлечения политикой, для людей искусства — все, если литературное предприятие воспринимается именно как литературное.

И, наконец, автор должен заметить, что в царствование старшей линии Бурбонов этой пьесе была бы навсегда и решительным образом закрыта дорога в театр. Не будь июльской революции, ее никогда бы не поставили на сцене. Если бы данное произведение обладало большими достоинствами, на него можно было бы указать тем, кто утверждает, что июльская революция повредила искусству. Нетрудно было бы доказать, что это великое потрясение, приведшее к свободе и гражданскому равенству, не повредило искусству, а послужило ему на пользу; что оно было ему не только полезно, но и необходимо. В самом деле, в последние годы Реставрации новый дух XIX века проник повсюду, преобразовал все, начал все сызнова: историю, поэзию, философию — все, кроме театра. Это странное явление объясняется очень просто: цензура окружала театр каменной стеной. Не было никакой возможности чистосердечно, во весь рост, честно, с беспристрастием, но вместе с тем и со строгостью художника, вывести на сцену короля, священника, вельможу, средние века, историю, прошлое. Мешала цензура, снисходительная к написанным в духе господствующей школы и исполненным условностей произведениям, которые всё прикрашивают и, следовательно, всё искажают, безжалостная к истинному искусству, добросовестному и искреннему. Можно с трудом насчитать несколько исключений; всего три-четыре подлинно исторических и драматических произведения смогли проскользнуть на сцену в те редкие моменты, когда полиция, занятая в другом месте, оставляла ее дверь приоткрытой. Так цензура не пропускала искусство в театр. Видок преграждал путь Корнелю. А ведь цензура была неотъемлемой частью Реставрации: одна не могла исчезнуть без другой. Должна была, следовательно, совершиться социальная революция, чтобы могла произойти революция искусства. Когда-нибудь июль 1830 года будет признан датой столько же литературной, как и политической. Теперь искусство свободно: от него зависит оставаться достойным.

Прибавим в заключение, что публика — так оно должно быть, и так оно и есть — никогда не была лучше, просвещеннее и серьезнее, чем в настоящее время. Революции хороши тем, что они способствуют быстрому — и одновременному и всестороннему — созреванию умов. В такое время, как наше, инстинкт масс через два года становится господствующим вкусом. Жалкие, бывшие предметом споров слова «классический» и «романтический» канули в бездну 1830 года, как «глюкист» и «пиччинист» исчезли в пучине 1789 года. Осталось только искусство. Художника, изучающего публику, — а ее надо непрестанно изучать, — очень поощряет то, что в массах с каждым днем развивается все более серьезное и глубокое понимание того, что соответствует данному веку, не только в политике, но и в литературе. Отрадно видеть, как эта публика, обремененная множеством материальных забот, которые ее беспрестанно мучают и угнетают, толпой стекается смотреть первые произведения возрождающегося искусства, даже если они так несовершенны и полны недостатков, как это. Чувствуется, что она внимательна, проникнута симпатией и полна доброй воли, независимо от того, преподносят ли ей в исторической пьесе уроки прошлого, или поучают ее в драме страстей вечным истинам. Несомненно, не было еще, на наш взгляд, более благоприятного момента для драмы. Настало, думается нам, время для того, кого бог одарил гениальностью, создать целый театр, обширный и простой, единый и разнообразный, национальный по историческим сюжетам, народный по своей правдивости, человечный, непринужденный и всеобъемлющий по изображению страстей. За работу, драматурги! Эта работа прекрасна, она почетна. Вы имеете дело с великим народом, привыкшим к великим деяниям. Он видел их и совершал их сам.

Огромное расстояние отделяет нынешний век от веков минувших. Теперь театр может потрясти массы и всколыхнуть их до самого основания. Прежде народ был гигантской стеной, на которой искусство чертило лишь фреску.

Есть люди, и в том числе возвышенного ума, которые говорят, что поэзия умерла, что искусство невозможно. Почему? Все всегда возможно во все времена, и в такое время, в какое мы живем, возможно больше вещей, чем

когда-либо. Поистине можно ожидать всего хорошего от этих новых поколений, которые призывает такое велико-
лепное будущее, одушевляет такой высокий замысел, под-
держивает такая законная вера в самих себя. Автор этой
драмы, гордящийся тем, что он принадлежит к ним, и
счастливый тем, что он слышал порою в их устах свое
имя, хотя он и занимает среди них самое скромное место,
автор этой драмы ждет всего от своих молодых современ-
ников — даже великого поэта. Пусть этот еще скрытый
гений, если он существует, не позволяет тем, кто жалуется
на бесплодие, сухость и прозаизм нашего времени, ли-
шить его мужества. Слишком зрелая эпоха? Невозможен
самобытный гений? Не слушай их, юноша! Если бы кто-
нибудь сказал в конце XVIII века, после времен Регент-
ства, Вольтера, Бомарше, Людовика XV, Калиостро и Ма-
рата, что еще возможны Карлы Великие, грандиозные,
поэтические и почти сказочные Карлы Великие, — все
скептики того времени — то есть все общество — пожали
бы плечами и рассмеялись. И что же! В начале XIX века
у нас были император и империя. Почему бы теперь не ро-
диться поэту, который был бы по сравнению с Шекспиром
тем, чем Наполеон является по сравнению с Карлом Ве-
ликим?

Август 1831

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Марьон Делорм.

Дидье.

Людовик XIII.

Маркиз де Саверни.

Маркиз де Нанжи.

Ланжели.

Де Лафемас.

Герцог де Бельгард

Маркиз де Бришанто

Граф де Гассе

Виконт де Бушаванн

Шевалье де Рошбарон

Граф де Виллак

Шевалье де Монпеза

Аббат де Гонди.

Граф де Шарнасе.

Скарамуш

Грасье

Тайбра

Советник при Верховном суде.

Глашатай.

Начальник стражи города Блуа.

Тюремщик.

Писец.

Палач.

Первый рабочий.

Второй рабочий.

Третий рабочий.

Слуга.

Роза.

} офицеры Анжуйского
полка.

} бродячие комедианты.

Провинциальные комедианты, стражники, народ, дворяне, пажы.

Франция.— 1638.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СВИДАНИЕ

Блуа

Спальня В глубине окно, открытое на балкон Направо стол со свечой
и кресло Налево дверь с вышитой занавеской Кровать в полумраке.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Марьон Делорм, в нарядном домашнем платье, вышивает у
стола; маркиз де Саверни, белокурый безусый юноша, одет
по последней моде 1638 года.

Саверни

(приближаясь к Марьон и пытаясь ее поцеловать)

Ну, помирись скорей со мной, моя Марьетта!

Марьон

(отталкивая его)

Лишь издали, маркиз, согласна я на это.

Саверни

(настойчиво)

Ну, поцелуй!

Марьон
(с гневом)

Маркиз!

Саверни

За что же гнев такой?
Со мной бывали вы, Марьон, совсем другой.

Марьон

Вы забываете...

Саверни

Нет, вспоминаю сладко.

Марьон
(в сторону)

Какой назойливый!

Саверни

Марьон, что за загадка?
Что думать нам о том, зачем и почему
Вы променяли блеск на здешнюю тюрьму? —
Меж тем как там по ней уже скучает Сена,
Она сидит в Блуа. Уж это ль не измена?
Никто не знает, что здесь делает она.

Марьон

Я делаю все то, что делать я должна.
Свободна я, маркиз.

Саверни

Свободны, безусловно,
Нам душу иссушив истомою любовной.
А как же я теперь? И де Гонди — на час
Он мессу задержал и дрался из-за вас?
Несмон, Ле-Прессиньи, д'Аркьен, Коссады оба?
В Париже без тебя всех их сжигает злоба,
И даже жены их, чтобы смягчить мужей,
Тебя вернуть в Париж хотели бы скорей.

Марьон
(улыбаясь)

А Бовилен?

С а в е р н и

Влюблен.

М а р ь о н

А как с Серестом дело?

С а в е р н и

Он обожает вас.

М а р ь о н

А Понс?

С а в е р н и

Клянет вас смело.

М а р ь о н

Из всех лишь он влюблен. — А прокурор старик...

(смеясь)

Ну, как его?..

(смеясь громче)

Лелу!

С а в е р н и

Он ждет вас каждый миг,

Он ваш портрет хранит, и что ни день — то ода.

М а р ь о н

Он с образом моим в душе провел два года.

С а в е р н и

Он на костер бы вас послал! — Молю открыть,
Зачем вы бросили всех нас?

М а р ь о н

(строго, опуская глаза)

Ну, так и быть,

Могу вам сообщить причину поворота
Произошедшего. Блестящее болото,
Где погрязала я, позором и грехом
Мне показалось вдруг. Затвором и постом
Решила искупить я эти прегрешенья.

С а в е р н и

Бьюсь об заклад, что здесь таится увлечение!

М а р ь о н

И вы подумали...

С а в е р н и

Что вижу в первый раз

Я у затворницы сиянье нежных глаз.

Марьон! Любовь в глуши! Звучит немного странно

Такой простой конец роскошного романа.

М а р ь о н

Любви здесь нет.

С а в е р н и

Любовь!

М а р ь о н

Теперь который час?

Р о з а

(за сценой)

Уж полночь скоро.

М а р ь о н

Что?

С а в е р н и

Чтоб я ушел сейчас?

Хитрите вы, Марьон!

М а р ь о н

Я здесь одна, не ~~знаю~~

Я ни души в Блуа. Друзей не ~~принято~~...

К тому же в темноте и в этот поздний ~~час~~

На нашей улице ограбить могут вас.

С а в е р н и

Пусть!

М а р ь о н

Могут вас убить. Здесь в темноте пустыня.

С а в е р н и

Отлично, пусть убьют.

М а р ь о н

Но...

С а в е р н и

Вы моя богиня!

Я покидаю вас, но знать хочу — кто он,
Тот милый пастушок, что вас пленил, Марьон.

М а р ь о н

Никто.

С а в е р н и

Марьон, пусть мы задиры, забияки,
Что нам доверено — в могильном скрыто мраке.
Посплетничать порой придворным любо, но
Что тайна — то у нас в душе схоронено.
Молчите?

(Садится.)

Остаюсь.

М а р ь о н

Что ж! Тайну вам открою.
Да, я люблю и жду.

С а в е р н и

Вот видите, что злою
Не надо быть. Куда ж прелестник ваш придет?

М а р ь о н

Сюда.

С а в е р н и

Когда?

М а р ь о н

Сейчас.

(Идет к балкону и слушает.)

И, вероятно, вот...

(Возвращается обратно.)

Нет.

(К Саверни)

Рады вы?

Саверни

Я? Нет!

Марьон

Уйдите, бога ради...

Саверни

Уйду. Но кто мне путь закрыл к моей отраде?
Из-за кого меня отсюда гонят вон?

Марьон

Я знаю лишь одно: Дидье зовется он;
Меня зовут Мари — он только это знает...

Саверни
(хохоча)

Как!

Марьон

Да.

Саверни
(смеясь)

Так пастораль и в наши дни бывает?
Такую дружбу нам Ракан изображал.
Он влезет по стене, ваш светлый идеал?

Марьон

Быть может. Но теперь идите без отсрочек.

(В сторону)

Сил нет!

Саверни
(снова делаясь серьезным)

Он дворянин — проворный ваш дружочек?..

Марьон

Не знаю ничего.

С а в е р н и

Как?

(К Марьон, которая тихонько подталкивает его к двери)

Ухожу!

(Возвращается.)

Ах, да!

Я от поэта дар привез с собой сюда.

(Вынимает из кармана книгу и передает ее Марьон.)

Он посвятил вам том и стал знаком со славой.

М а р ь о н

(читает заглавие)

«Гирлянда нежностей — Марьон Делорм лукавой»...

С а в е р н и

О книге говорят, велик ее успех.

Она да «Сид» еще уже затмили всех.

М а р ь о н

(беря книгу)

Любезен автор наш.

С а в е р н и

Как тщетно славы бремя!

Ей с парнем из Блуа ночное сладко время.

М а р ь о н

Проводит Роза вас. Прощайте же, маркиз!

С а в е р н и

(откланиваясь)

Увы, Марьон, Марьон! Вы покатились вниз.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Марьон, потом Дидье.

Марьон

(одна; закрывает дверь, в которую вышел Саверни)

Иди ж!.. Я за Дидье боялась.

Слышно, как бьет полночь.

Звон полночный!

(Считает бой часов.)

Он был бы здесь уже, когда б явился точно.

(Идет на балкон и смотрит на улицу.)

Нет...

(Возвращается раздосадованная и опускается в кресло.)

Опоздал! Уже!

На балконе появляется молодой человек. Он ловко перепрыгивает через перила, входит в комнату и кладет на кресло плащ и короткую шпагу. Одет по моде того времени, весь в черном. Полусапожки. Делает шаг и несколько мгновений смотрит на Марьон, сидящую с опущенными глазами.

Ах!

(С упреком)

Скучен счет минут,

Когда так долго ждешь!..

Дидье

(строго)

Я, не входя, был тут.

(Показывает на окно.)

Марьон

(обиженно)

Как, сударь?

Дидье

(не обращая на это внимания)

Подходя сегодня ночью к дому,
И состраданье к вам и смертную истому

Я чувствовал — почти что до потери сил.
И вот что я в душе моей произносил:
«Там в добродетели и в красоте высокой
Мой ангел бодрствует, не ведая порока,
Такое существо, пред кем на всех путях
Молиться следует и повергаться в прах.
А я... увы! кто я? Как червь, ползу с толпою.
Зачем я гладь реки зеркальной беспокою,
Срывая лилию? Дыханием своим
Мне ль омрачать тебя, небесный серафим?
И так как в чистоте она мне доверяла,
Она в моих глазах еще святее стала.
Имею ль право я принять любовь ее,
С днем беззакатным слив безумие мое?»

Марьон
(в сторону)

Он это почерпнул в истории священной...
А вдруг он гугенот?

Дидье

Но магией блаженной
Звук нежный ваших слов меня во тьме обрел,
Сомненья разогнал и к вам сюда привел.

Марьон

Как, разве голос мой был слышен?.. Неужели?..

Дидье

И с ним другой звучал...

Марьон
(живо)

Служанки. В самом деле,
Ведь голос у нее и громкий, и глухой,
И на мужской похож. Но так как вы со мной,
Я больше не сержусь. Сюда садитесь, милый.
(Указывает ему на место подле себя.)

Дидье

О нет, у ваших ног!
(Садится на табурет у ног Марьон и глядит на нее
в немом восхищении.)

И повести унылой
Внемлите. Я Дидье. Безродный, я не знал
Моих родителей. Подкидыш, я лежал
На темной паперти, и доброю рукою
Старушка приняла к себе дитя чужое.
По-христиански я воспитан ею был
И после от нее в наследство получил
Немного денег — мой теперешний достаток.
Я был так одинок, и путь мой не был сладок.
Я путешествовал — и я людей узнал.
Одних я невзлюбил, а прочих презирал —
Затем, что я читал на лицах сих созданий
Страницы гордости иль низменных страданий.
И пусть вам кажется, что говорит юнец, —
Я стар уже, как тот, кому грозит конец.
На что я ни наткнусь, все душу ранит больно;
От мира я устал, с меня людей довольно!
Вот так я жил один, без счастья, без огня,
Когда вы подошли, утешили меня.
О, я не знаю вас! Вы вечером, в июле,
В парижской улице передо мной мелькнули...
Затем последовал ряд мимолетных встреч,
Всегда сиял ваш взор и грела ваша речь.
Любви страшился я, и я бежал оттуда —
И здесь вас нахожу, как ангела, как чудо.
Любовью раненный, истерзан, весь в огне,
Я душу вам открыл — вы разрешили мне.
Располагайте мной. Иной не знаю цели —
Все сделаю для вас, чего б ни захотели,
И с каждой прихотью согласен наперед.
Кто докучает вам? Мари, пред вами тот,
Кто, слова не сказав, простится с жизнью зыбкой,
Всю кровь свою отдаст за милую улыбку!
Угодно ль это вам? Ответьте, я молю.

М а рь о н
(улыбаясь)

Да, странный вы... Но я вас и таким люблю.

Д и дь е

Мари, нельзя шутить, о друг мой несравненный,
Словами этими — они навек священы.

Вы любите меня? Известна ль вам любовь,
Что превращается в наш день, и в ночь, и в кровь,
Чем дольше скрытая, тем огненной сияет,
И пламенем своим нам душу очищает,
И в глубине сердец, куда мы прячем их,
Сжигает призраки других страстей земных;
Любовь, что ни надежд не знает, ни предела,
Но все перенести, все вытерпеть умела?
Вы о такой любви здесь говорили?

М а р ь о н
(растроганно)

Да...

Д и д ь е

О, вы не знаете, что ваш я навсегда.
С дня встречи нашей жизнь мечты озолотили,
И милые глаза мне в темноте светили.
Все изменилось вдруг. Теперь вы предо мной,
Как дух неведомый, небесный вестник мой.
Ту жизнь, где я стонал глубоко, безысходно,
Теперь увидел я прекрасной и свободной,
Затем, что я до вас блуждал, был одинок,
Боролся и страдал, но счастлив быть не мог.

М а р ь о н

О мой Дидье!

Д и д ь е

Мари!

М а р ь о н

Я вас люблю, мой милый!
Люблю — как вы меня, с такой же страстной силой.
Нет, больше, может быть. Я вам обречена,
Я вас везде ищу...

Д и д ь е
(падает на колени)

О, как мне ложь страшна!
Но если на мою твою любовь ответит,
Счастливец равного никто нигде не встретит!

В сиянье никогда не меркнувшего дня
Прильну к ногам твоим. Не обмани меня!

М а р ь о н

Чтоб вы поверили, — что надо, друг бесценный?

Д и д ь е

О, доказательство!

М а р ь о н

Какое?

Д и д ь е

Несомненно,

Свободны вы?

М а р ь о н

(в замешательстве)

Я?.. Да...

Д и д ь е

О, будьте мне женой!

Лелеять стану вас.

М а р ь о н

(в сторону)

Не быть ему со мной!..

Д и д ь е

Так что же?

М а р ь о н

Но...

Д и д ь е

Теперь мне все понятно стало.
Я беден. Речь моя, как дерзость, прозвучала.
Оставьте же мне мрак печального пути, —
Прощайте!

(Делает шаг, чтобы уйти, Марьон удерживает его.)

М а р ь о н

Ах, Дидье, как можно так!..

(Плачет.)

Д и д ь е

(возвращаясь)

Прости.

К чему ж сомнения?

(Приближаясь к ней)

Ты знаешь, дорогая,
Мы друг для друга мир, и родина святая,
И небеса! Уйти, укрыться от людей
И вместе быть — стократ счастливей королей!..

М а р ь о н

Ах, это был бы рай!

Д и д ь е

Так хочешь?

М а р ь о н

(в сторону)

Я несчастна!

(Громко)

Я не могу, о нет!

(Вырывается из объятий Дидье и падает в кресло.)

Д и д ь е

(ледяным тоном)

Конечно, я напрасно
Вам это предложил. Не оплошаю вновь.
Довольно!

М а р ь о н

(в сторону)

Проклят день, когда пришла любовь!

(Громко)

Вы душу мне своим упреком разорвали.
Я все вам объясню...

Д и д ь е
(холодно)

Что вы сейчас читали?
(Берет книгу со стола и читает)

«Гирлянда нежностей — Марьон Делорм...» Вот смел!
(Горько)

Стихи к прелестнице, что нынче манит всех!
(Бросает книгу на пол.)

О, мерзостная тварь, подлее всех на свете!

М а р ь о н
(дрожа)

Ах, что вы!..

Д и д ь е
Для чего нужны вам книги эти?
И здесь они зачем!

М а р ь о н
(неуверенно, опуская глаза)
Случайно...

Д и д ь е
Так узнай,
Ты, чей безгрешен взор и чье лицо — как рай!
Ты знаешь ли, Мари, что за Марьон такая?
Красавица она, но сердцем ведьма злая:
То Фрина, что свою прославленную плоть
Повсюду продает.

М а р ь о н
(закрыв лицо руками)

Прости меня господь!

Шум шагов, звон оружия и крики за сценой.

Г о л о с н а у л и ц е
Спасите!

Д и д ь е
(удивленно)

Что за шум? На помощь призывают?

Крики продолжаются.

Г о л о с н а у л и ц е

О, помогите мне!

Д и д ь е
(смотрит с балкона)

Кого-то убивают!

*(Хватает шпагу и уже заносит ногу над балконной
решеткой, чтобы прыгнуть.)*

Марьон встает с кресла, бежит за ним и пытается удержать
его за край одежды.

М а р ь о н

Дидье, вас там убьют!.. Останьтесь, милый мой!..

Д и д ь е
(прыгает на улицу)

Тогда его убьют, беднягу!..

(Кричит за сценой)

Тише!.. Стой!.. —

Держитесь, сударь!..

Бряцанье шпаг.

Ты, мерзавец! Получай-ка!..

Звон оружия, шум голосов, топот ног.

М а р ь о н
(на балконе, в ужасе)

О небо!..

Г о л о с н а у л и ц е

Суший чорт! Пропала наша шайка!..

Звон оружия постепенно затихает, затем прекращается. Шум удаляю-
щихся шагов. Дидье снова взбирается на балкон.

Д и д ь е

(еще за перилами балкона, лицом к улице)

Теперь свободен путь. Пора идти домой!

С а в е р н и

(за сценой)

О нет, я не уйду отсюда, сударь мой,
Вам руку не пожав.

Д и д ь е

(с досадой)

Идти скорее надо!

А благодарность мне — ненужная награда.

С а в е р н и

(взбирается на балкон)

Хочу благодарить!

Д и д ь е

Не к месту эта прыть!

И снизу вы могли меня благодарить.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марьон, Дидье, Саверни.

С а в е р н и

(прыгая через окно в комнату, со шпагой в руке)

Ах, сударь, чорт возьми, да вы чрезмерно строги!
Спасти мне этак жизнь и скрыться на пороге... —
Простите, за окном! — Вот это шутка! Нет!
Не скажет никогда, однако, строгий свет,
Что, если Саверни в такой беде спасают,
Он не сказал: «Маркиз...» — как дальше называют
Вас, сударь мой?

Д и д ь е

Дидье.

С а в е р н и

А дальше как?

Д и д ь е

Никак.

На вас напали? Да. Я спас вас, это так.
Теперь идите прочь.

С а в е р н и

Вы слишком, сударь, скоры.

Уж лучше бы меня внизу убили воры.

Мне — слушать дерзости? Но, честью клянусь,

Без вас я был бы мертв, признаться не боюсь.

Мертв! К сердцу моему стремились шесть кинжалов.

(Увидев Марьон, которая до тех пор старалась остаться незамеченной)

Но ваше сердце здесь от счастья дрожало,

Я понимаю... Я свиданью помешал.

Простите.

(В сторону)

Хороша ль?

(Приближается к дрожащей Марьон и узнает ее; тихо)

О, я ее узнал!

(Показывая на Дидье)

Так это ваш дружок?

М а р ь о н

(тихо)

О, не губите!..

С а в е р н и

(кланяясь)

Смею ль?..

М а р ь о н

(тихо)

Я в первый раз люблю.

Д и д ь е
(в сторону)

Клянусь душой моею,
Он смотрит на нее, как записной нахал!
(Опрокидывает свечу ударом кулака.)

С а в е р н и
Вы погасили свет?

Д и д ь е
Я этим показал,
Что надобно отсель обоим удалиться.

С а в е р н и
Идем.
(К Марьон, которой он низко кланяется)
Сударыня, прощайте.

Д и д ь е
(в сторону)
С кем сравнится
Хлыщ этот?
(К Саверни)
Ну, пойдем!

С а в е р н и
Вы, сударь, грубы, но
Вы жизнь мою спасли, и я скажу одно:
Вам предан, верен вам и всех друзей вам ближе
Маркиз де Саверни, отель де Нэль, в Париже.

Д и д ь е
Пусть так!
(В сторону)

Как он смотрел! Я зол, как никогда!
Они выходят через балкон. Слышен голос Дидье за сценой:
Туда лежит ваш путь, а я пойду сюда.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марьон, Роза.

Марьон на мгновение задумывается, затем зовет служанку.

Марьон

Ну, Роза...

Входит Роза. Марьон показывает ей на окно.

Затвори.

Роза

(закрыв окно, обернулась и видит, что Марьон оттирает слезу; в сторону)

Она как будто плачет.

(Громко)

Сударыня, пора ложиться.

Марьон

Это значит —

Пора ложиться вам.

(Распускает волосы.)

Ну, помоги мне.

Роза

(раздевая ее)

Что ж,

Сегодняшний ваш гость, сударыня, хорош?
Богат?

Марьон

Нет.

Роза

Смел?

Марьон

О нет: ушел он, не целуя

Руки моей!

Роза

Так что ж вы с ним?

Марьон

Его люблю я.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ВСТРЕЧА

Блуа

У входа в харчевню Площадь В глубине панорама города Блуа, холм, усеянный домами, башни собора св. Николая.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Граф де Гассе, маркиз де Бришанто, виконт де Бушаванн, шевалье де Рошбарон. Они сидят за столиками перед дверью харчевни; одни курят, другие играют в кости и пьют. Затем — шевалье де Монпеза и граф де Виллак, затем — Ланжели, затем — глашатай и толпа.

Б р и ш а н т о

(вставая, к Гассе, который входит)

Гассе!

Пожимают друг другу руки.

Вернулся в полк, в Блуа? Наш гарнизон

(кланяется ему)

Спешит поздравить вас с днем ваших похорон.

(Разглядывает его наряд.)

Ах!

Г а с с е

Модно нынче так. Все желто, банты сини.

(Скрещивая руки на груди и закручивая усы)

Хоть под боком Париж, живем мы, как в пустыне,
Томясь.

Б р и ш а н т о

Да, здесь Китай!

Г а с с е

Вот отчего навряд
Красотки к нам сюда приехать захотят.

Б у ш а в а н н

(прерывая игру)

Вы из Парижа, граф?

Р о ш б а р о н

(вынимая изо рта трубку)

А там какие вести?

Г а с с е

(кланяясь)

Да никаких. Корнель добился высшей чести.
Аст — герцог. Вообще, до чорта пустяков!
Десятками казнят у нас еретиков.
Дуэли: третьего д'Анжен с д'Аркьеном бились
За то, что кружева кому-то невзлюбились,
А Лаварди и Понс — десятого числа
За то, что с Понсом в ночь жена Сурди ушла;
А сам Сурди с д'Альи за диву из театра
Де Мондори; а там Ножан кромсал Лашатра
Девятого числа за пустячок в стихах.
А Горд и Маргальян — за время на часах;
Д'Юмер и де Гонди — те по церковной части;
Из-за окраски пса или кобыльей масти
Субизов вызвали все братья де Бриссак;
Коссад и Латурнель — ну, эти просто так,
Чтобы потешиться, — и Латурнель в могиле.

Б р и ш а н т о

О, как счастлив Париж! Дуэли снова в силе.

Г а с с е

Так модно!

Б р и ш а н т о

Там любовь, дуэли и пиры.

Возможно жить лишь там, вдали от сей дыры.

(Зевая)

А здесь зачали мы, нам скука горше ада.

(К Гассе)

Так, значит, Латурнель пал жертвою Коссада?

Г а с с е

Разит он мастерски.

(Рассматривает рукава Рошбарона.)

Да что вы, милый друг!

Совсем не так одет теперь хороший круг.

И пуговики носить, по чести, так не ново, —

Но банты с лентами!

Б р и ш а н т о

Нам перечисли снова

Дуэли. Что король — рассержен?

Г а с с е

Кардинал

Взбешен и прекратить бесчинства приказал.

Б у ш а в а н н

А есть ли новости с войны?

Г а с с е

Не то мы сами

Оставили Фигьер, не то он занят нами.

(Подумав)

Нет, мы оставили.

Р о ш б а р о н

А что, узнав, сказал

Король?

Г а с с е

Был в ярости великой кардинал.

Б р и ш а н т о

Что слышно при дворе? Король здоров, наверно?

Г а с с е

Хворает кардинал, с ним дело вовсе скверно;
Носилки он завел.

Б р и ш а н т о

Ты что-то странным стал.

Тебе о короле, а ты все — кардинал!

Г а с с е

Так модно.

Б у ш а в а н н

Новостей, как видно, нет.

Г а с с е

Да что я!

Как так нет новостей? Есть чудо, да какое!
Оно два месяца Париж волнует весь.
О бегстве без следа иль об отъезде весть...

Б р и ш а н т о

О чем?

Г а с с е

Марьон Делорм, что дивной красотою
Затмила всех подруг.

Б р и ш а н т о

(с таинственным видом)

Тебе секрет открою:

Красотка здесь.

Г а с с е

В Блуа?

Б р и ш а н т о

Представь, инкогнито!

Г а с с е

(пожимая плечами)

Марьон? Да ты шутник, мой милый Бришанто!
Она, владычица капризной нашей моды?
Столица и Блуа — конечно, антиподы.
Здесь ветхо все, и все имеет жалкий вид.

(Показывая на башни собора св. Николая)

И колоколенка не к месту здесь торчит.

Р о ш б а р о н

Конечно.

Б р и ш а н т о

Саверни за ней прокрался следом.
С ней и любовник тут — он никому не ведом,
Но от разбойников спас ночью Саверни;
За шиворот его собрались взять они,
Чтоб золотом его с долгами рассчитаться
И по его часам о времени справляться.

Г а с с е

Вот так история!

Р о ш б а р о н

А правда в этом есть?

Б р и ш а н т о

Как в том, что у меня в гербе безанов шесть!
И бедный Саверни теперь повсюду рыщет
И спасшего его неутомимо ищет.

Б у ш а в а н н

А почему же он Марьон не спросит?

Б р и ш а н т о

Нет!

Пустует дом ее, потерян всякий след!

Марьон и Дидье медленно проходят в глубине сцены, не замечаемые собеседниками, и входят в маленькую дверь одного из боковых домов.

Г а с с е

Так надо было мне сюда, в Блуа, вернуться,
Чтоб с дивною Марьон в провинции столкнуться!

Входят де Виллак и де Монпеза, громко о чем-то споря.

В и л л а к

Я утверждаю — да!

М о н п е з а

Я утверждаю — нет!

В и л л а к

Корнель твой нехорош.

М о н п е з а

Он истинный поэт!
И, словом, он творец и «Сида» и «Мелиты».

В и л л а к

«Мелита» хороша, но плох твой «Сид», пойми ты!
И, сочинив его, Корнель совсем упал,
Как, впрочем, все они, что б ты ни утверждал,
«Мелита» — может быть, пожалуй, «Галлерей
Дворцовая», но «Сид» — нелепая затея!

Г а с с е
(к Монпеза)

О, как вы сдержанны!

М о н п е з а

«Сид» — чудо!

В и л л а к

Нет, он плох!

И Скюдери его шутя прикончить мог.
И что за слог, скажи, — там странности повсюду,
Я пошlostей его перечислять не буду.
И любит называть он все по именам, —
И непристойен «Сид» и неприятен нам.
Герой там женится — скажите, в чем же драма?
А «Брадаманту» ты читал? Читал «Пирама»?
Такого ничего в твоём Корнеле нет.

Р о ш б а р о н

«Великий Сулейман» прочесть даю совет,
Трагедию Мере — вот кто велик и славен!
Но «Сид»!..

В и л л а к

Корнель в душе и дерзок и тщеславен.
Не мнит ли сделаться он как Буаробер,
Как Шапелен, Мере, как Серизе, Абер?
Сравниться хочет он с Фаре, Жири, Мальвилем,
Дюрье и Шеризи, Кольте и Гомбервилем,
Всей Академией высокой.

Б р и ш а н т о

(иронически смеясь и пожимая плечами)

Вот вы как!

В и л л а к

Творить он захотел и сочинять. Дурак!
Творить после Гарнье и после Теофиля,
После Арди!.. Нахал! Творить! О простофиля!
Как будто гении, подобные всем им,
Хоть что-нибудь еще оставили другим!
Но Шапелен уже столкнул его с Парнаса.

Р о ш б а р о н

Бездельник ваш Корнель.

Б у ш а в а н н

Но мне епископ Грасса,
Годо, рассказывал, что он весьма умен.

М о н п е з а

Весьма.

В и л л а к

Тогда б писал не так, как пишет он, —
По Аристотелю, по правильной методе...

Г а с с е

Уймитесь, господа! Корнель сегодня в моде,
И он сменил Гарнье, как на глазах у нас
Широкополый фетр уже сменил атлас.

М о н п е з а

Корнеля я люблю, и я поклонник фетра.

Г а с с е
(к Монпеза)

Ну и хватил же ты!

(К Виллаку)

Я чту Гарнье как мэтра,
Но и Корнель не плох.

В и л л а к
Согласен я с тобой.

Р о ш б а р о н
Согласен — это ум и светлый и большой.

Б р и ш а н т о
Но этот ваш Корнель — ведь он совсем не знатен.

Р о ш б а р о н
Мещанства в имени мне запах неприятен.

Б у ш а в а н н
Да и отец его был мелкий адвокат,
Что наскребал гроши, когда скоблил дукат.

Входит Л а н ж е л и и молча садится один за столик. На нем черный
бархатный костюм с золотыми блестками.

В и л л а к
Но если вас Корнель чарует, утешает, —
Трагикомедии высокий жанр ветшает.
Театр совсем заглох из-за жестоких мер,
Что этот Ришелье...

Г а с с е
(искоса глядя на Ланжели)

Скажите: монсеньер,
Иль не кричите так.

Б р и ш а н т о

А, к чорту кардинала!
Ужель ему солдат, казны и власти мало?
Свободно всей страной он управлять привык, —
Так хочет наш держать на привязи язык!

Б у ш а в а н н

Так смерть же Ришелье! Он льстит и убивает!
Под красной мантией кровь на руках скрывает!

Р о ш б а р о н

К чему тогда король?

Б р и ш а н т о

Народ идет в ночи
И видит вдалеке мерцание свечи:
Тот светоч — кардинал, король — фонарь, хранящий
От ветра за стеклом огонь его дрожащий.

Б у ш а в а н н

О, пусть же, наконец, прекрасный день придет
И ветром наших шпаг погасит светоч тот.

Р о ш б а р о н

Ах! Думали бы все, как я, о кардинале!..

Б р и ш а н т о

Соединимся мы.

(К Бушаванну)

Ты против нас едва ли?

Б у ш а в а н н

Готовым к действию из нас быть должен всяк.

Л а н ж е л и

(встав, зловещим голосом)

Что? Заговор? Забыт, как видно, Марильяк!

Все вздрагивают, оглядываются и замолкают, пораженные, устремив
глаза на Ланжели, который снова молча садится.

В и л л а к

(отводя Монпеза в сторону)

Когда ты говорил со мною о Корнеле,
Был тон твой грубоват и резок в самом деле.
Хотелось бы и мне, — ты хочешь или нет, —
Сказать...

М о н п е з а

На шпагах?

В и л л а к

Да.

М о н п е з а

Не лучше ль пистолет?

В и л л а к

То и другое — да.

М о н п е з а

(беря его под руку)

Поищем места, или...

Л а н ж е л и

(вставая)

Дуэль! Забыли вы о графе Бугенвиле.

Снова смятение среди присутствующих. В и л л а к и М о н п е з а расходятся в разные стороны, пристально глядя на Ланжели.

Р о ш б а р о н

Кто этот, в черном весь и страшный, бродит тут?

Л а н ж е л и

Зовусь я Ланжели. Я королевский шут.

Б р и ш а н т о

(смеясь)

Я больше не дивлюсь, что двор в глубоком горе.

Б у ш а в а н н

Весьма забавный шут у кардинала в своре!

Л а н ж е л и
(стоя)

Потише, господа. Всесилен кардинал
И косит широко, лить кровь он не устал.
Он покрывает все багровою сутаной, —
И кончено.

Молчание.

Г а с с е

Фу, чорт!

Р о ш б а р о н

Я бунтовать не стану.

Б р и ш а н т о

В сравненье с ним Плутон — невиннейший шутник.

Из улиц и домов высыпает толпа народу и заполняет площадь; по-
среди толпы — конный глашатай, окруженный четырьмя служителями
мэрии, из которых один трубит, а другой бьет в барабан.

Г а с с е

Откуда здесь народ, и почему возник
Глашатай? Этот что еще наврет рассказчик?

Б р и ш а н т о

*(затесавшемуся в толпу фигляру, за спиной у которого
сидит обезьянка)*

Друг, кто здесь чудище и кто ~~ого~~ показчик?

М о н п е з а
(к Рошбарону)

Взгляни-ка, Рошбарон, валеты из колод!

*(Показывая на четырех служителей мэрии, одетых
в ливреи)*

Уж не из нашей ли сбежал весь этот сброд?

Г л а ш а т а й
(гнузавым голосом)

Молчанье, граждане!

Б р и ш а н т о
(тихо, к Гассе)

О, что за вид позорный!
Звук через нос летит, гнусавый и тлетворный...

Г л а ш а т а й
«Мы, божьей милостью, Людовик...»

Б у ш а в а н н
(тихо, к Бришанто)

Так сказал
Бурбонской мантией прикрытый кардинал!

Л а н ж е л и
Вниманье!

Г л а ш а т а й
(продолжая)
«...Франции король, король Наварры...»

Б р и ш а н т о
(тихо, Бушаванну)

Красивых титулов министр защитник ярый.

Г л а ш а т а й
(продолжая)
«...Всем, кто прочтет сие, монарший наш привет!»
(Кланяется.)

«Затем, что короли в течение долгих лет
Стремились карами искоренить дуэли,
Но нарушители закона всё смелели,
И меры взятые зла не могли пресечь, —
К любезным подданным мы обращаем речь:
Отныне каждый, кто подрался на дуэли
(Остался ль жив один иль оба уцелели),
В тюрьму быть должен взят, судим, приговорен
И — дворянин иль смерд — повешеньем казнен.
И ни один из тех, кого наш суд осудит,
Монаршей властью помилован не будет.
Так повелели мы. Людовик. И Арман
Де Ришелье».

Негодование среди дворян.

Б р и ш а н т о

К в о р а м причислил он дворян!

Б у ш а в а н н

Нас вешать!.. А скажи, как город тот зовется,
В котором для дворян веревочка найдется?

Г л а ш а т а й

(продолжая)

«Приказываю я, — чтоб знали все его, —
Указ сей выставить на площади. Прево».

Двое служителей мэрии прикрепляют большую доску с указом к железному брусу, торчащему из стены дома направо.

Г а с с е

Я рад, что сам указ, по крайности, повешен.

Б у ш а в а н н

(кивая головой)

Да, граф, и ждет того, кто в авторстве замешан.

Г л а ш а т а й удаляется. Народ расходится. Входит Саверни.
Смеркается.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Т е ж е и маркиз де Саверни.

Б р и ш а н т о

(идя навстречу Саверни)

А, братец Саверни! Ну что ж, ты разыскал
Того, кто от воров тебя во тьме спасал?

С а в е р н и

Я город обыскал, не ведая покоя:
Ни дамы, ни воров, ни юного героя...
Исчезло это все, как лживый сон, увы!

Б р и ш а н т о

Но видел ты его, когда вернулись вы,
Прогнав разбойников, и миг опасный минул?

С а в е р н и

Нет. Сразу он свечу зачем-то опрокинул.

Г а с с е

Как странно!

Б р и ш а н т о

Но узнать ты мог бы храбреца
При встрече?

С а в е р н и

Нет, его не видел я лица.

Б р и ш а н т о

Как звать его?

С а в е р н и

Дидье.

Р о ш б а р о н

Но имя дворянина
Не может так звучать.

С а в е р н и

Нет, имя — не причина.
И многие из тех, чей древен блеск имен,
Пред ним ничто. Само великодушье он!
Я был в руках воров, и никого с ним, кроме
Красотки, не было. Он спас меня. Огромен
Мой долг. Я заплачу — мне иначе позор! —
Всей кровию моей.

В и л л а к

Маркиз, с каких же пор
Вы платите долги?

С а в е р н и
(гордо)

Я вам скажу на это:
Я кровью их плачу, она — моя монета.

Совсем стемнело. Окна домов освещаются одно за другим. Входит фонарщик, зажигает фонарь над доской с указом и уходит. Маленькая дверь, в которую вошли Марьон и Дидье, открывается. Выходит Дидье в глубокой задумчивости; он идет медленными шагами, скрестив руки на груди.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Дидье.

Дидье
(медленно приближаясь и оставаясь незамеченным
другими)

Маркиз де Саверни!.. О, как бы я хотел
Вновь встретить пошляка, что на Мари глядел.
Я наглость не прощу.

Бушаванн
(к Саверни, беседующему с Бришанто)

А, Саверни!

Дидье
(в сторону)

Ужели?

Медленными шагами приближается, пристально глядя на дворян, и садится за столик под фонарем, который освещает указ; в нескольких шагах от него — Ланжели, попрежнему безмолвный и неподвижный.

Бушаванн
(к Саверни, который оборачивается)

Ты видел ли указ?

Саверни
Какой?

Бушаванн

Что впредь дуэли

Запрещены.

Саверни

Ну что ж, весьма разумно.

Бушаванн

Да, —

Под страхом петли!

Саверни

Как! Ты шутишь? Никогда.

А сволочь пусть висит.

Бришанто

(показывая ему на указ)

Ну так читай скорее.

Указ перед тобой.

Саверни

(замечая Дидье)

Пошлю я ротозея

Вот этого прочесть.

(К Дидье, повышая голос)

Эй, как вас, милый?.. Кто

Прочтет указ?

(К Бришанто)

Он глух, наверно, Бришанто?

Дидье

(не сводивший с него глаз, медленно поднимает голову)

Вы говорите — мне?

Саверни

Да. За вознаграждение

Прочти-ка мне листок вот этот без стеснения.

Дидье

Я?

С а в е р н и

Видно, незнаком вам даже алфавит?

Д и д ь е

(вставая)

Бретеру тот указ повешеньем грозит,
Будь он хоть из дворян.

С а в е р н и

Ну, это просто ложно!

Для дворянина казнь такая невозможна
В том мире, где нам все давно принадлежит.
Перед петлею пусть простой народ дрожит.

(К дворянам)

Ну и наглец!

(К Дидье, посмеиваясь)

А вы не превзошли науки.
Вы, может быть, дружок, немного близоруки?
Снять шляпу и читать, отвесив мне поклон!

Д и д ь е

(опрокидывая стоящий перед ним столик)

Словами этими я, сударь, оскорблен.
Я прочитал указ, но где моя награда?
И голову твою и кровь, маркиз, мне надо.

С а в е р н и

(улыбаясь)

Я сразу угадал, что в нем кричит народ:
Он сразу распознал во мне старинный род.

Д и д ь е

А если нашу кровь теперь смешаем вместе,
Об этом ты, маркиз, что думаешь, по чести?

С а в е р н и

(становясь серьезным)

Как вы торопитесь свои окончить дни!
Меня зовут Гаспар, маркиз де Саверни.

Д и д ь е

А мне-то в этом что?

С а в е р н и
(холодно)

И первый мой свидетель —
Граф де Гассе, — его известна добродетель, —
А де Виллак, второй, по праву отнесен
К Фельядам должен быть, — их родич д'Обюссон.
А вы-то — дворянин?

Д и д ь е

Тебе какое дело?
Я найден был в углу церковного придела,
И безымянный я. Но вот на чем стою:
Могу я кровь пролить в обмен на кровь твою.

С а в е р н и

Нет, сударь, одного желанья слишком мало,
Но право знатности найденышу пристало:
Он знатен может быть. Не столь большой изъян —
Вассалов возвышать, как унижать дворян.
Когда угодно вам?

Д и д ь е

Сейчас же мне угодно.

С а в е р н и

Так. Если ваша кровь и вправду благородна...

Д и д ь е

Мне шпагу!

С а в е р н и

Чорт возьми! Нет шпаги у него.
Так можно вас принять бог знает за кого!

(Предлагая Дидье собственную шпагу)

Хотите? Сталь верна и славного закала.

Ланжели встает, обнажает свою шпагу и протягивает ее Дидье.

Л а н ж е л и

Чтоб делать глупости, попробуйте сначала
Клинок шута — ему вы окажите честь.

(Насмешливо)

Послушайте: в обмен, чтоб счастье мне принести,
Вы мне оставите кусок веревки, милый.

Д и д ь е

(беря шпагу, с горечью)

Так...

(Маркизу)

И господь того, кто добр, теперь помилуй!

Б р и ш а н т о

(прыгая от радости)

Ура! Дуэль!

С а в е р н и

(к Дидье)

Куда ж мы с вами станем?

Д и д ь е

Под

Вот этим фонарем.

Г а с с е

Просил бы я господ
Не сумасшествовать. Темно здесь без просвета.

Д и д ь е

Чтоб горло проколоть, нам здесь довольно света.

С а в е р н и

Недурно сказано.

В и л л а к

Здесь темь!

Д и д ь е

Наоборот!

И каждый наш клинок, как молния, блеснет.

Итак, маркиз, начнем!

Они сбрасывают с себя плащи, снимают шляпы, помахивая ими в виде приветствия, затем отбрасывают назад шляпы и обнажают шпаги.

С а в е р н и

Извольте.

Д и д ь е

Берегись!

Они скрещивают шпаги и дерутся молча и ожесточенно. Вдруг маленькая дверь приоткрывается, и появляется Марьон в белом платье.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же и Марьон.

М а р ь о н

Что там за шум?

(Заметив Дидье под фонарем)

Дидье!

(Дуэлянтам)

Молю!

Дуэль продолжается.

Остановись!

С а в е р н и

Кто эта женщина?

Д и д ь е

(оборачиваясь)

О боже!

Бушаванн
(подбегая к Саверни)

Нам беда!
На этот страшный крик уже идут сюда,
И стражников ночных я вижу приближенье.

Входит стража с факелами.

Бришанто
(к Саверни)

Ты мертвым притворись!

Саверни
(падая)

Ах!

(Тихо, к Бришанто, который склонился над ним)

Чортовы каменья!

Дидье, думая, что убил его, останавливается.

Начальник стражи
Во имя короля!

Бришанто
(к дворянам)

Теперь придется нам
Спасать маркиза.

Дворяне окружают Саверни.

Начальник стражи

Эй! Отведать петли вам!
Под самым фонарем с указом, право слово,
Деретесь! Каково!

(К Дидье)

Сдавайтесь!

Стража набрасывается на Дидье, который остался один, и обезоруживает его.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и
(показывая на Саверни, лежащего на земле и окружен-
ного дворянами)

А другого
Как имя?

Б р и ш а н т о
То Гаспар, маркиз де Саверни.
Он мертв.

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и
Ну, во-время свои окончил. дни,
И сделал хорошо — другая смерть похуже.

М а р ь о н
(испуганно)
Что он сказал?

Н а ч а л ь н и к с т р а ж и
(к Дидье)
Теперь нам, значит, этот нужен.
Идемте, сударь мой!

Стража уводит Дидье в одну сторону, дворяне уносят Саверни в
другую.

Д и д ь е
(к Марьон, застывшей от ужаса)
Забудь меня, Мари!
Прощай!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

М а р ь о н, Л а н ж е л и.

М а р ь о н
(бежит за Дидье, чтобы удержать его)

О мой Дидье, ты так не говори!
Тебя — забыть?

Стража ее отталкивает; она в отчаянии возвращается к Ланжели.

Ему погибель угрожает?
Что сделал он и что беднягу ожидает?

Л а н ж е л и

(берет ее за руку и молча подводит к указу)

Читайте.

М а р ь о н

(читает и в ужасе отшатывается назад)

Боже! Смерть! Они убьют его!

И был мой страшный вопль причиною всего.

На помощь я звала, — на крик мой слишком громкий

Уже спешила смерть сквозь мрачные потемки.

Возможно ль? За дуэль! Такой ли это грех?

(К Ланжели)

За это ж не казнят?

Л а н ж е л и

Казнят — и даже всех.

М а р ь о н

Но можно убежать...

Л а н ж е л и

Их держат за стеною!

М а р ь о н

О, я всему была единою виною!

Бог за меня его карает.

(К Ланжели)

Для него

Не пожалела б я на свете ничего.

О господи! Тюрьма, казнь, даже истязанья...

Л а н ж е л и

Да, если захотят.

М а р ь о н

Но выпрошу свиданья

Я с королем! Всегда несчастных он прощал.

Л а н ж е л и

Король помилует, а как-то кардинал?

М а р ь о н
(в смятении)

Но что б вы сделали?

Л а н ж е л и

Проигранное дело!
Пусть он докатится до смертного предела.

М а р ь о н

Ответы ваши грудь и леденят и жгут.
Но кто же, сударь, вы?

Л а н ж е л и

Я королевский шут.

М а р ь о н

Дидье, Дидье! О, пусть жалка я и преступна,
Но сделаю я все, что женщине доступно.
Я за тобой пойду!

(Уходит в ту сторону, куда увели Дидье.)

Л а н ж е л и
(один)

Бог весть, куда придешь!

(Подымая свою шпагу, оставленную на земле Дидье)

Из них я на шута всех менее похож.

(Уходит.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КОМЕДИАНТЫ

Замок Нанжи

Парк в стиле Генриха IV. В глубине сцены, на холме, видны замки Нанжи, новый и старый. Старый — со стрельчатыми сводами и башенками, новый — островерхий, высокий кирпичный дом, углы из каменных плит. Ворота старого замка затянуты черным, и издали виден щит с гербами фамилий Нанжи и Саверни.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лафемас, в повседневном одеянии судьи, маркиз де Саверни, переряжен: на нем офицерский мундир Анжуйского полка, черные усы и борода, на глазу пластырь.

Лафемас

При столкновении вы сами, сударь, были?

Саверни
(крутя ус)

Мы вместе с Саверни в одном полку служили.
Он умер.

Лафемас

Кто — маркиз?

С а в е р н и

Еще как умер он!

Он ловким выпадам был насмерть поражен.
Клинок, прорвав камзол, меж ребер устремился,
Прошел сквозь легкое и в печень погрузился,
Где создается кровь, как то известно вам.
Какое зрелище представилось очам!

Л а ф е м а с

Он умер тотчас же?

С а в е р н и

Примерно. И страданья
Его прервались вдруг. Глядел я — содроганья
Сменили скоро бред, и наступил столбняк,
И оживить его мы не могли никак.

Л а ф е м а с

Чорт!

С а в е р н и

Но поэтому исполнен я сомнений,
Что кровь у нас течет лишь по яремной вене.
И надо наказать Пеке и мудрецов,
Что роются в кишках еще рычащих псов.

Л а ф е м а с

Он умер, наш маркиз!

С а в е р н и

Удар, поверьте, знатный!

Л а ф е м а с

Вы врач и медикус известный, вероятно?

С а в е р н и

Нет.

Л а ф е м а с

Но начитаны и в медицине?

С а в е р н и

Да.

По Аристотелю.

Л а ф е м а с

И вот плоды труда!

С а в е р н и

Признаюсь, зло меня влечет всего сильнее,
И всякая мила мне злобная затея.
Мне сладко убивать, и я мечтал о том,
Что буду в двадцать лет солдатом иль врачом.
Я долго выбирал, но все же выбрал шпагу, —
Не так надежно, но быстрее. Люблю отвагу!
Хотел поэтом стать, медвежьим вожакom,
Но ужинать люблю, и каждый день притом,
И бросил глупости.

Л а ф е м а с

Но, прихотью влекомый,
Чтоб знать поэзию, вы изучали томы?

С а в е р н и

По... Аристотелю.

Л а ф е м а с

А Саверни вас знал —

И лично?

С а в е р н и

Был всего я полковой капрал,
Маркиз был офицер, а я в солдатском чине.

Л а ф е м а с

Так!

С а в е р н и

В полк тот я попал по той простой причине,
Что быть отправленным туда имел я честь
Коссадом. Скуден дар, но дарят то, что есть.
Произвели меня. Я ус имею черный,
Не хуже, чем другой. И ваш слуга покорный.

Л а ф е м а с

Так поручили вам явиться в этот дом,
Здесь дядю известить?

С а в е р н и

Мы с Бришанто
Покойника везли, как жениха, в карете,
Чтоб здесь похоронить маркиза на рассвете.

Л а ф е м а с

Как старей де Нанжи воспринял эту весть?

С а в е р н и

Без слез, без воплей он умел несчастье снести.

Л а ф е м а с

Но он любил его?

С а в е р н и

Гаспар наш был милее,
Чем жизнь, для старика бездетного; лелеял
Он мысль о юноше и нежно вспоминал,
Хотя племянника лет пять уж не видал.

В глубине сцены проходит старый маркиз де Нанжи. У него седые волосы, бледное лицо, руки скрещены на груди. Одет по моде времени Генриха IV. Глубокий траур, звезда и лента ордена Святого Духа; идет медленно. Девять солдат в трауре, по три в ряд, с алебардой на правом плече и мушкетом на левом, следуют за ним на некотором расстоянии, останавливаясь, когда он останавливается, и снова шагая, когда он идет.

Л а ф е м а с

(глядя на маркиза)

Бедняга!

(Идет в глубину сцены и провожает маркиза глазами.)

С а в е р н и

(в сторону)

Дядюшка!

Входит Бришанто и подходит к Саверни.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Бришанто.

Бришанто

Тсс... На ушко два слова.

(Смеясь)

С тех пор, как умер он, каким он стал здоровым!

Саверни

(тихо, показывая на проходящего маркиза)

Взгляни-ка, Бришанто. Как жаль мне, что пока
Держать в неведение просил ты старика.
Откроем-ка ему, что жив племянник милый.

Бришанто

Нет, нам необходим вот этот вид унылый.
Пусть слезы на глазах его весь день блещут,
Чтоб вероятным был для всех твой маскарад.

Саверни

О бедный дядюшка!

Бришанто

Тебя он встретит снова.

Саверни

И смерть от радости тогда ему готова.
Такой удар не снести!

Бришанто

Мой милый, лучше всех

Ты знаешь — надо так.

Саверни

Но этот дикий смех

Его ужасен. Грусть кого угодно тронет.
Как он целует гроб!

Бришанто

В котором никого нет.

С а в е р н и

Да. Но кровавый труп скрыт в сердце у него;
Там я покоюсь, там.

Л а ф е м а с
(возвращаясь)

Печальной ничего
Не видел мир; в глазах его укор и горе.

Б р и ш а н т о
(тихо, к Саверни)

Кто этот, в черном весь и с хитростью во взоре?

С а в е р н и
(показывая, что не знает)

Ах, кто-то из друзей, здесь в замке...

Б р и ш а н т о
(тихо)

Воронье

На падаль так стремит желание свое.
Изо всех сил молчи пред рожею проклятой!
Безумец должен стать тут сдержанней Сократа.

Возвращается маркиз де Нанжи, полпрежнему погруженный в глубокую задумчивость. Он входит медленными шагами, словно не замечая никого, и садится на дерновую скамью.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и маркиз де Нанжи.

Л а ф е м а с
(идет навстречу старому маркизу)

О господин маркиз! Потеря велика.
Племянник редкий был Гаспар — его рука
Покоила бы вас, я вам соболезнаю.
Он юн, прекрасен был — ему б судьбу иную!

Дам чтит он глубоко, и жил в нем божий страх,
Был прав в своих делах и мудр в своих речах;
Он совершенством был, рождавшим умиление...

Старый маркиз закрывает лицо руками.

С а в е р н и
(тихо, к Бришанто)

Побрал бы чорт его надгробное хваленье!
Маркиз еще грустней, коль хвалят Саверни,
Утешь его, мой друг, мой образ очерни.

Б р и ш а н т о
(Лафемасу)

Ошиблись, сударь, вы. Участья недостойный,
Товарищем плохим был Саверни покойный
И человеком злым — ему подобных нет.
Все хуже делался. Быть храбрым в двадцать лет
Немудрено. И смерть его была постыдной.

Л а ф е м а с

Дуэлы! Такой ли грех? Мне слушать вас обидно.
(К Бришанто, с ехидством, указывая на его шпагу)
Вы, сударь, офицер?

Б р и ш а н т о
(тем же тоном, указывая на парик Лафемаса)

Вы служите в суде?

С а в е р н и
(тихо, к Бришанто)

Еще.

Б р и ш а н т о

А как он лгал, известно всем, везде.
С ним встретиться порой возможно было в храме,
Когда он обещал туда явиться даме.
Он волокитой был, развратником он был.

С а в е р н и
(тихо)

Так.

Б р и ш а н т о

Командир его за грубость не любил,
И красота его уже совсем завяла,
И шишка на глазу давно огромной стала,
Хромал он, и рыжел, и стал горбат притом.

С а в е р н и

Довольно!

Б р и ш а н т о

Душу он за карточным столом
Готов был проиграть. Не может быть сомненья,
Что он давно спустил отцовские владенья,
Его без устали губило мотовство.

С а в е р н и

(*дергая его за рукав, тихо*)

Довольно, чорт дери, так утешать его!

Л а ф е м а с

(*к Бришанто*)

Стыдитесь мертвого товарища бесславить.

Б р и ш а н т о

(*показывая на Саверни*)

Спросите у него.

С а в е р н и

Прошу меня избавить.

Л а ф е м а с

(*ласково, старому маркизу*)

Поверьте, монсеньер, что мы утешим вас.
Убийца под замком, и близок казни час!
Ему спасенья нет — все ясно в этом деле.

(*К Бришанто и Саверни*)

Но отчего маркиз подрался на дуэли
С каким-то там Дидье, не очень ясно мне.
Дуэль же вообще я признаю вполне.

С а в е р н и
(в сторону)

Дидье!

Старый маркиз, который все время оставался безмолвным и неподвижным, встает и медленно уходит в сторону, противоположную той, откуда пришел. Стража сопровождает его.

Л а ф е м а с
(вытирая слезу)

О, я сражен подобною тоскою.

С л у г а
(вбегая)

Ах, господин маркиз!

Б р и ш а н т о

Оставь его в покое.

С л у г а

Но мы должны уже теперь узнать о том,
Как с погребеньем быть.

Б р и ш а н т о

Узнаете потом.

С л у г а

А тут еще пришли актеры из селенья
И ночевать у нас просили позволенья.

Б р и ш а н т о

Хоть для актеров день неважно выбран был,
Но долг радушия никто здесь не забыл.

(Показывая на овин налево)

Пустите их в овин.

С л у г а
(держа в руках письмо)

Пакет получен. Срочно.

(Читает)

«Мосье де Лафемас...»

Л а ф е м а с

Да, это мне. Так точно.

Б р и ш а н т о

(тихо, к Саверни, который пребывает в задумчивости)

Идем готовить все для этих похорон.

(Дергает его за рукав.)

Ты что задумался?

С а в е р н и

(в сторону)

Дидье! Ужели он?

Они уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Л а ф е м а с

(один)

За государственной печатью — и большою,
Для очень важных дел. Что это значит? Вскрою.

(Читает)

«Верховного судью в известность ставим мы:

Недавно убежал убийца из тюрьмы

По имени Дидье». Вот это неудача!

«С ним женщина, Делорм». С досады чуть не плачу!

«Извольте быть сюда как можно поскорей...»

О, я в отчаянье! Подать мне лошадей!

Так! Вот еще одно проигранное дело.

Ни одного в руках. Тот — умер, этот смело

Бежал. Но не уйдешь!

(Уходит.)

Появляется труппа бродячих комедиантов — мужчины, женщины, дети,
в характерных костюмах. Среди них Дидье и Марьон Делорм
в испанских костюмах; на Дидье широкополая фетровая шляпа и
плащ.

Комедианты, Марьон, Дидье.

С л у г а

(подводит комедиантов к овину)

Жилище ваше вот.

Но знайте, что маркиз поблизости живет,
И молчаливою да будет ваша свора.
Покойник в замке есть — его хоронят скоро,
И особенно я прошу вас не кричать,
Когда покойника здесь будут отпевать.

Г р а с ь е

(маленький и горбатый)

Спокойней будем мы, чем ваших гончих стая,
Что с лаем мечется, всех за ноги хватая.

С л у г а

Но пес ведь не фигляр как будто, мой дружок!

Т а й б р а

(к Грасье)

Молчи! Не то нас спать отправят на лужок.

С л у г а уходит.

С к а р а м у ш

(к Марьон и Дидье, которые до тех пор неподвижно стояли в стороне)

Ну, побеседуем. Теперь от вас не скрою,
Что убегал ли ты с красоткой за спиною,
Супруг ли ты ее иль раб плотских оков,
Бойтесь ли властей иль злобных колдунов,
Державших женщину, как зверя, в клетке тесной, —
Мне это узнавать совсем не интересно.
Что будете играть? Ролей мне подавай!
Ты, черноглазая, Химен изобрази.

Марьон приседает.

Д и д ь е
(возмущенный, в сторону)

Как этот скоморох с ней вольно рассуждает!

С к а р а м у ш
(к Дидье)

Лжеца и хвастуна нам в труппе нехватает,
Тебе как раз к лицу. Напыжься и рычи,
Шагай уверенно и в миг один умчи
Жену Оргонову или его невесту
И Мавра пригвозди своим кинжалом к месту.
Трагическая роль! Высокой красоты!

Д и д ь е

Как вам желательно.

С к а р а м у ш
Брось, говори мне: ты!
(С глубоким поклоном)

Привет тебе, хвастун!

Д и д ь е
(в сторону)

Что делать с негодяем?

С к а р а м у ш
(другим комедиантам)

Идемте, сварим суп и пьесу проиграем.

Все, исключая Марьон и Дидье, входят в овин.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Марьон, Дидье, потом Грасье, Саверни, потом Лафемас.

Д и д ь е
(после долгого молчанья, с горьким смехом)

Мари! Достаточно ли бездна глубока?
Довольно ль вас вела во мрак моя рука?

Хотели вы за мной идти. Моя судьбина
Ломает вашу жизнь, как горная лавина.
Где очутились мы? Я вас предупреждал...

М а р ь о н
(дрожа и ломая руки)

Вы упрекаете?

Д и д ь е

Нет, лучше б я пропал,
И изгнан был навек, и проклят небесами,
Как никогда никто и хуже, чем мы с вами,
Когда бы сердце то, что верит лишь в тебя,
Послало бы упрек тебе, любовь моя!
Здесь, где мне мерзко все и все во мне убито,
Не ты ль хранитель мой, надежда и защита?
Кто стражу обманул, оковы распилил,
Кто низошел с небес и в ад со мной вступил?
Кто с бедным узником был узницей влюбленной,
С отважным беглецом — беглянкой окрыленной,
Чье сердце, полное уловок и любви,
Спасало, берегло, хранило дни мои?
Я обречен, я зол, — ты, слабая, святая,
От самого себя спасла меня, родная.
Был ненавистен я на этом свете всем, —
Ты, пожалев меня, мне предалась совсем.

М а р ь о н
(плача)

Мне счастье вас любить и следовать за вами.

Д и д ь е

Дай снова опьянюсь любимыми очами!
Господь решил, создав дух непокорный мой,
Чтоб ангел с демоном повсюду шли за мной.
Будь он благословен, кто волей неземною
Скрыл демона от глаз! Ты ж, ангел, предо мною.

М а р ь о н
Вы повелитель мой, мне с вами всюду рай.

Д и д ь е

Я твой супруг.

М а р ь о н
(в сторону)

Увы!

Д и д ь е

Мари, мне счастье дай,
Прощаясь с родиной жестокой и унылой,
Тебя перед людьми назвать супругой милой;
Согласна ты, скажи?

М а р ь о н

Сестрою вашей — да.
Вас буду братом звать...

Д и д ь е

Моею навсегда
Пред алтарем назвать тебя — такая сладость!
О, дай моей душе познать и эту радость.
Спокойна будь со мной, — не перейду черту,
Твою я сохраню для брака чистоту.

М а р ь о н
(в сторону)

Ах!

Д и д ь е

Как терзался я сейчас, судите сами, —
Терпеть, чтобы фигляр вас замарал словами!..
Ах, то не меньшая средь стольких горьких мук —
Знать, что вы входите в такой позорный круг.
Вы, нежная, цветок, вы оказались вместе
С отребьем женщин здесь, с фиглярами без чести.

М а р ь о н

Остерегайтесь их, Дидье!

Д и д ь е

Как воевал

Я с бешенством своим! Ведь он вам «ты» сказал.
Меж тем как я, супруг ваш, это еле смею,
Чтоб вас не оскорбить развязностью своею.

М а р ь о н

Не ссорьтесь здесь ни с кем — не то придет беда,
К обоим нам придет...

Д и д ь е

Она права всегда.

И пусть меня везде преследует злосчастье, —
Ты сердце даришь мне, и молодость, и счастье.
За что мне, о, скажи, такая благодать?
Я царство за нее обязан бы отдать,
А дал тебе взамен безумье с нищетою.
Тебя мне бог послал, ад свел тебя со мною.
Я в нашей участи не вижу правоты:
За что я награжден, и в чем виновна ты?

М а р ь о н

Все счастье мое от вас идет.

Д и д ь е

(снова мрачней)

Наверно,

Ты это говоришь, Мари, нелицемерно.
Но знай, что у меня недобрая звезда.
Откуда я пришел, теперь иду куда?
Мой черен небосвод; молю я, заклиная, —
Еще не поздно, нет, — вернись назад, родная,
И одного меня теперь ты отпусти.
Когда устану я, увь! — в конце пути
Постелят ложе мне — то ложе ледяное,
Там тесно для двоих, то ложе роковое.
Уйди!

М а р ь о н

Дидье, хочу вдали от хищных глаз
Хоть это разделить я с вами... в смертный час.

Д и д ь е

К чему стремишься ты? О, следуя за мною,
Изгнания ищешь ты и горя с нищетою,
И, знаешь, может быть, от слез и от скорбей
Померкнет нежный блеск возлюбленных очей.

М а р ь о н опускает голову на руки.

Картина страшных бед передо мной мелькает,
И будущность твоя, Мари, меня пугает.
Уйди!

М а р ь о н
(*рыдая*)

Убей меня, но так не говори
Со мною. Боже мой!

Д и д ь е
(*обнимая ее*)

О, сколько слез, Мари!
Я за одну из них всю кровь отдам, ликуя!
Будь все по-твоему — тебе всю власть вручу я.
Ты — слава, ты — любовь, ты — счастье, ты — мечты!
Мари, ответь же мне! Мой голос слышишь ты?

(*Осторожно усаживает ее на дерновую скамью.*)

М а р ь о н
(*вырываясь из его объятий*)

Не надо, больно мне!

Д и д ь е
(*на коленях, склонившись к ее руке*)

Слова твои ужасны.

М а р ь о н
(*улыбаясь сквозь слезы*)

Я плачу из-за вас! Вы злой...

Д и д ь е

Как вы прекрасны!

(Садится рядом с ней.)

Дай поцелую в лоб — невинно. Можно, да?

(Целует ее в лоб. Оба в упоении смотрят друг на друга.)

Гляди в глаза мои — еще! — вот так! — всегда!

Г р а с ь е

(входя)

Химена, вас зовут в овин без замедленья.

Марьон быстро встает. Одновременно с Грасье входит Саверни, останавливается в глубине сцены и внимательно смотрит на Марьон, не замечая Дидье, сидящего на скамье и скрытого кустарником.

С а в е р н и

(в глубине сцены, не замечаемый никем. В сторону)

Фу, чорт! Опять Марьон. Вот это приключение!

(Смеясь)

Химена!

Г р а с ь е

(к Дидье, который хочет последовать за Марьон)

Будьте здесь, ревнивец молодой,

А я вас подражаю!

Д и д ь е

Чорт!

М а р ь о н

(шопотом, к Дидье)

Совладай с собой.

Дидье снова садится. Марьон входит в овин.

С а в е р н и

(в глубине сцены, в сторону)

А с кем она теперь блуждает так бесславно?

Не с тем ли голубком, что спас меня недавно?

Он с ней, ее Дидье возлюбленный, ну да!

Входит Лафемас.

Лафемас

(в дорожном платье, кланяется Саверни)

Прощайте, сударь мой...

Саверни

(кланяясь)

Ах, это вы? Куда?

Вы уезжаете?

(Смеется.)

Лафемас

Что вас развеселило?

Саверни

(смеясь)

Вам можно рассказать. Ей-богу, очень мило.

Среди фигляров тех, чей табор здесь осел,

Ну, угадайте-ка, кого я рассмотрел.

Лафемас

Среди фигляров?

Саверни

Там...

(смеется еще громче)

Марьон Делорм ютится.

Лафемас

(вздрагнув)

Марьон Делорм?

Дидье

(с момента появления Саверни и Лафемаса не сводящий с них глаз)

Как! Что?

(Привстает.)

С а в е р н и
(продолжая смеяться)

Пускай же разгласится
В Париже эта весть. Надеюсь, вы туда?

Л а ф е м а с

Все будет сделано, — в Париже буду, да.
Так вы Марьон Делорм наверное узнали?

С а в е р н и

О! Спутаю Марьон я с кем-нибудь едва ли.

(Роется в кармане.)

Да вот ее портрет — сокровище мое!
Художник для меня изобразил ее.

(Протягивает Лафемасу медальон.)

Сравните.

(Показывая на ворота овина)

Вот она, там, в воротах овина.
О, как Марьон к лицу зеленая баскина!

Л а ф е м а с

(переводя глаза с портрета на ворота овина)

Она! Марьон Делорм!

(В сторону)

О, наконец, успех!

(К Саверни)

Есть у нее дружок среди фигляров тех?

С а в е р н и

Еще бы! Кто видал подобных ей паломниц
Без спутника? Клянусь, я знаю этих скромниц.

Л а ф е м а с

(в сторону)

Велю их сторожить. И надо поскорей
Узнать, кто здесь из них притворный лицедей, —
Тогда он будет взят.

(Уходит.)

С а в е р н и
(*глядя вслед Лафемасу, в сторону*)

Не так я сделал что-то!

А впрочем...

(*Отводит в сторону Грасье, который до сих пор оставался в углу, жестикулируя один и бормоча роль сквозь зубы.*)

Это кто сидит вполоборота?
(*Показывает ему на ворота овина.*)

Г р а с ь е
Химена?
(*Торжественно*)

Сударь, я не знаю их имен.
(*Показывая на Дидье*)
Поговорите с тем, кто с нею сопряжен.
(*Уходит в сторону парка.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Д и д ь е, С а в е р н и.

С а в е р н и
(*поворачиваясь к Дидье*)

Вот с этим... Что за чорт!.. Как он глядит! Создатель!
Да это, право же, дуэльный мой приятель!

(*Громко, к Дидье*)

Не будь он под замком, я мог бы вас принять...

Д и д ь е

А вы, не будь он мертв, ей-ей... ни дать ни взять...
Тот самый. Я тогда ему сказал два слова,
И яма черная была ему готова.

С а в е р н и
Тсс! Это вы, Дидье?

Д и д ь е
А вы маркиз Гаспар?

С а в е р н и
Вы отвели тогда грозивший мне удар.
Обязан жизнью вам...

Он приближается к Дидье, раскрыв объятия. Дидье отступает.

Д и д ь е
Я изумлен приятно,
Маркиз; я полагал, что взял ее обратно.

С а в е р н и
Нет, вы меня спасли, мой милый. Если вдруг
Понадобится вам иль секундант, иль друг, —
Все, что хотите вы: кровь, жизнь мою, именье...

Д и д ь е
Отдайте мне, маркиз, ее изображение.
С а в е р н и передает ему медальон. Дидье с горечью смотрит на
портрет.

Чело невинное! В очах небесный свет!
Вся целомудрие... О, как похож портрет!

С а в е р н и
Вам кажется?

Д и д ь е
Для вас она и заказала
Портрет?

С а в е р н и
(подтверждая жестом слова Дидье и кланяясь ему)

Потом на вас внезапно променяла
Всех тех, кто был в нее без памяти влюблен.
Счастливый человек!

Д и д ь е
(с громким смехом, в котором звучит безнадежность)
Я счастьем упоен!

С а в е р н и

Я поздравляю вас. Прекрасная девица,
И только знатные с ней в дружбу входят лица.
Такой любовницей гордиться может всяк.
Она и вес дает и в то же время знак
И вкуса лучшего. И станут все открыто
Вас всюду называть: «Друг нашей знаменитой!»

Дидье хочет отдать Саверни портрет, но тот отказывается.

Нет, нет, теперь он ваш. Я вам его дарю.
И дама и портрет — все вам.

Д и д ь е

Благодарю.

(Прячет портрет у себя на груди)

С а в е р н и

О, как мила Марьон в испанском одеянье!
Так вы наследник мой... на дальнем расстоянии:
Так принял наш король от Меровингов трон,
Я был обоими Бриссаками сменен.

(Со смехом)

Сам грозный кардинал вступал в ее покои,
И молодой д'Эффья, затем Сент-Мемы трое,
Четыре Аржанто. Да, в сердце у Марьон
Вы в лучшем обществе... и людном.

(Снова смеется.)

Д и д ь е

(в сторону)

Я сражен!

С а в е р н и

Вы мне расскажете... Горю от нетерпенья...
Я ж мертвецом слыву, и завтра погребенье.
А вы — вам удалось затворы отомкнуть
И с помощью Марьон пуститься в дальний путь.
Вас в труппу приняли к себе актеры эти.
Не правда ль, сказочки забавней нет на свете?

Д и д ь е

Интрига сложная!

С а в е р н и

Чтоб вас освободить,
Всем глазки строила Марьон.

Д и д ь е

(громовым голосом)

Не может быть!

С а в е р н и

Как! Вы ревнуете?

(Смеется.)

Нет ничего глупее!
Приревновать Марьон? Но добрым будьте с нею.
Малютка бедная! Вы свой умерьте пыл.

Д и д ь е

Не беспокойтесь!

(В сторону)

Ах! Мой ангел бесом был.

Входят Лафемас и Грасье. Дидье уходит. Саверни сле-
дует за ним.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Лафемас, Грасье

Г р а с ь е

(Лафемасу)

Все в толк я не возьму, что, господин, вам надо.

(В сторону)

На сыщика похож, а сам в плаще алькада.
Под бровию густой недобрый спрятан глаз.
Не иначе, как здесь шпионит он у нас.

Лафемас
(вынимая кошелек)

Дружок!

Грасье
(приближаясь к Лафемасу, вполголоса)

Химена вас, как видно, интригует,
Хотите знать, какой...

Лафемас
(вполголоса, улыбаясь)

Родриг здесь торжествует.

Грасье
Любезник кто?

Лафемас
Ну да!

Грасье
Кто чтит ее закон?

Лафемас
(с нетерпением)
Он здесь?

Грасье
Конечно.

Лафемас
(быстро подойдя к нему)

Где? Где? Покажи!

Грасье
(с глубоким поклоном)

Вот он.

Я без ума влюблен.

Лафемас
(обескураженный, удаляется с раздражением, затем возвращается и бречит кошельком у ушей и глаз Грасье)

А звук червонцев звонок?

Г р а с ь е

Я эту музыку люблю еще с пеленок.

Л а ф е м а с

(в сторону)

Дидье в моих руках!

(К Грасье)

Любитель ты монет?

Г р а с ь е

Там сколько?

Л а ф е м а с

Двадцать...

Г р а с ь е

Гм!

Л а ф е м а с

(позвякивая кошельком у самого носа Грасье)

Возьмешь?

Г р а с ь е

(вырывая у него из рук кошелек)

Еще бы нет!

(Театральным тоном обращается к Лафемасу, слушающему с беспокойством.)

Когда б твоя спина имела вместо впадин
Горб, равный животу, что у тебя громаден,
И эти два мешка ты б золотом набил,
А после мне свои богатства предложил...

Лафемас
(с живостью)

Что б ты сказал тогда?

Грасье
(кладя кошелек в карман)

Я взял бы их, конечно,
И только бы сказал:
(с глубоким поклоном)

«Благодарю сердечно».

Лафемас
(в сторону, в ярости)

Мартышка мерзкая!

Грасье
(в сторону, смеясь)

Пшел к чорту, старый кот!

Лафемас
(в сторону)

Они стакнулись здесь и знают наперед,
Как надо отвечать, — все слажено заранее.
О черти гнусные, египтяне, цыгане!

(К Грасье, направляющемуся к выходу)

Верни хоть кошелек!

Грасье
(оборачиваясь, трагическим тоном)

Я вас спрошу сейчас —
Что человечество сказало бы о нас?
Вы предложили мне чудовищную сделку:
Товарища продать и совесть, как безделку.

(Хочет уйти.)

Л а ф е м а с
(удерживая его)

Но золото отдай.

Г р а с ь е
(все тем же тоном)

Храню я честь свою
И никому ни в чем отчета не даю.
(Кланяется и уходит в овин.)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Л а ф е м а с
(один)

Шут подлый! Гордость — где? в его душе растленной?
Мне в руки попадешь когда-нибудь, презренный!
Теперь же мне нужна поблагородней дичь.
Как в этой толчее верней Дидье настичь?
Арестовать их всех и допросить? Неловко!
Нет, не годится так. Во всем нужна сноровка.
Иголку отыскать в стогу не легче мне.
Ах, тигель дьявольский найти бы, чтоб в огне
Худых металлов смесь мгновенно растопилась
И крошка золота, что сплав скрывал, открылась.
Вернуться без Дидье? Что ж скажет кардинал!
Ужасно!

(Хлопает себя по лбу.)

Я на мысль удачную напал.
Дидье в моих руках!..

(Кричит в ворота овина.)

Эй, господа актеры,
Два слова!

Комедианты выходят из овина.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же, актеры, среди них **Марьон** и **Дидье**; потом **Саверни**,
потом маркиз де **Нанжи**.

Скарамусш
(*Лафемасу*)

Кто нас звал?

Лафемас

Оставим разговоры

Ученые! Скажу, что герцог-кардинал
Актеров разыскать меня сюда послал
Для пьес его — детей крылатых вдохновенья,
Что сочиняет он в часы отдохновенья.
Давно его театр стал что-то плоховат,
И обновить его наш герцог будет рад.

Все комедианты с поспешностью приближаются к Лафемасу. Входит
Саверни, с любопытством наблюдающий за происходящим.

Грасье
(*в сторону, пересчитывая в углу червонцы Лафемаса*)

Не двадцать, — он солгал, — двенадцать! Вор
негодный!

Лафемас

Отрывки из ролей читайте мне свободно,
Но все, чтобы я мог произвести отбор.

(*В сторону*)

Коль вырвется **Дидье**, то очень он хитер.

(*Громко*)

Все собрались?

Марьон украдкой подходит к **Дидье** и старается его увести.
Дидье отступает и отталкивает ее.

Грасье
(*подходя к ним*)

Эй вы, идите, что вы стали!

М а р ь о н

О боже!

Дидье ее оставляет и вмешивается в толпу комедиантов: она следует за ним.

Г р а с ь е

В добрый час вы в поле к нам пристали:
Оденут пышно вас, простят вам все грехи
И кардинальские дадут читать стихи.
Вот жребий!

Комедианты выстраиваются перед Лафемасом, Марьон и Дидье среди них. Дидье, не глядя на Марьон, устремил глаза в землю, руки его скрещены под плащом. Марьон не сводит с Дидье взора, полного тревоги.

Г р а с ь е

(во главе труппы, в сторону)

Кто б сказал, что этот ворон быстро
Здесь наберет шутов для кардинал-министра?

Л а ф е м а с

(к Грасье)

Ты — первый. Кто ты, друг?

Г р а с ь е

(с глубоким поклоном и пируэтом, который подчеркивает его горб)

Грасье меня зовут.
И вот что лучшее могу пропеть я тут.

(Поет)

В париках голов судейских
Много замыслов злодейских,
И из этого руна
В зал суда течет волна —
Штрафы, виселицы, пытки
Извергаются в избытке
От малейшего кивка
Президента-парика.

Адвокат, сидящий рядом,
Осыпает судей градом
Хитроумнейших речей
Из латинских словарей.

Л а ф е м а с
(*прерывая его*)

Фальшивишь, мой дружок, орланам всем на диво.
Молчи!

Г р а с ь е
Фальшивлю я, но песенка правдива.

Л а ф е м а с
(*Скарамушу*)

Теперь — ты.

С к а р а м у ш
(*кланяясь*)

Скарамуш зовут меня. Я б мог
В «Дуэнье» прочитать начальный монолог.
(*Декламирует*)

«Прекрасны, — молвила испанцев королева, —
Прелат пред алтарем, солдат в бою, но дева
В постели нам милей и за решеткой вор...»

Л а ф е м а с прерывает его жестом и делает знак говорить Тайбра.
Тот отвешивает низкий поклон и выпрямляется.

Т а й б р а
(*напыщенно*)

Меня зовут Тайбра. Я сын тибетских гор.
Я хана покарал, погиб Могол несчастный...

Л а ф е м а с
Не это...
(*Тихо, к Саверни, который стоит подле него*)

А Марьон действительно прекрасна!

Т а й б р а

Как? Это ж лучшее! Но, чтоб потешить вас,
Я Карлом Первым стал — мой слушайте рассказ

(Декламирует напыщенно)

«О, страшен жребий мой! Я небо призываю
В свидетели, о бог, как тяжело я страдаю!
Себя ограбить сам отныне должен я, —
К другому перейдет любимая моя.
Ему я счастье дам, свою скрывая злобу,
И желчью едкою залью свою утробу.
Так птицы не себе на ветках гнезда вьют,
Так пчелы для других свершают в поле труд,
Так вы не для себя растите шерсть, бараны,
Так для чужих, быки, пасетесь средь поляны».

Л а ф е м а с

Прекрасно.

(К Саверни)

Вот стихи! Из «Брадаманты». Вот
Как петь умел Гарнье!

(К Марьон)

Красотка, ваш черед.

Как вас зовут?

М а р ь о н

(дрожа)

Меня?.. Хименой.

Л а ф е м а с

В добрый час!

Химена? Значит, есть возлюбленный у вас!
И на дуэли он убил...

М а р ь о н

(испуганно)

Как?

Л а ф е м а с

И по свету

Скитается...

Марьон
(в сторону)

Мой бог!

Лафемас
Прочтите повесть эту.

Марьон
(вполоборота к Дидье)

«О, если жизнь и честь так не милы тебе,
Что предаешься сам убийственной судьбе,
То за любовь мою, молю, Родриг, в отплату
Сражайся, чтоб меня не дали супостату.
Сражайся, чтоб спасти меня от брачных уз
И чтоб немислим стал грозящий мне союз.
И что еще скажу? Иди, готовься к бою,
Чтобы умолкла я, смиряясь пред тобою.
И если нежный друг в меня еще влюблен,
В бою из-за меня пусть побеждает он!»

Лафемас встает и любезно целует ее руку. Марьон, бледная, смотрит на Дидье, который стоит неподвижно, опустив глаза.

Лафемас

Химена, голос ваш проникнуть в сердце может,
Как в мире ни один, и струны в нем встревожит.
О, как прелестны вы!

(К Саверни)

Конечно, спору нет, —
В сравнении с Гарнье Корнель плохой поэт,
Но он в своих стихах старания удвоил
С тех пор, как кардинал его себе присвоил.

(К Марьон)

Как ваш прекрасен дар! Как томен черный глаз!
О! Пребыванье здесь, Химена, не для вас.
Прошу вас сесть сюда.

(Садится и делает Марьон знак сесть с ним рядом. Она отступает.)

Марьон
(тихо, к Дидье, с ужасом)

Как я боюсь разлуки!

Лафемас
(улыбаясь)

Присядьте рядышком.

Дидье отталкивает Марьон. Она испуганно падает на скамью рядом с Лафемасом.

Марьон
(в сторону)

Дрожу в смертельной муке.

Лафемас
(улыбаясь Марьон, с упреком)

Ну, наконец!

(К Дидье)

Кто вы?

Дидье делает шаг к Лафемасу, сбрасывает плащ и надвигает шляпу на глаза.

Дидье
(серьезным тоном)

Дидье.

Марьон, Лафемас, Саверни

Дидье!

Все поражены.

Дидье
(Лафемасу, который торжествующе посмеивается)

Теперь

Все остальные пусть уйдут к себе за дверь.
Вот ваша дичь в силке. Добыча ваша — с вами.
Она досталась вам немалыми трудами.

М а р ь о н
(подбегает к нему)

Дидье!

Д и д ь е
(холодно глядя на нее)

Сударыня, судьба предрешена.

Она отступает и в изнеможении падает на скамью.

(К Лафемасу)

Я видел, как вокруг бродил ты, сатана,
И как в твоих глазах светился отблеск ада,
Что у тебя в душе. Мне мало было надо,
Чтоб избежать тебя, твоих нечистых дел,
Но за твои труды — тебя я пожалел.
Мзду за меня бери, сдаюсь я добровольно.

Л а ф е м а с
(сдерживая гнев, сиюсь засмеяться)

Послушайте, Дидье, комедии довольно.

Д и д ь е

Нет, ты ее играл!

Л а ф е м а с

Я плохо бы сыграл,
Но мне способствовал сам герцог-кардинал
Создать трагедию, где роль для вас готова.

М а р ь о н в ужасе вскрикивает. Д и д ь е отворачивается с презрением.

Чего вы головой качаете сурово?
Мы вашу всю игру досмотрим до конца;
А ваш бессмертный дух уже в руках творца.

М а р ь о н

О!

В эту минуту маркиз де Нанжи проходит в глубине сцены, все в таком же состоянии, с отрядом алебарщиков. На крик Марьон он останавливается и поворачивается к присутствующим, бледный, безмолвный.

Лафемас
(к маркизу де Нанжи)

Господин маркиз, у вас прошу подмоги.
Вот весть счастливая! Надзор здесь нужен строгий.
Тот, кем убит Гаспар преступно, был в бегах,
Но снова схвачен мной.

Марьон
(бросаясь к ногам Лафемаса)

Имейте жалость, ах!

Лафемас
(учтиво)

Как? Вы у ног моих? У ваших быть мне вечно!

Марьон
(на коленях, ломая руки)

О господин судья! Зачем бесчеловечно
Судить? Когда-нибудь строжайший наш судья
Помилует и вас. О! Умоляю я!

Лафемас
(улыбаясь)

Ужели проповедь вы нам читать хотите?
Блистайте красотой и на балах царите,
К тому ж меня совсем не надо поучать,
Я счастлив вам служить, но он убийца...

Дидье
(к Марьон)

Встать!

Марьон встает, дрожа.

(К Лафемасу)

Лжешь! То была дуэль.

Лафемас
Как, сударь!

Дидье

Лжешь, презренный!

Л а ф е м а с

Молчать!

(К Марьон)

Нет, кровь за кровь. Таков закон священный.
Злодейски им убит

(показывая на де Нанжи)

племянник молодой

Маркиза де Нанжи. Пред вестью роковой
Король и Франция поникли в грусти вечной.
Останься он в живых... тогда еще, конечно,
Я мог подумать бы... и тронули б меня...

С а в е р н и

(делая шаг вперед)

Убитый человек не умер. Это я!

Общее изумление.

Л а ф е м а с

(вздрагнув)

Гаспар де Саверни! Что думать нам о чуде?
Там гроб его стоит.

С а в е р н и

(срывая свои фальшивые усы, пластырь и черный парик)

Но мертвым он не будет.

Узнали вы меня?

М а р к и з д е Н а н ж и

(как бы пробужденный от сна, с криком бросается в его объятия)

Гаспар, племянник мой!

Дитя любимое!

Они крепко обнимают друг друга.

М а р ь о н

(падая на колени и устремив взор к небу)

Дидье спасен судьбой.

Д и д ь е
(холодно, к Саверни)

К чему? Мне смерть мила.

М а р ь о н
(все еще на коленях)
Ему — благословенье!

Д и д ь е
(продолжает, не слушая ее)

А иначе ужель попался б я в мгновенье!
Я мог бы шпорою порвать без лишних слов
Паучью эту сеть для ловли комаров.
Но ныне только смерть — души моей стремленье,
Вы плохо платите, маркиз, за одолженье.

М а р ь о н
Что? Нет, он будет жить!

Л а ф е м а с
Нет, делу не конец,
Действительно ль маркиз вот этот молодец?

М а р ь о н
Да!

Л а ф е м а с
Это требует немедля разъяснения.

М а р ь о н
(указывая ему на маркиза де Нанжи, который все еще
держит Саверни в своих объятиях)

Смотрите, как старик исполнен умиления.

Л а ф е м а с
Так это Саверни? Гаспар?

М а р ь о н
Кого еще
Так старый де Нанжи ласкал бы горячо?

М а р к и з д е Н а н ж и

Гаспар ли это мой! Кровь, счастье, сын желанный!..

(К Марьон)

Он задал, кажется, вопрос нам этот странный?

Л а ф е м а с

(маркизу де Нанжи)

Вы утверждаете, что перед нами он,
Племянник ваш Гаспар?

М а р к и з д е Н а н ж и

(с силой)

Да!

Л а ф е м а с

(к Саверни)

Я, творя закон,
Монаршим именем теперь вас арестую,
Отдайте шпагу.

Изумление и смятение среди присутствующих.

М а р к и з д е Н а н ж и

Сын!

М а р ь о н

Мой бог!

Д и д ь е

Вот и вторую
Вы голову нашли, чтоб римский кардинал
В той и другой руке по голове держал.

М а р к и з д е Н а н ж и

Но кто вам право дал?..

Лафемас

Спросите кардинала;
Известный всем указ его рука скрепляла.

(К Саверни)

Отдайте шпагу мне.

Дидье
(глядя на Саверни)

Безумец!

Саверни
(протягивая свою шпагу Лафемасу)

Вот она.

Маркиз де Нанжи
(останавливая его)

Постойте. Никому здесь воля не дана.
Здесь я единственный, кто властвует и судит,
И в замке у меня король лишь гостем будет.

(К Саверни)

Вручи мне шпагу, сын.

Саверни отдает ему шпагу и обнимает его.

Лафемас

Поверьте, сударь, мне,
То ветхие права, угасшие вполне.
Боюсь, что кардинал мне не простит. Однако
Я не хочу ничем печалить вас...

Дидье

Собака!

Лафемас
(кланяясь маркизу)

И подчинюсь. Зато по долгу своему
Прошу мне стражу дать и отворить тюрьму.

Маркиз де Нанжи
(своим стражам)

Все предки ваши нам служили так достойно.
Я запрещаю вам ступить хоть шаг!

Лафемас
(громовым голосом)

Спокойно!

Послушайте, могуч верховный трибунал,
И в нем меня судьей назначил кардинал.
Обоих их — в тюрьму! Немедля отведите,
У каждой из дверей по двое сторожите.
Вы мне ответите. И смелым будет тот
Из вас, кто слов моих, как нужно, не поймет.
Когда приказов он моих не исполняет,
То, значит, голова ему ступать мешает.

Стражи, пораженные, безмолвно окружают обоих узников. Маркиз де Нанжи, возмущенный, отворачивается и закрывает глаза рукой

Марьон

Дидье! Погибло все!

(Лафемасу)

О сударь!

Лафемас
(тихо, к Марьон)

Вечерком

Ко мне зайдите вы потолковать вдвоем.

Марьон
(в сторону)

Чего он хочет? О, страшны его улыбки!
И мрак в его душе таинственный и зыбкий.

(Бросается к Дидье.)

Дидье!

Д и д ь е
(холодно)

Сударыня, прощайте.

М а р ь о н
(трепеща от звука его голоса)

Горе мне!

О я несчастная!

(Падает на скамью.)

Д и д ь е
Несчастливая вполне.

С а в е р н и
(обнимает маркиза де Нанжи, затем обращается
к Лафемасу)

Поздравить можно вас теперь с двойной наградой?

С л у г а
(входя, маркизу)

Уже для похорон готово все, что надо.
Угодно будет вам обряд печальный сей
Свершить сегодня же?

Л а ф е м а с

Нет, через тридцать дней.

Стража уводит Дидье и Саверни.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

КОРОЛЬ

Замок Шамбор

Лейб-гвардейская зала.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Герцог Бельгард в богатой придворной одежде, пышно расшитой и украшенной кружевами, на шее орден Святого Духа, на плаще — кавалерская звезда; маркиз де Нанжи, в глубоком трауре, как всегда — в сопровождении своей стражи. Они проходят по зале в глубине сцены.

Герцог Бельгард

Приговорен?

Маркиз де Нанжи

Увы!

Герцог Бельгард

Так. Но в монаршей воле
Помиловать. У нас Людовик на престоле!
Не плачьте. Снизойдет и не к такой вине
Сын Генриха...

Маркиз де Нанжи
Кому служил я на войне.

Герцог Бельгард

Да. Мы его отцу немало послужили!
Немало панцрей железных износили,
А не шелков. Теперь вас, старый друг, молю:
Вы лишь Ventre-Saint Gris скажите королю, —
И Ришелье тогда ни с чем, наверно, будет.
Покамест спрячьтесь тут.

(Открывает боковую дверь.)

Сюда король прибудет.
К тому же, милый мой, печальный ваш наряд
Покажется иным, пожалуй, смешноват.

Маркиз де Нанжи
Над трауром шутить!

Герцог Бельгард

Фатишки!.. Кум любезный,
Побудьте здесь пока. А я, чтоб быть полезным
Вам, против Ришелье настрою короля,
Вас, топнув, вызову. — Как нравится моя
Затея вам?

Маркиз де Нанжи
(пожимая ему руку)

Спасибо.

Герцог Бельгард

*(одному из мушкетеров, который прохаживается перед
маленькой позолоченной дверью)*

На два слова!
Что делает король?

Мушкетер
Уединился снова
(тихо)

С тем, в черном, государь.

Герцог Бельгард
(в сторону)

Я верно угадал:
Он смертный приговор кому-то подписал.
(Старому маркизу, пожимая ему руку)

Мужайтесь!

(Вводит маркиза в соседнюю галерею.)

А пока глядите восхищенно:
Сам Приматиччо здесь писал цветы плафона.

Уходят оба. Через парадную дверь, расположенную в глубине сцены
и ведущую на лестницу, входит М а р ь о н в глубоком трауре.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

М а р ь о н, стража.

А л е б а р д щ и к
(к Марьон)

Сударыня, нельзя!

М а р ь о н
(направляясь к двери)

Прошу вас!

А л е б а р д щ и к
(преграждая путь алебардой)

Входа нет.

М а р ь о н
(с презрением)

Здесь против женщины блеснул бы пистолет,
Не за нее!

М у ш к е т е р
(смеясь, алебардщику)

Лови!

Марьон

(твердым голосом).

Прочь эту алебарду.
Я во дворец иду, и к герцогу Бельгарду.

Алебарщик
(опуская алебарду, в сторону)

Ох, эти старички!

Мушкетер
Войдите.

Она входит решительным шагом и идет вперед.

Алебарщик
(в сторону)

Ну и ну!
Старик не так уж стар, и, верно, в старину
Король его за то, что волю дал он сердцу,
Послал бы в башню.

Мушкетер
(делая алебарщику знак замолчать)

Тсс... Там открывают дверцу.

Позолоченная дверь открывается. Из нее выходит Лафемас, держа в руке пергаментный свиток, с которого свешивается красная восковая печать на шелковых шнурах.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Марьон, Лафемас.
Оба удивлены. Марьон отшатывается с ужасом.

Лафемас
(медленно приближаясь к Марьон, тихо)
Вы здесь зачем?

Марьон
А вы?

Л а ф е м а с

*(развертывает пергаментный свиток и показывает его
Марьон)*

А подпись вам видна?

М а р ь о н

(взглянув, закрывает лицо руками)

О боже!

Л а ф е м а с

(склонившись к ней, на ухо)

Хочешь ли?

М а р ь о н вздрагивает и в упор смотрит на него. Он не сводит с нее пристального взгляда.

(Еще тише)

Что ж?

М а р ь о н

(отталкивая его)

Скройся, сатана!

Л а ф е м а с

(выпрямляясь, с усмешкой)

Так не хотите вы?

М а р ь о н

Тебя бояться, что ли?

Здесь милует король, царящий на престоле.

Л а ф е м а с

Просите ж короля!.. Но с вами не шучу.

*(Поворачивается к ней спиной, потом вдруг возвращается,
скрещивает руки на груди и говорит ей на ухо)*

Вы проклянете час, когда я расхожусь.

(Уходит.)

Входит герцог Бельгард.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Марьон, герцог Бельгард.

Марьон
(идет к герцогу)

Вы, герцог, всем дворцом владеете свободно.

Герцог Бельгард
Прелестная, вы — здесь!..

(Кланяясь)

Но что же вам угодно?

Марьон
Мне к королю...

Герцог Бельгард
Когда?

Марьон
Сейчас.

Герцог Бельгард
Зачем?

Марьон
Молю!

Герцог Бельгард
(со смехом)

Явиться поскорей велите королю.
Какая скорая!

Марьон
Отказ ли это?

Герцог Бельгард
Что вы!

(Улыбаясь)

Друг с другом никогда мы не были суровы.

Марьон

Отлично. Но когда увижу короля?

Герцог Бельгард

Побудьте с герцогом, красавица моя.

Я слово вам даю, что здесь король проходит.

Но побеседуем. Что, детка, происходит?

Вы в черном! Как у дам придворных, строг убор.

А прежде вы всегда смеялись!

Марьон

Монсеньер,

Я больше не смеюсь.

Герцог Бельгард

Она в слезах! Что это?

Марьон

(отирая слезы, твердым голосом)

Как свидеться с его величеством, совета

Прошу.

Герцог Бельгард

А цель?

Марьон

Ах! За...

Герцог Бельгард

Обидел кардинал,

Как и маркиза, вас?

Марьон

Да.

Герцог Бельгард

(открывая перед нею дверь галлерей)

Спрячьтесь в этот зал.

Все недовольные должны там собираться.

Пока не подан знак, прошу не появляться.

Марьон выходит. Он закрывает за нею дверь.

Я рад был для Нанжи сил не жалеть моих.
Не будет мне трудней трудиться для двоих.

Понемногу зала наполняется придворными. Они беседуют. Герцог Бельгард переходит от одного к другому. Входит Ланжели.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Придворные.

Герцог Бельгард
(герцогу Бопрео)

Привет вам, герцог!

Герцог Бопрео
Вам!

Герцог Бельгард
Какие толки света?

Герцог Бопрео
Что новый кардинал...

Герцог Бельгард
Епископ Арльский это?

Герцог Бопрео
Отенский, слышал я. Что он получит сан,
Уверен весь Париж.

Аббат де Гонди
И справедливо дан
Сей сан. Епископ бил врагов неодолимо
Под Ла-Рошелю.

Герцог Бельгард
Да-с!

Ланжели

Хвалю решение Рима:
Из пушек должно бить по людям.

А б б а т д е Г о н д и
(смеясь)

Эх ты, шут! —

Ну и дурак же ты...

Л а н ж е л и
(кланяясь)

Да, так меня зовут.

Входит Лафемас. Все придворные окружают его и наперебой за ним ухаживают. Герцог Бельгард наблюдает это с досадой.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д
(к Ланжели)

Шут, это кто еще в плаще из горностая?

Л а н ж е л и

И всякий льнет к нему, от восхищенья тая.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Я, кажется, его не видел никогда;
Не брат ли короля прислал его сюда?

Л а н ж е л и

Не так бы встретили!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д
(смотрит на важничающего Лафемаса)
Он словно гранд Испаний!

Л а н ж е л и
(тихо)

Да это Лафемас — он интендант Шампани
И первый из судей...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д
(тихо)

Творящий адский суд.
Палач при Ришелье — ведь так его зовут?

Л а н ж е л и

(все так же тихо)

Да, да!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Он — при дворе?

Л а н ж е л и

Вас это удивляет?

Тигр лишний никогда в зверинце не мешает.
Представить вам его?

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

(надменно)

Шут!

Л а н ж е л и

Честию клянусь!

Вот с ним бы я дружил, признаться не боюсь.
Взгляните на других. Все превзошли науку:
Он срубит голову, коль не пожмет вам руку.

(Идет за Лафемасом и представляет его герцогу, который
кланяется довольно неблагосклонно.)

Л а ф е м а с

(кланяясь)

Я, герцог, ваш слуга.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

(кланяясь)

Я очень рад.

(Тихо)

Мой бог!

Нет, только Ришелье нас так унижить мог.

Л а ф е м а с удаляется.

В и к о н т д е Р о г а н

(громко хохочет среди кучки придворных в глубине зала)

Прелестно!

Ланжели

Что?

Виконт де Роган

Марьон — там, в галлерее новой!

Ланжели

Да?

Виконт де Роган

Шутка у меня на этот счет готова:

Людовик девственный и грешная Марьон...

Ланжели

Прелестно сказано! Я прямо восхищен.

Герцог Бельгард

(графу Шарнасе)

Скажите, господин волчатник, как с облавой?

И как охота здесь?

Граф Шарнасе

Ах, сударь! Горе, право!

Сожрали волки трех в Шамборе пастухов —

Обрадовался я, что тьма у нас волков.

Обрыскал все леса, а толку никакого.

(К Ланжели)

Шут, что веселого?

Ланжели

Нет ничего такого..

А впрочем, в Божанси — казнь за дуэль. Изволь!

Аббат де Гонди

Возможно ли! За вздор такой казнить...

Открывается позолоченная дверь.

Привратник

Король!

Входит король Он весь в черном, бледен, глаза опущены На кам-
золе и на плаще — знаки ордена Святого Духа. На голове — шляпа.
Все придворные обнажают головы и молча расступаются перед ним.
Гвардейцы наклоняют свои пики или берут мушкеты на караул.

Те же, король

Король входит медленными шагами, не поднимая головы, и проходит через толпу придворных, затем останавливается на авансцене и стоит несколько мгновений молча, в раздумье. Придворные удаляются в глубь залы.

Король
(у рампы)

Все хуже с каждым днем...

(К придворным, кивнув головой)

Храни вас длань господня!

(Опускается в большое кресло и тяжело вздыхает.)

Я, господин Бельгард, совсем не спал сегодня!

Герцог Бельгард
(приближаясь с тремя глубокими поклонами)

Но, государь, уже давно никто не спит.

Король
(живо)

Так к бездне Франция и к гибели спешит?

Герцог Бельгард
Десница мощная ведет ее умело.

Король
Да, трудное в руках у кардинала дело.

Герцог Бельгард
О!

Король
Старость герцога я плохо берегу.
Не только царствовать, я жить едва могу!

Герцог Бельгард
Ведь кардинал не стар...

К о р о л ь

Теперь, Бельгард любезный,
Лишь будьте искренни — и будете полезны.
Что он за человек?

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Кто, государь?

К о р о л ь

Ну он.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Кто? Кардинал?

К о р о л ь

Ну да.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

О, взор мой ослеплен

И еле различит...

К о р о л ь

О, сколько слов прекрасных!

(Осматриваясь по сторонам)

Но эминенций нет — ни серых здесь, ни красных,
Нет соглядатаев. Дозвольте королю
Знать ваше мнение о Ришелье...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Молю!

Увольте, государь.

К о р о л ь

Всю правду!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

(смело)

Всю? Он гений.

К о р о л ь

Вы это повторить решитесь, без сомнений,
И в Риме? Слышите ль, как стонет вся страна,
Меж Ришелье и мной страдать осуждена.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Ах!

К о р о л ь

Разве всем теперь не ведает он сразу —
Войной, законами? Он отдает приказы,
Ну чем он не король? Изменой разогнал
Он Лигу и теперь свой грозный меч подъял
На друга — Австрию, откуда королева.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Но разрешил же вам он, государь, без гнева
Крольчатник завести...

К о р о л ь

Какая-то игра

Ведется с Данией...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Но цену серебра

Вы назначаете.

К о р о л ь

(с возрастающей досадой)

Меня он ссорит с Римом...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

С благоволением, ничем не объяснимым,
Дал вам издать указ, чтоб денег тратил всяк
Не более экю, когда идет в кабак.

К о р о л ь

А договоры те, что держит он в секрете...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Зато он терпит сбор охотников в Планшете.

К о р о л ь

Он все творит один, и жалоб тяжкий стон
Летит к нему давно — я в тень преображен,
Молящих голос стал чужд царственному слуху.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Зато излечивать дано вам золотуху.

Гнев короля усиливается.

К о р о л ь

Он хочет орден мой дать брату своему, —
Я этим возмущен, я запрещу ему.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Но...

К о р о л ь

Все его родных поносят...

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Зависть гложет.

К о р о л ь

А жизнь племянницы его на что похожа!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Навет!

К о р о л ь

А сколько сот пехоты держит он?

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Но конных только сто.

К о р о л ь

Я этим возмущен!

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

Он Францию спасет...

Король

Мою он губит душу.

Одной рукой у нас еретиков он душит,
Другой — со шведскими он пишет договор.

(На ухо Бельгарду)

А как подумаю я, сколько под топор
На площадь Гревскую он шлет людей! Ужасно!
И все друзья мои. На нем и платье красно
От крови их. Меня ж он трауром облек.

Герцог Бельгард

С своими кардинал не так же ль был жесток?

Король

И если любит тех, с кем так он поступает,
Я горячо любим...

(Резко, после молчания, скрестив руки на груди)

Мою он мать ссылает!

Герцог Бельгард

Желаньям вашего величества вполне
Он предан, кажется.

Король

Он ненавистен мне!

Меня он душит. Здесь я больше не свободен,
Здесь не хозяин я, — а я на что-то годен.
Но он, меня давя тяжелою стопой,
Рискует разбудить дух королевский мой.
Пусть я и слаб и хил, а жизнь его пылает,
Ей каждое мое дыханье угрожает,
И потушить ее смогу я, как свечу,
Когда я вслух скажу, про что еще молчу.

Молчание.

Он все в моей стране, как может, ухудшает.
Хворает сам король — и Франция страдает.
Снаружи и внутри — повсюду кардинал,
Король — нигде. Как зверь, он Австрию глодал,
Он корабли мои не защищает в море,
Не хочет, чтоб я был с Густав-Адольфом в ссоре...
Да что там! Он везде, он — сердце короля,

Полна им Франция, мой дом, моя семья.
Ах! Очень жалок я!

(Подходит к окну.)

И дождь стучит докучно.

Герцог Бельгард

Вам тяжело, государь?

Король

О мой Бельгард, мне скучно.

Молчание.

Мне, первому в стране, пришлось последним стать.

О, браконьеру я хотел бы трон отдать!

Весь день охотиться, другой не знать забавы,

Не знать стеснения и спать в тени дубравы,

Слуг короля громить, с грозою петь в лесах

И в чаще вольно жить, как птица в небесах!

Свободный селянин в дому своем хозяин,

А в Лувре у меня всегда пурпурный Каин, —

Так важен и так строг, и вечно шепчет он:

«Вам, верно, государь, угоден сей закон?»

Он разлучил меня с страной, мне богом данной,

И, как ребенка, скрыл под мантией багряной.

Когда вы спросите; «Кого туда, шаля,

Упрятал кардинал?» — вам скажут: «Короля!»

И вечно списки жертв рябят перед глазами:

То с дуэлянтами, а то с еретиками.

В дуэли грех какой, я что-то не пойму...

И трупы, трупы... Ах! На что они ему?

Бельгард топает ногой.

Входят маркиз де Нанжи и Марьон.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, Марьон, маркиз де Нанжи.

Маркиз де Нанжи приближается со своей стражей к королю и за несколько шагов от него становится на одно колено. Марьон падает на колени у входа.

Маркиз де Нанжи

Управы!

Король

На кого?

Маркиз де Нанжи
На злого беса в алом,
Что величают здесь министром-кардиналом.

Марьон
И милости...

Король
Кому?

Марьон
Дидье.

Маркиз де Нанжи
И Саверни.

Король
Два эти имени! Встречались мне они.

Маркиз де Нанжи
Пощады, государь!

Король
А кто вам эти люди?

Маркиз де Нанжи
Я — дядя Саверни.

Марьон
Дидье мне братом будет.

Король
Что, дядя и сестра, вас привело сюда?

Маркиз де Нанжи
(показывая по очереди на правую и левую руку короля)

От правой — милости, от левой — я суда
Хочу! Я — де Нанжи, маркиз. И я владею
Ста копыеносцами и крепостью моею.

Я против Ришелье, Армана Дюплесси,
Взываю к королю и к богу в небеси.
И я по праву здесь и в этом не раскаюсь.
Гаспар де Саверни, о коем я стараюсь,
Племянник мой...

М а р ь о н
(тихо, маркизу)

Маркиз, а мой несчастный брат!

М а р к и з д е Н а н ж и

Гаспар ввязался в спор, но кто же виноват,
Что поединком все окончилось некстати
С каким-то там Дидье — он из недавней знати;
Но благородства дух в них до конца пылал,
А кардинал своих ищеек разослал.

К о р о л ь

Известно дело мне. Довольно. Что еще там?

М а р к и з д е Н а н ж и
(поднимаясь)

Пусть к вашим, государь, прибавится заботам
То обстоятельство, что кардинал-тиран
И замышляет зло и нашей кровью пьян.
Покойный ваш отец, наш Генрих незабвенный,
Со знатью в мире жил и в дружбе неизменной.
Хранимый ею, он умел ее хранить
И лишь преступника способен был казнить.
Дворянство Франции на лучшее пригодно,
Чем головы терять позорно и бесплодно.
И кто оплот всему — знал Генрих, чей кафтан
Был залит, и не раз, в сраженьях кровью ран.
Вот время, что своим я буду звать упорно.
Дух древней знати жил среди вельмож придворных;
Дворян священник бы не тронул никогда.
Невинный точно знал, что не придет беда.
И так как к временам приблизились мы скверным,
Храните, государь, дворян, престолу верных.
Поверьте старику — еще наступит час,
Когда, припомнив все, вздохнете вы не раз,

Что площадь Гревская у нас в таком почете,
И всех погибших там невольно перечтете.
Вы с горечью тогда свой оглядите двор,
Бесстрашных тех вблизи искать ваш будет взор
Вотще! — Погибли все. А не были бы стары...
Междоусобицы еще горят пожары,
И в городе еще набатный слышен звон.
Палач не нужен нам. Пусть отдыхает он.
Пусть спрячет свой топор. Не надо плахи грозной,
А то начнете вы, когда уж будет поздно,
Оплакивать того, чей вот сейчас костяк
В цепях качается, нам предвещающая мрак.
Нет, государь, ведь кровь — плохое орошение.
На Гревской площади не вырастут растенья,
И никому не мил ваш царственный балкон,
Когда пустеет Лувр и люден Монфокон.
Позор придворному, что вас увеселяет,
В то время как палач топор приготавливает.
Пусть сладко льстец поет, пусть повторяет он,
Что вы — сын Генриха, прославленный Бурбон.
Как голос сей ни льстив, как он ни сладок будет,
Звук павшей головы скорей услышат люди.
Довольно вам играть! Помыслите о том,
Что пред господним вы предстанете судом.
Чтоб вас предупредить, скажу вам без боязни,
Что битвы честные куда нужней, чем казни,
И то не честь стране и не венец удач,
Что воин не у дел, а нужен ей палач.
И горек Франции, где мы родились с вами,
Тот пастырь, что налог взимает головами.
Подобных извергов не терпит род людской.
Он скипетр ваш берет кровавою рукой.

К о р о л ь

Но монсеньер — мой друг, и все должны отменно
Быть преданны ему.

М а р к и з д е Н а н ж и

О!

К о р о л ь

Это непременно.

Маркиз де Нанжи

О!

Король

Наставленьем нас не мучьте вы своим.

(Показывая на свои седеющие волосы)

Вот что нас делает до времени седым.

Маркиз де Нанжи

Здесь молит вас старик, здесь женщина рыдает!
А час, что все решит, незримо наступает.

Король

Чего хотите вы?

Маркиз де Нанжи

Пощады Саверни!

Марьон

И милость для Дидье!

Король

Видали в наши дни,
Что милость с правдою бывает часто в ссоре.

Марьон

Мы молим, государь, участия в нашем горе.
Ведь вы не знаете, что дуэлянты те,
Почти что отроки, в безвыходной беде.
Смерть, боже правый! Смерть на виселице черной!
О, пожалейте их! Мне чужд язык придворный,
Я плохо говорю. Быть может, слезы — грех,
Но этот кардинал — ведь он страшнее всех.
За что разгневался, за что несчастных губит?
Не знает он Дидье. Кто знал его, тот любит!
Смерть в этом возрасте... За поединок! — Нет!
У них есть матери!.. Подумать страшно... Бред...
Вы не допустите... Как женщина несчастна!
Не может убеждать она разумно, ясно,
У нас лишь вопли есть и слез невольных град,
Нам на колени стать велит ваш первый взгляд.

О! Если их вина вас чем-то оскорбляет,
Простите их скорей. Ведь молодость не знает
Сама, что делает, безумная, она;
За слово резкое уж ссора зажжена,
И оскорбления уж полетели роем;
Все это пустяки. Но мир наш так устроен.
Всем этим господам известно это — их
Спросите, государь! Не так ли?.. Вы моих
Спасли могли б друзей, произнеся полслова.
О! Я бы вас любить всю жизнь была готова.
Пощады! Господи, умей я говорить,
Вы так сказали бы: «Хочу ее простить,
То бедное дитя, молящее упрямо».
Как душно мне! Дидье! Прошу...

К о р о л ь

Кто эта дама?

М а р ь о н

Сестра несчастного. У ваших ног дрожу.
Народу вы родной...

К о р о л ь

Я всем принадлежу.
Дуэль — ужасный бич; бороться должно с нею.

М а р ь о н

Но жалость всем нужна.

К о р о л ь

Пример еще нужнее.

М а р к и з д е Н а н ж и

Позвольте, государь, вам дать один совет:
Сложите их лета — и будет сорок лет.

М а р ь о н

Но мать имеет, о государь, вы сами,
Жену и сына, тех, кто так любимы вами.
Ведь и у вас есть брат, — так сжальтесь над сестрой.

К о р о л ь

Нет, брата нет...

(Задумывается на минуту.)

Ах да, есть... Герцог — брат он мой.

(Замечая свиту маркиза)

К маркизу де Нанжи мы обращаем слово:
В осаде ли дворец иль то поход крестовый,
Что с гвардией своей сюда явился он?
Вы герцог или пэр?

М а р к и з д е Н а н ж и

Бретонский я барон
И этих герцогов и пэров родовитей,
Что здесь вы, государь, указами творите.

Г е р ц о г Б е л ь г а р д

(в сторону)

Вот гордость адская, вот непокорный нрав!

К о р о л ь

Отлично. В замок свой несите ваших прав
Весь список, но хоть здесь оставьте нас в покое —
И будем квиты мы.

М а р к и з д е Н а н ж и

(содрогаясь)

Невинны эти двое...

Хоть снисхождение имейте к их летам
И к сердцу старика, что к вашим пал ногам.

К о р о л ь делает резкое движение, выражающее гнев и отказ. М а р к и з медленно поднимается.

Когда родитель ваш и общий благодетель, —
Чей был соратник я, и я — увы! — свидетель
Убийства, — был пронзен кинжалом, я хранил
Всю ночь покойного — я долгу верен был.
Погибли мой отец и братья дорогие
В междоусобицы години роковые.

Любившую меня я потерял, увы!
И ныне тот старик, с кем так жестоки вы,
Подобен вздернутой на дыбе жертве ката,
Что мучиться ее оставил до заката.
Так кости все мои господь переломал
Железной палицей. И вечер мой настал!

(Кладя руку на грудь)

Удар последний здесь. О, сохрани вас боже!

Низко кланяется и уходит. Марьон с трудом поднимается с колен
и почти замертво падает в амбразуре позолоченной двери, ведущей
в кабинет короля.

К о р о л ь

*(отерев слезы, следит глазами за уходящим маркизом;
Бельгарду)*

Король быть должен тверд, когда его тревожат.
Как трудно добрым быть... Он душу мне пронзил.

*(На мгновение задумывается, потом резко прерывает
молчание.)*

Не будет милости! Вчера я нагрешил.

(Приближаясь к Бельгарду)

Мне, герцог, кажется, еще до их прихода
Была у вас в речах излишняя свобода,
И это принесет вам очень сильный вред,
Когда всю суть моих сегодняшних бесед
Узнает кардинал. Впредь будьте осторожны.

(Зевая)

Я плохо спал, Бельгард, и сны мои тревожны.

(Жестом высылая из комнаты стражу и придворных)

Идите, господа, прощайте!

(К Ланжели)

Будь со мной!

Все выходят, кроме Марьон, которую король не видит. Герцог
Бельгард замечает ее, полулежащую на пороге двери, и подходит
к ней.

Герцог Бельгард
(тихо, к Марьон)

А вам не место здесь. И что за срам такой,
Что на пороге вы, как статуя, застыли?
Идите, милая!

Марьон
Жду, чтоб меня убили.

Ланжели
(тихо, герцогу)

Пусть будет там она.

(Тихо, к Марьон)

Останьтесь.

(Снова подходит к королю, который сел в кресло и глубоко задумался.)

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Король, Ланжели.

Король
(с глубоким вздохом)

Ланжели!

Я болен, горечью мне сердце обожгли.
Я больше не смеюсь. Глаза оцепенели,
Слез нету. Иногда слова твои умели
Разгладить мне чело; величие мое
Забыв, склонись к душе, развесели ее.

Ланжели

Не правда ль, жизнь таит и горечь и страданье?

Король
Увы!

Ланжели

А человек... он хрупок, как дыханье.

Король
Дыханье скорбное...

Л а н ж е л и

А если он король,
То в сердце обречен нести двойную боль, —
Не так ли, государь?

К о р о л ь

Двойная ноша!

Л а н ж е л и

Верно;
В могиле лучше быть, хоть тьма ее безмерна.

К о р о л ь

Я думал так всегда.

Л а н ж е л и

В гробу быть иль на свет
Не появляться бы... другого счастья нет!

К о р о л ь

О, сколь мне речь твоя приятна и отрадна!

Молчание.

Л а н ж е л и

Но разве выход есть из той могилы смрадной?

К о р о л ь

(становясь все грустнее от слов шута)

Как знать! Но умереть сейчас хотел бы я.

Молчание.

Как я несчастен, шут! Поймешь ли ты меня?

Л а н ж е л и

Я вижу, государь, поникли вы в печали,
Истаяли.

К о р о л ь

Меня развеселишь едва ли!

(Подходя к шуту)

Со мною, видишь ли, весь твой потерян труд.
И что за ремесло! Ты — королевский шут,

Паяц, который вдруг то поднят, то отброшен.
Твой смех, состарившись, гримасой перекошен.
Зачем ты в мире здесь, к чему игра твоя
И для чего живешь?

Л а н ж е л и

О, любопытен я!

Но вы... зачем вам жить? Я вас в душе жалею.
И что вы за король? Вы женщина скорее!
И пусть я лишь паяц, на нитке, слаб и хил, —
Плащ королевский ваш такую ж нить прикрыл.
А я бы предпочел, скажу вам без обмана,
Быть куклой короля, чем куклою Армана.

Молчание

К о р о л ь

(задумчиво, впадая все в большую печаль от слов шута)

Ты шутишь, но ты прав. Пришел из ада он.
Не сам ли сатана в него преображен?
И не его ль в душе моей зияет метка?
Что скажешь?

Л а н ж е л и

Думал я об этом сам нередко.

К о р о л ь

Про это говорить теперь не должно нам.
Как беды гонятся за мною по пятам:
Сюда мне присланы испанские бакланы,
Но рыбной ловли нет. Кругом одни поляны.
Не может прихвастнуть прославленный Шамбор
Прудом, где бы вода дошла хотя б до шпор.
Я выйду с удочкой — поля, с мушкетом — море.
О, как несчастен я!

Л а н ж е л и

Полна тоски и горя

Вся ваша жизнь.

К о р о л ь

А ты б меня повеселил.

Л а н ж е л и

Напротив, огорчу. Я слышал, что вам мил, —
И очень правильно, — уход за соколами,
Что куропаток бьют. И знаете вы сами,
Как важен для того сокольничий.

К о р о л ь
(живо)

Он — бог!

Л а н ж е л и

Так вот двоих из них я слышу смертный вздох.

К о р о л ь

Двоих?

Л а н ж е л и

Да.

К о р о л ь

Кто они?

Л а н ж е л и

Известные...

К о р о л ь .

Но кто же?

Л а н ж е л и

Да те, из-за кого вас просьбами тревожат.

К о р о л ь

Дидье и Саверни?

Л а н ж е л и

Да, им подобных нет.

К о р о л ь

Вот неудача-то! Страшнее злейших бед.
Искусство их и так в упадке и застое.
Со мной оно умрет, как, впрочем, все другое.
Из-за чего дрались?

Л а н ж е л и

За странную мечту —
Что сокол кречета обгонит на лету.

К о р о л ь

Неверно. Но едва ль заслуживает казни.

Молчание.

Я мог бы их спасти, когда б не тень боязни,
Что слишком мягким он меня сочтет, увы!

Молчание.

(К Ланжели)

Так хочет Ришелье повесить их?

Л а н ж е л и

А вы?

К о р о л ь

(подумав и помолчав)

Они умрут!

Л а н ж е л и

Умрут.

К о р о л ь

Как быть? Моя охота...

Л а н ж е л и

(приблизившись к окну)

Взгляните, государь!

К о р о л ь

(резко оборачиваясь)

На что?

Л а н ж е л и

Там видно что-то.

К о р о л ь

(поднявшись и подходя к окну)

Что?

Л а н ж е л и

(показывая ему на что-то за окном)

Смена часовых теперь идет.

К о р о л ь

Ну что?

И это все?

Л а н ж е л и

Кто в желтом гам?

К о р о л ь

Никто, —

Капрал...

Л а н ж е л и

Сюда привел другого человека.

И что ему шепнул?

К о р о л ь

Пароль. Ведь так от века

Положено... Ну что?

Л а н ж е л и

Веду я вот к чему:

Король — как часовой, и ведомо ему:

Не пика — скипетр длань его отягощает;

Как он отцарствует, тогда его сменяет

Капрал всех королей — смерть, чтоб другой король

Державу получил, а с ней такой пароль,

Как *Милосердие*, что прямо дан нам богом.

К о р о л ь

Нет, *Правосудие!* Хотя решение строго,

Им должно умереть.

Л а н ж е л и

Как вам, как мне, как всем.

Смерть говорит: «Я все, что мне предложат, ем».

Хоть тесно мертвецам, но спать спокойно можно,

А с кардиналом вам и тесно и тревожно.

Да что там, государь, — день, месяц минут, год...
И, совершивши все, все трое в свой черед,
Дурак — я, вы — король и кардинал-властитель,
Спокойно мы уснем; и пусть, как победитель,
В великой гордости кичится человек —
В шесть футов будет гроб, чтоб спать ему навек.
И Ришелье давно уж изменяют силы.

К о р о л ь

Да, очень жизнь темна, и так светлы могилы!
Но ты со мной еще дурачься и шути.

Л а н ж е л и

Я, государь, пришел, чтоб вам сказать: прости.

К о р о л ь

Что?

Л а н ж е л и

Покидаю вас...

К о р о л ь

Послушай, что за бредни?
Из службы королям идут лишь в путь последний.

Л а н ж е л и

Да... скоро я умру.

К о р о л ь

Ты вправду помрачен?
Шут!

Л а н ж е л и

Вешает меня Людовик и Бурбон.

К о р о л ь

Так Расскажи теперь всерьез об этом деле.

Л а н ж е л и

В несчастной той и я участвовал дуэли;
А впрочем, хоть не я, но шпага эта — вот,
Вот, государь.

(Преклонив колено, подает шпагу королю.)

К о р о л ь
(беря шпагу и разглядывая ее)

Меня сомнение берет.
Да... Шпага... Отчего?

Л а н ж е л и

Рожден я дворянином.
Мы в преступлении замешаны едином
Все трое.

К о р о л ь
(серьезно и мрачно)

Так. Прощай. Позволь мне, бедный шут,
Тебя поцеловать, пока еще ты тут.

Л а н ж е л и
(в сторону)

Ужасно, как всерьез он принимает дело!

К о р о л ь
(помолчав)

Нет, правосудью я не ставил бы предела,
Но вас, Арман, не зря жестоким назовут:
Погибнут за дуэль сокольничьи и шут.

(Прохаживается сильно взволнованный, приложив руку ко лбу. Потом обращается к встревоженному Ланжели.)

Утешься, бедный шут: вся жизнь — одно страданье,
Смерть лучше. Человек непрочен, как дыханье...

Л а н ж е л и
(в сторону)

Чорт!

К о р о л ь
(продолжает прохаживаться; он очень взволнован)

Бедный шут, теперь приходит твой черед!

Л а н ж е л и
(в сторону)

Однако у меня по лбу струится пот.
(Громко)

Коль не заступитесь...

К о р о л ь

А с кем мне веселиться?
Ты мне придешь сказать, что в мире том творится?
Вот случай редкостный.

Л а н ж е л и
(в сторону)

Какой урок мне дан!

К о р о л ь продолжает прохаживаться большими шагами, время от времени обращаясь к Ланжели.

К о р о л ь

О Ланжели! Как вновь взнесется наш Арман!
(Скрещивая на груди руки)

Вернусь ли к власти я, вот что меня тревожит.

Л а н ж е л и

Монтень изрек: «Как знать?» Рабле сказал: «Быть
может»...

К о р о л ь
(с жестом решимости)

Шут, дай пергамент мне!

Л а н ж е л и поспешно подает ему лист пергамента, лежащий на столе около чернильницы. К о р о л ь быстро пишет несколько слов, затем отдает пергамент Ланжели

Я всех прощаю вас.

Л а н ж е л и

Как? Всех троих?

К о р о л ь

Ну да.

Л а н ж е л и
(подбегая к Марьон)

Сюда, скорей, сейчас!

И в ноги королю!

М а р ь о н
(падая на колени)

Оказана пощада?

Л а н ж е л и
И это я...

М а р ь о н
Но чьи ж лобзать колени надо —
Его иль ваши?

К о р о л ь
(изумленно разглядывая Марьон, в сторону)
Что за странный поворот?
Иль это западня?

Л а н ж е л и
(передавая пергамент Марьон)

Помилованье — вот.

М а р ь о н целует пергамент и прячет его на груди.

К о р о л ь
(в сторону)
Обман?
(К Марьон)

Сударыня, прошу — повремените;
Где этот лист?

М а р ь о н
Бог мой!

(Смело показывая королю на свою грудь)
Его вот здесь ищите
И с сердцем вырвите.

Король останавливается в замешательстве и отступает.

Л а н ж е л и
(тихо, к Марьон)

Держитесь, милый друг;
Король наш ни за что туда не сунет рук.

К о р о л ь
(к Марьон)

Отдайте, говорю.

М а р ь о н
Возьмите!

К о р о л ь
(опуская глаза)

Чары девы!

Л а н ж е л и
(тихо, к Марьон)

Он не коснулся бы корсажа королевы!

К о р о л ь
(после минутного колебания, не поднимая глаз, жестом
приказывает Марьон удалиться)

Ступайте.

М а р ь о н
(с глубоким поклоном королю)

Я бегу их вырвать из оков.

(Уходит.)

Л а н ж е л и

Она — сестра Дидье, что холит соколов.

К о р о л ь

Мне это все равно... Но непонятна сила,
С которой она меня вот так смутила.

Молчание

Тебя опять простить я должен, Ланжели!
Шут, ты меня провел.

Л а н ж е л и

Но знают короли,
Что милость оказать и самому приятно.

К о р о л ь

Шут прав! В дни казней я тоскую безотрадно;
И прав Нанжи: мертвец не годен ни к чему,
И людный Монфокон — смерть Лувру моему.

(Прохаживается большими шагами.)

Как он посмел отнять, преступно и лукаво,
У сына Генриха помилованья право?
Обезоружен я, отцовский отнят трон!
Я в этом Ришелье, как в гробе, заключен,
И мантия его — мой саван погребальный.
Нет, этим юношам судьбы такой печальной
Я не хочу. Нет. Жизнь прекрасней всех даров.

(После короткого раздумья)

Бог властен смертному раскрыть могильный ров,
Но не король. Прощу, не совершу злодеяства,
И этих мальчиков счастливые семейства
Меня благословят. Решаю! Подписал
Король. Пусть бесится, как хочет, кардинал.
Зато мой друг Бельгард веселым глянет оком.

Л а н ж е л и

Подчас и королем быть можно ненароком.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

КАРДИНАЛ

Божанси

Замок Божанси. Тюремный двор. В глубине башня. К ней с обеих сторон примыкает высокая стена. Налево высокие стрельчатые ворота; направо калитка, пробитая в стене. Около двери каменный стол и каменная скамья.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Рабочие разбирают угол стены в глубине сцены налево. Брешь уже довольно велика.

Первый рабочий
(ударяя киркой)

Ух! Тяжело!

Второй рабочий
(ударяя киркой)

Пока стена не упадет,
Возиться с проклятой!

Третий рабочий
(ударяя киркой)

Пьер, видел эшафот?

Первый рабочий

Да.

(Идет к воротам и обмеряет их.)

Тут, действительно, как будто места мало,
Чтобы могли пройти носилки кардинала.

Третий рабочий

Так это целый дом?

Первый рабочий

(утвердительно кивая головой)

Весь в занавесках он.
Их носит на спине едва ль не батальон.

Второй рабочий

Я встретил чудище под вечер средь тумана.
Казалось, в темноте несут Левиафана.

Третий рабочий

Зачем он явится с охраною своей?

Первый рабочий

Чтоб поглядеть на казнь тех молодых людей.
Так развлекаясь, он поддерживает силы.

Второй рабочий

Ну что ж, пора кончать!

Они снова принимаются за работу; стена почти разрушена.

Третий рабочий

Видал ли, братец милый,
Для знати эшафот?

Первый рабочий

Все им одним.

Второй рабочий

Ну вот,
Кто стал бы строить нам такой же эшафот?

Первый рабочий

А понял ли ты, что те люди совершили,
Чтоб их казнить, Морис?

Третий рабочий

Нет. Так в суде решили.

Рабочие продолжают ломать стену. Входит Лафемас. Рабочие замолкают. Он выходит из глубины сцены, словно идет из внутреннего тюремного двора. Он останавливается около рабочих, как будто рассматривая брешь, и дает им какие-то указания. Когда пролом закончен, он велит им затянуть его черным сукном, которое совершенно скрывает брешь; затем отпускает рабочих. Почти в то же время появляется Марьон в белом платье и под вуалем. Она входит в ворота, быстро проходит по двору тюрьмы и стучит в калитку. Лафемас направляется в ту же сторону медленными шагами. Калитка открывается. Появляется привратник.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Марьон, Лафемас.

Марьон

(показывая привратнику пергамент)

С приказом короля!

Привратник

Нельзя сюда.

Марьон

Но как!

Лафемас

(предъявляя привратнику бумагу)

Подписан герцогом!

Привратник

Войдите.

Лафемас, перед тем как войти, оглядывается; одно мгновение он смотрит на Марьон, затем подходит к ней. Привратник закрывает калитку.

Л а ф е м а с
(к Марьон)

Вот так так!
Что это, вы опять проникли в эти стены?

М а р ь о н
(с торжеством показывая пергамент)
Помилованье здесь!

Л а ф е м а с
(показывая свою бумагу)
А здесь его отмена.

М а р ь о н
(с криком ужаса)
Приказ мой дан вчера!

Л а ф е м а с
А мой сегодня дан.

М а р ь о н
(закрывая лицо руками)
Надежды больше нет!

Л а ф е м а с
Надежды все — обман.
И милость королей — непрочная опора;
Подходит медленно и убегает скоро.

М а р ь о н
Но мне же сам король спасти их обещал!

Л а ф е м а с
Что может сам король, коль хочет кардинал?

М а р ь о н
Дидье! Последняя надежда гаснет, милый!

Л а ф е м а с
(тихо)

Нет, не последняя.

М а р ь о н
О боже!

Л а ф е м а с
(подходя к ней, тихо)

Здесь, в унылой
Тюрьме, есть человек, который вдохновлен,
Быть может, вами так, что все исполнит он!

М а р ь о н
Уйди!

Л а ф е м а с
И это все?

М а р ь о н
(высокомерно)
Оставь меня в покое!

Л а ф е м а с
Характер женщины причудливо устроен!
Быть ласковой ко всем не трудно было ей, —
А ныне, чтоб спасти того, кто всех милей...

М а р ь о н
(поворачивается к калитке, с мольбой сложив руки)
О, даже для тебя я чести не нарушу!
Я не могу! Твой дух мою очистил душу.
Дидье мой, близ тебя я сделалась иной!
Я, словно девушка, стою перед тобой.

Л а ф е м а с
Любите же его!

М а р ь о н
Вот зверь! От преступленья
К пороку он идет!

Лафемас

Одно лишь одолжение
Могу вам оказать.

Марьон

Какое?

Лафемас

В девять — казнь.
Проститься хочешь с ним, отбросивши боязнь?

Марьон

(дрожа всем телом)

Сегодня вечером!

Лафемас

И даже, без сомненья,
Прибудет кардинал взглянуть на представленье.

Марьон погружается в глубокую задумчивость, полную отчаяния.
Вдруг она проводит обеими руками по лбу и обращается, как потерянная, к Лафемасу.

Марьон

А что бы вы сделали, чтоб им помочь уйти?

Лафемас

(тихо)

Ага, согласны? Что ж, легко могу найти
Двух верных мне людей, чтоб здесь, у поворота,
Поставить на часах...

(Прислушивается, повернувшись к дверце.)

Уж не идет ли кто-то?

Марьон

(ломая руки)

И вы б его спасли?

Лафемас

Да.

(Тихо)

Но я говорю
Здесь громко для тюрьмы.

Марьон
(с отчаянием)

Идем!

Лафемас направляется к воротам и манит Марьон пальцем за собою. Она падает на колени, повернувшись лицом к тюремной калитке; затем судорожным движением поднимается и исчезает в воротах вслед за Лафемасом. Калитка открывается, оттуда выходят Саверни и Дидье, окруженные стражей.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дидье, Саверни.

Саверни, одетый по последней моде, входит шумно и весело. Дидье, весь в черном, бледный, идет медленными шагами. Их ведет тюремщик в сопровождении двух алебардчиков. Тюремщик ставит алебардчиков на часы около черного занавеса. Дидье молча садится на каменную скамью.

Саверни
(тюремщику, который открыл ему дверь)
Благодарю!

Как здесь легко дышать!

Тюремщик
(отводя его в сторону, тихо)

Два слова, разрешите.

Саверни
Хоть сто!

Тюремщик
(еще более понижая голос)

Хотите вы бежать?

С а в е р н и
(с живостью)

Но как, скажите?

Т ю р е м щ и к

Я все устрою сам.

С а в е р н и
Серьезно?

Т ю р е м щ и к кивает головой.

Кардинал
Хотел, чтоб я не мог отправиться на бал!
Но, чорт возьми, еще мы потанцуем лихо!
Прекрасна жизнь!

(Тюремщику)

Когда ж?

Т ю р е м щ и к

Когда все станет тихо.

С а в е р н и
(потирая руки)

Я этим восхищен, конечно. Но скажи,
Кто помощь мне прислал?

Т ю р е м щ и к

Ваш дядя де Нанжи.

С а в е р н и
О добрый дядюшка!

(Тюремщику)

Да, но бежать — обоим?

Т ю р е м щ и к

Нет, только одному.

С а в е р н и
Награду мы удвоим

Т ю р е м щ и к

Нет, только одному.

С а в е р н и

(*качая головой*)

Ах, одному?

(*Тихо, тюремщику*)

Как быть?

(*Показывая на Дидье*)

Тогда спасай его.

Т ю р е м щ и к

Изволите шутить?

С а в е р н и

Да нет же.

Т ю р е м щ и к

Сударь, мне не ясно ваше слово!

Старался дядя ваш для вас, не для чужого.

С а в е р н и

Как! Пусть же саваны обоим нам несут.

(*Отворачивается от изумленного тюремщика.*)

Входит писец.

Здесь можно быть одним не больше трех минут!

П и с е ц

(*кланяясь заключенным*)

К вам, господа, сейчас прибудет член Палаты,
Советник короля.

(*Снова кланяется и уходит.*)

С а в е р н и

Так.

(*Смеясь*)

Что за рок проклятый

Всего лишь двадцать раз дожить до сентября!

Д и д ь е

(держа в руках портрет, приближается к рампе и останавливается, погруженный в созерцание)

Явись! Гляди в глаза! Вот так, моя заря!
О, как ты хороша в своей красе прелестной!
Ты разве женщина? Ты, верно, гость небесный!
И сам господь, твой взор наполнив чистотой,
Смешал в нем страсти блеск с невинностью святой.
И этот детский рот, капризно приоткрытый,
Так целомудренно...

(Бросая портрет с яростью на землю)

О, лучше бы о плиты
Нашедшая меня разбила череп мой,
А не взяла дитя и унесла домой!
И чем пред матерью моей я провинился,
Что в наказание на этот свет родился?
Ах, чтобы любящей родительницей быть,
Она должна была младенца задуть.

С а в е р н и

(возвращаясь из глубины тюремного двора)

Как кружат ласточки в прохладе предвечерней!
Наверно, будет дождь...

Д и д ь е

(не слушая его)

О, что тебя неверней
На свете, женщина, безумней и горчей!
Мятежна, глубока ты, как волна морей.
Я морю этому — увы! — мой парус вверил,
И я на небесах звезде единой верил.
Корабль пошел ко дну. К могиле я приплыл,
Но добрым я рожден, мой путь прекрасен был.
Божественный огонь во мне пылал, наверно,
Дух сердце оживлял. — О, как ты лицемерна!
Как смертная тебя не охватила дрожь,
Когда позорную ты мне шептала ложь?

С а в е р н и

Опять вы про Марьон? Так помешаться можно
Легко!

Д и д ь е

*(не слушая его, поднимает портрет и устремляет на него
взор)*

Среди всего, что мерзостно и ложно,
Тебя отброшу я, пропахшую грехом.
Ты демон, ангельским прикрывшийся крылом!
(Снова прячет портрет у себя на груди.)

Вернись ко мне на грудь!

(Подходя к Саверни)

Но это просто чудо!
Он жив, ее портрет. Скажу тебе: покуда
Ты безмятежно спал в безмолвии ночном,
Он сердце мне глодал. Готов поклясться в том!

С а в е р н и

Поговорим про смерть, друг, сделай одолженье!
(В сторону)

Я от нее грущу — ему в ней утешенье.

Д и д ь е

О чем вы просите? Ведь я не слышал вас.
Я забываю все, мой дух совсем угас.
Никак не совладать мне с чувствами моими
С тех пор, как услышал я роковое имя.

С а в е р н и
(беря его под руку)

Смерть!

Д и д ь е
(радостно)

Вот что! Смерть!

С а в е р н и

Так я теперь совсем непрочь
О ней потолковать.

Д и д ь е

Как спал ты эту ночь?

С а в е р н и

Прескверно: не заснешь на этом твердом ложе.

Д и д ь е

Когда умрете вы, не мягкой будет тоже
Постель, но нерушим загробный будет сон.
И это все. Ад есть — но что такое он
В сравнение с жизнью?

С а в е р н и

Да, мой страх пронесся мимо.
Но быть повешенным — вот что мне нестерпимо!

Д и д ь е

По мне и это смерть, и после — тот же сон.

С а в е р н и

Я рад за вас, Дидье, но сам я огорчен.
Не смерть меня страшит, скажу я без рисовки:
Пусть смертью будет смерть, а не кусок веревки.

Д и д ь е

Обличий смерти — тьма, петля — из них одно.
Не спорю, страшным быть мгновение должно,
Когда вас узел сжал, как задувают пламя,
И душу вольную вдруг разлучают с вами.
Но как подумаешь, не все ли нам равно, —
О, лишь бы на земле все сделалось темно! —
Лежишь ли под плитой, что хвалит вас и душит,
Иль злобный ветер ночей останки ваши сушит,
И ворон, каркая, уже разнес в когтях
Лохмотья бедные, ваш бездыханный прах?

С а в е р н и

Вы в мрачной мудрости не знаете предела.

Д и д ь е

Пусть клювы коршунов мое терзают тело
И черви точат пусть, — не так ли с королем
Бывает? Это мне, мой милый, нипочем!
Когда навеки жизнь плоть мертвую покинет,
Незримою рукой душа надгробье сдвинет
И в небо улетит.

Входит советник в сопровождении алебарщиков, одетых в черное.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, советник палаты в парадном одеянье, тюремщики,
стража.

Т ю р е м щ и к

(объявляет)

Советник короля!

С о в е т н и к

(кланяясь по очереди Саверни и Дидье)

Тяжка и горестна обязанность моя,
И строг закон...

С а в е р н и

Так, так. Отказ в смягчение кары?

С о в е т н и к

(развертывает лист пергамента и читает)

«Людовик, Франции король, король Наварры,
Преступным людям сим отказываем мы
В той просьбе, что они прислали из тюрьмы.
Но, дабы их очаг от срама был избавлен,
Тот и другой злодей да будет обезглавлен».

С а в е р н и

(радостно)

Как хорошо!

Советник
(снова кланяясь)

Теперь вам наготове быть.
Сегодня казнь.

(Откланивается, собираясь уйти.)

Дидье
(не меняя задумчивой позы, к Саверни)

Итак, прошу вас не забыть:
Когда по смерти труп холодным прахом станет,
Пусть члены мертвые меч палача изранит,
Пусть руки вывернут и кости истолкут,
В канавы сточные, как падаль, повлекут, —
Из этой плоти всей, зловонной и кровавой,
Бессмертная душа возносится со славой!

Советник
(возвращаясь, к Дидье)

О смерти надобно подумать вам, увы!
Все кончено...

Дидье
(кратко)

Зачем меня прервали вы?

Саверни
(радостно, к Дидье)

Петли не будет!

Дидье
Так. Программу изменили.
Головорез придет с преосвященством, или
Топор заржавел бы! Так хочет кардинал.

Саверни
О, как вы холодны! А я возликовал
(к советнику)

И благодарен вам за это извещение.

Советник

Я, сударь, был бы рад вам возвестить прощенье...

Саверни
(перебивая его)

В котором же часу?

Советник

Казнь? — Ровно в девять, да.

Дидье

Я рад, что солнца мне не видеть никогда.

Саверни

Где будет эшафот?

Советник

(указывая рукой на соседний двор)

Да тут, на этом месте;
Мы монсеньера ждем.

Уходит со своими подручными. Узники остаются одни. Смеркается. Видно лишь, как в глубине сцены поблескивают алебарды двух часовых, которые безмолвно прохаживаются перед проломом.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дидье, Саверни.

Дидье

(торжественно, после некоторого молчания)

Теперь мы с вами вместе
Подумаем, Гаспар, в последний этот час
О горькой участи, что ожидает нас.
Мы сверстники, но вас старше я намного,
И я хочу вам быть опорой и подмогой;
Тем более что я вас погубил, — беда
Шла от меня, — ты был еще счастлив тогда.
Я тронул жизнь твою; мое прикосновенье
Сломало эту жизнь в единое мгновенье.

Итак, вступаем мы под своды темноты
Могильной. Руку дай!

Слышны удары молотков.

С а в е р н и
Шум этот слышишь ты?

Д и д ь е

Там строят эшафот иль нам гроба готовят.

С а в е р н и садится на каменную скамью.

В последний миг сердца иные прекословят,
И держит жизнь людей так цепко иногда!

Часы бьют один раз.

Мне кажется, зовет нас кто-то... Слышишь, да?

Второй удар часов.

С а в е р н и

Нет, это бьют часы.

Третий удар.

Д и д ь е

Так.

Четвертый удар.

С а в е р н и

Из часовни это.

Еще четыре удара.

Д и д ь е

И все же это звук и зова и привета.

С а в е р н и

Нам ждать еще лишь час.

Облокачивается на каменный стол и опускает голову на руки. Часо-
вые сменяются.

Д и д ь е

Но берегись, дружок,
Споткнуться, ослабев, о роковой порог.
В кровавой горнице так низки арки свода,
Что людям голову срубают с плеч у входа.

Брат, твердо мы пойдем навстречу палачам.
Пусть эшафот дрожит, — дрожать невместно нам
Им головы нужны, клянусь душой моею:
Взойдем на эшафот, не преклоняя шею.

(Подходит к неподвижно сидящему Саверни.)

Мужайся!

(Берет его за руку и убеждается, что тот спит.)

Он уснул! А я ему пою
Про мужество! Пред ним я мальчик, признаю!...

(Садится.)

Спи, ты, что можешь спать! Но час наступит скоро
Заснуть вот так и мне. О, только б тень позора
И ненависть ушли из сердца моего!
О, пусть в могиле я не помню ничего!

Совсем стемнело. В то время как Дидье все более углубляется в свои мысли, через пролом входят Марьон и тюремщик. Тюремщик идет впереди с потайным фонарем и свертком. Он опускает то и другое на землю, затем осторожно подходит к Марьон, которая осталась на пороге, бледная, неподвижная, в смятении.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, Марьон и тюремщик.

Тюремщик
(к Марьон)

Смотрите, главное — уйти до их прихода.

(Удаляется и до конца этого явления прохаживается взад и вперед в глубине тюремного двора.)

Марьон

(идет, пошатываясь, погруженная в мучительные мысли. Время от времени проводит рукой по лицу, будто стараясь стеречь что-то)

Как в жгучих клеймах, я в лобзаниях уroda.

(Вдруг замечает в темноте Дидье, вскрикивает, бежит и, задыхаясь, падает к его ногам.)

Дидье, Дидье, Дидье!

Д и д ь е
(как бы внезапно пробудившись)

Она!
(Холодным тоном)

Зачем вы тут?

М а р ь о н

А где ж мне быть? К твоим ногам уста прильнут!
Мне здесь так хорошо!.. Возлюбленные руки!
Дай их скорее мне!.. Вот след кровавой муки
Оков? Злодеи, как твою терзали плоть!
Я здесь, и потому... как страшно все, господь!

(Плачет. Слышны ее рыдания.)

Д и д ь е
Зачем вы плачете?

М а р ь о н
Нет, я смеюсь! Слезами
Я вас не огорчу...

(Смеется.)

Сейчас бежим мы с вами.
Какое счастье! Ты жив будешь! Все прошло!
(Снова приникает к коленям Дидье и плачет.)
Как я растерзана! Как сердцу гяжело!..

Д и д ь е
Сударыня...

М а р ь о н
(поднимается, не слушая его, и бежит за свертком, кото-
рый передает Дидье)

Нельзя терять мгновенья даже!
Вот этот плащ надень! Я заплатила страже!
Бежать из Божанси мы можем, милый мой.
Пройдем мы улицей за этою стеной.
Прибудет Ришелье взглянуть, как исполняют
Его веление. Всегда пальбой встречают
Прибытие его... О, не теряй минут!
Все будет кончено, коль нас застанут тут!

Д и д ь е

Отлично.

М а р ь о н

Но скорей... Ах, боже, я с тобою!
Спасен... Ну, говори... Люблю я всей душою!

Д и д ь е

Так там есть улица за этою стеной?

М а р ь о н

Я там сейчас была. Путь верен, милый мой.
При мне последнее окошко запирали.
Там кто-нибудь теперь нам встретится едва ли,
И за прохожего там приняли бы вас.
Переоденьтесь же немедленно, сейчас!
Смеяться будем мы над этим всем в дороге.
Скорей!

Д и д ь е

(отталкивая ногой сверток с одеждой)

Куда спешить?

М а р ь о н

Смерть на твоём пороге.
Бежим, Дидье! Скорей!.. Я здесь, бежим!

Д и д ь е

К чему?

М а р ь о н

О, чтоб тебя спасти!.. Скорей покинь тюрьму!
Как ты суров со мной...

Д и д ь е

(с печальною улыбкой)

Вы знаете, мужчины
Бывают странными и вовсе без причины!

М а р ь о н

Пора, идем скорей! Там кони. Ах, идем!
Все, что захочешь ты, скажи мне, но потом.
Скорее!

Д и д ь е

Это кто стоит перед стеною?

М а р ь о н

Тюремщик. Он, как те, уже подкуплен мною.
Вы сомневаетесь?.. У вас смущенный вид...

Д и д ь е

Нет, но случается, что нам обман грозит.

М а р ь о н

Бежим! Когда б ты знал, что каждое мгновение
Мне слышится толпы гудящей приближенье!
О, я тебя молю, молю, как никогда!

Д и д ь е

(показывая на спящего Саверни)

Вы для которого из нас пришли сюда?

М а р ь о н

(озадаченная, в сторону)

Не выдал ли Гаспар меня неосторожно?

(Громко)

Ужели вам со мной так говорить возможно?
Откуда на меня обрушилась гроза?

Д и д ь е

Ну, вскиньте голову, глядите мне в глаза!

Дрожащая М а р ь о н смотрит ему в глаза.

Да, верно, — сходство есть.

М а р ь о н

О, ты моя отрада!

Любимый мой, идем!

Д и д ь е

Не отрывайте взгляда.

(Пристально смотрит на нее.)

Лобзанья гнусные ужели видит он?

(Громко)

Ты словно тайною какой-то окружен.
Ты сердишься, Дидье. Скажи мне, что с тобою?
Мы подозрения в душе таим порою
И горько сетуем впоследствии, когда
От нашей скрытности произойдет беда.
Ах, в мыслях у тебя царила я бессменно!
Ужели это все умчалось так мгновенно,
И я разлюблена?.. Иль ты Блуа забыл,
Смиранный мой приют, где ты со мною был?
Так мы любили там в тиши благословенной,
Как будто бы одни остались во вселенной.
Но ты, мой милый друг, ты мрачен был подчас.
Я думала: никто, никто не видит нас.
Чудесно было там. Погибло все мгновенно.
О, как ты клялся мне, что буду неизменно
Любовию твоей, все тайны мне вверял
И, что ты мой навек, так нежно уверял!
Я ни о чем тебя ни разу не просила,
Все помыслы твои всегда с тобой делила,
Но нынче уступи! Дидье, близка беда.
С живым и с мертвым я останусь навсегда.
Все с вами, мой Дидье, мне будет наслажденьем,
Побег иль плаха... — О, с каким он нетерпеньем
Вдруг оттолкнул меня! — Оставь хоть руку мне.
Не сбрасывай с колен мой бедный лоб в огне.
Бежала я сюда и до смерти устала...
О, что сказал бы тот, кто видел, как блистала,
Как веселилась я! Все изменилось вдруг.
Сердит ты на меня, скажи мне, милый друг?
Дидье, у ваших ног мне хочется остаться.
Но как мне тягостно — я в том должна признаться, -
Что слова не могу добиться я от вас.
Что с вами, наконец? Скажи мне иль сейчас
Убей меня!.. Ну вот, я более не плачу,
Я улыбаюсь вам, глубоко слезы прячу.

Ну улыбнитесь мне, а то я разлюблю.
Я слушалась всегда, послушайся — молю
Но холодом оков душа твоя объята.
Зови меня Мари, мой милый, как когда-то...

Д и д ь е

Мари или Марьон?

М а р ь о н

(в ужасе падая на землю)

О, милосердным будь!

Д и д ь е

Сударыня, сюда ведет не легкий путь,
И тюрьмы королей не строились из глины;
Здесь стража грозная, здесь стены-исполины.
Чтобы открылось вам все множество дверей,
Кому вы отдались, признайтесь поскорей?

М а р ь о н

Дидье! Кто вам сказал?

Д и д ь е

Никто. Я догадался.

М а р ь о н

Клянусь создателем, — чтобы ты жив остался,
Чтобы ты мог бежать — я правду говорю, —
Чтоб палачей смягчить, поверь...

Д и д ь е

Благодарю.

(Скрестив руки на груди)

Дойти до этого — вот ужас, в самом деле!
Ведь это срам, еще не виданный доселе...

(Мечется по тюремному двору с криками бешенства.)

Торговец этот где, позорный и срамной,
Что продал голову мою, прельстясь ценой?

Тюремщик где? Судья? Где человек презренный?
Его я раздавлю, как образ ваш растленный
Я раздроблю...

(Останавливается, собираясь раздавить миниатюру между ладонями, но затем сдерживается и продолжает со страстным волнением.)

Судья! Пишите ваш закон!
Пусть на весах у вас — я этим не смущен —
Фальшивой гирею, склоняющей судьбины,
Лежит честь женщины иль голова мужчины!

(К Марьон)

Ступайте вновь к нему!

М а р ь о н

Молю, не будь таким!
Мне твой презрительный ответ невыносим.
Я трепещу, Дидье, и мертвая паду я...
Пойми, что здесь любовь пылает, торжествуя,
И если некогда был человек любим,
То это мною ты...

Д и д ь е

Обман мне нестерпим!
Родиться женщиной я мог себе на горе
И тоже утопать в распутстве и в позоре,
Собою торговать, всем подставляя грудь,
Чтоб первый встречный мог на ней часок уснуть, —
Но если встретил бы меня не как забаву
Невиннейший чудак, влюбленный в честь и в славу,
И если бы в себя влюбить мне довелось
Скитальца, грезю пронзенного насквозь,
Скорее, чем ему в позоре не признаться,
Скрыть от него, кто я, и молча с ним остаться,
Не заявив ему открыто наперед,
Что мой невинный взор ежеминутно лжет,
Скорей, чем так солгать, — о, я, собрав всю силу,
Ногами б вырыла сама себе могилу!

М а р ь о н

Ах!

Д и д ь е
(показывая на свою грудь)

Вы смеялись бы, себя увидев тут,
В том странном зеркале, что сердцем все зовут!
Его разбив в куски, вы поступили верно.
Вы чистой были там, простой, нелицемерной...
О женщина! Ну, чем, скажи, был виноват
Тот, кто любил тебя, как самый нежный брат?

(Протягивает ей портрет.)

И надлежит теперь мне возратить вам это —
Святой залог любви чистейшей и привета.

М а р ь о н
(отворачивается с криком)

Мой бог!

Д и д ь е

Не для меня ль портрет заказан тот?
(Смеется и яростно кидает медальон на землю.)

М а р ь о н
(задыхаясь)

Пусть кто-нибудь меня из жалости убьет!

Т ю р е м щ и к
Спешите...

М а р ь о н

Час идет, мгновенье улетает!

Дидье, мне говорить ваш взор не разрешает,
Не может быть никто обязан мне ничем.
Меня вы проклинали и бросили совсем.
Я более, чем срам и злобу, заслужила.
О, слишком вы добры, — и вам я с новой силой
Благословенье шлю, — но близок страшный час.
Бегите, ваш палач не позабыл про вас!
Я все устроила, побег возможен.. Слушай!
Мне не отказывай, я погубила душу!
Толкни меня, ударь, отбрось пинком ноги,
О, растопчи меня, Дидье мой, — но беги!..

Д и д ь е

Бежать? Но от кого? Ее мольбам не внимлю.
Лишь от нее бежать, — и я бегу... под землю.

Т ю р е м щ и к

Спешите!

М а р ь о н

Убегай!

Д и д ь е

Нет.

М а р ь о н

Сжался! И прости!

Д и д ь е

Кого?

М а р ь о н

Как повлекут по страшному пути
Тебя... Глядеть на то!.. При этой мысли стыну!
О нет! Ты будешь жить! Тебя я не покину!
Согласен ли ты взять в раскаянье живом, —
Чтобы топтать ее, простой служанкой в дом, —
Ту, что в скитаниях ты называл, бывало,
Женой своей...

Д и д ь е

Женой!

Вдали слышен пушечный выстрел.

Вот и вдовства начало!

М а р ь о н

Дидье мой!..

Т ю р е м щ и к

Поздно.

Барабанный бой. Входит советник в сопровождении монахов с факелами, палача, солдат, народа.

М а р ь о н

Ах!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же, советник, палач, народ, солдаты.

Советник

Ну, вот и ваш черед!

Марьон

(к Дидье)

Предупреждала я... палач сюда идет!

Дидье

(советнику)

Готовы, сударь, мы.

Советник

Которого тут имя

Гаспар де Саверни?

Дидье указывает ему пальцем на спящего Саверни.

(Палачу)

Буди!

Палач

(трясет Саверни за плечо)

Клянусь святыми,

Он спит! Эй, монсеньер!..

Саверни

(протирая глаза)

Такой разрушить сон

Как ты осмелился?

Дидье

О, только прерван он.

Саверни

(еще в полудреме, замечает Марьон и кланяется ей)

В чудесном этом сне я видел вас, красотка!

Советник

Предали ль душу вы в господни руки кротко?

Саверни

Да, сударь.

Советник

(протягивая ему лист бумаги)

Подписать должны бумагу вы.

Саверни

(берет пергамент и пробегают содержание его глазами)

А, это протокол... Что умер я, увы,

Свидетельствую сам потомкам в назиданье.

(Ставит свою подпись и снова просматривает протокол, потом берет перо, что-то исправляет. Писцу)

Я вам подправил здесь кой-где правописание.

(Палачу)

Ты разбудил меня и спать уложишь вновь.

Советник

(к Дидье)

Дидье?

Дидье подходит. Советник передает ему перо.

Пишите здесь.

Марьон

(закрывая рукой глаза)

О боже, стынет кровь!

Дидье

О, эта подпись мне — такое наслажденье!

Стража окружает их, чтобы увести.

Саверни

(кому-то в толпе)

Пусть девочка пройдет! Прошу как одолженья!

Д и д ь е
(к Саверни)

Мой брат! Вы для меня свершили этот шаг.
Обнимемся теперь.

(Обнимает Саверни.)

М а р ь о н
(подбегая к нему)

А я вам разве враг?
О, поцелуй меня!

Д и д ь е
(показывая на Саверни)

Сударыня, мы дружны.

М а р ь о н
(протягивая руку)

О, как жестоки вы к той женщине недужной,
Что молит всех людей, колени преклоня,
Вам милость оказать, а вас — простить меня!

Д и д ь е
(кидается к Марьон, задыхаясь, обливаясь слезами)

Так нет же, нет! Увы, разбито сердце это!
Нет, я тебя люблю — и, видно, без привета
С тобою не прощусь. — И не по силам мне
Жестоким с виду быть, внутри горя в огне!
Люблю! Приди ко мне!

(Судорожно сжимает ее в объятиях.)

Умру я скоро. Надо
Мне высказать любовь. Вот высшая отрада.

М а р ь о н
Дидье!..

Он снова самозабвенно целует ее.

Д и д ь е

Приди ко мне! — Теперь спрошу у вас,
Кто б равнодушно мог в такой жестокий час
Не попрощаться с ней, несчастной, нежной, смелой,
Которая ему так предалась всецело?
О, как я был неправ! Кто смеет пожелать,
Чтоб, не простив ее, пошел я умирать?
Приди ко мне, Мари! Из женщин всех на свете
(И мне сочувствуют сердечно вот все эти!)
Та, что любима мной, кому любовь верна,
Кого я сердцем чту — все это ты одна!
Затем, что ты была добра, нежна со мною.
Послушай, жизнь уже за смертной пеленою!
Пронзает ныне смерть все истины лучом,
И если ты лгала — ты неповинна в том!
Падение твое искуплено тобою.
Мать, верно, бросила дитя свое родное,
Как некогда моя... И даже быть могло,
Что продали тебя... О, подними чело!
Теперь внимайте все! В подобное мгновенье
Земля скрывается, как тень, как дуновенье,
И под своей ногой я чую эшафот.
Лишь истину вещать невинный может рот!
Небесный ангел ты, замаранный землею,
Мари, жена моя, возлюбленная мною,
Во имя господя, — к которому иду, —
Тебя прощаю я...

М а р ь о н

(задыхаясь, в слезах)

Ах!..

Д и д ь е

Дорогая, жду:

И ты меня простишь!

(Становится перед нею на колени.)

М а р ь о н

Дидье!..

Д и д ь е
(не вставая с колен)

Прости, родная!
Я злым с тобою был. Господь, тебя карая,
Меня тебе послал. Но ты меня оплачь..
О, как мне горестно, что был я твой палач!
Не покидай меня! Прости меня скорее!

М а р ь о н
Ах!..

Д и д ь е
Слово мне скажи и лоб сожми теснее.
Но, коль в волнении сердечной полноты
И слова вымолвить уже не можешь ты, —
Знак мне подай...

М а р ь о н кладет ему обе руки на лоб. Он встает с колен и крепко
обнимает ее с просветленной улыбкой.

Идем!

М а р ь о н
(обезумев, бросается между Дидье и солдатами)

Безумье это! Или
Они, что я с тобой, Дидье мой, позабыли?
Но умертвить тебя я не позволю им! —
О, как вас умолять? Всем существом моим
Молю! И коль хранят доселе души ваши
Хоть что-то, что дрожит в ответ на слезы наши,
И если вас господь еще не проклял всех,
Вы не убьете, нет!..

(К собравшимся зрителям)

Предупреждаю тех,
Что нынче вечером в дома свои вернутся:
Ни мать, ни сестры им уже не улыбнутся,
Но скажут: «Боже мой, какой великий грех!
Ведь вы могли спасти того, кто лучше всех!»
Что я умру с тобой, пусть знают все на свете,
И от стыда сгорят сейчас убийцы эти.

Д и д ь е

Нет, дай мне умереть. Позволь мне это, друг!
Я ранен глубоко, — и этот мой недуг
Едва ли исцелим... в могилу горе спрячу.
Но если, милая, — ты видишь, как я плачу? —
Придет достойнейший к твоей руке прильнуть,
Ты друга, спящего в могиле, не забудь.

М а р ь о н

Дидье! Ты будешь жить! Поверить не могу я
В их непреклонность!

Д и д ь е

О, забудь мечту такую!
К моей могиле пусть твой привыкает взгляд.
И мертвым буду я тебе милей стократ!
Жить в памяти твоей я буду нерушимо,
Но жить возле тебя с душой, тоской палимой,
Мне, что всю жизнь любить одну бы мог тебя!
Представь себе, мой друг, как я, любовь губя,
Тебя бы огорчал сомненьями моими, —
Поверь, я никогда не совладал бы с ними!
Ты б думала, что я скрываю в сердце боль,
И мучилась... Нет, дай мне умереть, позволь!

С о в е т н и к

(к Марьон)

Вы можете спасти их от судьбины грозной.
Прибудет кардинал — просить еще не поздно.

М а р ь о н

Да, правда... Кардинал! Его ведь ждут сюда!
Вы все услышите, как он мне скажет — да!
Дидье, увидишь ты... Молить я буду страстно!
Как ты помыслить мог?.. Ведь это бред ужасный,

Чтоб добрый кардинал, старик, так злобен был
И не простил тебя. Ведь ты меня простил!

Бьет девять часов. Дидье делает всем знак замолчать. Марьон слушает с ужасом. После девятого удара Дидье опирается на плечо Саверни.

Дидье
(к народу)

А вы, которые собрались к месту казни,
Свидетельствуйте, что без дрожи и боязни
Мы оба слушали, как пробил этот час,
Глашатай вечности, раскрывшейся для нас.

Пушечный выстрел у ворот тюрьмы. Черная завеса, скрывавшая пролом в стене, падает. Появляются огромные носилки кардинала. Их несут двадцать четыре пеших гвардейца, окруженные двадцатью другими гвардейцами с алебардами и факелами. Носилки яркокрашенные и украшены гербом дома Ришелье. Занавески опущены. Носилки медленно проносят в глубину сцены. Глухой ропот толпы.

Марьон
(подползая на коленях к носилкам и ломая руки)

О монсеньор, молю, Христа Иисуса ради
Обоих пощадить!

Голос из носилок
Ни слова о пощаде!

Марьон падает на мостовую. Носилки проносят, за ними ведут обоих приговоренных к казни. Народ с громкими восклицаниями следует за ними. Марьон остается одна. Она приподнимается и ползет на руках, оглядываясь по сторонам.

Марьон

Что он сказал?.. Где все? Дидье! Дидье!.. О мрак!
Нет никого!.. Народ! Я брежу? Иль то знак,
Что я сошла с ума?..

Толпа в беспорядке возвращается. Носилки появляются в глубине сцены, с той стороны, куда их унесли. Марьон встает с ужасным воплем.

Он снова!

Г в а р д е й ц ы
(раздвигая толпу)

Пропустите!

М а р ь о н
(стоя с развевающимися волосами и указывая народу
на носилки)

Вот в красном палача проносят! Все глядите!
(Падает на мостовую.)

ЭРНАНИ

Несколько недель тому назад автор этой драмы писал по поводу ранней смерти одного поэта:

«В наше время литературных схваток и бурь кого должны мы жалеть — тех, кто умирает, или тех, кто сражается? Конечно, грустно видеть, как уходит от нас двадцатилетний поэт, как разбивается лира, как гибнет будущее юного существа; но разве покой не есть также благо? Не дозволено ли тем, вокруг кого беспрерывно скопляются клевета, оскорбления, ненависть, зависть, тайные происки и подлое предательство; всем честным людям, против которых ведется бесчестная война; самоотверженным людям, желающим в сущности только обогатить свою родину еще одной свободой — свободой искусства и разума; трудолюбивым людям, мирно продолжающим свой добросовестный труд и, с одной стороны, терзаемым гнусными махинациями цензуры и полиции, а с другой стороны — слишком часто испытывающим на себе неблагодарность тех самых умов, для которых они работают, — не позволительно ли им с завистью оглядываться порой на тех, кто пал позади них и спит в могиле? «Invideo, — сказал Лютер на кладбище Вормса, — invideo, quia quiescunt». ¹

«Но что из того? Будем мужаться, молодежь! Каким бы тяжким ни делали нам настоящее, будущее будет прекрасно.

«Романтизм, так часто неверно понимаемый, есть, в сущности говоря, — и таково правильное его понимание,

¹ Я завидую, — завидую, потому что они покоятся (лат.).

если рассматривать его только с воинствующей стороны, — либерализм в литературе. Эта истина усвоена почти всеми здравомыслящими людьми, а их немало; и скоро, — ибо дело далеко уже подвинулось вперед, — либерализм в литературе будет не менее популярен, чем либерализм в политике. Свобода искусства, свобода общества — вот та двойная цель, к которой должны единодушно стремиться все последовательные и логично мыслящие умы; вот то двойное знамя, под которым объединяется, за исключением очень немногих людей (они еще поймут), вся нынешняя молодежь, такая стойкая и терпеливая; а вместе с нею — возглавляя ее — и весь цвет предшествовавшего нам поколения, все эти мудрые старики, признавшие, — когда прошел первый момент недоверия и ознакомления, — что то, что делают их сыновья, есть следствие того, что некогда делали они сами, и что литературная свобода — дочь свободы политической. Этот принцип есть принцип века, и он восторжествует.

«Сколько бы ни объединялись разные ультраконсерваторы — классики и монархисты — в своем стремлении целиком восстановить старый режим как в обществе, так и в литературе, всякий прогресс в стране, всякий успех в развитии умов, всякий шаг свободы будут опрокидывать их сооружения. И в конечном итоге их сопротивление окажется полезным. В революции всякое движение есть движение вперед. Истина и свобода обладают тем удивительным свойством, что все совершаемое как для них, так и против них одинаково служит им на пользу. После стольких подвигов, совершенных нашими отцами на наших глазах, мы освободились от старой социальной формы; как же нам не освободиться и от старой поэтической формы? Новому народу нужно новое искусство. Отдавая дань восхищения литературе эпохи Людовика XIV, так хорошо приносившей к его монархии, нынешняя Франция, Франция XIX века, которой Мирабо дал свободу, а Наполеон — могущество, сумеет, конечно, создать свою собственную, особую национальную литературу».¹

Да простят автору этой драмы, что он цитирует самого себя; его слова так мало обладают свойством запе-

¹ «Письмо к издателям стихотворений Довалю».

чатлеваться в умах, что ему часто нужно повторять их. Впрочем, в наши дни, может быть, и уместно снова предложить вниманию читателей эти две воспроизведенные выше страницы. Не потому, чтобы эта драма сколько-нибудь заслуживала прекрасное наименование *нового искусства* или *новой поэзии*, вовсе нет; но потому, что принцип свободы в литературе сделал сейчас шаг вперед; потому, что сейчас совершился прогресс, не в искусстве, — эта драма — вещь слишком незначительная, — но в публике, потому что, по крайней мере в этом отношении, осуществилась сейчас часть предсказаний, которые автор дерзнул сделать выше.

Было в самом деле рискованно так внезапно переманить аудиторию, вынести на сцену искания, доверявшиеся до сих пор только бумаге, *которая все терпит*; публика, читающая книги, очень отличается от публики, посещающей спектакли, и можно было опасаться, что вторая отвергнет то, что приняла первая. Этого не случилось. Принцип литературной свободы, уже понятый читающим и мыслящим миром, был в столь же полной мере усвоен огромной, жадной только до впечатлений искусства толпой, наводняющей каждый вечер театры Парижа. Этот громкий и мощный голос народа, напоминающий глас божий, повелевает впредь, чтобы у поэзии был тот же девиз, что и у политики: *терпимость и свобода*.

Теперь пусть явится поэт! Для него есть публика.

Что же касается этой свободы, то публика требует, чтобы она была такая, какой она должна быть, чтобы она сочеталась в государстве с порядком, в литературе — с искусством. Свобода обладает свойственной ей мудростью, без которой она не полна. Пусть старые правила д'Обиньяка умирают вместе со старым обычным правом Кюжаса, — в добрый час; пусть на смену придворной литературе явится литература народная, — это еще лучше, но главное — пусть в основе всех этих новшеств лежит внутренний смысл. Пусть принцип свободы делает свое дело, но пусть он делает его хорошо. В литературе, как и в обществе, не должно быть ни этикета, ни анархии, — только законы. Ни красных каблучков, ни красных колпаков.

Вот чего требует публика, и она права. Мы же, из уважения к этой публике, так не по заслугам сни-

сходительно принявшей наш опыт, предлагаем ей теперь эту драму в том виде, как она была представлена. Придет, быть может, время опубликовать ее в том виде, как она была задумана автором, с указанием и объяснением тех изменений, которым она подверглась ради постановки. Эти критические подробности, быть может, не лишены интереса и поучительны, но теперь они показались бы мелочными; раз свобода искусства признана и главный вопрос разрешен, к чему останавливаться на вопросах второстепенных? Мы, впрочем, вернемся к ним когда-нибудь и поговорим также весьма подробно о драматической цензуре, разоблачая ее с помощью доводов и фактов; о цензуре, которая является единственным препятствием к свободе театра теперь, когда нет больше препятствий со стороны публики. Мы попытаемся, на свой страх и риск, из преданности всему тому, что касается искусства, обрисовать тысячи злоупотреблений этой мелочной инквизиции духа, имеющей, подобно той, церковной инквизиции, своих тайных судей, своих палачей в масках, свои пытки, свои членовредительства, свои смертные казни. Мы разорвем, если представится возможность, эти полицейские путы, которые, к стыду нашему, еще стесняют театр в XIX веке.

Сейчас уместны только признательность и изъявления благодарности. Автор приносит свою благодарность публике и делает это от всей души. Его произведение, плод не таланта, а добросовестности и свободы, великодушно защищалось публикой от многих нападков, ибо публика тоже всегда добросовестна и свободна. Воздадим же благодарность и ей и той могучей молодежи, которая оказала помощь и благосклонный прием произведению чистосердечного и независимого, как она, молодого человека! Он работает главным образом для нее, ибо высокая честь — получить одобрение этой избранной части молодежи, умной, логично мыслящей, последовательной, по настоящему либеральной и в литературе и в политике, — благородного поколения, которое не отказывается открытыми глазами взирая на истину и широко просвещаться.

Что касается самого произведения, то автор не будет о нем говорить. Он принимает критические замечания, которые делались по поводу этой пьесы, как самые суровые,

так и самые благожелательные, потому что из всех их можно извлечь пользу. Автор не дерзает льстить себя надеждой, что все зрители сразу же поняли эту драму, подлинным ключом к которой является «Romanceso general». ¹ Он просил бы лиц, которых, быть может, возмутила эта драма, перечитать «Сиду», «Дона Санчо», «Никомеда», или, проще сказать, всего Корнеля и всего Мольера, наших великих и превосходных поэтов. Это чтение, — если только они заранее учтут, насколько неизмеримо ниже художественное дарование автора «Эрнани», — может быть, сделает их более снисходительными к некоторым сторонам формы или содержания его драмы, которые могли покоробить их. Вообще же еще не настало, быть может, время судить об авторе. «Эрнани» — лишь первый камень здания, которое существует в законченном виде пока что лишь в голове автора, а между тем лишь совокупность его частей может сообщить некоторую ценность этой драме. Быть может, когда-нибудь одобрят пришедшую автору на ум фантазию приделать, подобно архитектору города Буржа, почти мавританскую дверь к своему готическому собору.

Пока же сделанное им очень незначительно, — он это знает. Если бы ему даны были время и силы довершить свое творение! Оно будет иметь цену лишь в том случае, если будет доведено до конца. Автор не принадлежит к числу тех поэтов-избранников, которые могут, не опасаясь забвения, умереть или остановиться, прежде чем они закончат начатое ими; он не из тех, что остаются великими, даже не завершив своего произведения, — счастливых, о которых можно сказать то, что сказал Вергилий о первых очертаниях будущего Карфагена:

...Pendent opera interrupta, minaeque
Murorum ingentes! ²

9 марта 1830

¹ Полный сборник романсов (исп.).

² Работы остаются незавершенными и не закончены зубцы стен («Энеида» Вергилия, IV, 88—89, лат.).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Эрнани.

Дон Карлос.

Дон Руй Гомес де Сильва.

Донья Соль де Сильва.

Король Богемский.

Герцог Баварский.

Герцог Готский.

Герцог Люцельбургский.

Дон Санчо.

Дон Матиас.

Дон Рикардо.

Дон Гарси Суарес.

Дон Франсиско.

Дон Хуан де Аро.

Дон Педро Гусман де Аро.

Дон Хиль Тельес Хирон.

Донья Хосефа Дуарте.

Горец.

Якес, паж.

Дама.

1-й	}	заговорщики.
2-й		
3-й		

Заговорщики Священной Лиги — немцы и испанцы;
горцы, вельможи, солдаты, пажи, народ.

Испания. — 1519.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

КОРОЛЬ

Сарагоса. Спальня. Ночь. На столе горит лампа.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Хосефа Дуарте, старуха, вся в черном, в юбке, обшитой стеклярусом по моде Изабеллы Католической, дон Карлос.

Донья Хосефа

(одна. Задергивает темнокрасные портьеры у окна и приводит в порядок сдвинутые кресла. В потайную дверь направо стучат. Она прислушивается. Стучат еще раз).

Как! Это он! Уже!

Новый стук.

За дверью потайной

Он ждет.

Стучат еще раз.

Скорей открыть!

(Открывает маленькую потайную дверь.)

Входит дон Карлос. Лицо его скрыто плащом, шляпа надвинута до бровей.

Привет, красавец мой!

(Вводит его в комнату. Он распахивает плащ, под которым видна богатая одежда из шелка и бархата по кастильской моде 1519 года. Она заглядывает ему под шляпу и отшатывается в изумлении.)

Как! Не Эрнани вы? На помощь! Наваждение!
Пожар!

Дон Карлос
(хватая ее за руку)

Два слова лишь — и ты мертва, дуэнья!
(Пристально смотрит на нее. Она в ужасе замолкает.)

Ведь я у доньи Соль? Она, как говорят,
Невеста герцога Пастранья. Он богат.
Он дядя ей. Он стар. Но сердцу девы кроткой
Мил кто-то без усов и даже без бородки.
На зависть всем другим, у старца за спиной,
С возлюбленным она проводит час, другой.
Смотри. Я знаю все.

Она молчит. Он трясет ее за руку.

Ты отвечать готова?

Донья Хосефа
Вы запретили мне сказать хотя б два слова.

Дон Карлос
Скажи лишь «да» иль «нет» — мне надобно одно.
Ты служишь донье Соль?

Донья Хосефа
Да. Что же?

Дон Карлос
Все равно.
Старик в отсутствии? Скорей! Ты видишь, жду я...

Донья Хосефа
Да.

Дон Карлос
Молодого ждет она?

Донья Хосефа

Да.

Дон Карлос

Пусть умру я!

Донья Хосефа

Да.

Дон Карлос

И свиданье здесь, дуэнья, быть должно?

Донья Хосефа

Да.

Дон Карлос

Спрячь меня.

Донья Хосефа

Вас?

Дон Карлос

Да.

Донья Хосефа

Зачем?

Дон Карлос

Не все ль равно?

Донья Хосефа

Вас спрятать?

Дон Карлос

Здесь!

Донья Хосефа

Нет! Нет!

Дон Карлос

(вынимая из-за пояса кинжал и кошелек)

Извольте выбрать сами:

Кинжала лезвие — иль кошелек с деньгами.

Донья Хосефа
(берет кошелек)

Вы, видно, дьявол.

Дон Карлос
Да, дуэнья.

Донья Хосефа
(открывает узкий шкаф, вделанный в стену)
Вот сюда!

Дон Карлос
(осматривает шкаф)

Как, в ящик?

Донья Хосефа
(закрывая шкаф)
Хоть бы так. Ну что ж, согласны?

Дон Карлос
(открывая дверцу)

Да!

(Вновь осматривая шкаф)

Скажи, из этого почтенного сарая
Берешь ты помело, на шабаш улетаая?

(С трудом протискивается в шкаф.)

Уф!

Донья Хосефа
(в ужасе всплескивая руками)

Здесь мужчина! О!

Дон Карлос
(в еще раскрытом шкафу)

Не женщину же тут
Ждет госпожа твоя!

Донья Хосефа

Мой бог! Сюда идут!

То донья Соль. Да, да! Сеньор, без промедленья...

(Закрывает дверцу шкафа.)

Дон Карлос

(из глубины шкафа)

Лишь слово — и навек ты замолчишь, дуэнья!

Донья Хосефа

(одна)

Кто этот человек? Исус! Что делать с ним?

Лишь я и госпожа во всем дворце не спим.

А, впрочем, что нам в том? Другой придет ведь тоже;

Есть шпага у него, и небо нам поможет

Уйти от дьявола.

(Взвешивая в руке кошелек)

Но этот все ж не вор!

Входит донья Соль, вся в белом. Донья Хосефа прячет кошелек.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Донья Хосефа, дон Карлос, спрятанный, донья Соль,
потом Эрнани.

Донья Соль

Хосефа!

Донья Хосефа

Госпожа!

Донья Соль

Боюсь. До этих пор

Эрнани медлит...

Шаги у потайной двери.

Он! Ах, ждать такая мука!

Открой ему скорей, не дожидаясь стука.

Хосефа открывает маленькую дверь. Входит Эрнани. На нем длинный плащ и большая шляпа; под плащом — одежда арагонского горца: серая ткань, кожаный панцырь, шпага, кинжал и рог за поясом.

Донья Соль
(бросается ему навстречу)

Эрнани!

Э р н а н и

Донья Соль! Опять я вижу вас;
И голос этот ваш, что говорит сейчас.
Жить вдалеке от вас — для сердца горше яда.
Чтоб всех других забыть, мне вас, о друг мой, надо!

Донья Соль
(трогает его одежду)

Ваш плащ совсем намок. Вы были под дождем?

Э р н а н и

Не знаю.

Донья Соль
До костей продрогли?

Э р н а н и

Что мне в том?

Донья Соль
Снимите же свой плащ.

Э р н а н и

Скажите, дорогая, —
Когда вы вечером ложитесь, засыпая,
Спокойной, чистою, и сон, сойдя на вас,
Касается перстом невинных уст и глаз, —
Вам ангел ничего не шепчет о несчастном,
Кого забыли все и кто вас любит страстно?

Донья Соль
Как запоздали вы, сеньор! Но, боже мой,
Дрожите вы...

Э р н а н и

Нет, я пылаю пред тобой.
Когда у нас в груди клокочет страсти пламя,
А сердце ширится и полнится громами, —

Что нам гроза небес под проливным дождем,
С которой сходят в дол и молнии и гром?

Д о н ь я С о л ь
(освобождая его от плаща)

Отдайте шпагу мне и плащ свой вместе с нею.

Э р н а н и
(кладя руку на эфес шпаги)

Нет! Не расстанусь я с подругою своею.
О донья Соль, старик, супруг грядущий ваш,
Не помешает нам?

Д о н ь я С о л ь
Час этот будет наш!

Э р н а н и
Я счастлив! Вправе все такой судьбой гордиться:
За взятый счастья час всей жизнью расплатиться.
Мой ангел! Что мне час? Чтоб с вами быть вдвоем,
И жизни мало мне и вечности потом!

Д о н ь я С о л ь
Эрнани!

Э р н а н и
(с горечью)

Счастлив я минутою случайной.
Как вор, дрожащий вор замок ломает тайный,
Так вынужден я красть, у старца за спиной,
Час песен и бесед и взор мгновенный твой.
Вот счастье мое! А твой старик лукавый,
Бросая мне лишь час, сам жизнь берет по праву.

Д о н ь я С о л ь
Эрнани!
(Бросая плащ на руки дуэнье)

Плащ возьми и влагу отряхни.
(Садится и делает знак Эрнани занять место возле нее.)

Садитесь!

Э р н а н и
(не слушая ее)

Старца нет, и в замке мы одни.

Д о н ь я С о л ь
(улыбаясь)

О, как прекрасны вы!

Э р н а н и
Одни!

Д о н ь я С о л ь
Моя отрада,

Не думайте о нем.

Э р н а н и
Мой ангел, горше ада
Мне мысль о старике. Он мужем будет вам,
И вы покорствовать должны его устам.
Не думать? Боже мой!

Д о н ь я С о л ь
И это вас волнует?
Как дядя, как отец, он в лоб меня целует.

Э р н а н и
Нет! Как возлюбленный, как муж, ревнивец злой!
Ведь ныне вашею владеет он судьбой.
Лишенный разума, растративший все силы,
На склоне старости, в предчувствии могилы,
Стремится он к любви и — призрак ледяной —
Вступает с девою в брак, безумец весь седой,
Когда он руку вам протягивает смело,
Уж смерть его рукой другою овладела.
И нашей смеет он препятствовать любви! —
Ложись, о старец, в гроб, могильщика зови!
Кто выдумал тот брак? Вас принуждают силой!

Д о н ь я С о л ь
Король, сказали мне.

Э р н а н и

Король! Отец мой милый

Казнен его отцом, лег под его топор,
Ах, пусть немало лет уже прошло с тех пор, —
Чтоб мертвецу отмстить, его жене и сыну,
Я ненависть вовек от сердца не отрину.
Но мертвый в счет нейдет. Ребенком клялся я,
Что сына за отца постигнет месть моя.
О Карлос, я тебя ищу, король Кастилий,
Мы двух семейств вражде начало положили.
Отцы вели вражду едва ль не тридцать лет,
Не зная жалости. И пусть теперь их нет,
Все ж ненависть живет, не зная примиренья.
Остались сыновья — месть ищет продолженья.
Ах, это ты, король, задумал этот брак!
Тем лучше: счёты мы с тобой сведем, мой враг.

Д о н ь я С о л ь

Меня страшите вы.

Э р н а н и

Неся печать проклятья,

Казалось бы, себя сам должен устрашать я.
Старик, которому вас в жены дать хотят,
Де Сильва, дядя ваш, — он герцог, он богат,
Он арагонский граф, он высший гранд Кастильи;
И — юности взамен — вы столько б получили
Парчи, и золота, и дорогих камней,
Что затмевать могли б всю роскошь королей,
А по рождению, богатству, чести, славе
И с королевами равняться были б вправе, —
Вот что вам предстоит. А я... я беден, наг,
Мои владенья — лес, мой дом — глухой овраг.
Но герб иметь и сам я мог бы знаменитый,
Кровавой ржавчиной, как ныне, не покрытый,
Высокие права на славу и почет,
Что в складках траурных скрывает эшафот.
Настанет день — права, врученные отвагой,
Из ножен дедовских я выхвачу со шпагой.
Пока же от небес принять мне суждено
Лишь воздух, воду, свет — то, что и всем дано.

Иль герцог, или я — другого нет исхода.
Брак и неволя с ним — или со мной свобода!

Д о н ь я С о л ь

Пойду за вами я...

Э р н а н и

Скитаться по лесам,
Средь тех, чьи имена известны палачам,
Чей меч и чьи сердца не знают притупленья,
Но в чьей крови живет одна лишь жажда мщенья.
Жизнь средь изгнанников ужель вас не страшит?
Известно ведь, что я в глазах властей — бандит.
В то время как меня Испания изгнала,
В своих глухих лесах, в ущельях и провалах,
Среди своих вершин, где лишь орлу летать,
Мне Каталония явилась, словно мать.
Средь горцев вырос я, свободных и суровых, —
Три тысячи из них всегда прийти готовы
На помощь мне, едва я затрублю в свой рог.
Вам страшно? Знайте же, что впредь готовит рок:
Со мною жить в лесах, средь диких скал скитаться
С людьми, которые как чудища нам снятся,
Все, все подозревать — глаза, шаги, лучи;
Спать на сырой траве, пить из ручья; в ночи
Вдруг слышать, первенца в руках своих качая,
Как свищет у виска мушкета пуля злая;
Быть изгнанной, как я, и, если час придет,
Как я, вослед отцу, взойти на эшафот.

Д о н ь я С о л ь

Пойду за вами я.

Э р н а н и

Но герцог славен, знатен,
На имени отца он не имеет пятен.
Он может все. Вам даст он со своей рукой
Богатства, титулы...

Д о н ь я С о л ь

Так завтра в путь ночной!
Не возражайте, нет! Что герцог мне, зачем он?
Эрнани, с вами я. Вы ангел мой или демон,

Не знаю... Я рабой везде за вами вслед
Пойду, куда б ни шли. Останетесь иль нет —
Я с вами. Почему? И спрашивать не буду.
Я видеть вас хочу — опять, везде, повсюду, —
И видеть вновь и вновь. Едва ваш шаг замрет —
И сердце у меня свой замедляет ход.
Когда вас нет со мной, то я не существую;
Но лишь уловит слух ту поступь молодую,
Я вспоминаю вдруг, вся радостью дыша,
Что я живу, что мне возвращена душа.

Э р н а н и
(сжимая ее в объятиях)

Мой ангел!

Д о н ь я С о л ь
Завтра же, с людьми, вооруженным,
Я в полночь буду ждать вас под своим балконом.
Стучите трижды.

Э р н а н и
Но... вы поняли иль нет,
Кто я?

Д о н ь я С о л ь
Мне все равно. Иду за вами вслед.

Э р н а н и
Нет! Коль хотите вы итти со мною рядом,
Узнайте имя, род, укрытые нарядом
Эрнани, пастуха. Он тайну мне хранил.
Бандит вам по сердцу? Изгнанник будет мил!

Д о н К а р л о с
(с шумом распахивая дверцу шкафа)

Я вижу, в болтовне вы опытни и ловки.
А мне легко ль сидеть в проклятой мышеловке?

Изумленный Эрнани отступает назад. Донья Соль с криком
ищет убежища в его объятиях, устремив на дон Карлоса испуганный
взор.

Э р н а н и
(кладя руку на эфес шпаги)

Кто этот человек?

Д о н ь я С о л ь
На помощь!

Э р н а н и
Подождем!
Молчите, донья Соль: ваш крик разбудит дом.
Когда я возле вас, души моей отрада,
Мне кажется, иной защиты вам не надо.

(Дон Карлосу)

Что делали вы здесь?

Д о н К а р л о с
Я? Видно по всему,
Не мчался на коне сквозь грозовую тьму.

Э р н а н и
Кто, оскорбив других, смеется, тот невольно
Себе готовит смерть.

Д о н К а р л о с
Ах, вот как? Нет, довольно!
Что притворяться нам? Вы влюблены — и вот
Вы здесь проводите все ночи напролет.
Ну что ж, влюблен и я. Мне хочется воочью
Узнать, кто к донье Соль влезал в окошко ночью,
Когда я у дверей страдал.

Э р н а н и
Чтоб кончить спор,
Вы там и выйдете, где я вошел, сеньор!

Д о н К а р л о с
Посмотрим! Я и сам горю любовью страстной.
Не поделиться ль нам? У доньи Соль прекрасной

Так много доброты и нрав ее так тих,
Что сердца нежного ей хватит на двоих.
Свиданья жаждущий, душой летящий к раю,
Сюда я вместо вас был впущен, полагаю,
И, спрятанный в шкафу, все слышал — что скрывать?
Но было тесно мне и трудно там дышать.
К тому же весь измял я свой колет французский.
Я вышел вон...

Э р н а н и

Клинку вдруг стало в ножнах узко, —
Он тоже выйдет вон.

Д о н К а р л о с
(отвешивая поклон)

Ну что ж, я принял роль.

Э р н а н и
(обнажая шпагу)

Вперед!

Д о н К а р л о с тоже обнажает шпагу.

Д о н ь я С о л ь
(бросаясь между ними)

Эрнани! Ах!

Д о н К а р л о с
Не бойтесь, донья Соль.

Э р н а н и
(дон Карлосу)

Кто вы такой?

Д о н К а р л о с
А вы? Скажите ваше имя.

Э р н а н и

То имя я храню меж тайнами моими,
Чтобы другой в свой час услышать сразу мог
Его — в своих ушах, а в сердце — мой клинок!

Дон Карлос

Но кто же тот, другой?

Эрнани

Другой? Не все ль равно вам?

Вперед! Скрестим клинки!

Скрещивают шпаги. Донья Соль, дрожа от страха, падает в кресло.
Слышно, как стучат в дверь.

Донья Соль

(в ужасе поднимается)

Стучится кто-то снова.

Эрнани

(донья Хосефа)

Кто там?

Донья Хосефа

(донья Соль)

О госпожа! Кто ожидать бы мог?
То герцог, дядя ваш...

Донья Соль

(всплескивает руками)

Мой дядя! Видит бог,

Погибла я.

Донья Хосефа

(бросая взгляд вокруг)

Исус! Кто там еще? За шпаги
Взялись. Нет, не ждала такой я передрыги...

Оба противника вкладывают шпаги в ножны. Дон Карлос заворачивается в плащ и опускает шляпу на глаза. Стучат.

Эрнани

Что делать?

Стучат.

Голос снаружи

Донья Соль, откройте мне!

Э р н а н и

Нет, нет!

Д о н ь я Х о с е ф а
(доставая четки)

Святой Иаков! Ах! Избави нас от бед!

Стучат снова.

Э р н а н и
(показывая дон Карлосу на шкаф)

Укроемся!

Д о н К а р л о с
В шкафу?

Э р н а н и
Ну да. Прошу покорно, —
Есть место для двоих.

Д о н К а р л о с
Не слишком ли просторно?

Э р н а н и
(показывая на потайную дверь)

Бежим!

Д о н К а р л о с
Прощайте! Я остаться здесь хочу.

Э р н а н и
О гром и молния! За все вам отплачу!
(Донье Соль)

Что, если вход закрыть?

Д о н К а р л о с
(донье Хосефе)

Откройте дверь! Ну что же?

Э р н а н и
Что он сказал?!

Дон Карлос
(донье Хосефе, полной изумления)

Скорей. Откройте же!

Непрерывный стук.
Донья Хосефа, дрожа, открывает дверь.

Донья Соль

О боже!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же, дон Руй Гомес де Сильва; у него белая борода, седые волосы, он весь в черном. Слуги с факелами.

Дон Руй Гомес

Мужчины в комнате племянницы моей!
И ночью! Вот предлог для шума и огней.

(Донье Соль)

Святой Хуан! Клянусь, в девическом покое
Нас трое в этот час. И лишних ровно двое.

(Двум молодым людям)

Зачем вы оба здесь, сеңьоры, в поздний час?
Пока Бернард и Сид не покидали нас,
Они, Испании герои и Кастилий,
Умели старцев чтить и честь девиц хранили.
Им, сильным, был их меч не так тяжел, как вам
Плащи из бархата с узором по краям.
Седины стариков те люди чтили строго,
Просили для любви благословенья бога,
Предательство кляли и, то храня, что есть,
Умели отстоять наследственную честь.
И жен они себе без пятен выбирали
В наряде боевом, пред всеми, в шумном зале.
А что касается всех этих молодцов,
Предпочитают тьму для походов грязных
И за спиной мужей ввергают жен в соблазны, —
Я убежден, что Сид столь дерзкий произвол
Примерно б наказал и подлостью бы счел;
И чтобы знали все, как обойтись с бродягой,
Попрал бы герб его, плашмя ударив шпагой.

Вот как бы поступил — о стыд души моей! —
Герой былых веков с героем наших дней!
Что надобно вам здесь? Пора бы вам признаться.
Что вы над стариком готовы издеваться,
Что юности смешон Саморы вождь седой!
Уж если б кто и мог смеяться надо мной,
То уж совсем не вы...

Э р н а н и

О герцог!

Д о н Р у й Г о м е с

Нет, ни слова!

Что нужно вам еще? Кинжал есть у любого,
Охоты, празднества, борзые, сокола,
Гитары, песнь любви, когда луна светла,
Береты с перьями, расшитые камзолы,
Пир, езда верхом, смех юности веселый, —
А скука вас гнетет. Нужна вам каждый миг
Игрушка — ею стал для вас теперь старик.
Игрушка сломана, и все ж — клянусь я словом —
Сам бог обломками велит швырнуть в лицо вам!
За мной!

Э р н а н и

О герцог!

Д о н Р у й Г о м е с

Нет! Все следуйте за мной!

Сеньоры, видно, вам по сердцу смех такой.
Здесь есть сокровище — честь девушки невинной,
Честь женщины, и в ней честь всей семьи старинной.
Племянницу свою люблю я, и она
Сменить свое кольцо моим кольцом должна.
Она нежна, чиста, достойна уваженья.
И что ж! Едва на миг покину я владенья, —
Руй Гомес, герцог, граф де Сильва, — как уж вор
Бесчестит мой очаг, готовит мне позор.
Назад, бездушные! Ведь ваших рук касанье
Позорит наших жен!.. Я полн негодованья.
Скажите, чем еще прельщает вас мой дом?

(Срывает с груди золотую цепь.)

Глумитесь, хохоча, над Золотым руном!

(Срывает шляпу.)

Седины рвите мне и смейтесь надо мною,
Хвалитесь завтра же пред уличной толпою,
Что из насильников презренных ни один
Не осквернил еще нигде таких седин.

Д о н ь я С о л ь

О герцог!

Д о н Р у й Г о м е с
(слугам)

Все сюда! На помощь! Что ж вы стали?
Секиру мне, кинжал, клинок толедской стали!
(Обоим юношам)

За мной!

Д о н К а р л о с
(выступая вперед)

О герцог, нас иные ждут дела.
Смерть императора от нас отозвала.
Максимилиана нет, властитель мертв германский.

Д о н Р у й Г о м е с

Смеетесь вы?

Д о н К а р л о с отбрасывает плащ и открывает лицо, спрятанное под шляпой.

Король!

Д о н ь я С о л ь

Король!

Э р н а н и

(с горящими глазами)

Король испанский!

Д о н К а р л о с
(с достоинством)

Да, Карлос я. А ты — о, как ты бледен стал!
(К дону Руй Гомесу)

Мой дед венчанный мертв. Едва лишь я узнал

О том, как тотчас же, не тратя ни мгновенья,
Я поспешил к тебе спросить совета, мненья,
В ночи, тайком от всех, чтоб знать никто не мог.
Так просто все, и нет причины для тревог.

Дон Руй Гомес знаком отсылает слуг. Он приближается к дон Карлосу. Донья Соль смотрит на короля со страхом и удивлением. Эрнани, держась в отдалении, не спускает с него сверкающих глаз.

Дон Руй Гомес

Зачем же сразу дверь мне не была открыта?

Дон Карлос

Зачем? Но ведь с тобой явилась эта свита.
Я тайных от тебя, мой граф, искал услуг
И делать не хотел их достоянием слуг.

Дон Руй Гомес

Простите; мой король... Ваш вид...

Дон Карлос

Исполнен веры,
Назначил я тебя правителем Фигеры.
Кого ж прикажешь мне поставить над тобой?

Дон Руй Гомес

Простите...

Дон Карлос

Хорошо, порыв прощаю твой.
Да, император мертв.

Дон Руй Гомес

Вы деда потеряли
Любимого...

Дон Карлос

О да, исполнен я печали.

Дон Руй Гомес

Преемник кто?

Дон Карлос

Франциск хотел бы стать им. Но
Саксонский герцог в спор уж с ним вступил давно.

Дон Руй Гомес

Где ж избиратели сойдутся для решения?

Дон Карлос

Во Франкфурт съедутся, иль в Ахен, без сомненья.
Иль в Шпейер.

Дон Руй Гомес

Мой король! Мечтали ль вы когда
Об императорской короне?

Дон Карлос

О, всегда!

Дон Руй Гомес

За вами все права.

Дон Карлос

Я знаю.

Дон Руй Гомес

Ваш родитель
Великим герцогом австрийским был. Правитель
Империи, ваш дед, для вас оставил трон,
Когда пурпурный плащ сменил на саван он.

Дон Карлос

Я Гента гражданин.

Дон Руй Гомес

Когда я был моложе,
Я деда вашего не раз встречал. О боже,
Как быстро век прошел! Как пусто все кругом!
Все императорской дышало властью в нем.

Дон Карлос

Рим за меня!

Д о н Р у й Г о м е с

Был тверд, не зная дум тиранских,
И крепко голову нес на плечах германских.

(Преклонив колено, целует руку короля.)

Но как мне жалко вас! Так деда потерять!

Д о н К а р л о с

А папа хочет взять Сицилию опять.

Сицилии нельзя имперским стать владеньем!

Чтоб он не обошел меня благословеньем,

Я возвращу ему Неаполь, а потом

Посмотрим, сладит ли он с царственным орлом!

Д о н Р у й Г о м е с

С какою радостью, став ветераном трона,

Ваш дед увидел бы, как к вам идет корона.

Он императором — все плачем мы над ним! —

Был христианнейшим, великим и простым.

Д о н К а р л о с

Святой отец хитер. Сицилия? Пустое!

Подвесок, островок, забытый средь прибоя,

Лоскут, притянутый на ниточке живой

К Испании моей и все же ей чужой.

«Зачем, дражайший сын, вам остров тот горбатый?

Он на империи казался бы заплатой.

Чтоб он не портил вид — его мы отстрижем». —

«Пусть так, святой отец, но только дело в том,

Что из кусков таких, когда господь поможет,

Прибавлю я земли к империи, быть может,

Чтоб там, где у меня соседи вырвут клоч,

Я этим островом дыру заштопать мог».

Д о н Р у й Г о м е с

Утешьтесь, государь! Ваш дед — в селеньях рая,

Где он предстанет нам, весь святостью сияя.

Д о н К а р л о с

Король Франциск упрям, лукав, честолюбив.

Максимилиана нет — и ждет он, устремив

Взор на империю. Чего он ищет страстно?
Иль мало для него и Франции прекрасной?
Сказал Людовику мой дед на склоне дней:
«Будь я сам бог-отец, имей двух сыновей,
Мой старший стал бы бог, меньшей — король
французский!»

(Герцогу)

Отважится ль Франциск пойти тропею узкой?

Дон Руй Гомес

Он многих побеждал.

Дон Карлос

Порядок здесь иной:
По булле, избранным не может быть чужой.

Дон Руй Гомес

Как сын Испании, вы тоже недостойны.

Дон Карлос

Я Гента гражданин!

Дон Руй Гомес

Как показали войны,
Король Франциск велик и мужествен в бою.

Дон Карлос

Я жду — орел слетит на голову мою
И крылья развернет!

Дон Руй Гомес

Латинских фраз убранство
Вам ведомо, король?

Дон Карлос

Не очень.

Дон Руй Гомес

Но дворянство
В Германии весьма заботится о нем.

Дон Карлос

Я обойдусь одним испанским языком.
Когда ведущий речь глядит вперед отважно,
Его наречие, поверь, не так уж важно.
Спешу во Фландрию! Мой друг, корона нам
Имперская нужна. Король французский сам
Стремится к ней. Но я опережу все сроки.
Итак, не медля — в путь!

Дон Руй Гомес

Но можно ль в путь далекий
Лететь, когда у нас в горах со всех сторон
Столь дерзостным кишит разбоем Арагон?

Дон Карлос

Я Аркосу велю рассеять эту банду.

Дон Руй Гомес

Велите заодно принять его команду
И атаману их...

Дон Карлос

Но кто же он такой?

Дон Руй Гомес

Не знаю. Говорят, умен и тверд душой.

Дон Карлос

Пустое! Рыщет он по галисийским скалам,
И справиться бы с ним я мог отрядом малым.

Дон Руй Гомес

Так ложен слух о том, что где-то близко он?

Дон Карлос

О да! — Сегодня мне ты дашь приют.

И горд.

(Зовет слуг.)

Мой гость — король! Чтоб все готово было!

Входят слуги с факелами. Герцог приказывает им стать в два ряда до двери в глубине сцены. В это время донья Соль медленно подходит к Эрнани. Король следит за ними.

Донья Соль
(тихо, к Эрнани)

Так завтра, под окном и в полночь, о мой милый!
Сигнал — тройной удар.

Эрнани
(тихо)
Да, завтра.

Дон Карлос
(в сторону)

Завтра, да!

(Громко, донья Соль, к которой он с галантностью идет навстречу)

Сеньора, провожать готов я вас всегда.
(Доводит ее до двери.)

Донья Соль выходит.

Эрнани
(поднося руку к рукояти кинжала, спрятанного у него на груди)

О добрый мой клинок!

Дон Карлос
(возвращаясь, говорит сам с собой)

Он прежней полн отваги.
(Отводит Эрнани в сторону.)

Я оказал вам честь, коснувшись вашей шпаги.
Мне подозрительны, сеньор, ваш вид и речь.
Но я, король, хочу обманом пренебречь.
Спасайтесь. Вы моим неведением укрыты.

Д о н Р у й Г о м е с
(возвращаясь и указывая на Эрнани)

Кто это?

Д о н К а р л о с
Спутник мой. Из королевской свиты.

Выходят в сопровождении слуг с факелами. Герцог предшествует
королю со свечой в руке.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Э р н а н и
(один)

Из свиты короля? Ты прав. Да будет так!
Я стану день и ночь следить твой каждый шаг.
В руке зажав кинжал, пойду, как пес, по следу.
Мой род твой гонит род, предчувствуя победу.
К тому же ты теперь соперник мой. Лишь миг —
Любовь иль ненависть? — вопрос во мне возник,
Но с доньей Соль тебя вместить душа не может.
В любви забыл я гнев, который сердце гложет;
И если сам о нем напомнил ты — изволь,
Я буду помнить все, что нужно мне, король.
Мне к твердому пора переходить решенью.
Пусть на весах любовь даст перевес отмщенью.
Из свиты я твоей? Ты прав, властитель мой,
О, ни один слуга, хранящий твой покой,
Приспешник дворянин, угодливый придворный,
Бесстыдный льстец, лакей, до низости покорный,
Дворцовый верный пес, бредущий по пятам,
Не будет так служить, как я служил бы сам!
Что нужно от тебя дворянам двух Кастилий?
Чтоб дали титул им, гремушку нацепили,
Из золота овцу — благоволенья знак!
Мне мало этого, я не такой простак.

Нужна мне от тебя не эта честь пустая —
Нужны душа и плоть, вся кровь твоя живая,
Все то, что бешеный и мстительный кинжал,
Ворочаясь в груди, из глубины б достал.
Спеши! Я вслед пойду. Недаром голос мести
Мне шепчет на ухо: мы всюду будем вместе.
Иди! Я за тобой. Весь — зреньё, слух, я сам
Скольжу, за шагом шаг, неслышно по пятам.
Ты на пирах своих, все вокруг окинув взглядом,
Узнаешь тень мою таинственную рядом,
А ночью, о король, раскрыв глаза, не раз
Увидишь над собой свет неотступных глаз.

(Выходит через потайную дверь.)

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

РАЗБОЙНИК

Сарагоса. Двор перед домом Сильвы. Налево высокие стены дворца с окном, выходящим на балкон. Под окном небольшая дверь. Направо, в глубине, дома и улицы. Ночь. Тут и там на фасадах строений редкие освещенные окна.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Карлос, дон Санчо Санчес де Суньига, граф де Монтерей, дон Матиас Сентурион, маркиз д'Альмуньян, дон Рикардо де Рохас, граф де Касапальма. Они входят все четверо, с дон Карлосом во главе. Шляпы опущены на глаза. Все закутаны в длинные плащи, полы которых приподняты шпагой.

Дон Карлос
(разглядывая балкон)

Вот дверь, балкон... И мне уже покоя нет.

(Указывая на неосвещенное окно)

Там все еще темно.

(Поглядывает на другие, освещенные окна.)

Повсюду в окнах свет,
Где мне не нужен он; а где всего нужнее —
Там нет его!

Дон Санчо

Король, dokonчим о злодее.

И вы позволили ему уйти?

Дон Карлос

Что в том?

Дон Матиас

Он у разбойников был, верно, вожакom?

Дон Карлос

О, кто бы ни был он — их вождь иль подчиненный, —
Как будто сам король, стоял он непреклонный.

Дон Санчо

Зовут его?

Дон Карлос

(устремив взор на окно)

Фернан... Нет, «и» в конце стоит.

Дон Санчо

Эрнани?

Дон Карлос

Да.

Дон Санчо

То он!

Дон Матиас

Эрнани! И бандит

И вождь..

Дон Санчо

(королю)

Что говорил он, вихрем чувств объятый?

Дон Карлос

(не спуская глаз с окна)

Не знаю. Слушать мне мешал тот шкаф проклятый.

Дон Санчо

Зачем же он ушел, коль был в руках у вас?

Дон Карлос

(горделиво оборачивается и смотрит ему в лицо)

Вы короля спросить осмелились сейчас?

Оба придворных молча отступают.

К тому ж мечты мои в ином вращались круге:

Я думал не о нем, а о его подруге.

Я так в нее влюблен! Глаза ее — лучи;

Два зеркала, друзья; два факела в ночи.

Из повести любви я слышал два-три слова:

«Я жду вас завтра, в час безмолвия ночного».

Но это — главное. Я прямо восхищен!

Когда разбойник сам, земной презрев закон,

Грабительствует здесь, как то вошло в привычку,

Бесшумно из гнезда я похищаю птичку.

Дон Рикардо

Вам следует, король, чтоб дело завершить,

Голубку взять себе, а коршуна убить.

Дон Карлос

(дону Рикардо)

Совет достойный, граф. Но много ль вы хотите?

Дон Рикардо

(отвешивает глубокий поклон)

Когда я граф уже, что мне еще дадите?

Дон Санчо

(живо)

То шутка.

Дон Рикардо

(дону Санчо)

Графом был я назван.

Дон Карлос

(дону Санчо)

Вы опять!

(Дону Рикардо)

Да! Титул к вам упал. Вы можете поднять.

Дон Рикардо
(кланяясь снова)

Благодарю.

Дон Санчо
(дон Матиаса)

Ах, граф! Поистине неожиданный...

Король прогуливается в глубине, с нетерпением посматривая на освещенные стекла. Оба придворных беседуют на авансцене.

Дон Матиас
(дону Санчо)

Что сделает король с голубкою желанной?

Дон Санчо
(недоброжелательно взглянув на дон Матиаса)

Графини титул даст, украсит ею двор;
И будет сын ее — король.

Дон Матиас

С каких же пор
Побочный сын — король? Мой милый граф, доньяне
Не знал я королей, рожденных от графини.

Дон Санчо

Но будет ей тогда маркизы титул дан.

Дон Матиас

Побочных сыновей хранят для чуждых стран —
Как вице-королей. И в том их назначенье.

Дон Карлос выходит на авансцену.

Дон Карлос
(бросая гневный взгляд на все освещенные окна)

Глядят, как будто мы внушаем подозренье.
О, наконец-то два погасли! В добрый час.
Как время тянется мучительно для нас!
Когда бы шло оно поспешными шагами!

Д о н С а н ч о

Вот так мы ждем всегда пред вашими дверями.

Д о н К а р л о с

И так томить народ у вас заведено.

Последнее освещенное окно гаснет.

Погас последний свет.

(Поворачивается к балкону доньи Соль, все еще погруженному во мрак.)

Проклятое окно!

Когда же вспыхнешь ты? Ведь все покрыто тьмою.

О донья Соль, явись сияющей звездой!

(Дону Рикардо)

Уж полночь.

Д о н Р и к а р д о

Полночь, да.

Д о н К а р л о с

Нам надобно спешить.

Другой уже идет; он близко, может быть.

Окно доньи Соль освещается. Видно, как тень проходит по озаренным окнам.

Эй, факел мне, друзья! В окошке вижу тень я.

О, никогда я так не ждал зари рожденья!

Пора. Дадим сигнал, который ждет она:

Тройной удар рукой. Сейчас вы у окна

Увидите ее. Но сборище такое

Внушить ей может страх. Уйдите в тень все трое,

Следите за другим. Влюбленных мы, друзья,

Разделим. Вам — бандит, мне — дама. Речь моя

Ясна?

Д о н Р и к а р д о

О да.

Д о н К а р л о с

Коль он придет, вы из засады

Кольните шпагою в начале серенады.

Пока очнется он, вздыхая глубоко,

Я даму унесу, мы будем далеко.

Щадите жизнь его. Он юноша отважный.

К тому ж убийство — грех, и грех, конечно, важный.

Оба сеньора, кланяясь, уходят. Дон Карлос смотрит им вслед; затем ударяет в ладоши, выдерживая паузы. При втором ударе окно растворяется, и донья Соль, в белом, выходит на балкон.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Карлос, донья Соль.

Донья Соль

(на балконе)

Эрнани, это вы?

Дон Карлос

(в сторону)

О дьявол! Буду нем.

(Снова ударяет в ладоши.)

Донья Соль

Сейчас.

(Закрывает окно, в котором гаснет свет; немного погодя открывается маленькая дверь, и со светильником в руке появляется донья Соль. На ее плечах плащ.)

Эрнани!

Дон Карлос надвигает шляпу на глаза и быстро направляется к ней. Донья Соль роняет светильник.

Нет, и шаг не тот совсем.

(Хочет уйти обратно. Дон Карлос, подбежав, хватая ее за руку.)

Дон Карлос

О донья Соль!

Донья Соль

Чужой и голос. О несчастье!

Д о н К а р л о с

Где голос ты найдешь, такой согретый страстью?
Влюбленный пред тобой. Влюбленный — и король.

Д о н ь я С о л ь

Король!

Д о н К а р л о с

Тебе весь мир отдам я, донья Соль!
Не ~~отвергай~~ меня; ~~ведь я, в любви безмерной,~~
Король, властитель твой, и Карлос — раб твой верный.

Д о н ь я С о л ь

(пытаясь вырваться из его объятий)

Эрнани! Помоги!

Д о н К а р л о с

Забудь напрасный страх.
Не у бандита ты, у короля в руках.

Д о н ь я С о л ь

Разбойник — это вы: подобны вы злодею.
Ах, я за вас сейчас, о государь, краснею,
Так это — подвигов бессмертные лучи:
Похитить женщину насилием в ночи?
Он ~~лучше~~ во сто крат. ~~Когда б по божьей, воле~~
Здесь по достоинству распределялись роли,
Иначе бы судьба сплетала свой узор:
Эрнани был бы принц, а вы, король мой, — вор.

Д о н К а р л о с

(пытаясь ее обнять)

Сеньора!

Д о н ь я С о л ь

Мой отец был графом, вы забыли.

Д о н К а р л о с

Я дам вам герцогство.

Д о н ь я С о л ь
(отталкивая его)

Когда б скромней вы были!
(Отступая назад)

Что может общего, дон Карлос, быть у нас?
Отец мой проливал нередко кровь за вас,
И стать любовницей с той кровью чистой, алой
Нельзя мне; а ее для королевы — мало.

Д о н К а р л о с
Принцесса!..

Д о н ь я С о л ь
О король! Несите тем, чей род
Уже лишен всего, и пыл свой и почет,
Меня ж вы не должны преследовать упрямо.
Не только женщина для вас я, но и дама.

Д о н К а р л о с
Делите имя, трон со мною много лет;
Супругой будьте мне, императрицей...

Д о н ь я С о л ь
Нет!
Меня не соблазнить. Скажу вам без обмана
(Пришлось бы все узнать вам поздно или рано) —
Люблю Эрнани-я. Что почести и трон?
Жизнь кочевую с ним, грозящий нам закон,
И голод, и нужду, и долгие скитанья,
Опасность что ни шаг, лишения, страданья,
Изгнание, войну, тревогу нищих дней
Не отдала бы я за пурпур королей.

Д о н К а р л о с
О, как он счастлив!

Д о н ь я С о л ь
Он? Бедняк, беглец гонимый!

Д о н К а р л о с

Беглец и нищий — да, но вами столь любимый!
Я одинок. А он — с ним ангел каждый час.
Вам ненавистен я?

Д о н ь я С о л ь

Да, не люблю я вас.

Д о н К а р л о с

(хватает ее грубо)

Прекрасно. Любите иль нет — мне безразлично.
Идем. Принудить вас сумею я отлично.
Идем. Я так хочу. Иль даром, наконец,
Ношу я Индии, Испании венец?

Д о н ь я С о л ь

(отбиваясь)

О, сжальтесь же, сеньор! Вы так велики ныне,
Вы наш король; и вам маркизы, герцогини
Готовы всем служить. Среди придворных дам
Захочет каждая любовь доверить вам.
Удел же беглеца — гоненья и насилие.
У вас есть Арагон, Наварра и Кастилья,
Леон и Мурсия с десятком областей,
Вся Фландрия, весь мир индийский средь морей.
Дерзнуть на вас — никто отваги не находит.
Средь стран, подвластных вам, и солнце не заходит.
Так неужель у вас поднимется рука
Отнять последнее, что есть, у бедняка?

(Кидается на колени; он пытается увлечь ее за собой.)

Д о н К а р л о с

Идем, идем со мной одной дорогой в мире.
Из всех Испаний ты — их у меня четыре —
Что хочешь, выбирай!

Она пытается вырваться из его объятий.

Д о н ь я С о л ь

Чтоб этот смыть позор,
Одно у вас хочу я взять: кинжал, сеньор!
(Хватает его поясной кинжал. Он выпускает ее и
отшатывается.)

Приблизьтесь! Хоть на шаг!

Д о н К а р л о с

Так вот вы как? Прекрасно!
Недаром любите мятежника вы страстно.
(Хочет сделать шаг; она заносит кинжал.)

Д о н ь я С о л ь

Сначала вас убью, потом себя.
(Он снова отступает. Она оборачивается.)

Сюда,

Эрнани!

Д о н К а р л о с

Замолчи!

Д о н ь я С о л ь
(с поднятым кинжалом)

Рука моя тверда.

Д о н К а р л о с

Сеньора, не снесу упрямство я такое.
Чтобы заставить вас, со мной еще здесь трое.

Э р н а н и

(внезапно появляясь за его спиной)

Забыли одного!

Король оборачивается и видит Эрнани, стоящего за ним в тени, со скрещенными руками под длинным плащом, в широкополой шляпе, не скрывающей лица. Д о н ь я С о л ь вскрикивает, бежит к Эрнани и заключает его в объятия.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Карлос, донья Соль, Эрнани.

Э р н а н и

(недвижный, со скрещенными руками, устремив на короля сверкающий взор)

Хотел бы, — знает бог, —
Увидеть я его не здесь, у ваших ног.

Д о н ь я С о л ь

Спасите от него!

Э р н а н и

Не бойтесь, дорогая,
Я здесь.

Д о н К а р л о с

Но где ж друзья? Где стража городская?
Пустить разбойника, врага страны моей!

(Зовет)

Сеньоры, где вы?

Э р н а н и

Где? В руках моих друзей.
Чем могут вам помочь бессильные три шпаги?
На трех — нас шестьдесят, исполненных отваги,
И всех вас четырех один заменит мой.
Так лучше спор вдвоем нам кончить меж собой.
Вы эту девушку насильно взять решили,
Неосторожны вы, сеньор, король Кастилии,
И подлы!

Д о н К а р л о с

(презрительно улыбаясь)

Слушайте, не вам, сеньор бандит,
Учить меня!

Э р н а н и

Ого! Какой сердитый вид!
Я не король: но я, услышав оскорбление,
От гнева вровень с ним расту в одно мгновенье,

И краска на моем челе тогда страшней.
Чем перья и гербы на шлемах королей.
Напрасно вас сейчас надежда обольщает,

(Хватает его за руку.)

Да знаете ли вы, кто руку вам сжимает?
Отец ваш моего казнил былой порой.
Я ненавижу вас — вы взяли титул мой!
Я ненавижу вас — одну мы любим оба!
Я ненавижу вас, я вас клянусь до гроба!

Д о н К а р л о с

Прекрасно.

Э р н а н и

Но сейчас моя умолкла месть.
В душе один порыв, одно желанье есть —
То донья Соль. Ее одну ищу — и что же?
На похищение здесь наглое похоже!
Я здесь увидел вас. Вы на моем пути.
Опасней вам, сеньор, минуты не найти.
Дон Карлос, схвачен ты — и в собственной засаде.
Где помощь? Как бежать? Ты здесь, в моей ограде,
Один, — и выходы врагами заперты.
Что делать?

Д о н К а р л о с
(надменно)

Спрашивать меня дерзаете вы?

Э р н а н и

Ну что ж, я не хочу быть мстителем безвестным!
Да завершится месть ударом смелым, честным.
И жизнь свою лишь мне ты одному отдашь.
Готовься!

(Выхватывает шпагу.)

Д о н К а р л о с

Я король, я повелитель ваш.
Удар, но не дуэль.

Э р н а н и

Сеньор, вот это славно!
Забыл ты, что клинки скрестили мы недавно?

Дон Карлос

Вы правы. Я тогда не знал, как вас зовут;
Не знали вы, кто я. Теперь — напрасный труд.
Вы знаете меня, я — вас, и превосходно.

Эрнани

Допустим.

Дон Карлос

Не дуэль. Разите, кодь угодно.

Эрнани

Нет, имя короля меня не бросит в дрожь.
Готов к защите ты?

Дон Карлос

Ну убивайте. Что ж?
Иль думаете вы, разбойничьи отряды,
Что можно в городах вам грабить без пощады?

Эрнани отшатывается. Дон Карлос устремляет на него орлиный взгляд.

Что вас, отмеченных убийством, грабежом,
Мы честными людьми отныне назовем?
Что, жертвы низости, по вызову отваги
Клинки мы освятим ударом нашей шпаги?
Нет! Вы преступники, и кровь вас всех гнетет.
Дуэль вам не к лицу. Убейте так... Вперед!

Эрнани в мрачной задумчивости трогает эфес своей шпаги, потом внезапно оборачивается к королю и ломает клинок о камень.

Эрнани

Иди!

Король поворачивается к нему вполоборота и бросает на него надменный взгляд.

Ждет встреча нас когда-нибудь другая.
Иди!

Дон Карлос

Что ж! Возвращусь, минуты не теряя,
Законный ваш король, я в герцогский дворец
И правосудию отдам вас наконец.
Вы вне закона?

Э р н а н и

Да.

Д о н К а р л о с

Я так и знал. Прекрасно.

Отныне вы мне враг, мятежный и опасный.

Предупреждаю: вас не пощадит закон;

Я в черный список вас внесу.

Э р н а н и

Я уж внесен

Давно.

Д о н К а р л о с

Прекрасно!

Э р н а н и

Я уйду из стран испанских

Во Францию.

Д о н К а р л о с

Но я — с короною германской —

Империи врагом сочту вас.

Э р н а н и

Что мне в том?

Мир остальной широк, и я свободен в нем.

Есть много мест, где ты достать меня не в силах.

Д о н К а р л о с

Мир будет весь моим...

Э р н а н и

Тогда исход — могила.

Д о н К а р л о с

Мятеж я раздавлю — и мне не страшен враг.

Э р н а н и

Хромает часто месть; у ней неспешный шаг,

Но все ж она идет.

Дон Карлос
(с презрительной усмешкой)

Ну и красотка! Счастье
Разбойник ей сулит!

Эрнани
(снова с загоревшимся взором)

В моей ты все же власти!
О кесарь будущий, сейчас ты слаб и хил, —
Зачем напоминать, что я тебя схватил,
Что стоит только мне зажать кулак свой дерзкий,
Чтоб был убит в яйце и твой орел имперский?

Дон Карлос
Попробуй.

Эрнани
Уходи!
(Снимает плащ и набрасывает его на плечи короля.)

Беги в плаще моем;
Иначе, я боюсь, тебя пырнут ножом.

Король заворачивается в плащ.
Спокойно уходи. Я отложил отмщенье.
В других, но не во мне найдешь ты уваженье.

Дон Карлос
Так говорить со мной посмели вы, сеньор,
Что не дожидаться вам пощады с этих пор!
(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Эрнани, донья Соль.

Донья Соль
(берет Эрнани за руку)

Теперь бежим скорей!

Э р н а н и
(ласково ее отстраняя)

Вам надобно, подруга,
В несчастии его покрепче верить в друга
И не итти назад, а быть во всем сродни
Душе его и с ней сплестать до смерти дни, —
Вот мысль, достойная того, кто чист душою.
Но, видит бог, чтоб жить мне радостью такою,
Чтоб унести, сокрыть в пещере средь ветвей
Красу, которая пленяет королей,
Чтоб донья Соль ушла со мной, была моею,
Чтоб взять у ней всю жизнь, свою судьбу слить с нею,
Безжалостно увлечь на путь нужды, забот, —
Нет больше времени. Уж близок эшафот!

Д о н ь я С о л ь

Что слышу я?

Э р н а н и

Король, принявший оскорбленье,
Сейчас придет платить мне карой за прощенье.
Он во дворце уже; сейчас он, о мой друг,
Зовет приспешников, собирает стражу, слуг,
Придворных, палачей...

Д о н ь я С о л ь

Эрнани! В этом месте
Нельзя вам больше быть. Бежим скорее вместе!

Э р н а н и

Как, вместе? Никогда! Бежать уж поздно нам.
О донья Соль! Когда предстала ты очам —
Вся счастье, доброта и вся любви сиянье, —
Я мог еще тебе, бедняк, чья жизнь — изгнание,
Дать горы, лес, ручьи и разделить с тобой
Свой хлеб изгнанника, приют убогий свой —
Из молодого мха и свежих веток ложе...
Но страшный эшафот делить с тобой! О боже!
Он — мне лишь одному.

Д о н ь я С о л ь

Но вместе быть всегда

Вы обещали мне.

Э р н а н и

(падая на колени)

Мой ангел! В час, когда

К нам смерть уже идет и близится упорно
Развязка мрачная судьбы, такой же черной, —
Рожденный в горести бедняк, чья колыбель —
В крови, кто светлых дней еще не знал досель,
Чья жизнь — глухая ночь, я сам в минуты эти
Скажу, что никого счастливей нет на свете,
Затем, что вами я любим, что жребий мой,
Презренный, проклятый, почтили вы слезой.

Д о н ь я С о л ь

(склоняясь к нему)

Эрнани!

Э р н а н и

Мой удел благословен отныне;

Он мне явил цветок над пропастью в стремнине.

(Поднимается.)

Не только вам одной сказал все это я, —
Внимает в небе мне предвечный судия.

Д о н ь я С о л ь

Возьми меня с собой.

Э р н а н и

Но это преступленье —

Сорвав цветок, увлечь его с собой в паденье.

Я им дышал хоть миг — и счастлив был судьбой.

Другому жизнь отдай, надломленную мной.

Будь старику женой. Не лыщусь мечтой ревнивой.

Я возвращаюсь в ночь. Забудь — и стань счастливой.

Д о н ь я С о л ь

Нет, я пойду с тобой — среди лесов, стремнин
Делить твою судьбу.

Э р н а н и
(сжимая ее в объятиях)

Пусть я уйду один.

(Судорожным движением вырывается из ее объятий.)

Д о н ь я С о л ь
(горестно всплескивая руками)

Эрнани, ты бежишь? О, горе одинокой!
Отдать всю жизнь — и быть отвергнутой жестоко
И после всей любви и горести такой
Блаженства не иметь хоть умереть с тобой!

Э р н а н и
Я изгнан, осужден! Я обречен судьбою...

Д о н ь я С о л ь
Как бессердечны вы!

Э р н а н и
(возвращаясь)

Я остаюсь с тобою.
Ты хочешь этого? Я здесь. Иди сюда!
Я остаюсь с тобой — надолго, навсегда.
Забудем все.

(Садится на каменную скамью.)

Присядь на этот камень белый.
Слепят меня очей твоих горящих стрелы.
О, спой мне песенку, что пела ты порой,
Когда твой черный взгляд в ночи сверкал слезой!
Мы будем счастливы. Полна до края чаша.
Забудем все вокруг; минута эта — наша.
О, говори, мой друг! Ведь так приятно нам
Любить и всей душой внимать любви словам —
Вдвоем, вдали от всех. Какое обаянье —
В безмолвии ночном внимать любви признанья!
Здесь, на твоей груди, я так забыться рад...
О счастье! О любовь, о донья Соль!

Звон дальних колоколов.

Д о н ь я С о л ь
(в ужасе встает)

Набат!

Ты слышишь? Там набат!

Э р н а н и
(все еще на коленях)

Как! Он тебя тревожит?

То свадьбы нашей звон.

Колокольный звон усиливается. Смутный гул; факелы и свечи во всех
окнах, на всех крышах, во всех улицах.

Д о н ь я С о л ь

Вставай, беги! О боже!

Вся Сарагоса здесь!

Э р н а н и
(слегка приподнимаясь)

То факелы в честь нас.

Д о н ь я С о л ь

То свадьба средь могил. То свадьба в смертный час.

Лязг оружия, крики.

Э р н а н и
(саясь на каменную скамью)

Заснем.

Г о р е ц
(вбегая со шпагой в руке)

Сеньор! Сеньор! Там сбирь и алькады.
Во весь опор летят на площадь кавалькады.
Спасайтесь, господин!

Э р н а н и встает.

Д о н ь я С о л ь
(бледнея)

Q да, беги во тьму!

Г о р е ц

На помощь!

Э р н а н и

(горцу)

Я готов. Прекрасно.

Глухие голоса за сценой

Смерть ему!

Э р н а н и

(горцу)

Дай шпагу!

(Донья Соль)

Ну, прощай.

Д о н ь я С о л ь

Ах, я всему виною!

Куда же ты?

(Показывая на маленькую дверь)

Идем. Я здесь тебя укрою.

Э р н а н и

Как! А мои друзья?

Шум и крики.

Д о н ь я С о л ь

Любимый! Жизнь моя!

Мне страшно.

(Удерживая Эрнани)

Коль умрешь, умру с тобой и я.

Э р н а н и

(держит ее в объятиях)

Дай поцелуй.

Д о н ь я С о л ь
Мой муж! Эрнани мой! О боже!

Э р н а н и
(целует ее в лоб)

Наш первый поцелуй.

Д о н ь я С о л ь
Последний он, быть может.

Он убегает. Она опускается на скамью.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

СТАРИК

Замок де Сильвы в горах Арагона. Семейная портретная галерея. Большой зал, украшенный портретами в пышных рамах, с герцогскими коронами и позолоченными гербами. В глубине высокая готическая дверь. В простенках между портретами набор оружия различных веков.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донья Соль, в белом, стоит у стола, дон Руй Гомес де Сильва сидит в высоком герцогском кресле, сделанном из дуба.

Дон Руй Гомес

Сегодня, наконец! Сегодня, в час ночной,
Не дядя я, а муж, о герцогиня, твой.
~~Ведь я прощен?~~ Я был неправ перед тобою;
Я заставлял тебя бледнеть, краснеть порою;
Я слишком был ревнив и на сужденья скор, —
Ведь опровергнуть ты могла мой приговор.
О, как обманчив глаз! Как мы несправедливы!
Пускай я видел сам тех юношей счастливых, —
Что в том? Не должен был я верить и глазам.
Но что поделаешь? Уж слишком стар я сам.

Донья Соль

(спокойно и надменно)

Оставьте! Вам никто не делает упрека.

Дон Руй Гомес

Нет, все же я неправ. С такой душой высокой
Измены не таят. Я знаю, донья Соль,
Что в жилах у тебя испанской крови соль.

Донья Соль

О да, та кровь всегда чиста и благородна:
Все убедятся в том.

Дон Руй Гомес

(встает и подходит к ней)

Послушай. Не свободна
Душа моя, когда в тебя я так влюблен
На склоне дней. Я зол, ревнив — таков закон, —
И красота в других и юности цветенье
Мне причиняют страх, внушают подозренье.
Завидуя другим, я сам стыжусь порой.
Судьба — насмешница: в любви, уже седой,
Но жгущей сердце нам столь пламенно и смело,
Наш дух и юн и свеж, хотя бессильно тело.
Пред юным пастухом, — куда мы идем,
Он с песней звонкою, я с сумрачным челом,
Он в зелени лугов, я в темном старом парке, —
Я говорю себе: о, что все башни, арки
Владений герцогских? Я б тотчас отдал их,
Как и свои поля с дубами рощ густых,
Свои стада овец, бредущие в долины,
Свой титул, древний род и все свои руины,
Всех предков доблестных из рода моего —
За домик пастуха, за молодость его.
Он в смоляных кудрях, и взор его так ясен,
Похож на твой; и ты сказала б: «Он прекрасен».
Что думать обо мне? Я стар уж — что скрывать!
Хотя и Сильва я, чем стал бы я пленять?
Все это ясно мне. Вот видишь, как люблю я!
Весь мир я отдал бы за молодость такую.
Напрасные мечты! Мне — свежесть юных сил?
Нет, раньше я, чем ты, приду в страну могил.

Донья Соль

Кто знает?..

Дон Руй Гомес

И поверь — все эти кавалеры
Являют не любовь, не сердце, а манеры.
Полюбит девушка такого всей душой, —
Ей — смерть, ему же смех. Их пестрокрылый рой
Напоминает птиц окраской, воркованьем,
Любовью, как перо, подверженной линянью.
Пускай у стариков сил меньше, взор темнеет, —
Надежней их крыло и лучше, хоть тускнеет.
Мы любим преданно. Что тяжкий шаг, седины?
Чело изрыто, но на сердце нет морщины.
Но коль старик влюблен, щади его любовь!
У сердца нет седин, и в нем живая кровь.
О нет, любовь моя не искрится, играя,
Как бусы из стекла, — в ней сила есть иная:
Отцовство, дружба, честь; и сам я тверд душой,
Как кресел дедовских тяжелый дуб резной.
Я так тебя люблю! Душой, к тебе летящей,
Люблю, как любят день, на небо восходящий,
Как любят нежность роз, как любят звезд чертог.
С тобою быть все дни, ловить след милых ног,
Узреть чело твое и взгляда совершенство —
Вот счастье для меня, вот вечное блаженство!

Донья Соль

Увы!

Дон Руй Гомес

К тому же мир обычай чтит такой:
Оканчивая жизнь, старик полуживой,
Уже склонившийся над мрамором могилы,
С невинным ангелом, с голубкой сизокрылой,
Остаток делит дней, и бодрствует она
Над жалкой старостью, что в ночь идти должна.
Вот благородный долг, вот дело высшей чести,
Прямой порыв, когда, живя со старцем вместе,
Шлешь утешение ему на склоне дней,
Быть может, без любви, но всей душой своей.
О, будь мне ангелом с душою девицы нежной,
Чтоб я, старик, свой пыл, отныне безнадежный,
Остаток жалких дней мог разделить с тобой —
Как с нежной дочерью, как с любящей сестрой.

Д о н ь я С о л ь

Не знаю, кто из нас скорей придет к могиле,
Сеньор; и не всегда, покорны юной силе,
Мы жить хотим. Увы! Так часто говорят:
Здесь медлят старики, а юные спешат.
И угасает взор, глубокой тьмой покрытый,
Как темный ров могил, что придавили плиты.

Д о н Р у й Г о м е с

О мысли мрачные! К чему на сердце тень,
Дитя, в такой святой, такой веселый день?
Но время все течет. Мы говорим час целый,
А вам уже пора одеться для капеллы.
Скорей! Где ваш убор? Теряю счет часам.
Где свадебный наряд?

Д о н ь я С о л ь

Что торопиться нам?

Д о н Р у й Г о м е с

Пора!

Входит п а ж.

Что скажешь, паж?

П а ж

Сеньор, стучит в ворота
Какой-то пилигрим, иль нищий, или кто-то
Другой, прося впустить.

Д о н Р у й Г о м е с

О, кто бы ни был он,
Приносит счастье гость, от бури огражден.
Впустить его! Скажи, что нового на свете?
Где вождь разбойников, занявший чаши эти,
Наполнивший страну столь дерзким мятежом?

П а ж

Эрнани? С тем, кого зовем мы горным львом,
Покончено!

Д о н ь я С о л ь
(в сторону)

Мой бог!

Д о н Р у й Г о м е с
(пажу)

Как?

П а ж

Одержал победу
Король. За ним сейчас он сам спешит по следу.
Оценен в тысячу эскудо он; и я
Уверен — он убит.

Д о н ь я С о л ь
(в сторону)

Он умер без меня,
Эрнани!..

Д о н Р у й Г о м е с

Умер он? О дева пресвятая!
Отныне счастье к нам приходит, дорогая.
Где светлый ваш убор? Как счастлив я, как рад!
Двойное празднество.

Д о н ь я С о л ь
(в сторону)

О траурный наряд!
(Выходит.)

Д о н Р у й Г о м е с
(пажу)

Снеси ей мой ларец, мой дар души влюбленной.

(Вновь опускается в свое кресло.)

Пусть нарядною предстанет, как мадонна,
Чтоб спорил взор ее с убором дорогим
И чтоб в восторге пал пред нею пилигрим...

Там кстати ждет один, войти сюда не смея, —
Вели его впустить, проси сюда скорее!

П а ж кланяется и выходит.

Заставить гостя ждать — нехорошо.

Дверь в глубине открывается. Входит Эрнани, переодетый пилигримом. Герцог встает и идет ему навстречу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эрнани останавливается на пороге.

Дон Руй Гомес

Сеньор...

Эрнани

Мир дому вашему!

Дон Руй Гомес

(делая приветственный жест)

Ты гость мой с этих пор.

Привет!

Эрнани входит. Герцог садится.

Ты пилигрим?

Эрнани

(кланяясь)

Да.

Дон Руй Гомес

Шел ты, без сомненья,

Через Армильяс?

Эрнани

Нет, не в этом направлении.

Там бой кипит сейчас.

Дон Руй Гомес

С мятежниками бой,

Не правда ль?

Э р н а н и

Может быть.

Д о н Р у й Г о м е с

Эрнани, их герой... —

Что случилось с ним, тебе известно?

Э р н а н и

Нет. Он кто же?

Д о н Р у й Г о м е с

Его не знаешь ты? Тем хуже. Не похоже,
Чтоб ты награду взял. Эрнани — это тот
Мятежник, чья вина давно возмездья ждет.
В Мадриде будет он, увидишь сам, качаться.

Э р н а н и

Я не туда.

Д о н Р у й Г о м е с

А он мог каждому достаться.

Э р н а н и

(в сторону)

Посмотрим.

Д о н Р у й Г о м е с

Но куда ты держишь путь?

Э р н а н и

Сеньор,

Я в Сарагосу путь держу.

Д о н Р у й Г о м е с

В святой собор?

Иль по обету в храм к мадонне?

Э р н а н и

Да, к мадонне.

Д о н Р у й Г о м е с

Пиларской?

Э р н а н и

Да.

Дон Руй Гомес

Кого такой обет не тронет?..

Обещанное мы должны отдать святым.

А после занят ты намереньем каким?

Увидеть трон ее — вот все твои желанья?

Э р н а н и

Да, видеть я хочу священных свеч пыланье,

Мадонну, в глубине, под сводами колонн,

Ее златой венец, ее слепящий трон,

А после я вернусь.

Дон Руй Гомес

Скажи мне имя, званье...

Я — Руй де Сильва.

Э р н а н и

(колеблясь)

Но...

Дон Руй Гомес

Ну что ж, храни молчанье,

Коль хочешь. Здесь никто не спросит, как зовут.

Ночлега ищешь ты?

Э р н а н и

Да, герцог.

Дон Руй Гомес

Будь же тут

Как дома. Мир с тобой. Не должен ты смущаться.

А что до имени, то «гостем» будешь зваться.

О, кто бы ни был ты, переступи порог:

И дьявол — гость, когда его нам шлет сам бог.

В глубине распаивается двустворчатая дверь. Входит донья Соль в свадебном наряде. Сзади нее пажи, слуги и две прислужницы, несущие на бархатной подушке серебряный чеканный ларец, который они ставят на стол. В ларце — драгоценности: герцогская корона, браслеты, жемчуг вперемежку с бриллиантами. Эрнани, пораженный, почти задыхающийся, смотрит горящими глазами на донью Соль, не слушая, что говорит герцог.

Те же, донья Соль, пажи, слуги, прислужницы.

Д о н Р у й Г о м е с
(продолжая)

Моя мадонна здесь. Склонись в мольбе пред нею —
И счастье обретешь.

(Предлагает руку донье Соль, попрежнему бледной и
задумчивой.)

О нежный друг, скорее
Идем! Но где ж кольцо, венок цветов живых?..

Э р н а н и
(громовым голосом)

Кто тысячу монет взять хочет золотых?

Все в изумлении оборачиваются. Он разрывает балахон пилигрима,
бросает его к ногам и предстает пред всеми в наряде горца.

Эрнани я!

Д о н ь я С о л ь
(в сторону, радостно)

Он жив!

Э р н а н и
(слугам)

Я тот, кого повсюду

Вы ищите...

(Герцогу)

А вы уж думали, что буду
Я Дьего звать себя? Эрнани — имя мне!
Изгнанник я — и нет почетнее в стране
Другого имени. Вот голова, какую
Вам можно оплатить свой пир. Я много стою!

(Слугам)

Я вам ее дарю. Для вас — богатство в ней.
Вяжите руки мне, вяжите поскорей. —
Иль нет, — к чему? — меня уж вяжет цепь другая
Навек...

Д о н ь я С о л ь
(в сторону)

О боже мой!..

Д о н Р у й Г о м е с

О дева пресвятая,
Мой гость сошел с ума!

Э р н а н и

Ваш гость — разбойник, враг!

Д о н ь я С о л ь

Не слушайте его!

Э р н а н и

Поверьте, это так!

Д о н Р у й Г о м е с

Как! Тысяча монет? Такая сумма!.. Боже...
Ручаться мне нельзя за слуг моих...

Э р н а н и

Так что же?

Тем лучше, хоть один найдется пусть среди них.

(Слугам)

Продайте же меня.

Д о н Р у й Г о м е с

(пытаясь принудить его к молчанию)

Молчите. Слов таких

Не должно слышать им.

Э р н а н и

Друзья, вот случай верный:
Изгнанник я, бунтарь, разбойник беспримерный, —
Эрнани!

Д о н Р у й Г о м е с

Замолчи!

Э р н а н и

Эрнани!

Д о н ь я С о л ь
(слабеющим голосом шепчет ему)

Замолчи!

Э р н а н и
(вполоборота к донье Соль)

Здесь свадьба! Но и я хочу своей свечи.
Меня невеста ждет.

(Герцогу)

Она не так прекрасна,
Как ваша, но меня она все ж любит страстно;
И Смерть зовут ее.

(Слугам)

Скорее! Что же вы?

Д о н ь я С о л ь
(тихо)

О небо!

Э р н а н и
(слугам)

Золото — оценка головы.

Д о н Р у й Г о м е с
Он — дьявол!

Э р н а н и
(мслодому слуге)

Эй, сюда! Вот золото, с которым
Из жалкого слуги ты можешь стать сеньором.

(К слугам, которые медлят)

Ну что ж? Дрожите вы? О, как мне не везет!

Д о н Р у й Г о м е с

Брат! Тронувший тебя сам от меня падет.
Пусть сам Эрнани ты, пусть полон ты коварства
И пусть за жизнь твою нам предлагают царство, —

Ты все-таки мой гость. Тебя хранит мой дом
От Карла самого — ведь ты мне дан творцом.
За жизнь твою себя отдам я на закланье...

(Донья Соль)

Племянница моя, уж близок час венчанья, —
Идите же к себе. Чтоб замок крепче стал,
Ворота на запор.

(Выходит, слуги следуют за ним.)

Э р н а н и

(с отчаянием смотрит на свой лишенный оружия пояс)

О, если б хоть кинжал!

После ухода герцога донья Соль делает несколько шагов, чтобы последовать за своими прислужницами, но останавливается и, как только они выходят, с тревогой подходит к Эрнани.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Э р н а н и, донья Соль.

Э р н а н и останавливает холодный и как бы небрежный взгляд на свадебных драгоценностях, разложенных на столе, затем он покачивает головой, и глаза его загораются.

Э р н а н и

Я поздравляю вас! Все эти украшения
Внушают мне восторг, приводят в восхищенье!

(Подходит к ларцу.)

Прекрасное кольцо — камней так яростный свет,
Колье сработано отменно, и браслет
Изваян так хитро, — но все же не хитрее,
Чем вы, таящая бесчестные затеи!

(Снова рассматривает ларец.)

И что ж вы отдали взамен за весь убор?
Немножечко любви? Не правда ль, сущий вздор?
О боже, так предать! И жить, стыда не зная!

(Разглядывая ларец)

Иль жемчуг тот фальшив, иль то подделка злая, —

Медь вместо золота, сапфир, где блеска нет,
Брильянты ложные, колец обманный свет?
Ах, если это так, — как тот убор, отныне
Ты сердцем лжешь своим, как надо герцогине!

(Возвращается к ларцу.)

Нет, здесь все подлинно, все — роскоши печать;
Одной ногой в гробу, он не посмел бы лгать.
Все есть:

(перебирает одну за другой драгоценности ларца)

колье, кольцо, алмазные подвески,
Корона герцогинь в сиянии и блеске...
О, как его любовь почтительна, нежна!
Подарку нет цены!

Д о н ь я С о л ь

(подходит к ларцу, роется в нем и вынимает кинжал)

Вы не дошли до дна.
Кинжал у короля мне помогла мадонна
Отнять, когда он мне сулил богатства трона.
Неблагодарный! Я отвергла трон для вас.

Э р н а н и

(падая к ее ногам)

К ногам твоим упав, из огорченных глаз
Я слезы осушу; я за твои страданья
Отдам всю кровь свою и все свое дыханье!

Д о н ь я С о л ь

(растроганная)

Эрнани, я люблю, прощаю, я полна
Любовью к вам, лишь к вам.

Э р н а н и

Прощает мне она
И любит! Кто бы мог, услышав оскорбленья,
Подобные моим, мне даровать прощенье?
О, как бы я хотел, когда бы только мог,
Коснуться, ангел мой, хоть следа милых ног!

Д о н ь я С о л ь

Друг!

Э р н а н и

Ненавидеть ты должна меня. Но все же
Скажи мне: «Я люблю». Что этих слов дороже
Для сердца в горести? И женских уст порой
Лишь слово нужно нам, чтоб вновь ожить душой.

Д о н ь я С о л ь

(погруженная в свои мысли, не слушая его)

Считать любовь мою такой непостоянной!..
Ужель уверен он, скиталец безымянный,
Что сердце женщины, где он один живет,
Лишеньям вместе с ним богатство предпочтет?

Э р н а н и

Увы, я клевету! И на твоём я месте
«Довольно!» — крикнул бы безумцу, в жажде мести
Тебя клянущему, — все лишь затем, что он
То гневом яростным, то страстью ослеплен.
Скажи мне: «Уходи!» Жестока будь со мною —
Я все приму затем, что ты нежна душою,
Что терпелива ты, что не гнала ты прочь.
Я зол, и жизнь твою моя б чернила ночь;
Твоя ж душа чиста, дух светел, непокорен,
И виновата ль ты, что я так зол и черен?
Стань герцога женой! И добр и знатен он,
Ольмеда — мать его, он Алькалой рожден.
О, будь богата с ним, живи с ним в добром счастье!
А я... ты знаешь, друг, что не в моей уж власти
Достойно одарить тебя. Что б я принес
С собой в приданое? Кровь иль потоки слез,
Изгнание, цепи, смерть, жизнь в страхе, вне закона,
Вот дар мой, вот кольцо, вот брачная корона!
О, ни один супруг не даст жене своей
Таких жемчужных бус — из горя и скорбей.
Стань старика женой! Он будет горд судьбою.
Нет, кто б поверить мог!.. С голубкою такою,
Изгнанник, рядом я. И кто бы, видя нас,
Тебя — спокойною, меня — в мой грозный час,

Тебя — цветок, в ночи безгорестно растущий,
Меня — ладью средь скал под бурею ревущей,
Сказал, что в этот час дорога нам одна!
Прав сотворивший мир: не мне ты суждена.
Тебя ль своей судьбе отдам я беспокойной?
Душой, что я украл, владеет пусть достойный.
Согласья на любовь господь нам не давал.
Сказав, что так судьба велела, я солгал.
К тому же месть, любовь — окончатся со мною.
И вот иду я прочь с двойной своей мечтою:
Не в силах ни карать, ни страсть тебе внушить;
Для мести призванный, могу я лишь любить.
Прости!.. Оставь меня... Вот два моих желанья.
Не отвергай их, нет! Я шлю их в миг прощанья.
Тебе — вся жизнь, мне — смерть. Не знаю, почему
Со мной в могильную итти ты хочешь тьму.

Д о н ь я С о л ь

Жестокий!

Э р н а н и

Арагон и ты, Эстремадура!

На все, что делаю, судьба взирает хмуро.
Я ваших взял сынов, я за себя — увы! —
Заставил биться их — и вот они мертвы.
То были самые храбрейшие в Кастилии;
Они лежат в горах, где пули их сразили,
Отважно, на спине, лицом в небесный свод,
Чтоб видеть небо вновь, лишь бог их позовет.
Вот то, что сделал я тому, кто был со мною.
Ужель такого ты пленяешься судьбою?
Пусть герцог, пусть сам ад, пусть даже сам король —
Все лучше для тебя, чем я... О донья Соль!
Нет друга у меня, который мной гордится;
Покинут всеми я. Так пусть судьба свершится;
Я должен быть один. Оставь меня совсем
Не делай из любви религии. Зачем?
Молю тебя, беги! Ты думаешь, быть может,
Что я один из тех, кого мечта тревожит,
Кто к цели избранной бестрепетно идет?
О нет! Я темный рок, я страшных сил полет!
Я порождение слепой и мрачной тайны,
Я дух, родившийся из тьмы необычайной,

Иду невесть куда; и слушать обречен
Дыхание стихий, безумных сил закон.
Все ниже, ниже путь. Прервать нельзя движенья;
А если оглянусь, усталый, на мгновенье,
Я слышу вновь: «Иди!» И пропасть так страшна.
В ней отсвет крови есть; она озарена
Ужасным пламенем; в нее готов упасть я.
Все гибнет вокруг меня; я приношу несчастье...
Беги же прочь! Сойди с дороги роковой, —
Тебе невольно зло я принесу с собой.

Д о н ь я С о л ь

О боже!

Э р н а н и

Демон мной владеет, дух постылый.
Он всемогущ, но дать мне счастье он не в силах.
Ты — счастье: значит, ты — пусть страстью мы горим —
Не можешь стать моей. Будь счастлива с другим!
О, если бы судьба, в своем стремленье странном,
Послала счастье мне! Нет, было б то обманом,
Будь герцогу женой.

Д о н ь я С о л ь

Иль не довольно вам?
Разбили сердце мне и рвете пополам.
Нет, вы не любите меня!

Э р н а н и

О дорогая!
Ты — тот костер, где я сейчае живу, пылая.
Но должен я бежать. О, не вини меня!

Д о н ь я С о л ь

Нет, вас я не виню. Но все ж погибну я.

Э р н а н и

Смерть! Смерть из-за меня! Нет, я того не стою,
К чему?

Д о н ь я С о л ь
(не в силах сдержать рыдания)
Что я могу?

(Падает в кресло.)

Э р н а н и
(саясь возле нее)

Твой взор горит слезою.
Я этому виной. И кто мне отомстит?
Ведь ты меня простишь? Душа не так болит,
Когда в очах твоих я вижу слез дрожанье,
Туманящее взор, исполненный сверканья
Мертвы мои друзья. Мне душу полнит мрак.
Прости. Хочу любить, и сам не знаю, как,
И все же я люблю глубоко, всей душою.
Не плачь! Давай умрем! Будь целый мир со мною, -
Тебе б я дал его! Но я сражен судьбой.

Д о н ь я С о л ь
(кидаясь ему на шею)

О, как прекрасен ты, лев благородный мой!
Люблю!

Э р н а н и

Когда б любовь, блаженство нам даруя,
Могла б и смерть нам дать!

Д о н ь я С о л ь

О, как тебя люблю я!
Властитель мой! Люблю! Я вся теперь твоя!

Э р н а н и
(припав головой к ее плечу)

С какой бы радостью кинжал твой встретил я!

Д о н ь я С о л ь
(умоляющим голосом)

Ах, не бойтесь вы, что вас сам бог накажет
За эту речь?

Э р н а н и
(прильнув к ее груди)

Ну что ж? Пусть он нас прежде свяжет.
Ты хочешь этого? Я сделал все, что мог.

В тесных объятиях, они глядят в глаза друг другу, ничего не видя, не слыша, целиком уйдя в созерцание друг друга. Через дверь в глубине входит дон Руй Гомес. Он видит их и, остолбенев, останавливается на пороге.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Э р н а н и, д о н ь я С о л ь, д о н Р у й Г о м е с.

Д о н Р у й Г о м е с
(недвижный, скрестив руки на груди, стоит в дверях)

Так вот кого пустил к себе я на порог!

Д о н ь я С о л ь

О небо! Герцог!

Оба оборачиваются, как бы пробужденные внезапным толчком.

Д о н Р у й Г о м е с

Вот чем платят мне отныне!
«Старик, иди взгляни, крепки ль твои твердыни,
Ворота заперты ль, на башенных зубцах
Стоит ли день и ночь охрана на часах,
По росту отыщи себе вооруженье,
Подставь свой дряхлый стан под тяготы сраженья —
Сполна оплатится доверчивость твоя,
И то, что ты мне дал, верну с избытком я».
О небо! Я шестой десяток доживаю;
Что значит бешенство разбойников — я знаю;
Не раз ночной порой, свой выхватив клинок,
Я в бегство обратить бродяг полночных мог;
Убийц, изменников с собой я видел рядом,
И слуг, хозяину несущих кубок с ядом,
И тех, кто без молитв предсмертных умирал;
Знал Борджа, Сфорцу я и Лютера встречал, —

Но все ж такого я не видел преступления:
Здесь гость хозяину наносит оскорбленье!
Был не таков мой век. Такой измены вид
Вдруг старца ужасом в дверях окаменит,
И он, под тяжестью ужасного страданья,
Как надмогильное застынет изваянье.
Испанцы, мавры! Как такой злодей живет!

*(Поднимает глаза и обводит взором висящие по стенам
портреты.)*

О Сильва, слушайте! О доблестный мой род!
Прости, что пред тобой я, гневом ослепленный,
Гостеприимства мог на миг забыть законы.

Э р н а н и
(поднимаясь)

О герцог!

Д о н Р у й Г о м е с

Замолчи!

*(Делает три шага вперед и разглядывает поочередно все
портреты рода Сильва.)*

Вы, предки! Прямо ваш взгляд;
Вам небо видимо, и знаете вы ад.
Скажите, кто же он, тот человек, — откуда?
То не Эрнани, нет: предатель он, Иуда!
О, дайте наконец, я вас молю, ответ!

(Скрестив руки на груди)

Могло ль подобное случиться с вами? Нет!

Э р н а н и

О герцог!

Д о н Р у й Г о м е с

(попрежнему обращаясь к портретам)

Видите? Он говорит, бесчестный!
Что замышляет он, о предки, вам известно, —
Не слушайте его. Обманщик он и ждет,
Что кровь рука моя в своем жилье прольет,

Что я таю в груди, забыв веленья чести,
Как в день Семи голов, одну лишь жажду мести.
Себя изгнанником сочтя, меня опять
Не Сильва — Ларою осмелится он звать.
Он скажет, что он гость и мой и ваш, сеньоры...
О предки! Гневные не отвращайте взоры,
Но рассудите нас.

Э р н а н и

О Сильва! Коль могло
Столь благородное явиться нам чело,
Столь сердце чистое, ум смелый и глубокий,
Так это вы, сеньор, хозяин мой высокий!
Я, говорящий здесь, виновен, я смущен.
Что я могу сказать, когда я осужден?
Да, я хотел украсть жену твою, — о боже! —
Бесчестьем запятнать твое хотел я ложе.
Всю кровь, что есть во мне, — пролей ее клинком
И, осушив его, не думай ни о чем.

Д о н ь я С о л ь

Виновна я, не он! Лишь мне готовьте мщенье!

Э р н а н и

Молчите, донья Соль! Вот лучшее мгновенье.
Оно мое, мое! Нельзя его отнять.
Я должен герцогу здесь многое сказать.
О герцог, в смертный час я клятвою старинной
Клянусь: виновен я, а донья Соль невинна.
Вот все. Виновен я, она чиста! Ты б мог
Вернуть доверье ей, мне — в грудь вонзить клинок.
Да, можешь бросить ты в дверях мой труп кровавый
И вымыть пол. Пусть так! Ведь ты имеешь право.

Д о н ь я С о л ь

Ах, я всему виной. Люблю его...

Дон Руй Гомес, вздрогнув, оборачивается и вперяет в донью
Соль ужасающий взгляд. Она бросается к его ногам.

Он мой!

Да, я люблю его.

Дон Руй Гомес

Вы любите?

(К Эрнани)

Постой!

Звук рожков за сценой. Входит паж.

Что там за шум?

Паж

Сеньор, то сам король с толпою
Несметною стрелков, при нем герольд с трубою.

Донья Соль

Король! Удар судьбы!

Паж

(герцогу)

Спросил он, почему

Ворота заперты.

Дон Руй Гомес

Король? Открыть ему!

Паж, поклонившись, выходит.

Донья Соль

Погиб он!

Дон Руй Гомес подходит к раме одного из портретов — своего собственного, который висит с края налево, и нажимает пружину. Портрет поворачивается, как дверь, и обнаруживает тайник, находящийся за ним в стене. Затем герцог оборачивается к Эрнани.

Дон Руй Гомес

Спрячься здесь скорей.

Эрнани

Моей судьбою

Теперь владеешь ты. И этой головою.

Я пленник твой.

(Входит в тайник.)

Дон Руй Гомес снова нажимает пружину, и портрет возвращается на прежнее место.

Донья Соль

Молю за жизнь его, сеньор!

П а ж
(входя)

Его величество король!

Донья Соль быстро опускает вуаль. Двери распахиваются настежь. Входит дон Карлос в военном наряде, сопровождаемый толпою дворян, вооруженных, как и он. За ними солдаты с протазанами, аркебузами и арбалетами.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Руй Гомес, донья Соль под вуалью, дон Карлос, свита.

Дон Карлос приближается медленными шагами; левая рука его на эфесе шпаги, правая — на груди. Он устремляет на старого герцога взгляд, полный подозрения и гнева. Герцог идет к нему навстречу и приветствует его глубоким поклоном. Молчание. Все ждут, охваченные ужасом. Наконец король, подойдя вплотную к герцогу, быстро поднимает голову.

Дон Карлос

С каких же пор,
Кузен мой, вход сюда ты держишь загражденным?
Клянусь, давно считал я меч твой притупленным
И в час, когда к тебе я шел, не ожидал
Найти в руках твоих сверкающий кинжал!

Дон Руй Гомес хочет говорить; король продолжает, сделав повелительный жест.

Не странно ли гореть столь юношеским пылом?
В турбанах, что ли, мы? Зовусь я Боабдилом
Иль Магометом, да? Зачем, скажи мне, ты
Решетку опустил и поднял все мосты?

Дон Руй Гомес
(склоняясь перед ним)

Сеньор...

Дон Карлос
(своим дворянам)

Забрав ключи, займите все проходы!

Два офицера выходят. Несколько других устанавливают солдат в три ряда по залу от короля до главного входа. Дон Карлос оборачивается к герцогу.

А! Воскресили вы былых восстаний годы?
Так, герцог мой, себя ведете вы со мной?
Ну что ж, я как король ответ вам дам прямой.
Я горы перейду и сам, закован в латы,
Дворянство задушу средь гнезд его зубчатых.

Дон Руй Гомес
(выпрямляясь)

Король, тебе верны все Сильва...

Дон Карлос
(прерывая его)

Что хитрить?

Ответь, иль башни я велю — все десять — срыть.
Костер погашен — да, но искра догорает.
Бандиты умерли — вождь жив. Его скрывает
Де Сильва, герцог мой. Эрнани, дерзкий вор,
Мятежник, — у тебя, здесь, в замке?

Дон Руй Гомес

О сеньор,

То правда.

Дон Карлос

Хорошо. И головой своею
Ответит он иль ты!

Дон Руй Гомес

Я возражать не смею.

Пусть будет так.

Донья Соль закрывает лицо руками и падает в кресло.

Дон Карлос
(смягченный)

Готов на жертву ты? Вперед!

Ищите пленника.

Герцог, скрестив руки, опускает голову и некоторое время остается погруженным в раздумье. Король и донья Соль молча наблюдают за ним, буруеваемые противоположными чувствами. Наконец герцог поднимает голову, идет к королю и, взяв за руку, медленными шагами подводит его к самому древнему из портретов, которым начинается ряд их, справа от зрителя.

Дон Руй Гомес
(показывая королю на старый портрет)

Из рода Сильва вот —
Старейший, пращур мой, герой, большое имя.
Дон Сильвий, тот, что был три раза консул в Риме.

(Переходя к следующему портрету)

Вот здесь дон Гальсеран де Сильва — Сид второй!
В соборе Торо он, в гробнице золотой;
Средь тысячи свечей горит над ним корона.
От подати в сто дев он спас народ Леона.

(Идет дальше.)

Дон Блас, что сам себя изгнал во цвете лет
За то, что королю неправый дал совет.

(Идет дальше.)

Кристобаль. В битвы час, когда под Эскалоной
Дон Санчо, наш король, чей шлем, столь оперенный,
Приманкой был врагам, сказал: «Спаси меня!» —
Он шлем его надел и дал ему коня.

(Идет дальше.)

Дон Хорхе. Выкупил когда-то из неволи
Рамиро-короля.

Дон Карлос

(скрестив руки, оглядывает его с головы до ног)

Дивлюсь я вам все боле,

Дон Руй!

Дон Руй Гомес
(идет дальше)

Вот Гомес Руй. В делах он вознесен.
Сант-Яго был магистр и Калатравы он.
Кто тяжесть вынес бы его вооружений?
Он триста взял знамен, он триста вел сражений.
Он трону подарил Монтриль, Хаэн, Суэц
И умер в нищете. Склонитесь, наконец!

(Отвешивает поклон.)

Король слушает его с возрастающим нетерпением и гневом.

Хиль, сын его, с душой и верной и суровой:
Всех королевских слов его надежней слово.

(Идет дальше.)

Гаспар! Мендосы кровь и Сильвы слились в нем.
Со всем дворянством мы соседствуем родством.
Страшась нас, Сандоваль не раз роднился с нами;
Манрике, Лара нам завидуют веками,
И враг наш Аленкастр. Наш род пятой своей
Уперся в герцогов, главою — в королей.

Дон Карлос

Вы насмехаетесь...

Дон Руй Гомес
(переходя к следующим портретам)

Дон Васкес, прозван — «Умный».
Дон Хайме — «Сильный»; тот, что в храбрости
безумной
Замета с маврами сдержал своей рукой.
Но я иду к другим, и лучшим.

(Заметив гневный жест короля, пропускает ряд портретов
и переходит к трем последним, слева от зрителей.)

Прадед мой!
Жил шесть десятков лет, держать умея слово,
Хотя бы дал жиду...

(Подходит к предпоследнему.)

Вот старика седого
Портрет — то мой отец. Герой последний он.
Когда был маврами захвачен граф Хирон,
Шестьсот взяв воинов, отважный и суровый,
Он поскакал вослед, чтоб с друга сбить оковы.
Из камня изваять Хирона он велел
И взял его с собой и средь враждебных стрел
Клялся не отступать, покуда этот камень
Чела не отвратит, не дрогнет пред врагами.
Он бился, победил, из плена друга спас.

Д о н К а р л о с

Мой пленник!

Д о н Р у й Г о м е с

С ним наш род высокий не угас.
Все скажут: «Вот они, герои поколений,
Де Сильва, храбрецы!»

Д о н К а р л о с

Скорее! Где мой пленник?

Д о н Р у й Г о м е с низко склоняется перед королем, берет его за руку и подводит к последнему портрету, который служит дверью в тайник, где скрыт Эрнани. Д о н њ я С о л ь следит за герцогом взором, исполненным тревоги. Присутствующие молча ждут.

Д о н Р у й Г о м е с

Вот мой портрет. Король, благодарю вас. Вы
Хотите, чтоб он стал посмешищем молвы?
«Изменник был рожден высокою семьею,
И гостя своего он продал с головою!»

Радость доньи Соль. Движение среди присутствующих. Король удаляется в гнев. Он вдруг останавливается и несколько мгновений остается погруженным в молчание: губы его дрожат, взгляд пылает.

Д о н К а р л о с

Твой замок гнусен мне, и он пойдет на слом!

Д о н Р у й Г о м е с

Но буду я за все вознагражден потом.

Д о н К а р л о с

Велю я башни скрыть в знак королевской мести,
И станет конопля расти на этом месте.

Д о н Р у й Г о м е с

Пусть лучше коноплей покроется оно,
Чем мне на имени своем носить пятно.

(К портретам)

Не правда ль, предки?

Д о н К а р л о с

Ты ответить головою
Мне, герцог, обещал...

Д о н Р у й Г о м е с

Иль той, или другою.

(К портретам)

Не правда ль, предки?

(Показывая на свою голову)

Вот вам голова моя.

(Королю)

Возьмите!

Д о н К а р л о с

Хорошо. Но все ж обманут я.

Мне нужно голову иную, молодую,
Чтоб мертвой взять ее за кудри. А такую?..
Палач напрасно бы волос на ней искал:
Для пятерни его ты слишком гладок стал.

Д о н Р у й Г о м е с

Молчите, о король! Честь ею не забыта.
Она ценней для вас, чем голова бандита.
Вам Сильва не нужны? С каких же это пор?

Д о н К а р л о с

Отдай Эрнани нам!

Дон Руй Гомес

По совести, сеньор,

Нет!

Дон Карлос

(своей свите)

Обыщите все! Все башни, закоулки,
Подвалы, погреба.

Дон Руй Гомес

Но камень замка гулкий
Надежен, как я сам. И нам двоим позволь
Ту тайну ото всех хранить.

Дон Карлос

Я твой король!

Дон Руй Гомес

Пусть станет замок мой добычей разрушенья, —
Я смерть в нем обрету, но не скажу.

Дон Карлос

Моленья

Напрасны. Где бандит? Ты хочешь, чтоб отнял
Я голову твою и замок?

Дон Руй Гомес

Я сказал.

Дон Карлос

Мне не одна уже нужна теперь, а обе.

(К герцогу Алькала)

Возьмите герцога!

Донья Соль

(сорвав с себя вуаль, бросается между королем, герцогом
и стражей)

Король, в столь дикой злобе
Вы отвратительны!

Дон Карлос

Что вижу? Донья Соль?

Донья Соль

Нет, не испанское в вас сердце, мой король.

Дон Карлос

(смущенный)

Не слишком ли сейчас вы к королю суровы?

(Приближается к донье Соль, тихо)

Сюда я из-за вас пришел, на все готовый.
От вас один мне путь — иль в ад, иль к небесам.
Когда не любят нас, легко стать злыми нам!
Когда бы только взор ко мне вы устремили,
Великим бы я стал, я стал бы львом Кастильи!
Но в тигра превратил меня ваш дерзкий гнев:
Молчите — это тигр ревет, рассвирепев.

Донья Соль бросает на него взгляд. Он отвечает поклоном.

Но все ж покорен я!

(Обращаясь к герцогу)

Тебя, кузен, я знаю;
Велений чести я в тебе не отвергаю.
Будь верен гостю ты, неверен королю.
Я лучше: я тебе прощение дарю. —
Невесту только я ~~возьму~~ себе залогом.

Дон Руй Гомес

Да? Только?

Донья Соль

(пораженная)

Как, меня?

Дон Карлос

Да, вас!

Дон Руй Гомес

Ну что ж, не много!

Вот милость высшая! Вот благородства путь!
Он голову щадит, но мне терзает грудь.
Прощенье!

Дон Карлос

Выбирай меж нею и злодеем.

Одно из двух.

Дон Руй Гомес

Король, мы возражать не смеем.

Дон Карлос приближается к донье Соль и хочет ее увести с собой.
Она ищет защиты у доня Руй Гомеса.

Донья Соль

Спасите, о сеньор!

(Останавливается, про себя)

Ах, как несчастна я!

Кровь дяди, кровь его... Нет, может быть, моя!

(Королю)

Иду за вами вслед.

Дон Карлос

(в сторону)

Да, мысль была прекрасна!

И прекословить мне она уже не властна!

Донья Соль медленными и твердыми шагами подходит к ларцу, где спрятаны ее драгоценности, и, открыв его, берет оттуда кинжал, который прячет у себя на груди. Дон Карлос подходит к ней и предлагает ей руку.

Дон Карлос

(донье Соль)

Что взяли вы?

Донья Соль

Пустяк.

Дон Карлос

Кольцо или браслет?

Д о н ь я С о л ь

Да.

Д о н К а р л о с
(улыбаясь)

Я узнаю.

Д о н ь я С о л ь

Да.

(Подает ему руку и готовится следовать за ним.)

Д о н Р у й Г о м е с, остававшийся, повидимому, погруженным в свои мысли, оборачивается и делает несколько шагов.

Д о н Р у й Г о м е с

Земля! Небесный свет!

Как бессердечен он, властитель мой надменный!

На помощь! Рушьте все! Рассыпьте прахом, стены!

(Подбегает к королю.)

Оставьте мне ее! Я ею жив одной!

Д о н К а р л о с

(отпускает руку доньи Соль)

Так выдай пленника!

Г е р ц о г опускает голову, словно во власти ужасной нерешительности; затем он поднимает взор к портретам и простирает к ним руки.

Д о н Р у й Г о м е с

О, сжальтесь надо мной!

(Делает шаг к тайнику.)

Д о н ь я С о л ь с тревогой следит за ним взглядом. Он обращается к портретам.

И не смотрите так. Я подойти не смею.

(Подходит, шатаясь, к своему портрету, затем еще раз оборачивается к королю.)

Ты хочешь?

Д о н К а р л о с

Да!

Г е р ц о г протягивает дрожащую руку к пружине.

Донья Соль

Ах!

Дон Руй Гомес

Нет!

(Бросается на колени перед королем.)

Я жизни не жалею.

Дон Карлос

Ее!

Дон Руй Гомес

(поднимаясь)

Возьми же ее! Все лучше, чем позор.

Дон Карлос

(берет за руку дрожащую донью Соль)

Прощай.

Дон Руй Гомес

Мы свидимся...

(Провожает взглядом короля, который медленно уходит с доньей Соль; затем кладет руку на рукоять своего кинжала.)

Храни вас бог, сеньор!

(Возвращается на авансцену, задыхаясь, ничего не видя и не слыша. Взор его устремлен в пространство, руки скрещены на груди, которая судорожно вздымается.)

Король выходит с доньей Соль, и вся свита следует за ним, парно, торжественно, каждый соответственно своему рангу. Выходящие вельможи обмениваются тихими словами.

Дон Руй Гомес

(в сторону)

Король, уходишь ты, лицо твое сияет;

И верность грудь мою отныне покидает.

(Поднимает глаза, оглядывается по сторонам и видит, что остался один. Подбегает к стене, снимает две висящие там шапки, сравнивает их длину и кладет их на стол. Сделав это, возвращается к портрету и нажимает пружину. Тайник открывается.)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Руй Гомес, Эрнани.

Дон Руй Гомес

Ну!

Эрнани появляется в дверях тайника. Дон Руй Гомес указывает ему на две шпаги, лежащие на столе.

Выбирай! Король уже покинул дом,
Пора с тобою нам поговорить вдвоем.
Бери! И поскорей! Иль взять рука страшится?

Эрнани

Дуэль? Нет, не могу, старик, с тобою биться.

Дон Руй Гомес

Вот как? Боишься ты? Не ровня мне? Мой бог!
Что в том? Противника, с клинком скрестив клинок,
Я равным делаю, весь гневом пламеня.

Эрнани

Старик...

Дон Руй Гомес

Убей меня иль сам умри скорее!

Эрнани

Умру. Ты спас меня — и жизнь свою, мой враг,
Я отдаю тебе. Возьми ее.

Дон Руй Гомес

Ах, так?

(К портретам)

Он хочет смерти сам.

(К Эрнани)

Молись без промедленья.

Эрнани

Тебе я шлю сейчас последнее моление!

Дон Руй Гомес

Шли небу.

Э р н а н и

Нет, тебе! Я жизнь тебе отдал.
Рази! Все хорошо — меч, шпага иль кинжал!
Но сжался над душой несчастною моею, —
Пред тем как я умру, дай повидаться с нею!

Д о н Р у й Г о м е с

С ней повидаться?

Э р н а н и

Да, услышать в смертный час
Хоть голос доньи Соль — увы, в последний раз!

Д о н Р у й Г о м е с

Ее услышать?

Э р н а н и

Да. Ревнуешь ты, я знаю.
Послушай, жизнь моя уже подходит к краю.
Прости. Когда нельзя увидеть мне ее,
Услышать дай, — и я уйду в небытие.
Лишь голос услыхать! Пойми мое желанье.
С какою радостью я испущу дыханье,
Когда моя душа, которой жизни нет,
Ее души в очах увидит нежный свет.
Ни слова не скажу я, верь, твоей невесте.
Убей меня потом.

Д о н Р у й Г о м е с

(показывая на тайник с еще открытой дверью)

О небо! В этом месте,
Которое всегда так глухо, так мертво,
Ужель не слышал ты?..

Э р н а н и

Не слышал ничего.

Д о н Р у й Г о м е с

Тебя или ее хотел взять тот, кто губит...

Э р н а н и

Кто ж взял ее?

Д о н Р у й Г о м е с

Король.

Э р н а н и

Старик, ее он любит!

Д о н Р у й Г о м е с

Как!

Э р н а н и

Он ее увез. Он — враг и нам и ей.

Д о н Р у й Г о м е с

Проклятие! Вперед! Вассалы! На коней!
В погоню!

Э р н а н и

Хочешь ты догнать скорей злодея?

Но юности рука найдет его вернее.

Я твой. Я отдал жизнь тебе, старик. Позволь
Отмстить за честь твою, отмстить за донью Соль.

Есть право у меня делить твое отмщенье —

У ног твоих молю на это разрешенья.

Поскачем вслед за ним. Я — твой и меч и нож.

Дай мстить мне за тебя. Потом меня убьешь.

Д о н Р у й Г о м е с

Потом что захочу я сделаю с тобою?

Э р н а н и

Да!

Д о н Р у й Г о м е с

Чем клянешься ты?

Э р н а н и

Отцовской головою.

Д о н Р у й Г о м е с

А вспомнить это все захочешь ли ты сам?

Э р н а н и

(протягивая ему рог, который он снимает со своего пояса)

Послушай, вот мой рог. Что б ни предстало нам,
Когда б ты ни решил, в каком бы ни был месте,
Раз день уже настал для этой страшной мести,
Для гибели моей — труби в мой рог тотчас.
Я твой.

Д о н Р у й Г о м е с
(протягивает ему руку)

Дай руку мне.

Они обмениваются рукопожатием.

(Обращаясь к портретам)

Все слышали вы нас!

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ГРОБНИЦА

Ахен

Подземелье гробницы Карла Великого в Ахене. Высокие ломбардские своды. Широкие и низкие колонны с романскими арками и капителями из цветов и птиц. Направо гробница Карла Великого с маленькой полукруглой бронзовой дверью. Единственный светильник, подвешенный к замку свода, освещает надпись: «KAROLUS MAGNUS»
Ночь. Глубины подземелья не видно. Взор теряется в сводах, лестницах, колоннах, тонущих во мраке.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Карлос; дон Рикардо де Рохас, граф де Каса-
пальма, с фонарем в руке. Длинные плащи, шляпы с опущенными
полями.

Дон Рикардо
(со шляпой в руке)

Здесь!

Дон Карлос

Лиги сборища проходят в этом месте!
Здесь всех их в кулаке держать я буду вместе.
Что ж, трирский выборщик, в пещере столь глухой
Ты место лиге дал? Удачен выбор твой!

Всем гнусным замыслам нужны свои подвалы;
Над плитами всегда легко точить кинжалы.
Большая ждет игра. В ней ставка — жизнь моя.
Убийцы! Чья возьмет — еще не знаю я.
Для дела гнусного под кровом черной ночи
Прекрасно выбран склеп. Вам — к смерти путь короче.

(Дону Рикардо)

Далеко ли идет подземный этот ход?

Д о н Р и к а р д о

До самой крепости.

Д о н К а р л о с

Нам, кажется, везет.

Д о н Р и к а р д о

С другой же стороны примкнул он к церкви старой, —
Зовется Альтенгейм.

Д о н К а р л о с

Рудольф убил Лотара

В том месте. — Лиги цель должна мне быть ясна.
Какие у тебя есть в списке имена?

Д о н Р и к а р д о

Есть Гота.

Д о н К а р л о с

Знаю я, о чем он так хлопочет:
Он императором германца видеть хочет.

Д о н Р и к а р д о

И Гогенбург.

Д о н К а р л о с

А он — клянусь своей душой! —
С Франциском хочет ад, отвергнув рай со мной!

Д о н Р и к а р д о

Дон Хиль Тэльес Хирон.

Д о н К а р л о с

Кастилия и Дева! —

Изменник! Моего не избежит он гнева!

Д о н Р и к а р д о

Есть слух, что у жены застал вас как-то он
В тот день, когда он сам испанский стал барон.
Чтоб отомстить за честь, собрал он всю отвагу.

Д о н К а р л о с

И на Испанию не медля поднял шпагу. —
Кто в списке есть еще?

Д о н Р и к а р д о

С другими занесен
Епископ Васкес. Там один из первых он.

Д о н К а р л о с

Что ж, тоже за жену он захотел отмщенья?

Д о н Р и к а р д о

Есть Лара, дон Гусман; он жаждал награжденья -
Был вами обойден.

Д о н К а р л о с

Цепь знака моего
На горло хочет он? Дадим ему его.

Д о н Р и к а р д о

Есть герцог Люцельбург. Он грезит дни и ночи...

Д о н К а р л о с

Его столь длинный рост мы сделаем короче.

Д о н Р и к а р д о

Есть Аро — хочет он Асторгу.

Д о н К а р л о с

Сто чертей!

Все Аро делались добычей палачей!

Дон Рикардо

Все.

Дон Карлос

Тут недостает... Граф, перечти скорее,
Ты назвал семь голов. Мой счет куда полнее.

Дон Рикардо

Я только купленных бандитов не назвал
Из Трира, Франции...

Дон Карлос

Бродяги, чей кинжал,
Готовый засверкать столь мстительно и колко,
Влечется к зологу, как к полюсу иголка!

Дон Рикардо

Но двое новых есть; отвага в них видна
И дерзость: молодой и старый.

Дон Карлос

Имена?

Дон Рикардо недоуменно пожимает плечами.

А возраст?

Дон Рикардо

Двадцать лет тому, кто юн.

Дон Карлос

О боже!

Дон Рикардо

А старцу — шестьдесят.

Дон Карлос

Один еще не дожил,
Другой свой прожил век. Ну что же? Я хочу
Помочь обязанность исполнить палачу.
Изменников щадить не хочет меч мой правый:
Всегда на смену он придет секире ржавой.
Он императорский мой пурпур отсечет,
Чтоб пышной мантией украсить эшафот.
Но буду ль избран я?

Дон Рикардо

Совет свое сужденье

Выносит в этот час.

Дон Карлос

Я полн недоуменья.

Франциск ли, Фридрих ли Саксонский, что лукав
И прозван Мудрецом? Пожалуй, Лютер прав:
Все к худшему идет. О делатели славы!
Лишь злата доводы ваш любит род лукавый!
Саксонец — еретик, граф Палатинский глуп,
А примас Трира зол и на разврат не скуп.
Богемец — за меня и гессенские принцы;
Но все они малы, как земли их провинций.
О, молодых глупцов и старцев злых совет!
Короны? Много их. Но головы? Их нет.
Пигмеи! Ваш совет, где мудрость вся иссякла,
Я мог бы завязать в свой львиный плащ Геракла!
А если пурпур снять, то в каждом короле
Не больше разума, чем в жалком Трибуле.
Три голоса нужны мне, друг мой! Как приманку,
Я отдал бы свой Гент, Толедо, Саламанку
За три их голоса. Ты видишь, друг, готов
Я ради этих трех, мне нужных, голосов
Дать часть из Фландрии, одну из двух Кастилий, —
Но только чтоб назад мы их потом отбили!

Дон Рикардо отвешивает королю глубокий поклон и надевает шляпу.

Как! Шляпу ты надел?

Дон Рикардо

Я назван был на ты —

(снова кланяясь)

Я стал испанский гранд.

Дон Карлос

(в сторону)

О жалкие мечты!
Тщеславье, пустота! Продажные отродья!
Им все бы выгода, грядущие угожья!

На лестницах моих не стоит ничего
Им крошки подбирать величья моего!

(Задумывается.)

Бог, император? Да. Святой отец? Признаю.
Но герцог?.. Но король какой-то?..

Д о н Р и к а р д о

Полагаю,
Что вашу светлость ждет избранье.

Д о н К а р л о с
(в сторону)

Светлость — я?
Мне не везет ни в чем. Все в сани короля.

Д о н Р и к а р д о
(в сторону)

Он избран или нет — я все же гранд испанский.

Д о н К а р л о с

Но как узнаем мы, кто властелин германский?
Каких сигналов ждать нам с башенных вершин?

Д о н Р и к а р д о

Ждать пушечной пальбы. Саксонский — залп один;
Два выстрела — Франциск; три — Карлоса избранье.

Д о н К а р л о с

О, эта донья Соль! Души моей страданье!
Коль изберут меня — скажите ей скорей.
Быть может, цезарем и я понравлюсь ей!

Д о н Р и к а р д о
(улыбаясь)

Король, вы так добры!

Дон Карлос
(надменно его обрывая)

А ты молчи до срока!
Я не сказал того, что я таю глубоко. —
Когда узнаем мы решение?

Дон Рикардо

До зари;
Ждать час, не более.

Дон Карлос

— Три голоса! Лишь три!
Но дерзкий заговор раздавим мы сначала,
А там решим, как мне та мантия пристала.
(Считает по пальцам и топает ногой.)
Три голоса нужны! И есть они у них!
Агриппа все расчел. Среди светил ночных
Тринадцать ярких звезд в небесном океане
Плывут к моей звезде, ей радуясь заране.
Имперский трон за мной! — Слух все же разнесен:
Франциску Жан Тритем предрек такой же трон.
О, я бы предпочел, коль впрямь я трона стою,
Оружьем подкрепить пророчество такое!
Все предсказания столь тонких мудрецов
Верней находят цель без всяких лишних слов,
Лишь только армия, где пушки есть и пики,
Пехота, всадники, фанфары, трубы, клики,
Указывает путь хромающей судьбе
И бабкой служит ей в предродовой борьбе.
Так кто же прав из них: Тритем или Корнелий?
Лишь тот, кто с армией идет упорно к цели,
Кто правоту свою оружием крепит,
Кому помочь готов ландскнехт или бандит, —
Вот те, что выправить должны ошибки рока,
Кроя события по прихоти пророка.
Несчастные глупцы! Надменно взор подняв,
Стремясь к владычеству, они твердят: я прав!
У них есть пушек строй, чье дымное дыханье
Способно города снести до основанья,

Солдаты, корабли, — и вы убеждены:
Они свое возьмут насилием войны.
О нет! Покорные земных судеб закону,
Что к пропасти скорей приводит нас, чем к трону,
Они, чуть сделав шаг, сомнения рабы,
Пытаясь разгадать намеренья судьбы,
Не верят уж себе и в странном колебанье
Искать у колдуна стремятся указанья!

(Дону Рикардо)

Иди. Моих врагов сейчас назначен сбор.
Да, ключ от склепа где?

Д о н Р и к а р д о
(передавая ключ королю)

Подумайте, сеньор,
О графе Лимбургском, начальнике охраны.
Он дал мне этот ключ, он ваш сторонник рьяный.

Д о н К а р л о с
(отпуская его)

Иди же, сделай все, что сказано.

Д о н Р и к а р д о
(кланяясь)

Всегда

Готов я вам служить.

Д о н К а р л о с

Три раза выстрел? Да?

Дон Рикардо кланяется и уходит. Дон Карлос, оставшись один, погружается в глубокую задумчивость. Руки его скрещены на груди, голова опущена; затем он выпрямляется и подходит к гробнице.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Д о н К а р л о с
(один)

Прости, великий Карл! Средь сводов одиноких
Есть место лишь для слов суровых и высоких.

С негодованием ты б слушал над собой
Докучных наших фраз честолубивый строй. —
Великий Карл, ты здесь! Как мрачная гробница,
Величием твоим полна, не разлетится?
Ты в самом деле здесь, привыкший созидать!
О, как ты можешь здесь во весь свой рост лежать? —
Какое зрелище — Европа, что тобою
Оставлена такой могучей и большою!
Она — как здание, где наверху стоят
Лишь два избранника, царей поправших ряд.
Все страны, герцогства, все царства, маркизаты
Идут из рода в род и по наследству взяты.
Народ же цезаря творит и папу сам,
А случай к случаю ведет их по векам.
Вот равновесие, вот что порядком стало.
Плащ избирателя и пурпур кардинала,
Священный сей синклит, причина всех тревог, —
Лишь видимость одна, а миром правит бог.
В потребности времен рождается идея:
Она растет, живет, все строя, всем владея,
Вот — человек она, сердца к себе влечет,
И в страхе короли ей зажимают рот;
Вот — входит в их конклав, сенат или собрание,
И видят короли — не знавшая признанья,
Она царит уже, она растет во мгле
С державою в руке, с тиарой на челе.
Да, цезарь с папой — всё. Да, всё, что есть на свете, —
Иль в них, иль через них. И в полном тайны свете
Стоят они; и бог, по милости своей,
Обрек их пиршеству народы и царей,
За стол их усадил под полным грома небом,
Чтоб целый мир служить им мог насущным хлебом.
Вдвоем сидят они; в их власти шар земной,
Они порядок в нем блюдут своей косою.
Все — им. И короли в дверях, полны смущенья,
Вдыхают запах блюд, глядят на угощенья
И, зависти полны к тому, что видят тут,
Чтоб лучше разглядеть, на цыпочки встают.
Под ними мир лежит, как лестница крутая.
Один царит, рубя, другой — лишь разрешая.
Власть — первый, истина — второй. И заключен
Смысл жизни только в них. Они — себе закон.

Когда идут — равны, едины в мире целом,
Один весь в пурпуре, другой в покрове белом.
Так цезарь с папою — две части божества, —
Со страхом шар земной приемлет их права,
Быть императором! Как близко чую власть я! —
А вдруг не суждено мне стать им? О несчастье!
Да, как он счастлив был, здесь спящий человек!
И как он был велик — в прекрасный давний век!
Власть императора и папы нерушима.
Они превыше всех. Живут в них оба Рима.
Таинственный союз их вяжет меж собой;
Они слепили мир и стали в нем душой.
Народы и царей расплавив, как в горниле,
Европу новую они для нас отлили,
Прибавив в этот сплав могуществом своим
Ту бронзу, что векам оставил древний Рим.
Завидная судьба! — И все ж — конец, могила!
К какой же малости пришла вся эта сила!
Быть императором, быть принцем, королем,
Законом быть земли и быть ее мечом,
В Германии стоять гигантом, слыша клики,
Быть новым Цезарем, быть Карлом, быть Великим,
Страшнее Аттилы, славней, чем Ганнибал,
Огромным, словно мир, — чтоб здесь ты прахом стал!
Желай могущества, чтоб лечь таким же прахом,
Как император лег! Покрой всю землю страхом
И славой, строй, крепи свой мир в избытке сил,
Но не мечтай сказать: «Я все уже свершил!»
Ввысь здание веда своими же руками;
Но знай, что от него останется лишь камень
Могильный с надписью, завещанной векам,
Чтобы дитя ее читало по складам.
Как ни прекрасна цель, живет в вас гордость злая, —
Она уходит в смерть. О власть, власть мировая!
Уже я близок к ней. Ее касаюсь я,
И что-то шепчет мне: «Она уже твоя!»
Ах, если б было так! Встать твердо, без сомнений,
Над миром государств, идущих как ступени,
И своду быть замком, и видеть под собой
Земных властителей вниз уходящий строй;
Пятою попираť всех королей, под ними
Всех феодалов, всех, кто гордо носит имя

Бургграфа, герцога иль дожа, кто почтен
Епископским жезлом, кто граф или барон,
А ниже — мелюзгу, плебеев в общей груди,
Тех там, на дне, кого зовем мы просто «люди»...
А люди — это толп дыханье, моря вой,
Немолчный гул, и плач, крик, горький смех порой,
Стенания, что сон земли тревожат старой
И в уши королей врываются фанфарой;
Да, люди — города, деревни, башен ряд
И с высоты церковей растущий вширь набат.

(Задумывается.)

Опора нации, народ, терпя обиды,
Выносит на плечах всю тяжесть пирамиды;
Живые волны сам, колеблет средь зыбей
Ее величие подвижностью своей,
Сдвигает с места все; на гранях вознесенных,
Как жалкую скамью, так потрясает троны,
Что короли, забыв раздоры, войн каприз,
Вздывают к небу взор. Смотрите лучше вниз! —
Народ! — То океан. Всечасное волненье:
Брось что-нибудь в него — и все придет в движенье.
Баюкает гроба и рушит троны он,
И редко в нем король прекрасным отражен.
Ведь если заглянуть поглубже в те потемки, —
Увидишь не одной империи обломки,
Кладбище кораблей, опущенных во тьму
И больше никогда не ведомых ему. —
И этим управлять! Коль выпадет избранье,
Ты, слабый человек, высот достигнешь зданья.
А пропасть — под ногой... О, только б в этот час
Величием таким не ослепило глаз!
О пирамида стен, внизу которой море!
Вершина так узка, ступне неверной — горе!
За что ж держаться мне? Что если, ослабев,
Услышу под собой земли растущий гнев,
Ее живущих недр движенье, содроганье?
Что делать, коль дадут мне шар тот в обладанье?
Смогу ль его поднять? Под тяжестью не пасть?
Быть императором? И так трудна мне власть...
Нет, нужно быть иным, чтоб, не смутясь душою,
Свой дух соразмерять с удачею такою.

Но я? Великим быть? О, кто мои мечты
Направит, укрепит?

(Падает на колени перед гробницей.)

Да, Карл Великий, ты!

О, так как ты решил, наперекор преградам,
Что мы сейчас стоять должны с тобою рядом,
Наполни грудь мою, из сумрака могил,
Величием своим, порывом гордых сил!
Дай мир постигнуть мне, но с зоркостью своею.
Он мал, но я его коснуться все ж не смею.
Столпотворения мне покажи черед,
Что ввысь от пастуха до цезаря идет,
Где каждый горд собой на собственной ступени,
Глядит на низшего в насмешливом презрении.
Открой мне тайну жить, царить и побеждать!
Скажи, что лучше гнать врагов, чем их прощать.
Ведь так? Коль может вдруг во тьме своей гробницы
Героя тень от гроз подземных пробудиться
И, камень отвалив, что ей налег на грудь,
Огромной молнией в смятенный мир сверкнуть, —
Когда уж нет тебя, Германии владыки, —
Скажи, возможно ль что свершить мне, Карл Великий?
Скажи, хотя б твое дыхание могло,
Сорвавши гроба дверь, разбить мое чело!
Позволь мне одному в твой склеп стопой несмелой
Войти и увидеть твой лик окаменелый.
Не отменяй меня дыханием своим;
На ложе каменном привстань. Поговорим!
Хотя бы ты сказал и голосом и взглядом
О том, что душу нам мертвит могильным хладом, —
Я выслушаю все, — лишь не слепи меня
Сверканьем вечного в твоей могиле дня!
Но если промолчишь, позволь тогда смиренно
Взирать на череп твой, вместилище вселенной.
Позволь измерить мне величие твое —
Всех выше дел земных твое небытие.
Когда не тень твоя, пусть прах мне скажет слово!

(Вставляет ключ в замок.)

Войдем!

(Колеблется.)

О небо! Вдруг прошепчет он сурово,

Вдруг встанет и пойдет, высокий и прямой,
И выйду я на свет с седюю головой!
Но все ж — войдем!

Слышны шаги.

Кто там, в гробнице одинокой,
Такого мертвеца тревожит сон глубокий?
И в этот час!

Шаги приближаются.

Ах, да! Меня убить хотят!

Войдем!

(Открывает дверь гробницы и, войдя внутрь, притворяет ее за собой.)

Тихо ступая, входят несколько человек, закутанных в плащи, в шляпах, опущенных на глаза.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Заговорщики.

Они входят один за другим, ~~пожимают~~ друг другу руки и обмениваются шопотом несколькими словами.

Первый

(с зажженным факелом в руке)

Ad augusta.

Второй

Per angusta.¹

Первый

Хранят

Святые нас!

Третий

И те, кто мертв.

Первый

И небо даже.

В темноте слышатся шаги.

¹ К трону. — Узкими путями (лат.).

Второй

Кто там?

Голос во тьме

Ad augusta.

Второй

Per angusta.

Входят новые заговорщики. Опять слышатся шаги.

Первый

На страже

Нам надо быть.

Третий

Кто там?

Голос во тьме

Ad augusta. Я свой.

Третий

Входи скорей.

Входят новые заговорщики. Они обмениваются знаками с присутствующими.

Первый

Ну вот. Все в сборе. Гота, твой

Почин. Друзья мои, тьма просит освещения.

Заговорщики рассаживаются полукругом на могильных плитах. Первый из них обходит остальных, и каждый от его факела зажигает свечу, которую держит потом перед собой. Затем тот, кто был с факелом, молча садится в середине полукруга на гробницу, которая выше других.

Герцог Гота

(вставая)

Король испанский Карл, нам чуждый по рождению, К святой империи стремится.

Первый

Он умрет!

Герцог Гота

(бросает свою свечу на землю и топчет ее ногой)

Такой же для него в свой час конец придет!

Все

Да будет так!

Первый

Смерть!

Герцог Гота

Смерть!

Все

Пусть служит ей приманкой!

Дон Хуан де Аро

Германцем был отец.

Герцог Люцельбургский

. А мать была испанкой.

Герцог Гота

Уж не испанец он, не немец он для нас.

Смерть!

Один из заговорщиков

Если же ему имперский трон сейчас

Дадут?

Первый

Они? Ему?

Дон Хиль Тельес Хирон

Он не увидит трона.

Отрубим голову, а с ней падет корона.

Первый

Священный трон заняв, он сделаться бы мог

Священнейшим, кого единый судит бог!

Герцог Гота

Нет, раньше, встретив смерть, простится он с мечтами.

Первый

Его не изберут!

Все

Не будет править нами.

Первый

Так сколько нужно рук, чтоб пал он с тех вершин?

Все

Одна.

Первый

И сколько же ударов в грудь?

Все

Один.

Первый

Кто нанесет его?

Все

Мы все.

Первый

Час воздаянья!

Там трон творят, а мы — свершители закланья.

По жребию...

Заговорщики пишут свои имена на листках, складывают их и один за другим бросают в одну из могильных урн.

Молись!

Все становятся на колени. Затем первый встает.

Пусть с богом он идет, —

Разит, как римлянин, и, как еврей, умрет!

Пусть не страшат его колеса, дыба, клéщи,

Пусть гимн поет в тисках средь факелов зловещих;

Убив, пусть встретит смерть недрогнувшей душой, —

Исполнит долг свой.

(Вынимает жребий из урны.)

Все

Кто?

Первый
(громким голосом)

Эрнани!

Э р н а н и
(выступая вперед из толпы заговорщиков)

Жребий мой!
Мой враг в моих руках. Я мести ждал, о боже,
Так долго!

Д о н Р у й Г о м е с
(протискивается сквозь толпу и отводит Эрнани в сторону)

Уступи удар мне.

Э р н а н и
Он дороже
Мне жизни! И пускай не мучит зависть вас.
Ведь счастье ко мне приходит в первый раз!

Д о н Р у й Г о м е с
Ты нищ. Я дам тебе и замки, и владенья,
И тысячи крестьян, и земли, и селенья,
Чтоб ты один удар сейчас мне уступил.

Э р н а н и
Нет!

Г е р ц о г Г о т а
Для него, старик, не обретешь ты сил.
Ты слаб!

Д о н Р у й Г о м е с
Я духом тверд, пусть руки слабы стали.
По ржавчине ножон ты судишь о кинжале.

(К Эрнани)
Ты мне принадлежишь!

Э р н а н и
Я — вам. Но мне — мой враг.

Д о н Р у й Г о м е с
Послушай, друг, твой рог я возвращаю...

Э р н а н и
(колеблясь)

Как!

Ты возвращаешь жизнь? Нет! Я хочу отмщенья!
То небом решено — и нет мне отступленья.
То мщенье за отца... иль больше — видит бог!
Ее ты мне вернешь?

Д о н Р у й Г о м е с
Я возвращаю рог.

Э р н а н и
Нет!

Д о н Р у й Г о м е с
Взвесь мои слова!

Э р н а н и
Добычу должен взять я.

Д о н Р у й Г о м е с
Ты счастье взял мое — прими ж теперь проклятье!
(*Снова затыкает рог за пояс.*)

П е р в ы й
(к Эрнани)

Брат! Прежде, чем его почтут избраньем там,
Ты должен Карлоса сегодня...

Э р н а н и
Знаю сам!
Его столкнуть смогу я в область тьмы и тлена.

П е р в ы й
Пусть на изменника падет его измена,
И бог поможет нам! Пусть каждый граф, барон
Заменит мстителя, коли погибнет он!
Друг друга заменять клянемся без изъятья, —
И Карлос пусть умрет.

Все
(вынимая шпаги)

Клянемся!

Герцог Гота
(к первому)

Чем же, братья?

Дон Руй Гомес
(берет свою шпагу за острие и поднимает ее над головой)
Клянемся все крестом!

Все
(поднимая свои шпаги)

Пусть он в грехе умрет!

Слышен отдаленный пушечный выстрел. Все замирают в молчании. Дверь гробницы приоткрывается, и дон Карлос, бледный, появляется на пороге. Второй выстрел. Третий выстрел. Дон Карлос распахивает дверь настежь и, не сделав ни шага, остается на пороге.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Заговорщики, дон Карлос; потом дон Рикардо, вельможи и стража; король Богемский, герцог Баварский, потом донья Соль.

Дон Карлос

Сеньоры, что же вы? Вас император ждет.

Все факелы разом гаснут. Глубокое молчание. Король делает шаг в темноту, настолько густую, что в ней с трудом можно различить неподвижных и онемевших заговорщиков.

Молчание и ночь! Вы мрака порожденье,
Иль думаете вы, что это сновиденье,
Что всех я вас приму среди теней ночных
За изваяния на плитах гробовых?
Нет, камни не ведут такие разговоры.
И все же вам поднять свои придется взоры.
Карл Пятый здесь стоит — разите же скорей!
Как, вы не смеее? Вам и не быть смелей.

Десятком факелов вы своды озаряли;
Мне стоило дохнуть — и все они пропали.
Смотрите, в вашем я испуганном кругу
Их много погасил, но больше их зажгу!

(Ударяет железным ключом в бронзовую дверь склепа.)

При этом звуке все пространство подземелья наполняется солдатами
с факелами и алебардами. Впереди их герцог Алькала и мар-
киз Альмуньян.

Ко мне, о соколы! Здесь и гнездо и птица.

(Заговорщикам)

Свой свет зажгу и я. Могила озарится.
Смотрите!

(Солдатам)

Вот сюда. Они в руках у нас.

Э р н а н и

(глядя на солдат)

Один, без стражи, был он лучше, чем сейчас.
Великим Карлом он встал предо мной сначала, —
Теперь лишь Пятый Карл.

Д о н К а р л о с

(герцогу Алькала)

Мой коннетабль, Алькала!

(Маркизу Альмуньяну)

Кастильи адмирал! Обезоружьте их!

Заговорщики окружены и обезоружены.

Д о н Р и к а р д о

(вбегая, отвечает поклон до земли)

О император мой!

Д о н К а р л о с

Алькад дворцов моих!

Дон Рикардо
(кланяясь снова)

Два избирателя, полны благоговенья,
Вам принести свое приходят поздравленье.

Дон Карлос
Впусти их.
(Тихо, дону Рикардо)
Донья Соль!

Рикардо кланяется и выходит. С факелами и фанфарами появляются король Богемский и герцог Баварский, оба в парче, с коронами на головах. Многочисленная свита германских вельмож несет имперское знамя — двуглавый орел с гербом Испании на груди. Солдаты расступаются и, выстроившись шеренгой, дают проход к императору двум избирателям, которые склоняются перед ним. Он приветствует их, приподняв шляпу.

Герцог Баварский

Священны вы сейчас,
Карл, император наш! Теперь в руках у вас
Весь мир — и римская священная корона.
Кто б из властителей желал иного трона?
Сначала Фридрих был Саксонский наречен.
Сочтя достойным вас, отрекся тотчас он.
Король, примите же корону и державу!
Империя сейчас венчает вас по праву,
Дает порфиру, меч. Вас выше в мире нет.

Дон Карлос

Я, возвратясь, приду благодарить совет.
Кузен Баварский мой, я рад, что ты со мною,
Как, брат Богемский, вам обязан я — не скрою.

Король Богемский

Карл! Дружбой связаны мы были вековой,
Отец — с твоим отцом, и деды меж собой.
Ты юн, ты на пути, всегда враждой объят, —
Ты хочешь, буду я тебе средь братьев братом?
Я с детства знал тебя и не могу забыть...

Д о н К а р л о с
(прерывая его)

Король Богемии, нельзя ль скромнее быть?

(Протягивает руку для поцелуя сначала ему, потом герцогу Баварскому, затем отпускает обоих избирателей, которые отвечивают ему низкий поклон.)

Идите же!

Оба избирателя выходят вместе со своей свитой.

Т о л п а
Виват!

Д о н К а р л о с
(в сторону)

Сбылось! Мне трон достался!
Я император, да, раз Фридрих отказался!

Входит донья Соль, сопровождаемая доном Рикардо.

Д о н ь я С о л ь
Здесь император! Он! Что вижу! Жизнь моя,
Эрнани!

Э р н а н и
Донья Соль!

Д о н Р у й Г о м е с
(рядом с Эрнани, тихо)

И не замечен я...

Донья Соль бежит к Эрнани. Взглядом, полным недоверия, он заставляет ее отшатнуться.

Э р н а н и
Сеньора!

Д о н ь я С о л ь
(выхватывая кинжал, спрятанный на груди)
Тот кинжал со мной.

Э р н а н и
(протягивая ей руки)

О дорогая!

Д о н К а р л о с

Молчите все!

(Заговорищикам)

А, вы притихли, ожидая?

Сейчас большой урок мной будет миру дан.

О Лара, Гота — вы, сыны высоких стран,

Что делали вы здесь?

Э р н а н и

(делая шаг вперед)

Скажу без колебання, —

Нам нечего скрывать, не трудно нам признание.

Мы Валтасаровы слова пришли писать,

(вынимает кинжал и рассекает им воздух)

Дать Кесарю все то, что должно отдавать.

Д о н К а р л о с

Довольно!

(Дону Руй Гомесу)

Сильва, ты?

Д о н Р у й Г о м е с

Двоим нам места мало.

Э р н а н и

(оборачиваясь к заговорищикам)

Власть, наши головы — всё жизнь ему послала.

(Императору)

Когда-то горностаи носили вы с трудом,

Но пурпур к вам идет: кровь не видна на нем.

Д о н К а р л о с

(дону Руй Гомесу)

О Сильва, мой кузен, в коварстве неуклонном
Не заслужили вы, чтоб дольше быть бароном!
Вы изменили мне, ваш герб ошибкой дан.

Дон Руй Гомес

Родриго-королем граф создан Хулиан.

Дон Карлос (герцогу Алькала)

Берите только тех, кто носит чести имя;
А прочих...

Дон Руй Гомес, герцог Люцельбургский, герцог Гота, дон Хуан де Аро, дон Гусман де Лара, дон Тельес Хирон, барон Гогенбург отделяются от группы заговорщиков, среди которых остается Эрнани. По знаку герцога Алькала стража тесно их окружает.

Донья Соль (в сторону)

Он спасен!

Эрнани

(выступая вперед из группы заговорщиков)

Меня считайте с ними.
Когда взнесен топор, то я, пастух простой,
Могу со знатными равняться здесь виной!
Чтоб быть на уровне секиры, их разящей,
Сейчас во весь свой рост я встану настоящий.
Бог скипетр дал тебе. Меня же сделал он
Сегорбы герцогом, Кардоны; я рожден
Маркизом Монруа и графом Альбатера;
Да, я виконт де Гор — здесь честь моя и вера;
Принц Арагонский я; в изгнание я рожден,
Сын изгнанный отца, который был казнен
Твоею волею, о Карл, король Кастилий!
Преградой меж собой мы мщенье положили;
У вас был эшафот, у нас стальной кинжал.
Рожденный герцогом, я здесь бандитом стал.
Но так как тщетно я точил о скалы шпагу
И закалял в ручьях своих клинков отвагу, —

(покрывает голову шляпой; к другим заговорщикам)

Накройте; гранды мы!

Все испанцы покрывают головы.

(Карлосу)

С покрытой головой
У нас есть право пасть на плахе пред тобой.

(К пленникам)

Я, Сильва, Лара, ваш по праву рода, чести, —
Хуан Арагонский я; я, графы, с вами вместе.

(Свите короля и страже)

Хуан Арагонский я! Король! О палачи,
Расширьте эшафот. Точите все мечи!

(Присоединяется к арестованным вельможам.)

Д о н ь я С о л ь

О небо!

Д о н К а р л о с

Я забыл, что есть вражда меж нами.

Э р н а н и

Но тот, кто оскорблен, хранит ее годами.
Обида — пусть о ней обидчик позабыл —
В обиженной груди рождает прежний пыл.

Д о н К а р л о с

Но я властитель твой, я сын отцов, что были
Грозой твоим отцам и часто их казнили.

Д о н ь я С о л ь

(бросаясь на колени перед императором)

Прощенье, властелин! Молю вас всей душой!
Пусть с ним умру и я! Возлюбленный он мой,
Супруг мой. Им одним дышу я. Что за муки!
О, если б нас убить могли вы без разлуки!

Я здесь у ваших ног, я умоляю вас!
Как вам империя, мне дорог он сейчас!
Прощенье!

Дон Карлос пристально смотрит на нее.

Что за мысль во взгляде вашем стынет?

Дон Карлос

Что ж! Альбатыры цвет, Сегорбы герцогиня,
Маркиза Монруа, — вставайте, донья Соль!

(Эрнани)

Все имена, Хуан?

Эрнани

Кто говорит? Король?

Дон Карлос

Нет, император.

Донья Соль

(поднимаясь)

О!

Дон Карлос

(показывая на нее Эрнани)

Вот, герцог, вам супруга!

Эрнани

(обращая взор к небу, заключает донью Соль в свои объятия)

О небо!

Дон Карлос

(дону Руй Гомесу)

Мой кузен, они любят друг друга
Достойны. Сильвы честь не снизит Арагон.

Дон Руй Гомес

(мрачно)

Не честь моя скорбит.

Эрнани

(глядя с любовью на донью Соль, обнимает ее)

~~С-врагом я примирен!~~

(Отбрасывает кинжал.)

Дон Руй Гомес

(про себя, глядя на обоих)

Дать волю гневу? Нет! Безумное желанье!
Они лишь оскорбят твой возраст состраданьем.
Сгорай без пламени, от всех страданье скрой,
Будь тверд, чтоб не могли смеяться над тобой!

Донья Соль

(в объятиях Эрнани)

О герцог мой!

Эрнани

В душе — одной любви сиянье.

Донья Соль

О счастье!

Дон Карлос

(положив руку на грудь, про себя)

Погаси, душа, свое пыланье,
Пусть разума теперь царит холодный свет.
Взамен любовных дум, которых больше нет,
Германия со мной, и Гент мой, и Кастилья.

(Устремив взор на свое знамя)

Я император, я орел, простерший крылья;
В груди своей несу не сердце — щит с гербом.

Эрнани

Вы кесарь!

Дон Карлос
(к Эрнани)

Дон Хуан, достоин ты во всем
Того, чем славен род.

(Показывая на донью Соль)

И девушки прелестной.

Склонись!

Эрнани преклоняет колена. Дон Карлос, сняв с себя цепь
Золотого руна, надевает ее ему на шею.

Прими мой дар.

(Обнажив шпагу, ударяет его три раза по плечу.)

Служи мне, герцог, честно!

Вот званье рыцаря теперь тебе дано!

(Подняв его, заключает в свои объятия.)

С тобой иная цепь, и лучшее Руно,
Какого нет со мной, — пусть я наследник Рима, —
Объятье женщины, что любит и любима.
Ты счастье обретишь, я — лишь имперский трон.

(К заговорщикам)

Имен не помню я. Месть, ненависть, закон —
Я все хочу забыть. Я всем дарю прощенье!
Вот то, что миру я сказал ~~бы в поученье.~~
За Карлом Первым, чей был королевский трон,
Карл Пятый следует, и император он.
В глазах Европы всей величество в короне
Не сирота в слезах — империя на троне!

Заговорщики
(падают на колени)

Да здравствует наш Карл!

~~Дон Руй Гомес~~
(в сторону)

А мне какая честь?

Дон Карлос

И мне!..

Дон Руй Гомес

Как и ему, мне остается мечь!

Э р н а н и

Кто всех нас изменил?

В с е

(солдаты, заговорщики, вельможи)

Дружней поднимем клики

В честь Карла Пятого.

Д о н К а р л о с

(обращаясь к гробнице)

Не я, а Карл Великий!

Оставьте нас вдвоем.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Д о н К а р л о с

(один, преклоняет колено перед гробницей)

Доволен ли ты мной?

От королевских уз свободен я душой?

Скажи, сумел ли я уйти от жизни старой?

Соединил свой шлем я с римскою тиарой?

На мировую власть имею ль право я?

Уверен ли мой шаг? Пряма ль тропа моя

Средь варварских руин, которую со славой

Ты проложил для нас стопою величавой?

От твоего ль огня я факел засветил?

Твой голос понял ли, встающий из могил?

Ах, я совсем один перед величием власти.

Я миром окружен, где воют, быются страсти:

Уплаты ищет Рим, пора смирить датчан,

Франциск, Венеция, там Лютер, Сулейман,

Там тысячи клинков во мраке ждут чего-то,

Ловушки, западни, враги, враги без счета,

Десяток стран, что страх внушают королям.

И этим хаосом я должен править сам!

Я спрашивал тебя: в чем тайна управления,

С чего начать? И ты ответил мне: «С прощенья!»

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

СВАДЬБА

Сарагоса. Терраса Арагонского дворца. В глубине балюстрада лестницы, теряющаяся в саду. Направо и налево две двери, выходящие на террасу, которую в глубине сцены замыкает балюстрада с двумя рядами мавританских аркад; сквозь них видны дворцовый парк, фонтаны в тени деревьев, боскеты с блуждающими среди них фонариками, и в глубине — готические и арабские вышки освещенного дворца. — Ночь. Слышны отдаленные фанфары. Маски, домино, рассыпанные тут и там, поодиночке или группами проходят по террасе. На авансцене группа молодых вельмож, с масками в руках, смеется и шумно разговаривает.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Санчо де Суньига, граф де Монтерей; дон Матиас Сентурион, маркиз д'Альмуньян; дон Рикардо де Рохас, граф де Касапальма; дон Франсиско де Сотомайор, граф де Велалькасар; дон Гарси Суарес де Карбахаль, граф де Пеньяльвер.

Дон Гарси

О счастья светлый день! Да здравствует невеста!

Дон Матиас
(*смотрит с балкона*)

Вся Сарагоса здесь. На улицах нет места.

Д о н Г а р с и

При свете факелов нет свадьбы веселей,
Нет ночи сладостней, влюбленных нет милей!

Д о н М а т и а с

Все император наш!

Д о н С а н ч о

Когда в ночном покое
Для хитростей любви с ним вместе шли мы двое,
Кто мог бы нам сказать, чем кончится игра?

Д о н Р и к а р д о

(прерывая его)

Я был там.

(Другим)

Слушайте. Все рассказать пора.

Три сердца пылкие: король, бандит, придворный,
Одною женщиной плененные, упорно
Стремились к ней — и кто ж из них достиг побед?
Бандит!

Д о н Ф р а н с и с к о

Но странного, мне кажется, здесь нет.
И счастье и любовь, куда ни кинешь взоры, —
Взлет меченых костей. Выигрывают воры!

Д о н Р и к а р д о

Достиг богатства я среди чужих услад.
Сначала граф и гранд, потом в дворце алькад.
Я даром времени не потерял, признаться.

Д о н С а н ч о

Старались королю вы чаще попадаться —
Вот тайна.

Д о н Р и к а р д о

Никому не уступал я прав.

Д о н Г а р с и

И жили вы всегда за счет его забав.

Д о н М а т и а с

А старый герцог где? Ступил на край могилы?

Д о н С а н ч о

Маркиз, не смейтесь так! Он полон гордой силы.
Он донью Соль любил. Он шесть десятков лет
Был черен волосом — и стал за сутки сед.

Д о н Г а р с и

Но в Сарагосе здесь его уж не видали?

Д о н С а н ч о

Ужели гроб ему поставить в брачной зале?

Д о н Ф р а н с и с к о

А император наш?

Д о н С а н ч о

Сегодня грустен он;
Ведь Лютер на него всегда наводит сон.

Д о н Р и к а р д о

О Лютер! Вечно он предмет забот и скуки!
С тремя солдатами его бы взял я в руки!

Д о н М а т и а с

И Сулейман его тревожит...

Д о н Г а р с и

Сулейман!

Что Лютер, что Нептун, что царь подземных стран!
Зачем мне все они? Ведь женщины прекрасны,
Так весел маскарад, и я шучу всечасно.

Д о н С а н ч о

Вся в этом суть.

Д о н Р и к а р д о

Он прав. Я сам уже не тот.
Когда день празднества порою подойдет,

Чуть маску нацепил — и голова другая.
Вот странно!

Д о н С а н ч о
(тихо, дон Матиасу)

Если б жил он, маски не снимая!

Д о н Ф р а н с и с к о
(показывая на правую дверь)

Не это ль комната супругов молодых?

Д о н Г а р с и
(кивает головой)

Сейчас они пройдут.

Д о н Ф р а н с и с к о

И мы увидим их?

Д о н Г а р с и

О да!

Д о н Ф р а н с и с к о

Пусть будет так. Невеста так прекрасна!

Д о н Р и к а р д о

А император добр. Эрнани — враг опасный,
И — с Золотым руном! С невестою! Прощен!
Будь император я, давно лежал бы он
На ложе из камней, она б — в шелках лежала.

Д о н С а н ч о
(тихо, дон Матиасу)

О, если б мне его пронзить клинком кинжала!
Из грубой мишуры его создатель сшил;
Одеждою он граф, умом он алыгвасил.

Д о н Р и к а р д о
(приближаясь)

О чем вы?

Д о н М а т и а с
(тихо, дону Санчо)

Здесь, мой граф, не место ссоре жаркой.
(Дону Рикардо)

Он мне читал сонет, написанный Петраркой.

Д о н Г а р с и

Заметили ли вы, сеньоры, меж кустов,
Меж роз и юных дев, меж платьев всех цветов
Тот призрак в домино над балюстрадой сада,
Что траурным пятном стоит средь маскарада?

Д о н Р и к а р д о

Да, чорт возьми!

Д о н Г а р с и

Кто он?

Д о н Р и к а р д о

Когда я угадал,
То — дон Пранкасио, наш славный адмирал.

Д о н Ф р а н с и с к о

Нет!

Д о н Г а р с и

Маски он не снял.

Д о н Ф р а н с и с к о

Он этого не хочет.
То — герцог Сома; он о славе лишь хлопочет
И жаждет взор привлечь.

Д о н Р и к а р д о

О нет!

Д о н Г а р с и

Кто б это был?

Под маской! — Тише, он!

Черное домино медленно проходит по террасе в глубине сены.
Все оборачиваются и следят за ним глазами, чего оно, повидимому,
не замечает.

Д о н С а н ч о

Когда жильцы могил

Выходят, вот их шаг...

Д о н Г а р с и

(подбегает к Черному домино)

Стой, маска!

Черное домино оборачивается. Гарси отступает.

Между нами,

Сеньоры: у него в глазах сверкнуло пламя!

Д о н С а н ч о

Коль дьявол он, я с ним поговорю.

(Направляется к Черному домино, которое стоит неподвижно.)

Сквозь сад

Идешь из ада ты?

М а с к а

Нет, не из ада — в ад!

(Продолжает свой путь и исчезает за перилами лестницы.)

Все с ужасом следят за нею.

Д о н М а т и а с

Могильной мрачностью слова его звучали.

Д о н Г а р с и

Что страшно в час иной, смешно на карнавале.

Д о н С а н ч о

Плохая шутка!

Д о н Г а р с и

Что ж! Коль это сатана

Пришел смотреть наш пляс, — пока нам жизнь дана,
Мы будем танцевать!

Д о н С а н ч о

Смеется он над нами.

Д о н М а т и а с

Узнаем завтра все.

Д о н С а н ч о

(дон Матиасу)

Нет, посмотрите сами,
Что сделал он сейчас?

Д о н М а т и а с

(подойдя к балюстраде)

Сошел, угрюм и нем, —
И больше ничего.

Д о н С а н ч о

Забавно!

(Задумчиво)

Не совсем.

Д о н Г а р с и

(проходящей мимо даме)

Маркиза, танец мой?

(Кланяется ей и предлагает руку.)

Д а м а

О граф, когда мы вместе,
За нами муж следит и думает о мести.

Д о н Г а р с и

Вот лишний повод нам быть вместе. Он же рад,
Что дело есть ему. Идемте.

Д а м а подает ему руку, и они уходят.

Д о н С а н ч о

(задумчиво)

Станный взгляд
У этой маски был.

Дон Матиас

Они идут. Вниманье!

Входят Эрнани и донья Соль, под руку. Донья Соль в пышном свадебном наряде; Эрнани в черном бархате с ног до головы, с цепью Золотого руна на шее. Позади них — толпа масок, дам и сеньоров, образующих свиту. Два богато одетых паж следуют за ними, четыре негра. предшествуют им. Присутствующие выстраиваются в ряд и приветствуют их поклонами. Фанфары.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Эрнани, донья Соль; свита.

Эрнани
(приветствуя всех)

Друзья мои!

Дон Рикардо
(подходя и кланяясь)

Ты в нас рождаешь ликование!

Дон Франсиско
(любясь доньей Соль)

Святой Иаков! Он Венеру вводит в дом!

Дон Матиас

Какая ждет их ночь вслед за подобным днем!

Дон Франсиско
(показывая дон Матиасу на брачные покои)

Какие будут там лобзания и речи!
Стать феей, видеть все — как дверь закрылась, свечи
Погасли, — что милей?

Дон Санчо
(дон Матиасу)

Уж поздно. Мы идем?

Все приветствуют новобрачных и выходят — одни через дверь, другие по лестнице в глубине сцены.

Э р н а н и
(*проводя их*)

Пускай хранит вас бог!

Д о н С а н ч о
(*выходя последним, жмет ему руку*)

Будь счастлив!
(*Выходит.*)

Э р н а н и и д о н ь я С о л ь остаются одни. Шум шагов и голоса удаляются, потом замолкают. В начале следующей сцены постепенно умолкают фанфары, и гаснут одни за другими удаляющиеся огни. Понемногу наступают молчание и ночь.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Э р н а н и, д о н ь я С о л ь.

Д о н ь я С о л ь

Мы вдвоем!

Ушли.

Э р н а н и
(*пытаясь привлечь ее в свои объятия*)
Моя любовь!

Д о н ь я С о л ь
(*краснеет и отступает*)
Сейчас... ночной порою ..

Э р н а н и
Мой ангел, ночь пришла, и вместе мы с тобою.

Д о н ь я С о л ь
О, как устала я! Не правда ль, дорогой,
Все это празднество души мрачит покой?

Э р н а н и
Да, счастье, милый друг, нам не легко бывает.
Лишь в бронзовых сердцах оно свой след врезает.

Восторг страшит его, плетя гирлянды роз;
В его улыбке смех, а также близость слез.

Д о н ь я С о л ь

Твоя ж улыбка — день!

Э р н а н и пытается увлечь ее к двери. Она краснеет.

О, подожди немного!

Э р н а н и

Ах, я твой верный раб! Нет, не гляди так строго!
Все будь по-твоему. Я не хочу просить.
Ты над собой властна. Как скажешь, так и быть.
Когда захочешь ты, я петь, смеяться стану.
Душа моя горит. Скажи «смирись!» вулкану —
И он закроет зев, что был пылать готов,
Покрыв бока свои ковром живых цветов.
Везувий стал рабом, для нежных чувств забавой,
И можешь ты не знать, что грудь в нем дышит лавой.
Цветов твой хочет взор? Прекрасно! Пусть кипит
Гроза в его груди, — но будет зелен вид.

Д о н ь я С о л ь

Со слабой женщиной вы стали добрым, милым,
Эрнани, сердца друг!

Э р н а н и

Что в имени постылом?

Не называй меня Эрнани! Что мне в нем?
Ты вспоминаешь то, что сам считал я сном.
Я знаю, жил такой Эрнани, и, бывало,
Бесстрашный взор его сверкал клинком кинжала;
Изгнанником он жил в ночной тиши, среди скал,
И только слово «мечь» вокруг себя читал;
Проклятье вслед за ним влачилося по стремнине.
Эрнани больше нет. И я люблю отныне
Лишь песню соловья, леса, цветущий луг.
Принц арагонский я и донья Соль супруг!
Я счастлив!

Д о н ь я С о л ь

Счастлива и я!

Э р н а н и

Какое дело

До тряпок мне, что я у входа сбросил смело?
В давно покинутый я возвратился зал.
Небесный херувим меня у двери ждал.
Из праха я воздвиг разбитые колонны,
Зажег огонь, раскрыл ряд окон запыленных
И вырвал на дворе растущую траву.
Восторгом, радостью и счастьем я живу.
Пусть замки мне вернут, где раньше предки жили,
И пусть с почетом я войду в совет Кастилий.
Иди ко мне на грудь, с пылающим лицом.
Пускай оставят нас! Забудем все кругом,
Я нем, я ослеплен, вновь жить я начинаю.
Все стер я, все забыл. Безумье? Ум? Не з^наю.
Люблю вас! Вы моя! Душа моя полна!

Д о н ь я С о л ь

(рассматривает цепь на его шее)

На черном бархате горит огонь Руна!

Э р н а н и

Украшен и король цепочкой был такою.

Д о н ь я С о л ь

Не замечала я. Была к нему слепою.
А бархат или шелк — не все ли мне равно?
Лишь на твоей груди заметно мне Руно.
Ты благороден, горд, сеньор мой!

Он хочет увлечь ее.

Лишь мгновенье

Постой! Ты видишь, друг, я плачу от волненья.
Смотри, какая ночь!

(Идет к балюстраде.)

Мой герцог, подожди,
Дай мне взглянуть вокруг, услышать ночь в груди!
Погасли все огни, все звуки карнавала.
Здесь только ночь и мы. Блаженство нас объяло.

Не кажется ль тебе — природа в тихий час
Со счастья нашего не сводит нежных глаз?
Луна на небесах погружена в мечтанье,
Как мы, вдыхает тьму и роз благоуханье.
Смотри, огней уж нет. Повсюду тишина.
Лишь подымается задумчиво луна.
Пока ты говорил, лучи ее дрожали
И с голосом твоим мне в сердце проникали.
Спокойной я была, веселой, милый мой,
И умереть в тот миг хотела бы с тобой!

Э р н а н и

Несешь забвение ты голосом прелестным!
Он кажется таким далеким и небесным.
Как путник в челноке, теченьем увлечен,
Скользит по воле струй, когда закат зажжен,
И берегов следит кудрявых очертанья,
Так весь я погружен душой в твои мечтанья.

Д о н ь я С о л ь

Уж слишком тихо все, и слишком мрак глубок.
Хотел бы ты звезды увидеть огонек?
Иль голос услышать, и нежащий и странный,
Летящий издали?

Э р н а н и
(с улыбкой)

О друг непостоянный!
Ты только что бежать хотела от людей!

Д о н ь я С о л ь

От бала, да! Но там, где птицы средь полей,
Где соловей в тени томится песней страстной
Иль флейта вдалеке!.. О, с музыкой прекрасной
Нисходит в душу мир — и, как небесный хор,
Встают в ней голоса и рвутся на простор.
Ах, если б услышать...

В ночи слышен звук далекого рога.

Э р н а н и
(содрогаясь, про себя)

О горе!..

Д о н ь я С о л ь

Ангел сам исполнил все мечтанья,
Твой добрый ангел, друг.

Э р н а н и
(с горечью)

Мой ангел!

Снова звук рога.

(В сторону)

Вот опять!

Д о н ь я С о л ь

Могла ли, дон Хуан, я рог ваш не узнать?

Э р н а н и
Не правда ль?

Д о н ь я С о л ь

Это вы — участник серенады
Такой прелестной?

Э р н а н и
Как?

Д о н ь я С о л ь

О, эти маскарады!
Люблю я дальний рог, поющий в тьме лесной!
Он ваш и мне знаком, как голос дорогой.

Рог слышен снова.

Э р н а н и
(про себя)

Там бродит злобный тигр и шлет свое рычанье.

Д о н ь я С о л ь

То рога вашего, о дон Хуан, звучанье.

Э р н а н и

(поднимается с выражением ужаса на лице)

Эрнани называй меня! Эрнани я!
Вновь с этим именем слита душа моя.

Д о н ь я С о л ь
(дрожа)

Что слышу я!

Э р н а н и

Старик!

Д о н ь я С о л ь

Как мрачны ваши очи!

Что с вами?

Э р н а н и

Там старик смеется в мраке ночи.

Иль вы не видите?

Д о н ь я С о л ь

Ты бредишь? Что с тобой?

Какой старик?

Э р н а н и

Старик!

Д о н ь я С о л ь

О милый, милый мой,

Что в сердце ты таишь, скажи мне, умоляю,
Скажи!

Э р н а н и

Но я клялся...

Д о н ь я С о л ь

Клялся?

Она тревожно следит за всеми его движениями.
Внезапно он останавливается и проводит рукой по лбу.

Э р н а н и

(в сторону)

Как быть, не знаю...

Нет, пощажу ее.

(Громко)

Что говорил я? Нет!

Д о н ь я С о л ь

Вы говорили мне...

Э р н а н и

Нет... Это был лишь бред.
Я болен, может быть... Нет, не страшись, не надо.

Д о н ь я С о л ь

Что делать? Чем помочь? Служить тебе я рада.

Рог звучит снова.

Э р н а н и

(в сторону)

Зовет! Я клятву дал! Зовет!

(Ищет на поясе свой меч и кинжал.)

Ах, где кинжал?

Конец, всему конец!

Д о н ь я С о л ь

О, как ты бледен стал!

Э р н а н и

То рана старая, огнем былым пылая,
Открылась...

(В сторону)

Пусть уйдет она.

(Громко)

О дорогая,

Послушай, где ларец, что я носил с собой
В дни горя и нужды?

Д о н ь я С о л ь

Я знаю, милый мой.

Что делать мне, скажи.

Э р н а н и

Там есть флакон стеклянный,
Где налит эликсир, целить способный раны,
Дай мне его скорей!

Д о н ь я С о л ь

Иду, иду, мой друг.

(Уходит в дверь, ведущую в брачные покои.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Э р н а н и

(один)

О, как я счастлив был! Как стал несчастен вдруг!

Уж пишут на стене мне роковое слово,

И вновь судьба глядит в лицо мое сурово!

*(Впадает в глубокую, мучительную задумчивость, затем
вздрагивает.)*

Так! Но замолкло все. Шагов не слышно там.

Когда б то было сном!

На верхней ступени лестницы появляется Черное домино.
Э р н а н и останавливается, словно оцепенев.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Э р н а н и, М а с к а.

М а с к а

«Что б ни предстало нам,

Когда б ты ни решил, в каком бы ни был месте,

Раз день уже настал для этой страшной мести,

Для гибели моей, — труби в мой рог тотчас.

Я — твой». — Жильцы могил тогда слыхали нас.

Ну что же? Ты готов?

Э р н а н и

(тихо)

То — он!

М а с к а

Пришел к тебе я,

В твой дом, сказать, что срок уже настал. Скорее!

Ты медлишь?

Э р н а н и

Хорошо. На мне твоя печать.

Что должен сделать я?

М а с к а

Ты можешь выбирать —

Кинжал иль этот яд. Я все принес с собою.

Мы вместе выйдем.

Э р н а н и

Да.

М а с к а

Молись.

Э р н а н и

Я тверд душою.

М а с к а

Твой выбор?

Э р н а н и

Яд.

М а с к а

Пусть так! Скорей дай руку. Вот!

(Подает Эрнани флакон. Тот берет его, побледнев.)

Пей!

Э р н а н и подносит флакон к губам, затем отшатывается.

Э р н а н и

Подожди, молю! Пускай заря взойдет!

Коль сердце есть в тебе и нежных чувств отрада...

Не привиденье ты, не выходец из ада,

Не проклятый мертвец, не демон, — и следа

Клейма ты не несешь со словом «никогда»;

Коль знаешь счастья ты полет неудержимый —

Любить, быть молодым, жениться на любимой,

Коль женщина с тобой блаженства знала дрожь, —

До завтра дай мне жить! А завтра ты придешь!

М а с к а

Все «завтра», «завтра»... Нет! Срок этот — слишком дальний.

Сегодня же ты звон услышишь погребальный.
Зачем мне ночь терять? А если я умру —
Кто жизнь твою возьмет, как нужно, поутру?
Мне одному идти в могилу? Путь нам вместе.

Э р н а н и

Нет, демон, не с тобой. Я этой дикой мести
Не признаю.

М а с к а

Ах, так? Я понял все вполне!
Ужели так ничем ты и не клялся мне?
А голова отца? Ты позабыл, конечно?
О да, ты мог забыть: ведь юность так беспечна.

Э р н а н и

Отец! О мой отец!.. Теряю разум я.

М а с к а

Ты клятве изменил; черна душа твоя.

Э р н а н и

О!..

М а с к а

Коль в Испании нет ничего святого
И старых грандов сын уже не держит слова, —
(делает шаг, чтобы уйти)

Прощай!

Э р н а н и

Не уходи!

М а с к а

Тогда...

Э р н а н и

О злой старик,
Уйти теперь, когда я вижу счастья лик!..

Д о н ъ я С о л ь возвращается, не замечая Маски, которая стоит
в глубине сцены.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, донья Соль.

Донья Соль

Я не нашла ларца!

Эрнани

(в сторону)

Она! Она! О боже,
В какой ужасный миг!

Донья Соль

Что с ним? Его тревожит
Мой голос! — Что в руке твоей? Блуждает взгляд!
Что держишь ты в руке, скажи мне?

Домино сбрасывает капюшон. Донья Соль, вскрикнув, узнает
дона Руй Гомеса.

Это яд!

Эрнани

О боже!

Донья Соль

(к Эрнани)

О, скажи, какой ты тайной связан?
Что от меня скрывал?

Эрнани

Молчать я был обязан.

Жизнь мною отдана тому, кем я спасен,
И Сильве долг платить обязан Арагон.

Донья Соль

Вы не его, а мой! Отныне жизнью, кровью
Вы связаны со мной.

(Дону Руй Гомесу)

Да, я сильна любовью.

Я защищу его, кто б на пути ни стал!

Дон Руй Гомес

(оставаясь неподвижным)

Коль можешь, защищай. Но все ж он клятву дал.

Д о н ь я С о л ь

То правда?

Э р н а н и

Я клялся.

Д о н ь я С о л ь

Нет, нет, ты, без сомненья,
Свободен от нее! То бред был, ослепленье!

Д о н Р у й Г о м е с

Идем!

Э р н а н и хочет идти. Д о н ь я С о л ь пытается его удержать.

Э р н а н и

Оставь! Уйти я должен с ним сейчас.
Ему я слово дал. Отец мой слышит нас.

Д о н ь я С о л ь

(дону Руй Гомесу)

Уж лучше вам отнять тигренка у тигрицы,
Чем у меня того, с кем жизнь успела слиться!
Вы знаете ль, кто я? Жалела я всегда
И вашу седину и дряхлые года;
Была я девушкой невинной и покорной,
Но гневом и слезой сверкает взгляд мой черный.

(Выхватывает кинжал, спрятанный на груди.)

Вы видите кинжал? Бесчувственный старик,
Иль уж не страшен взгляд, что в сердце вам проник?
Смотрите же, дон Руй! Из одного мы рода.
Вы — дядя мне. Но пусть у нас одна природа —
Супруга моего коснуться я не дам.

(Отбрасывает кинжал и падает перед герцогом на колени.)

Ах, я у ваших ног! Явите милость нам!
Прощенье, о сеньор! Я женщина, слаба я,
Теряю силы я, насильно уступая,
Молю пощады я у ваших ног, в пыли!
О, если б сжалиться над нами вы могли!

Дон Руй Гомес

Что слышу, донья Соль?

Донья Соль

О, сжальтесь! Мы в Кастилии
Все резки на словах. Когда б вы все забыли,
Вернули мне его! Ведь не были вы злым!
Пощады! Вы меня убейте вместе с ним!
Я так его люблю!

Дон Руй Гомес

Да, слишком!

Эрнани

Эти слезы...

Донья Соль

Нет, нет, я не хочу, чтоб те сбылись угрозы,
Чтоб умер ты. Нет! Нет!

(Дону Руй Гомесу)

Он будет невредим —
И вас я полюблю, быть может.

Дон Руй Гомес

Вслед за ним?
Остатками любви и дружбою небрежной
Хотите вы смирить порыв страстей мятежный?

(Показывая на Эрнани)

Он лишь один вам мил! И счастлив он вполне.
А я? Иль, мните вы, приятна жалость мне?
Все будет у него: любовь, душа, корона.
Вам на меня взглянуть позволив благосклонно,
Он может, чтоб мою тем успокоить грудь,
Вам слово разрешить несчастному шепнуть,
Бродяге, что ему уж надоел немало,
С презрением плеснет остатки из бокала.
Бесчестие! Позор! Нет, надобно кончать.
Ну, пей!

Э р н а н и

Я слово дал. Хочу его сдержать.

Д о н Р у й Г о м е с

Скорей!

Э р н а н и подносит флакон к губам. Д о н ь я С о л ь силой отводит
его руку.

Д о н ь я С о л ь

О, подожди! Внемлите мне вы оба.

Д о н Р у й Г о м е с

Нет, ждать я не могу. Уж он стоит у гроба.

Д о н ь я С о л ь

Мгновенье, о сеньор! Как жесто~~к~~и сейчас
~~Вы~~ оба! Слушайте, чт~~о~~ я хочу от вас.
Мгновенье — вот и все, что женщине здесь надо,
Позвольте же сказать, что для души отрада,
Что в сердце у нее! О, дайте же сказать!

Д о н Р у й Г о м е с

(к Э р н а н и)

Я тороплюсь.

Д о н ь я С о л ь

Зачем так сердце мне терзать?
Что сделала я вам?

Э р н а н и

Ах, плач ее — терзание!

Д о н ь я С о л ь

(снова удерживая его руку)

Мне многое сказать вам надо на прощанье.

Д о н Р у й Г о м е с

(к Э р н а н и)

Пора!

Д о н ь я С о л ь
(повиснув на руке Эрнани)

О дон Хуан, излиться дай душой,
И делай все тогда, что хочешь...

(Вырывает у него флакон.)

Мой он, мой!

(Высоко поднимает флакон перед взорами Эрнани
и изумленного старика.)

Д о н Р у й Г о м е с

Когда две женщины решают дело чести,
Нам мужество искать в другом уж нужно месте.
Поклялся хорошо ты головой отца, —
Пойду к нему, чтоб он узнал все до конца!
Прощай!

(Делает несколько шагов к выходу, Эрнани удерживает
его.)

Э р н а н и

Остановись!

(Донья Соль)

Мне ль отступить с позором?
Мне ль быть обманщиком, изменником и вором?
Иль хочешь, чтоб я шел, куда глаза глядят,
С клеймом на лбу моем? Отдай, верни мне яд,
Верни его — молю всем сердцем, всею страстью!

Д о н ь я С о л ь
(мрачно)

Ты хочешь?

(Пьет из флакона.)

Пей теперь!

Д о н Р у й Г о м е с
(в сторону)

Как? И она? Несчастье!

Д о н ь я С о л ь

(возвращает Эрнани наполовину опорожненный флакон)

Возьми его.

Э р н а н и
(дону Руй Гомесу)

Старик, смотри, как ты жесток!

Д о н ь я С о л ь

О милый, для тебя тут есть еще глоток!

Э р н а н и
(берет флакон)

Ах!

Д о н ь я С о л ь

Ты бы ничего мне не оставил в склянке.
Не знаешь сердца ты супруги-христианки,
Не знаешь страсти той, в чьих жилах Сильвы кровь.
Я первой выпила. Пей ты, моя любовь!
Пей, если хочешь...

Э р н а н и
О, что слышу я, несчастный!

Д о н ь я С о л ь

Ты этого хотел.

Э р н а н и
Но эта смерть ужасна!

Д о н ь я С о л ь

Нет, нет!

Э р н а н и
Но этот яд — прямой к могиле путь.

Д о н ь я С о л ь

Не вместе ли должны мы в эту ночь заснуть?
А где — не все ль равно?

Э р н а н и

За клятвопреступление

Вот месть твоя, отец!

(Подносит флакон к губам.)

Д о н ь я С о л ь

О, страшные мученья!

Отбрось скорей флакон! — Ах, я схожу с ума!

Остановись, Хуан! В той склянке смерть сама!

Дракон, стоглавый яд, в какой-то дикой страсти

Растет в груди моей, мне сердце рвет на части!

О, можно ль так страдать? Весь ад в душе моей!

Ах, что со мной сейчас? Огонь! Огонь! Не пей!

Нет, ты не вынесешь!

Э р н а н и

(дону Руй Гомесу)

Ты — порождение ада!

Ужели для нее другого нету яда?

(Пьет и отбрасывает флакон.)

Д о н ь я С о л ь

Что сделал ты?

Э р н а н и

А ты?

Д о н ь я С о л ь

О милый мой, приди

В объятия мои!

Сядутся рядом.

Ты слышишь боль в груди?

Э р н а н и

Нет.

Д о н ь я С о л ь

Это свадьбы час. Блаженств ночных начало.

Не слишком ли бледна я для невесты стала?

Э р н а н и

Ах!

Д о н Р у й Г о м е с

Час судьбы пробил.

Э р н а н и

Горит вся грудь моя!

Страдает донья Соль — и это вижу я!

Д о н ь я С о л ь

Мне лучше, милый мой! Сейчас мы без усилия,
Чтоб вместе нам лететь, свои расправим крылья.
Вдвоем мы ринемся к иной, большой стране.
О, обними меня.

Обнимаются.

Д о н Р у й Г о м е с

Проклятие на мне!

Э р н а н и

(слабеющим голосом)

Благодарю судьбу за весь мой путь прекрасный
В изгнание, средь врагов, в ночи, всегда опасной,
За то, что в час, когда я жизнью утомлен,
Здесь, на твоей груди, мне послан этот сон!

Д о н Р у й Г о м е с

Как счастливы они!

Э р н а н и

(все более слабеющим голосом)

Мне ночь легла на очи.

Страдаешь ты?

Д о н ь я С о л ь

(таким же угасающим голосом)

Нет, нет.

Э р н а н и

Ты видишь свет средь ночи?

Д о н ь я С о л ь

Где?

Э р н а н и
(со вздохом)

Вот...

(Падает.)

Д о н Р у й Г о м е с
(поднимает его голову, которая вновь падает.)

Он мертв.

Д о н ь я С о л ь

Он мертв? О нет! Он крепким сном
Заснул! О мой супруг! Как хорошо вдвоем!
Мы оба здесь легли. То свадьбы нашей ложе.

(Угасающим голосом)

Зачем его будить, сеньор де Сильва? Боже,
Он так устал сейчас...

(Поворачивает к себе лицо Эрнани.)

Взгляни, любовь моя!

Вот так... в мои глаза...

(Падает.)

Д о н Р у й Г о м е с

Мертва! — И проклят я!

(Убивает себя.)

КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ

КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ

Появление этой драмы на сцене вызвало неслыханное распоряжение министра.

На следующий день после первого представления автор получил от г-на Жулена де Ла-Саль, директора Французской Комедии, следующую записку, которую он бережно сохраняет:

«Сейчас половина одиннадцатого, и я сию минуту получил *приказ*¹ прекратить представления «Король забавляется». Г-н Тейлор сообщает мне этот приказ министра. 23 ноября».

Сначала автор не поверил. Распоряжение министра было до такой степени незаконным, что казалось невероятным.

В самом деле, хартия, названная «хартией-правдой», гласит: «Французы имеют право публиковать...» Заметьте, что в тексте не сказано только «право печатать», но в самом широком смысле: «право публиковать». Но ведь театр — лишь способ публикации, так же как пресса, гравюра и литография. Свобода театра подразумевается, следовательно, в хартии наряду со всеми остальными формами свободы мысли. Основной государственный закон прибавляет: «Цензура никогда не будет восстановлена». Но в тексте не сказано: «цензура газет, цензура книг», а сказано: «цензура», цензура вообще, всякая цензура, как цензура произведений для печати, так и цензура театра. Следовательно, театр не может впредь законным образом подвергаться цензуре.

¹ Это слово подчеркнуто в записке.

В другом месте хартии сказано: «Конфискации отменяются». Но изъятие пьесы из репертуара после представления — не только чудовищный акт цензуры и произвола, это подлинная конфискация, это ограбление театра и автора.

И наконец, чтобы все было четко и ясно, чтобы четыре или пять великих социальных принципов, отлитых из бронзы французской революцией, оставались в неприкосновенности на своих гранитных пьедесталах, чтобы нельзя было исподтишка урезывать основные права всех французов старым, иззубренным оружием, которое, числом в сорок тысяч статей, разъедается ржавчиной и гниет без употребления в арсенале наших законов, хартия в своей заключительной статье прямо отменяет все, что в прежних законах противоречит ее букве и духу.

Это бесспорно. Изъятие пьесы по распоряжению министра есть посягательство на свободу при помощи цензуры, на собственность при помощи конфискации. Все наше публичное право восстает против подобного насилия.

Автор не мог поверить такому проявлению наглости и безрассудства; он поспешил в театр. Там ему со всех сторон подтвердили это распоряжение. Министр действительно отдал своею властью, по божественному праву министра, этот *приказ*. Министр не обязан был приводить доводы. Министр отнял у автора его пьесу, отнял его право, отнял его собственность. Оставалось только заключить его, поэта, в Бастилию.

Повторяем, в наше время, когда подобное распоряжение неожиданно преграждает вам путь и хватает вас за шиворот, первое, что вы испытываете, это чувство глубокого удивления. Множество вопросов встает мгновенно в вашем уме: «Где же закон? Где же право? Могут ли совершаться такие вещи? Было ли в самом деле то, что называется июльской революцией? Ясно, что мы уже больше не в Париже, — в каком же вилайете мы живем?»

Изумленный и растерянный, театр Французской Комедии попытался предпринять кое-какие шаги, чтобы добиться у министра отмены этого необычайного постановления. Но все его хлопоты были напрасны. Диван — я оговорился — совет министров собрался днем. Двадцать третьего числа это был только приказ министра, двадцать четвертого он стал приказом министерства. Двадцать тре-

тьего пьеса была запрещена только временно, двадцать четвертого — окончательно. Театру было даже приказано снять со своей афиши эти два устрашающие слова: «Король забавляется». Сверх того, ему было приказано, этому злосчастному театру Французской Комедии, не жаловаться и молчать. Быть может, было бы красиво, честно и благородно сопротивляться такому азиатскому деспотизму. Но театры не осмеливаются. Боязнь лишиться своей привилегии делает их невольниками и верноподданными, которыми можно командовать и помыкать как угодно, делает их евнухами и немыми рабами.

Автор остался и вынужден был остаться непричастным к этим хлопотам театра. Он, поэт, не зависит ни от какого министра. Эти просьбы и ходатайства, быть может, с точки зрения чисто денежной, подсказывались его интересами, но их воспрещал ему долг свободного писателя. Просить пощады у власти — значит признавать ее. Свобода и собственность не выпрашиваются в передних. Право нельзя рассматривать как милость. О милости — взывайте к министру! О праве — взывайте к стране!

Поэтому автор обращается к стране. У него есть два пути добиться правосудия — общественное мнение и государственный суд. Он избирает оба.

Пред лицом общественного мнения процесс состоялся и был выигран. Автор должен во всеуслышание поблагодарить здесь всех серьезных и независимых лиц, причастных к литературе и искусству, выказавших ему в данном случае столько сочувствия и столько сердечности. Он заранее рассчитывал на их поддержку. Он знает, что, когда дело коснется борьбы за свободу мысли и разума, он пойдет в бой не один.

Власть — отметим это здесь мимоходом — питала основанную на весьма низком расчете надежду на то, что найдет в этом деле союзников даже среди оппозиции, использовав литературные страсти, уже давно бушующие вокруг автора. Она думала, что литературная вражда устойчивее вражды политической, ибо считала, что корни первой заложены в человеческих самолюбиях, а корни второй — только в интересах. Власть ошиблась. Ее грубое вмешательство возмутило честных людей всех направлений в искусстве. К автору присоединились, чтобы выступить против самовластия и несправедливости, как раз те,

кто сильнее всего напал на него накануне. Если чья-либо закоренелая вражда случайно и оказалась слишком прочной, то эти лица раскаиваются теперь в том, что оказали власти минутное содействие. Все порядочные и уважаемые люди из числа врагов автора протянули ему руку, с тем, быть может, чтобы снова возобновить литературную борьбу, когда окончится борьба политическая. Во Франции у того, кто подвергается гонениям, нет других врагов, кроме самого гонителя.

Если теперь, установив, что распоряжение министра позорно, возмутительно и противозаконно, мы на минуту снизойдем до обсуждения его по существу и постараемся выяснить, какие причины, по всей вероятности, вызвали это происшествие, то прежде всего встанет такой вопрос, — и нет человека, который не задавал бы его себе: «Каков мог быть мотив подобной меры?»

Приходится откровенно сказать, — ибо это действительно так, и если будущее займется когда-нибудь нашими маленькими людьми и мелкими делами, это окажется весьма любопытной подробностью данного любопытного случая, — что наши цензурных дел мастера, кажется, почувствовали свою нравственность оскорбленной пьесой «Король забавляется»; она возмутила целомудрые жандармов, отряд бригадира Леото был в театре и нашел ее непристойной, блюстители нравственности прикрыли свои лица, господин Видок покраснел. Словом, лозунг, который цензура дала полиции и который уже несколько дней бормочут вокруг нас, таков: «Дело в том, что пьеса эта безнравственна». Осторожнее, господа! Помолчали бы вы лучше на этот счет!

Объяснимся все же: не с полицией — полиции я, как человек порядочный, запрещаю рассуждать об этих вещах, — а с немногими почтенными и добросовестными лицами, которые, поверив чужим словам или побывав на спектакле, но не разобравшись в нем, необдуманно повторяют это мнение, хотя для опровержения его, быть может, было бы достаточно одного только имени обвиняемого поэта. Драма теперь напечатана. Если вы не присутствовали на спектакле, прочтите ее. Если вы были там, все же прочтите. Вспомните, что этот спектакль был не столько спектаклем, сколько битвой, вроде битвы при Монлери (да простят нам это немного тщеславное сравне-

ние), где обе стороны, и парижане и бургундцы, утверждали, что они «сцапали победу», как говорит Матье.

Моя пьеса безнравственна? Вы это находите? Безнравственна по содержанию? Вот ее содержание. Трибуле — урод, Трибуле — немощен, Трибуле — придворный шут: тройное несчастье, которое его озлобило. Трибуле ненавидит короля за то, что он король, вельмож — за то, что они вельможи, людей — за то, что не у всех у них горб на спине. Его единственное развлечение — беспрерывно сталкивать вельмож с королем, ломая более слабого о более сильного. Он развращает короля, портит его, разжигает в нем низменные чувства; он толкает его к тирании, к невежеству, к пороку; он натравливает его на все дворянские семьи, беспрестанно подстрекая к тому, чтобы соблазнить чью-нибудь жену, похитить чью-нибудь сестру, обесчестить чью-нибудь дочь. Король — лишь паяц в руках Трибуле, всемогущий паяц, разбивающий все жизни, и шут дергает его за ниточку. Однажды в разгар придворного празднества, в ту самую минуту, когда Трибуле подбивает короля похитить жену де Коссе, Сен-Валье врывается к королю и бурно укоряет его за то, что он обесчестил Диану де Пуатье. Трибуле высмеивает и оскорбляет этого отца, у которого король отнял дочь. Отец поднимает руку и проклинает Трибуле. На этом основана вся пьеса. Истинный сюжет драмы — *проклятие Сен-Валье*. Слушайте дальше. Начинается второй акт. На кого пало это проклятие? На королевского шута Трибуле? Нет. На Трибуле-человека, на отца, у которого есть сердце, у которого есть дочь. У Трибуле есть дочь, в этом заключается все. У Трибуле нет никого на свете, кроме дочери, он скрывает ее от всех в безлюдном квартале, в уединенном доме. Чем шире он распространяет по городу заразу порока и разврата, тем старательнее держит взаперти и в уединении свою дочь. Он воспитывает свое дитя в невинности, в вере и в целомудрии. Больше всего он боится, чтобы она не совратилась, ибо он, человек злой, хорошо знает, какие страдания это влечет за собой. Так вот, проклятие старика обрушится на единственное существо в мире, которое дорого Трибуле, — на его дочь. Тот самый король, которого Трибуле подстрекает к похищению женщины, похитит у него дочь. Провидение поразит шута точно таким же способом, каким оно поразило Сен-Валье.

А затем, так как дочь обещана и погибла, Трибуле расставит королю сети, чтобы отомстить за нее, но в эти сети попадет его дочь. Итак, у Трибуле два воспитанника — король и дочь, — король, которого он обучает пороку, и дочь, которую он растит для добродетели. Король погубит дочь. Трибуле хочет похитить для короля госпожу де Коссе — и похищает свою дочь. Он хочет убить короля, желая отомстить за дочь, — и убивает ее. Возмездие не останавливается на полпути; проклятие отца Дианы свершается над отцом Бланш.

Не нам, конечно, решать, драматична ли эта идея, но несомненно, что она моральна.

В основе одной из пьес автора лежит рок. В основе этой пьесы — провидение.

Мы еще раз подчеркиваем, что обсуждаем здесь пьесу не с полицией, — мы не оказываем ей такой чести, — но с той частью публики, которой это обсуждение может показаться необходимым. Пойдем дальше.

Если это произведение нравственно по замыслу, то не безнравственно ли оно по выполнению? Вопрос, поставленный таким образом, повидимому сам себя упраздняет; но все же займемся им. Очевидно, нет ничего безнравственного ни в первом, ни во втором акте. Может быть, вас шокирует ситуация третьего? Прочтите этот третий акт и скажите чистосердечно: разве он не производит глубоко целомудренного, добродетельного и пристойного впечатления?

Или вы имеете в виду четвертый акт? Но с каких это пор королю больше не разрешается ухаживать на сцене за служанкой гостиницы? Это даже не ново ни в театре, ни в истории. Больше того: история нам разрешила показать вам Франциска I пьянствующим в трущобах улицы Пеликана. Показать короля в публичном доме было тоже не ново. Греческий театр, театр классический, делал это, и Шекспир, театр романтический, делал это тоже. Так вот: автор данной драмы этого не сделал! Ему известно все, что писали о доме Сальтабадила. Но зачем приписывать ему то, чего он не говорил? Зачем утверждать, будто он переступил границу, от которой зависит все в подобном случае, тогда как он вовсе ее не переступил? В этой цыганке Магелоне, которую так оклеветали, не больше бесстыдства, чем в любой из Лизет и Мартон старинного

театра. Лачуга Сальтабадила — постоянный двор, таверна, кабачок «Сосновая шишка», подозрительная харчевня, разбойничий притон — все, что вам угодно, но не публичный дом. Это страшное место, зловещее, отвратительное, ужасное, — но не место разврата.

Остаются, таким образом, лишь некоторые особенности слога. Прочтите.¹

Автор согласен признать судьями суровой чистоты его речи тех самых лиц, которых возмущают отец Офелии и кормилица Джульетты, Бомарше и Реньяр, «Школа жен» и «Амфитрион», Данден и Сганарель, особенно же главная сцена «Тартюфа» — того «Тартюфа», который в свое время также подвергся обвинению в безнравственности! Но там, где было необходимо быть откровенным, автор счел себя обязанным сделать это на свой страх и риск, всегда, однако, оставаясь серьезным и соблюдая чувство меры. Он хочет, чтобы искусство было целомудренно, а не чопорно.

Так вот она, эта пьеса, против которой министерство старается вызвать столько предубеждений! Вот она, эта безнравственность, эта непристойность, обнаженная до конца. Какая глупость! У власти были свои тайные причины, — мы их сейчас укажем, — чтобы возбудить против пьесы «Король забавляется» как можно больше предрассудков. Ей очень хотелось, чтобы публика задушила в

¹ Автор настолько уверен в том впечатлении, которое произведет его пьеса на читателя, что он считает почти излишним обратить внимание на то, что пьеса напечатана в том виде, как он написал ее, а не в том, как ее играли, то есть что она содержит довольно большое количество отдельных мест, вошедших в печатное издание, но изъятых автором из сценического текста ввиду господствующего в театре требования скромности. Так, например, в день представления вместо таких строк:

Есть у меня сестра, занятая девчонка,
Плясунья ловкая, чье обращенье тонко, —
Сумеет всякого к нам на ночь привести, —

Сальтабадиль произнес:

Есть у меня сестра, прелестное создание,
Притом же умница, искусная в гаданье, —
Лишь стоит молодцу к нам вечером зайти...

Был изменен целый ряд еще других строк, но не стоит на этом останавливаться.

конце концов эту пьесу за мнимую вину, не выслушав ее оправданий, как Отелло душил Дездемону. Honest Iago! ¹

Но поскольку оказалось, что Отелло не задушил Дездемону, Яго снял маску и сам принялся за дело. На следующий день после спектакля пьеса была запрещена *приказом*.

Поистине, если бы мы согласились хотя бы на минуту поверить в эту нелепейшую выдумку, будто в данном случае наших повелителей волнует забота об общественной нравственности и что, возмущенные распушенностью, в которую впали за последние два года некоторые театры, они решили, потеряв терпение, показать наконец, вопреки всем правам и законам, пример строгости на каком-нибудь произведении и писателе, — поистине мы должны были бы признать выбор произведения весьма странным, но не менее странным и выбор писателя. В самом деле, что это за человек, на которого обрушились наши близорукие власти? Это писатель такого свойства, что если и дозволительно сомневаться в его таланте, то уж нравственный его облик ни у кого не вызывает сомнений. Это человек порядочный, нравственность которого испытана, засвидетельствована и всем известна, — случай в наше время редкий и заслуживающий уважения. Это поэт, который первый возмутился бы такой распушенностью театров и восстал бы против нее; поэт, который полтора года тому назад, когда разнесся слух, что театральная инквизиция будет незаконно восстановлена, лично, вместе с еще несколькими драматургами, отправился к министру и предупредил его, что следует воздержаться от введения подобной меры, и при этом настойчиво требовал репрессивного закона против эксцессов театра, протестуя вместе с тем в резких словах — министр, наверное, не забыл их — против цензуры. Это художник, преданный искусству, никогда жалкими способами не домогавшийся успеха, привыкший всю жизнь смотреть публике прямо и открыто в лицо. Это человек чистосердечный и умеренный, уже не раз вступавший в бой за всякую свободу и против всякого произвола, отвергший в 1829 году, в последний год Реставрации, все, что предлагало ему тогдашнее правительство в возмещение убытков от запрета, наложенного на «Ма-

¹ Честный Яго (англ.).

рьон Делорм»; человек, вопреки всем побуждениям своих материальных интересов не разрешивший годом позже, в 1830 году, когда свершилась июльская революция, поставить на сцене эту самую «Марьон Делорм», поскольку она могла дать повод к нападкам на низвергнутого короля, который запретил ее, и к оскорблениям по его адресу, — поведение вполне понятное и какого придерживался бы на месте автора всякий честный человек, но которое, пожалуй, должно было сделать его впредь неприкосновенным для всякой цензуры. Объясняя причины своего поведения в данном случае, он писал в августе 1831 года следующее:

«Успехи нарочитого скандала и политических намеков, признаться, не улыбаются автору. Эти успехи немногого стоят и бывают непродолжительны... К тому же именно теперь, когда нет больше цензуры, авторы должны сами быть своими цензорами, честными, строгими и внимательными. Тогда они будут высоко держать знамя искусства. Когда располагаешь полной свободой, надо соблюдать во всем меру». ¹

Сделайте вывод сами. С одной стороны — перед вами человек и его произведение; с другой — министерство и его действия.

Теперь, когда мнимая безнравственность этой драмы опровергнута до конца, теперь, когда все нагромождение негодных и постыдных доводов рухнуло, попираемое нами, пора, казалось бы, назвать истинный мотив этого мероприятия, закулисный, придворный, секретный мотив, мотив, которого не говорят, мотив, в котором не решаются сами себе признаться, мотив, который так ловко был утаен под вымышленным предлогом. Этот мотив уже просочился в публику, и публика верно его угадала. Мы больше о нем ничего не скажем. То, что мы показываем нашим противникам пример вежливости и воздержанности, быть может, служит в нашу пользу. Это не плохо, когда частное лицо дает правительству урок достоинства и благоразумия, когда гонимый дает его гонителю. К тому же мы не из тех, кто думает исцелить свою рану, растравляя больное место другого. К сожалению, это правда, что в третьем акте пьесы есть строка, в которой неуклюжая

¹ Предисловие к «Марьон Делорм».

проницательность близких ко двору лиц обнаружила намек (скажите на милость, намек!). Его не замечали, до тех пор ни публика, ни сам автор; но, раскрытый таким образом, он превратился в самое жестокое и кровавое оскорбление. К сожалению, это правда, что данной строки было достаточно, чтобы смущенной афише Французской Комедии было приказано ни разу не являть больше любопытствующему взору публики короткую бунтарскую фразу: «Король забавляется». Мы не будем приводить здесь эту строку, своего рода каленое железо; мы не укажем ее даже в другом месте, разве только в самом крайнем случае и если нас достаточно неосторожно поставят в такое положение, что у нас не останется иного способа самозащиты. Мы не будем воскрешать старых исторических скандалов. Насколько возможно будет, мы избавим высокопоставленное лицо от последствий этого легкомысленного поступка придворных угодников. Даже против короля можно вести великодушную войну. Только такую мы намерены вести. Но пусть сильные мира сего поразмыслят над тем, как неудобно иметь другом медведя, не умеющего уничтожать иначе, как только булыжником цензуры, неуловимые намеки, которые случайно садятся им на лицо.

Мы даже не уверены в том, что не проявим в нашей борьбе некоторой снисходительности к самому министерству. Все это, сказать по правде, внушает большую жалость. Июльское правительство еще совсем недавно появилось на свет, ему всего тридцать три месяца, оно еще в колыбели, у него бывают легкие вспышки детской ярости. Заслуживает ли оно, чтобы против него расточали много возмужалого гнева? Когда оно подрастет, мы посмотрим.

Однако если на минуту взглянуть на этот вопрос только с личной точки зрения, то, быть может, автор больше, чем кто бы то ни было, страдает от цензурной конфискации, о которой идет речь. В самом деле, за те четырнадцать лет, что он пишет, у него не было ни одного произведения, которое не удостоилось бы при своем выходе в свет тягостной чести быть избранным в качестве поля битвы и не исчезло бы сразу на более или менее продолжительное время в пыли, дыму и грохоте сражения. Поэтому, когда пьеса автора впервые ставится на сцене, самое важное для него, раз он не может надеяться на

тишину в зрительном зале на первом спектакле, — ряд последовательных представлений. Если случается, что в первый день его голос покрывается шумом, что его мысль остается непонятой, последующие дни могут исправить первый. Первое представление «Эрнани» вызвало бурю в зрительном зале, но «Эрнани» прошел пятьдесят три раза. Первое представление «Марьон Делорм» вызвало бурю в зрительном зале, но драма «Марьон Делорм» прошла шестьдесят один раз. «Король забавляется» вызвал такую же бурю. Вследствие вмешательства министерства он прошел всего один раз. Автору, несомненно, причинили большой ущерб. Кто вернет ему, в неприкосновенном и первоначальном виде, этот третий опыт, имеющий для него такое большое значение? Кто ему скажет, что последовало бы за этим первым представлением? Кто вернет ему публику второго спектакля, публику обычно беспристрастную, где нет ни друзей, ни врагов, публику, которая поучает поэта, поучаясь у него?

Переживаемый нами сейчас переходный политический момент весьма любопытен. Это одно из тех мгновений общей усталости, когда в обществе, даже наиболее проникнутом идеями независимости и свободы, возможны все проявления деспотизма. Франция быстро шагала вперед в июле 1830 года; она проделала три изрядных дневных перехода; она проделала три больших этапа на поприще цивилизации и прогресса. Сейчас многие выбились из сил, многие просят сделать привал. Хотят остановить отважные умы, которые не утомились и продолжают идти дальше. Хотят подождать замешкавшихся, которые остались позади, и дать им время нагнать остальных. Отсюда проистекает странная боязнь всего, что движется вперед, всего, что шевелится, что вслух рассуждает и мыслит. Причудливая ситуация, которую легко понять, но трудно определить. Это — все те, кто боится великих идей. Это — союз тех, чьим интересам грозит поступательное движение теорий. Это — торговля, которая пугается философских систем; это — купец, который желает продавать; это — улица, которая внушает страх прилавку; это — вооруженная лавочка, которая обороняется.

На наш взгляд, правительство злоупотребляет этой склонностью к отдыху и боязнью новых революций. Оно дошло до мелочной тирании. Оно приносит вред и себе и

нам. Если оно думает, что в умах царит теперь равнодушие к идеям свободы, то оно ошибается. Есть только усталость. У него строго потребуют когда-нибудь отчета во всех противозаконных действиях, которые с некоторых пор всё учащаются. Какой огромный путь заставило оно нас проделать! Два года тому назад можно было опасаться за порядок, а теперь приходится дрожать за свободу. Вопросы свободомыслия, разума и искусства самодержавно разрешаются визирями короля баррикад. Весьма прискорбно видеть, как заканчивается июльская революция, *mulier formosa superne*.¹

Конечно, если исходить из незначительности произведения и автора, о которых здесь идет речь, постигшее их мероприятие министерства — пустяк, всего лишь неприятный маленький государственный переворот в литературе, единственное достоинство которого заключается в том, что он не очень выделяется в коллекции незаконных действий, продолжением которых он служит. Но если посмотреть на дело шире, то станет ясно, что речь идет не только о драме и поэте, но что здесь затронуты, как мы уже отметили вначале, свобода и собственность в целом. Это великие и важные вещи; и хотя автор не может прямо привлечь к ответственности министерство, укрывшееся за непризнанием ответственности совета министров по суду, и вынужден начать это важное дело предъявлением простого гражданского иска к театру Французской Комедии, он надеется, что его процесс явится в глазах всех значительным процессом в тот день, когда он предстанет перед коммерческим судом, имея по правую руку свободу, а по левую собственность. Он выступит сам, если это понадобится, в защиту независимости своего искусства. Он будет упорно отстаивать свое право — с достоинством и с простотою, не выказывая злобы против отдельных личностей, но не выказывая и страха. Он рассчитывает на всеобщее содействие, на искреннюю и дружескую поддержку прессы, на справедливость общественного мнения, на беспристрастие суда. Его ждет успех, он в этом уверен. Осадное положение будет снято в литературной столице, так же как и в столице политической.

¹ Прекрасная женщина сверху (из «Науки поэзии» Горация).

Когда это совершится, когда он вернется, принеся с собой нетронутой, неприкосновенной и нерушимой свою свободу поэта и гражданина, он снова мирно возобновит дело своей жизни, от которого его насильно отрывают и которое ему хотелось бы не покидать ни на одно мгновение. Он должен выполнить свою задачу, он это знает, и ничто не в силах отвлечь его. Сейчас ему выпадает на долю политическая роль; он ее не домогался, но он согласен принять ее. Притесняющая нас власть, право же, мало выиграет от того, что мы, люди искусства, оставим наш добросовестный, спокойный, важный, чистосердечный труд, наши священные обязанности по отношению к прошлому и будущему, и, исполненные негодования, чувства обиды и суровости, присоединимся к непочтительной и насмешливой толпе зрителей, уже пятнадцать лет провожающей шиканьем и свистом кучку жалких политических пачкунов, которые думают, будто они создают общественный строй тем, что ежедневно с большим трудом, обливаясь потом и задыхаясь, перетаскивают груды законопроектов из Тюильри в Бурбонский дворец и из Бурбонского дворца в Люксембургский!

30 ноября 1832

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Король Франциск Первый.
Трибуле.
Бланш.
Де Сен-Валье.
Сальтабадиль.
Магелона.
Клеман Маро.
Де Пьенн.
Де Горд.
Де Пардальян.
Де Брион.
Де Моншеню.
Де Монморанси.
Де Коссе.
Де Латур-Ландри.
Де Вик.
Госпожа де Коссе.
Тетушка Берарда.
Дворянин из свиты королевы.
Лакей короля.
Врач.
Вельможи, пажи, простонародье.

Париж. — 152...

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

СЕН-ВАЛЬЕ

Ночное празднество в Лувре. Великолепные залы полны разряженных мужчин и женщин. Факелы, музыка, танцы, смех. — Лакеи проносят золотые блюда и серебряные кубки; проходят группами вельможи и дамы. — Праздник подходит к концу; за окнами белеет рассвет. Во всем чувствуется распушенность; праздник немного смахивает на оргию. В архитектуре, мебели, одежде — стиль Возрождения.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Король — как на портрете Тициана; де Лагур-Ландри.

Король

Давно пора кончать! Здесь медленность обидна.
Откуда, кто она? Мещаночка, как видно,
Но очень хороша!

Латур-Ландри

Попалась вам она
У церкви Сен-Жермен?

Король

Бываю издавна
По воскресеньям там.

Л а т у р - Л а н д р и

И неизвестность длится

Два месяца?

К о р о л ь

Увы!

Л а т у р - Л а н д р и

А где живет девица?

К о р о л ь

За тупиком Бюсси.

Л а т у р - Л а н д р и

Там, где Коссе живет?

К о р о л ь

Стена против стены.

Л а т у р - Л а н д р и

Я знаю дом. И вот

Ее вы выследили?

К о р о л ь

Злобная старуха

Сует повсюду нос и наставляет ухо,
Глядит во-всю.

Л а т у р - Л а н д р и

Ах, так?

К о р о л ь

А вечерами к ней

Весьма таинственно, неслышней и темней,
Чем призрачная тень, какой-то неизвестный,
Закутавшись плащом чернее тьмы окрестной,
Проходит через сад.

Л а т у р - Л а н д р и

Вам путь указан!

К о р о л ь

Ха!

Дверь вечно под замком, да и стена глуха.

Л а т у р - Л а н д р и

Преследуя ее на улице, однако,
Ужель не дождались вы никакого знака?

К о р о л ь

Я безошибочно могу сказать: она
Моим присутствием не слишком смущена.

Л а т у р - Л а н д р и

Узнала ли она, что вы — король?

К о р о л ь

(отрицательно покачав головой)

В обличье

Простого школяра я скрыл свое величье.

Л а т у р - Л а н д р и

Любовь чистейшая! Дух вознесен горè!
А ваша девочка — любовница кюре.

Входят несколько вельмож и Трибуле.

К о р о л ь

Сюда идут! — В любви тот никогда не плачет,
Кто молча действует.

(Обращается к Трибуле, который только что подошел и слышал последние слова.)

Ведь так?

Т р и б у л е

Кто лучше прячет

Интригу хрупкую, кто тоньше тянет нить,
Сумеет в целости ее и сохранить.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Король, Трибуле, де Горд, несколько вельмож. Вельможи великолепно одеты. Трибуле в платье шута, как на портрете Бонифацио. Король рассматривает проходящих женщин.

Л а т у р - Л а н д р и

Вандом божественна.

Г о р д

А я заметить смею,
Что Альб и Моншевреиль не меркнут рядом с нею.

К о р о л ь

Всем трем красавицам я предпочту Коссе.

Г о р д

Сир! Осторожнее! Подслушивают все —
И, между прочим, муж.

(Показывает королю на де Коссе, проходящего в глубине сцены.)

Де Коссе — коротконогий толстяк, «один из четырех самых тучных господ во Франции», по словам Брантома.

К о р о л ь

Мне дела нет до мужа!

Г о р д

Диане Пуатье расскажет он к тому же.

К о р о л ь

Пускай!

(Проходит в глубину сцены, разговаривая с дамами.)

Т р и б у л е
(де Горду)

Так дразнит он Диану. Десять дней
Его величество и не заходит к ней.

Г о р д

А к мужу он ее не отошлет?

Т р и б у л е
Уверен,

Что нет.

Г о р д

Отец прощен — и, значит, смысл потерян
Ей дорожить дворцом.

Т р и б у л е

Но Сен-Валье — чудак!

Как он благословил такой неравный брак?
Как мог отец постлать супружеское ложе —
Уроду с дочерью, что, словно ангел божий,
В небесной прелести на диво сложена?
Как бросил он ее в объятья горбуна?

Г о р д

Действительно, он глуп. Я видел, как читали
Ему помилованье. Я стоял не дале,
Чем от тебя сейчас. Он побледнел и мог
Пролепетать одно: «Храни монарха бог!»
Решительно — сошел с ума!

К о р о л ь

(проходит с г-жой де Коссе)

Бесчеловечно!

Вы едете?

Г - ж а д е К о с с е

(со вздохом)

Увы! И муж со мной, конечно.

К о р о л ь

Покинуть наш Париж! Но это же позор!
Круг избранных вельмож на вас покоит взор.
Ослеплены умы красю вашей нежной.
И в лучший миг, когда в сей жизни безмятежной
И каждый дуэлянт и каждый виршеплет
Вам лучший свой сонет и шпагу отошлет;
И ваших глаз огонь принудит всех красавиц
Беречь любовников и чувствовать к вам зависть;

Когда вы светочем явились для двора, —
Вас нет — и солнца нет, и ночи быть пора, —
Забыть про этот блеск, бежать от всех успехов,
В провинциальный край безжалостно уехав!

Г - ж а д е К о с с е

Молчите!

К о р о л ь

Никогда! — Чудной каприз! К чему,
Вдруг люстры погасив, повергнуть бал во тьму?

Г - ж а д е К о с с е

Вот мой ревнивец, сир!

(Быстро отходит от короля.)

К о р о л ь

Не муж, а сущий дьявол!

(К Трибуле)

Я ей читал стихи и сам катрен составил.
Тебе показывал Маро мои стихи?

Т р и б у л е

Я не читаю их. Стихи всегда плохи,
Когда поэт — король.

К о р о л ь

Дурак!

Т р и б у л е

Простонародье

Рифмует «кровь» — «любовь» и дальше в этом роде,
А вы пред красотой должны быть без прикрас:
Стихи — лишь для Маро, а нежности — для вас.
Король рифмующий смешон!

К о р о л ь

Сонеты дамам

Мне сердце веселят. Венчаю Лувр тем самым
Крылами.

Т р и б у л е

Чтобы стал он мельницей простой!..

К о р о л ь

Я высеку тебя, негодник! — Но постой!
Вот Куален идет!

(Быстро идет к г-же де Куален и говорит ей любезности.)

Т р и б у л е
(в сторону)

Мчись, ветреник, по кругу —
То к этой, то к другой!

Г о р д
*(подходит к Трибуле, показывая ему происходящее
в глубине сцены)*

Покинувши супруга,
Выходит де Коссе. Бьюсь об заклад, сейчас
Уронит невзначай для короля как раз
Перчатку.

Т р и б у л е

Поглядим.

Г-жа де Коссе, с досадой следившая за вниманием, которое оказывает король г-же де Куален, действительно роняет букет. Король покидает г-жу де Куален, поднимает букет г-жи де Коссе и вступает с нею в разговор, как будто очень нежный.

Г о р д
(к Трибуле)

Ну что?

Т р и б у л е

Вот это ловко!

Г о р д

Попался наш король.

Т р и б у л е

А женщина — чертовка

Весьма ученая.

Король обнимает за талию г-жу де Коссе и целует ей руки. Она смеется и весело болтает. В этот момент из двери в глубине входит де Коссе. Де Горд показывает на него Трибуле. Де Коссе останавливается и неподвижно смотрит на короля и на свою жену.

Горд

Вот муж!

Г - ж а д е Коссе

Подите прочь!

(Выскальзывает из объятий короля и убегает.)

Т р и б у л е

Что потерял толстяк? Чем думает помочь?

Король идет к столу в глубине и наливает себе стакан вина.

Коссе

(приближается к авансцене, погруженный в задумчивость, про себя)

О чем-то шепчутся?

(Быстро подходит к де Латур-Ландри, который знаком дает понять, что хочет ему что-то сообщить.)

Л а т у р - Л а н д р и

(таинственно)

Супруга ваша — прелесть!

Де Коссе сердито направляется к де Горду, тоже будто подзывающему его.

Горд

(тихо)

Что вы в ту сторону так странно засмотрелись?

Что угнетает вас? Чем поражен ваш ум?

Де Коссе с досадой отходит и оказывается лицом к лицу с Трибуле; тот уводит его в угол сцены, между тем как де Горд и де Латур-Ландри громко хохочут.

Т р и б у л е

Что, сударь, топчетесь? Что прете наобум?

(Смеется и поворачивается спиной к взбешенному де Коссе.)

К о р о л ь
(возвращается)

Я счастлив! Сам Зевес с самим Гераклом вместе
В сравнении со мной — мальчишки из предместья!
Весь их Олимп — кабак! Как неподобна страсть!
Как счастлив я! А ты?

Т р и б у л е

Избрал благую часть.
Смеюсь исподтишка, минуты не промешкав.
Вам — наслаждение, а мне — моя усмешка.
Вам — счастье короля, мне — счастье горбуна.

К о р о л ь

Мать зачала меня для радостного сна.
(Глядя на де Коссе, который уходит)
Один лишь де Коссе расстраивает дело,
Мешает празднику.

Т р и б у л е

Тупица обалделый!

К о р о л ь

Не будь несчастного, — все мило на земле.
Все мочь, всего хотеть, всем править! — Трибуле!
Какое счастье — жить! Желанья постоянно
Несутся дальше...

Т р и б у л е

Сир! Мне кажется, вы пьяны!

К о р о л ь

Но стой! Опять она в сиянье глаз и плеч!

Т р и б у л е

Коссе?

К о р о л ь

Идем за мной! Ты будешь нас стеречь.
(Поет)

Ликует в день воскресный
Народ моей страны!
Все женщины прелестны...

Т р и б у л е
(поет)

Мужчины все пьяны!

Уходят. Появляется группа вельмож.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Де Горд, де Пардальян, белокурый молоденький паж;
де Вик, мэтр Клеман Маро, в одежде личного слуги короля;
затем де Пьенн и несколько других вельмож. Время от времени
проходит с очень озабоченным и задумчивым лицом де Коссе.

К л е м а н М а р о
(поклонившись де Горду)

Что нового у нас?

Г о р д
Король, меж нас порхая,
Всем забавляется.

М а р о
Что ж! Новость неплохая.
Он забавляется? Тем лучше.

К о с с е
(проходя сзади них)

Во сто крат
Опаснее король, когда он жизни рад.

Г о р д
Толстяк убийственно острит. И я взволнован.

М а р о
Король его женой как будто очарован?
Де Горд утвердительно кивает. Входит де Пьенн.

Г о р д

А вот и герцог наш!

Они здороваются.

П ь е н н

Друзья мои! Могу
Я сделать кавардак в любом людском мозгу!
Могу вас рассмешить! Могу вам рассказать я!
Забавнейшая вещь! Предел невероятья!

Г о р д

Но что же?

Вокруг них собирается кружок.

П ь е н н

Тсс... Маро, пожалуйста сюда!

М а р о

Что, герцог?

П ь е н н

Вы глупец великий.

М а р о

Никогда
Ни в чем великим я и не был и не буду.

П ь е н н

Я вспомнил ваших строк рифмованную груду,
Ваш стих о Трибуле: «Он папа дураков:
Каким в пеленках был, и в тридцать лет таков».
Вы сами, мэтр, болван!

М а р о

Клянусь вам Купидоном,
Не понял.

П ь е н н

Пардальян, внимайте о бездонном
Секрете Трибуле.

Де Горд, де Пардальян, Маро и подошедший к группе
де Коссе образуют кружок около герцога.

Пусть этот слух зловещ,
Но с ним произошла неслыханная вещь.

П а р д а л ь я н

Он спину выпрямил?

К о с с е

Он коннетаблем будет?

М а р о

Зажарен поваром и подан нам на блюде?

П ь е н н

Нет, нет! Еще смешней! Есть у него... Ага!
Догадываетесь?

Г о р д

Дуэль с Гаргантюа?

П ь е н н

Нет!

П а р д а л ь я н

Пущен ложный слух о некой обезьяне
Противней, чем он сам?

М а р о

Звенит в его кармане?
Свиданье у него с Пречистою в раю?

Г о р д

Есть у него душа?

П ь е н н

Я пять очков даю —
Не догадаетесь, что у него — вовеки! —
У Трибуле-шута, у Трибуле-калеки...

М а р о

Горб, очевидно, есть?

П ь е н н

Даю вам сто вперед! —

Любовница!

Все хохочут.

М а р о

Хо-хо! Наш герцог славно врет!

П а р д а л ь я н

Вот сказки!

П ь е н н

Господа, клянусь вам небесами!
Есть дама. Есть и дом. Вы убедитесь сами.
И каждый вечер шут, закутанный плащом,
Там бродит, как поэт, в мечтанья облачен.
Сегодня встретимся мы ночью на прогулке.
Я покажу вам дом — в том самом переулке,
Где особняк Қоссе.

М а р о

Есть тема для стихов:
Горбатый Купидон в объятиях грехов!

П а р д а л ь я н

(смеется)

Вот не к лицу ему!

Г о р д

(смеется)

Он оседлал кобылу —
Конька из дерева!

М а р о

Полна такого пылу
Его любезная, что устрасит в Кале
Все войско англичан по знаку Трибуле.

Все смеются. К ним подходит де Вик. Де П ь е н н прикладывает
палец ко рту.

П ь е н н

Тсс!..

П а р д а л ь я н
(де Пьенну)

Как же объяснить, что в сумерки и тайно
Выходит наш король за встречу случайной?

П ь е н н

Пусть вам ответит Вик.

В и к

Могу сказать одно:

Он забавляется, а как — нам все равно.

К о с с е

Нам лучше бы молчать!

В и к

Пускай осталось в тайне,

В какую сторону влечет его мечтанье, —

Куда по вечерам, неузнанный, в плаще,

Он мчится весело, и спит ли вообще,

И чье ему окно любезно дверью служит, —

Кто не женат, друзья, об этом пусть не тужит!

К о с с е

(покачивая головой)

Вельможи постарей расскажут, что всегда

Король найдет себе забаву, господа.

Те, у кого жена иль дочь, не спи ночами!

Могущественный враг у мужа за плечами.

Для сотен подданных страшна такая власть.

Полна клыков его улыбчивая пасть.

В и к

(тихо, остальным)

Бойтся короля!

П а р д а л ь я н

Зато жена прелестна

И несколько храбрей.

М а р о

Что для него не лестно.

Г о р д

Вы ошибаетесь на этот раз, Коссе.
Веселых королей мы обожаем все.

П а р д а л ь я н

Скучающий король — что может быть тяжелее?
Девчонка в трауре, интрига без дуэли.

П ь е н н

Бокал с простой водой.

В и к

Май, что дождлив и хмур.

М а р о

(тихо)

Сюда идут король и Трибуле-Амур.

Входят король и Трибуле Придворные почтительно рас-
ступаются.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, король и Трибуле.

Т р и б у л е

(продолжая начатый разговор)

Ученых ко двору! Куда же людям скрыться?

К о р о л ь

Должны мы слушаться единственной сестрицы:
Ученых при дворе угодно видеть ей.

Т р и б у л е

Сир, согласитесь: вы из нас двоих пьяней.
Я вправе рассуждать скорей, чем вы, толково
И преимущества не упущу такого.
Оно огромно, сир, и кажется вдвойне;
Не пьян и не король — как не кичиться мне?
Пусть будет здесь чума, пусть будет лихорадка —
Но не ученые!

К о р о л ь

Тебе отвечу кратко:

Так нам велит сестра.

Т р и б у л е

И очень худо, сир,
Со стороны сестры. Я обыщу весь мир.
Нет волка, нет совы, такой вороны нету,
Нет гуся, нет быка, о, даже нет поэта,
Магометанина, фламандца-толстяка,
Глупца теолога, медведя иль щенка —
Растрепанней, смешней, уродливей раз во сто
И большей глупости покрытого коростой,
Надменней и грязней в ничтожестве самом,
Чем этот вид ослов, навьюченных умом.
Иль вы откажетесь от радости, от женщин,
Чьей нежною красой ваш праздник был увенчан?

К о р о л ь

Однажды мне сестра шепнула на ушко,
Что женщинами жизнь украсить не легко,
Что так соскучишься...

Т р и б у л е

Но для чего от скуки —
Лекарство странное! — сзывать людей науки?
Поверьте: замысел принцессы не силен,
Похож на прежние — и не удастся он.

К о р о л ь

Ученых ни к чему, — но пять иль шесть поэтов...

Т р и б у л е

Я более боюсь, все хорошо изведав,
Виршекропателей, бормочущих стихи,
Чем дьявол ладана, — прости мне бог грехи!

К о р о л ь

Но пять иль шесть...

Т р и б у л е

Всего? Ну, вот вам и конюшня
Иль академия! Ай, как нам будет душно!

(Показывая на Маро)

Довольно и Маро, чтоб не попасть впросак!
Он портит праздники за шестерых писак.

М а р о

Благодарю!

(Про себя)

Болтун! Молчал бы ты почаще!

Т р и б у л е

У вас есть женщины! Мир праздничный, блестящий!
У вас есть женщины! О боже мой! И вы
Вдруг захотели, сир, мечтаете, увы,
Скучать с учеными!

К о р о л ь

Мне честь моя порукой —
Смешна мне эта роль; я не дружу с наукой.

Среди стоящих в глубине громкий смех.

(К Трибуле)

Там на смех подняли тебя, хромой сатир!

Т р и б у л е

Другого дурака.

К о р о л ь

Кого же?

Т р и б у л е

Вас, мой сир.

К о р о л ь

Чего они хотят?

Т р и б у л е

Скупцом вас называют
За то, что почести в Наварру уплывают,
И ни гроша для них.

К о р о л ь

Пречистая, спаси!

Там трое — Моншеню, Брион, Монморанси?

Т р и б у л е

Да, трое.

К о р о л ь

Вот они Все кажется им мало!

Тот коннетаблем стал, а этот адмиралом,
А третий, Моншеню, наш личный мажордом.
Неблагодарные! Как жить с таким гнездом?

Т р и б у л е

Чтоб справедливый суд для них уравновесить,
Повесить можно их.

К о р о л ь

Куда еще?

Т р и б у л е

Повесить.

П ь е н н

(смеясь, обращается к трем вельможам, остающимся в глубине сцены)

Слыхали, господа, остроу горбуна?

Б р и о н

(с яростью глядя на Трибуле)

Конечно!

М о н м о р а н с и

Жалкий раб!

М о н ш е н ю

Заплатит нам сполна!

Т р и б у л е

(королю)

Однако пустота должна быть в вашем счастье,
Пока нет женщины, подруги вашей страсти,
Чьи очи скажут: «нет», чье сердце скажет: «да».

К о р о л ь

Откуда ты узнал?

Т р и б у л е

Большого нет труда
Короной обольщать.

К о р о л ь

Так, значит, дамы нету,
Влюбившейся в меня, а не в корону эту?

Т р и б у л е

Не зная, кто вы?

К о р о л ь

Да.

(В сторону)

По счастью, далека
Моя красавица ночного тупика.

Т р и б у л е

Не горожанка ли?

К о р о л ь

А что же?

Т р и б у л е

Больше риска!

Сир, берегитесь их, не подходите близко:
Купцы безжалостны, как римляне, подчас, —
Чуть тронешь их добро, отыщут всюду вас.
Так будем поскромней — шут и король, нагрянем
К вельможам собственным, — дадут вам жен дворяне.

К о р о л ь

Я с госпожой Коссе улажу как-нибудь.

Т р и б у л е

Неплохо!

К о р о л ь

На словах. Но сделать — не забудь —
Трудней!

Т р и б у л е

Сегодня же похитить!

К о р о л ь

А супруга?

Т р и б у л е

В Бастилию!

К о р о л ь

О нет!

Т р и б у л е

Так превратите в друга.

Пусть будет герцогом.

К о р о л ь

Ревнив, и скуп, и зол!

Поднимет страшный крик, что это произвол...

Т р и б у л е

(размышляя)

Изгнать немислимо. А заплатить — обидит...

Между тем де Коссе приближается сзади к королю и шуту и слышит их разговор. Т р и б у л е ударяет радостно себя по лбу.

Есть средство легкое, — так ваше дело выйдет.

Простое средство есть, с ним согласятся все.

Де Коссе подходит все ближе и прислушивается.

Срубите голову бездельнику Коссе!

Де Коссе в ужасе отшатывается.

Как будто заговор с Испанией иль Римом...

К о с с е

(не выдержав, громко)

Вот дьявол!

К о р о л ь

(смеясь, треплет по плечу де Коссе; к Трибуле)

Вот и он, казавшийся незримым!

Вот эту голову? Об этой думал ты?

Любуйся же, дружок, взглядишь в ее черты:

Ни выражением, ни мыслью не богата.

Т р и б у л е

Есть признак более значительный: рогата.

К о с с е

Срубить мне голову!

Т р и б у л е

А что?

К о р о л ь

Он разъярен.

Т р и б у л е

Какой это король, кто сжат со всех сторон,

Кто не решается фантазии дать волю?

К о с с е

Срубить мне голову! Шутить я не позволю!

Т р и б у л е

Нет прощя ничего! И разве есть нужда

Такую голову носить сохранно?

К о с с е

Да!

Тебя я накажу, дурак!

Т р и б у л е

А мне не страшно!

Я окружен у вас толпой врагов всегдашней

И не боюсь врагов. Чем я рискую тут?

Одной башкой шута и отвечает шут.

Не страшно, сударь мой! Раздавите, как муху?
Вдавите в спину горб — и выдавится брюхо:
Я стану толще вас.

К о с с е
(хватается за рукоять шпаги)

Вот сволочь!

К о р о л ь

Стойте, граф. —

Шут, брось!

(Смеясь, уходит вместе с Трибуле.)

Г о р д

Король ушел, обоих разыграв.

П а р д а л ь я н

Смеяться пустякам — для короля бесславно.

М а р о

Он забавляется, но это не забавно.

Придворные провожают уходящего Трибуле злобными взглядами.

Б р и о н

Отмстим шуту!

В с е

Идет!

М а р о

Но он в стальной броне!

Как подойти к нему? Как ранить?

П ь е н н

Ясно мне —

Он всем нам насолил, и каждого обидел,
И кару заслужил.

Все с любопытством окружают де Пьенна.

Сегодня ночью выйдя,
Вооружитесь все — и к домику тому,
За тупиком Бюсси. Ни звука никому!

Ма ро

Я понял.

П ь е н н

Решено?

В с е

Все ясно!

П ь е н н

Тише! Вот он!

Входят король, окруженный женщинами, и Трибуле.

Т р и б у л е

(в стороне, про себя)

С кем поиграть еще? Кто не совсем обглодан?

Л а к е й

(входя, тихо, к Трибуле)

Старик, весь в трауре, явился к королю, —
Де Сен-Валье.

Т р и б у л е

(потирая руки)

Ого! Вот это я люблю.

Пустить его сюда!

Л а к е й уходит.

Начнется суматоха.

Отлично! Встретим мы де Сен-Валье неплохо!

Шум и крики за входной дверью.

Г о л о с

(за сценой)

Пустите к королю!

К о р о л ь
(прерывая беседу)

Нет!.. Кто там? Не сейчас!

Т о т ж е г о л о с

Пустите к королю!

К о р о л ь
(быстро)

Нет, нет!

Старик в траурном одеянии расталкивает толпу и устремляется к королю, пристально на него глядя. Все придворные удивленно отступают.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Т е ж е и д е С е н - В а л ь е; он в глубоком трауре, у него седые волосы и борода.

С е н - В а л ь е
(королю)

Мне надо вас!

К о р о л ь
Де Сен-Валье!

С е н - В а л ь е
(неподвижно, на пороге)

Да, я. Так звался я когда-то.

К о р о л ь в гневе делает шаг к нему. Трибуле его удерживает.

Т р и б у л е

Я потолкую с ним, король, запанибрата!
(Обращается к де Сен-Валье с актерской напыщенностью.)

Вы в некий заговор вступили против нас.
Король наш милосерд, и мы простили вас.
Какого дьявола приспичило вам все же
На зятя своего иметь внучат похожих?

Ваш зять чудовищен, дурен собой и нищ,
И нос его в прыщах, и сам он — скверный прыщ:
Тщедушен, одноглаз и толст, как тот придворный,
(показывает на де Коссе, который вздрагивает от гнева)

Или, верней, горбат, как ваш слуга покорный.
Дочь ваша — рядом с ним? Раздастся общий смех!
Ведь если б не король, он бы испортил всех
Внучат! Он наплодит кривых и рыжих деток,
Как ни смотри на них, смешных и так и этак,
Пузатых, как вон тот,

(снова показывает на де Коссе и кланяется ему, вызывая
его негодование)

иль горбунов, как я.
Нет! Будет королем вся спасена семья!
И вырастет у вас лихое поколение —
Трепать вам бороду и прыгать на колени.

Придворные возгласами и смехом выражают Трибуле свое одобрение

С е н - В а л ь е
(не глядя на Трибуле)

Среди других обид еще одна! — Король,
Должны вы выслушать, в чем скорбь моя и боль.
По Гревской площади я шел босой недавно,
И если пощажен, то пощажен бесславно.
Я вас благословил, но пребывал во сне:
Я не предчувствовал, что предстояло мне.
Под видом милости был срам мне уготован.
Вы не уважили ни рода столь седого,
Ни крови Пуатье, дворянской сотни лет.
А с Гревской площади я шел и дал обет
Пожертвовать собой для вашей славы честной.
Так бога я молил, незрячий, бессловесный.
И вот вы, Валуа, в тот день иль в ту же ночь
Склонили без стыда мою родную дочь,
Себя ни жалостью, ни грустью не тревожа,
В объятия подлые, на гибельное ложе.
Так обещана и растлена во тьме
Графиня де Брезе, Диана Пуатье.

В тот миг, когда я ждал судьбы моей и казни,
Дитя, ты мчалась в Лувр, чтоб слушать о соблазне.
И твой король забыл свой рыцарственный долг.
Зов правды для него давно уже умолк:
Он тешил только блажь свою недорогую.
Ужель я жизнь купил, твоим стыдом торгуя?
На Гревской площади палаческой рукой
Построенный помост был должен в час дневной
Стать плахой для отца; но в сумраке вечернем —
Увы! — взамен того он ложем стал дочерним.
Бог отомщающий, сказал ли слово ты,
Увидев эшафот средь этой суеты,
Средь этой роскоши, рожденной вашей властью,
Кичливой в милостях, но скрытной в любострастье?
Поступок ваш дурен, непоправим позор!
Пуускай бы залили мою кровью двор!
Пуускай бы, наконец, не по заслугам старым,
Отец наказан был бесчестящим ударом.
Но взяли вы дитя в обмен на старика,
И женщину в слезах, чей ужас и тоска
На все податливы, вы оскорбили подло!
Вы это сделали. За это счет я подал.
Границы прав своих перешагнули вы.
Дочь для меня, король, дороже головы.
О да! Я был прощен! Такая вещь сегодня
Зовется милостью. Зачем я бурю поднял?
Вы б лучше сделали, мою не тронув дочь,
Придя ко мне в тюрьму, хотя бы в ту же ночь.
Я закричал бы вам: «Не нужно мне пощады!
Но пожалейте вы мою семью и чадо!
Могила — не позор. И я готов к концу.
Снесите голову — не бейте по лицу!
Мой господин король, — так я вас звать обязан, —
Поверьте: дворянин-христианин наказан
И обезглавлен злей, когда теряет честь.
Король, ответьте мне, ведь в этом правда есть?»
Так я сказал бы вам. И в тот же вечер в церкви,
Лобзая седины и очи, что померкли,
Стояла бы она, не опустив лица,
И помолилась бы за честного отца.
Но я не требую от вас ее обратно:
Всегда прощаемся мы с честью безвозвратно.

Нежна ли к вам она или, дичась, дрожит —
И знать мне незачем. Меж нами стыд лежит.
Останьтесь с ней. А я — мне любо год за годом
Среди веселья вас смущать своим приходом.
Какой-нибудь отец, иль брат, или супруг
Отмстит вам и за нас — все может стать вдруг.
На каждом празднике я вам являться буду,
Чтобы сказать одно: вы поступили худо!
Так молча слушайте меня. И до конца,
Король, вам не поднять смятенного лица.
Вы, правда, можете меня молчать заставить —
В темницу ввергнуть вновь и завтра обезглавить.
Но не посмеете, боясь, что через день

(показывает на свою голову)

Вот с этой головой в руках придет к вам тень!

К о р о л ь

(задыхаясь от гнева)

Он забывается! Он провинился тяжко!
Арестовать его!

По знаку де Пьенна двое стражей с алебардами подходят с двух сторон к де Сен-Валье.

Т р и б у л е

(смеясь)

Сир, болен старикашка!

С е н - В а л ь е

(поднимая руку)

Проклятье вам двоим!

(Королю)

Нет в этом торжества —
Спускать своих собак на раненого льва!

(К Трибуле)

Но кто бы ни был ты, лакей с гадючьим жалом,
Высмеиватель злой моих отцовских жалоб, —
Будь проклят!

(Королю)

Я стою как равный вам. И честь
Мне ту же следует, что королю, принести.
Отец — пред королем. Но старость стоит трона.
И на моем челе есть некая корона, —
Да не коснется взор нечистый ни один!
Блеск лилий Валуа темней моих седин.
Сир, вы ограждены от всякого удара
Законом. За меня — отмщает божья кара!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

САЛЬТАБАДИЛЬ

Самый безлюдный угол тупика Бюсси. Направо скромный маленький домик с двориком, окруженным стеною. Дворик этот занимает часть сцены. В нем несколько деревьев и каменная скамья. В стене — дверь на улицу. Над стеной небольшая терраса с крышей, опирающейся на аркады в стиле Возрождения. На террасу выходит дверь второго этажа. — Терраса соединена с двориком высеченной лестницей в две-три ступеньки. — Налево высокая стена сада особняка де Коссе. — На заднем плане отдаленные здания и колокольня церкви св. Северина.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трибуле, Сальтабадиль. В продолжение части сцены — де Пьенн и де Горд, в глубине.

Трибуле в плаще, без всяких атрибутов шутовского ремесла, показывается на улице и направляется к двери в стене. Человек в черном, тоже закутанный в плащ, края которого подняты шпагой, следует за ним.

Трибуле
(задумчиво)

Я проклят стариком!

Человек
(кланяясь ему)

Эй, сударь!

Т р и б у л е

(раздраженно оборачивается и шарит в карманах)

Ни гроша...

Ч е л о в е к

Мне милостыню? Фу!

Т р и б у л е

(знаком просит оставить его в покое и идти своей дорогой)

Ухватка хороша.

Входят де Пьенн и де Горд; они издали наблюдают,

Ч е л о в е к

Вы заблуждаетесь. Ношу я, сударь, шпагу.

Т р и б у л е

(отступая на шаг)

Уж не воришка ли?

Ч е л о в е к

(подходит с ласковым видом)

Не прибавляйте шагу.

Я часто наблюдал вас ночью. Вы должны
Быть верным сторожем у собственной жены.

Т р и б у л е

(в сторону)

Вот дьявол!

(Громко)

Никому до этого нет дела!

(Хочет уйти. Человек его удерживает.)

Ч е л о в е к

Но ваше благо нас чувствительно задело.
Что ж, познакомимся. Полезен буду впредь.

(Приближается еще более.)

На вашу милую осмелился смотреть
Какой-то нежный хлыщ. А ревность зла...

Т р и б у л е
(нетерпеливо)

И что же?

Ч е л о в е к
(приятно улыбаясь, тихо и быстро)

За небольшую мзду он будет уничтожен.

Т р и б у л е
(облегченно вздохнув)

Отлично!

Ч е л о в е к

Из чего поймете вы, что я
Достоин вас вполне.

Т р и б у л е
Еще бы!

Ч е л о в е к

Цель моя —

Вполне благая цель.

Т р и б у л е
Вы человек полезный.

Ч е л о в е к
(скромно)

Хранитель чести дам и рыцарь их любезный.

Т р и б у л е
А сколько стоил бы ваш нож из-за угла?

Ч е л о в е к
Смотря кого и как. Есть разные дела.

Т р и б у л е
Вельможу знатного.

Человек

Вельможи носят шпаги.

Тут надо припасти уменья и отваги
И шкурой рисковать. На этого врага
Охота дорога.

Трибуле

Охота дорога!

Но разве мещанин так шею и подставит
Под всякий острый нож?

Человек

(улыбается)

Нужда его заставит

В большой лишь крайности шалить так широко.
Дворянам, сударь мой, жизнь защищать легко.
Случается и так, что из-за крупных денег
Пролезет прямо в знать какой-нибудь мошенник,
Прибавив мне хлопот. Но эта дрянь жалка...
Мне платят и вперед, не пряча кошелька.

Трибуле

(покачивая головой)

О, вы рискуете! К вам виселица близко!

Человек

(улыбаясь)

Плати в полицию — вот и избежнешь риска.

Трибуле

Любого мог бы ты?

Человек

(утвердительно кивнув головой)

Вам бы ответил я...

Спаси нас бог, молчу... Щадим мы короля...

Трибуле

Как ты работаешь?

Человек

Готов на что угодно —
На улице любой иль дома.

Трибуле

Благородно!

Человек

Я шпагу острую всегда ношу с собой
И встречи жду во тьме.

Трибуле

А если дома бой?

Человек

Есть у меня сестра, занятная девчонка,
Плясунья ловкая, чье обращение тонко, —
Сумеет всякого к нам на ночь привести.

Трибуле

Я понял.

Человек

Видите? Вам лучше не найти!

Мы скромно действуем — без шума, без торговли
И без помощников. Пошлите нас на ловлю!
Заметьте: сверх того, я не принадлежу
К ночным грабителям, приученным к ножу.
Пришлось бы нанимать штук десять из ватаги:
Их смелость коротка, короче всякой шпаги.

Вытаскивает из-под плаща необыкновенной длины шпагу.

Мой проще инструмент.

Трибуле отступает в ужасе.

Готов служить.

Трибуле

(удивленно рассматривает шпагу)

Ого!

Благодарю! Сейчас не надо ничего.

Человек
(пряча шпагу)

Досадно! Если вам понадобится, сударь, —
Обычно я брожу в пяти шагах отсюда;
Зовусь Сальтабадиль.

Трибуле

Цыган?

Человек

Скорее — грек.

Горд

(в глубине)

Я имя запишу. Бесценный человек!

Человек

Не поминайте злом за то, что вам известно!

Трибуле

За что? У всякого свой заработок честный.

Человек

Чем по миру ходить и лодырничать, я,
Кормилец четырех детишек...

Трибуле

Чтоб семья

Была пристроена...

(Знаком отпуская его)

Пошли вам бог удачи.

Пьенн

(в глубине, показывая де Горду на Трибуле)

Еще светло. Уйдем! Заметит он иначе.

Оба уходят.

Трибуле

Прощайте!

Человек
(кланяется)

Ваш слуга повсюду и всегда!

Трибуле
(глядя ему вслед)

Мы оба как птенцы из одного гнезда:
Язык мой ядовит — его клинок неистов.
Я продаю свой смех — он продает убийство.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

После того как человек скрылся, Трибуле тихо открывает дверь в стене двора. Он осторожно оглядывается, затем вынимает ключ из скважины и запирает дверь изнутри. Делает несколько шагов по двору со встревоженным и озабоченным видом.

Трибуле

Я проклят стариком... Пока он говорил
И называл меня лакеем, я дурил.
О, я был подлецом, смеялся... Но я очень
Словами старика остался озабочен.
(Садится на скамейку у каменного стола.)

Я проклят им!..

(В глубокой задумчивости, опустив голову на руки)

В руках природы и людей
Я становился все жесточе и подлей.
Вот ужас: быть шутом! Вот ужас: быть уродом!
Все та же мысль гнетет. Все та же — год за годом.
Уснешь ли крепким сном или не в силах спать, —
«Эй, шут, придворный шут!» — услышишь ты опять.
Ни жизни, ни страстей, ни ремесла, ни права, —
Смех, только смех один, как чумная отравка.
Солдатам, согнанным, как стадо, в их строю,
Что вместо знамени тряпицу чтут свою,
Любому нищему, что знает только голод,
Тунисскому рабу и каторжникам голым,
Всем людям на земле, миллионам тварей всех
Позволено рыдать, когда им гадок смех, —

А мне запрещено! И с этой мордой злобной
Я в теле скорчился, как в клетке неудобной.
Противен самому себе до тошноты,
Ревную к мощи их и к чарам красоты.
Пусть блеск вокруг меня, — тем более я мрачен.
И если, нелюдим, усталостью охвачен,
Хотя бы краткий срок хочу я отдохнуть,
С очей слезу смахнуть, горб со спины стряхнуть, —
Хозяин тут как тут. Весельем он увенчан;
Он — всемогущий бог, любимец многих женщин;
Забыл он, что есть смерть и что такое боль;
Доволен жизнью и сверх всего — король!
Пинком ноги он бьет несчастного паяца
И говорит, зевнув: «Заставь меня смеяться!»
Бедняк дворцовый шут! Ведь он — живая тварь,
И вот весь ад страстей, томивший душу встарь,
Свое злопамятство, и гордость небольшую,
И ужас, что хрипит в его груди, бушуя,
Весь этот вечный гнет, весь этот тайный зуд,
Все чувства черные, что грудь ему грызут, —
По знаку короля он вырывает с мясом,
Чтоб хохотал любой смешным его гримасам.
Вот мерзость! Встань, ложись, не помни ни черта, —
А нитка за ногу все дергает шута!
Все гонят и клянут, презренного ругая.
А вот и женщина — она полунагая;
Он жаждет с нею быть. Веселая краса
Берет его в постель и треплет, будто пса.
Так знайте, господа весельчаки вельможи, —
Я ненавижу вас. Меня вы, знаю, тоже.
Как заставляет шут расплачиваться вас!
Как на любой щипок ощерится тотчас!
Как демон, шепчется с хозяином советчик!
Едва возникшие карьеры — вроде свечек,
И только ты в когтях очутишься его, —
Вмиг оперения лишишься своего.
Вы сделали шута собакой. Жребий волчий —
В бокалы пьяные своей прибавить желчи,
И доброту изгнать, и сердце сжать в комок,
И этот острый ум, который мыслить мог,
Глушить в бубенчиках, и тайно пробираться
По вашим праздникам, как некий дух злорадства,

Со скуки разрушать чужую жизнь всегда.
И все тщеславье в том, что у других беда...
И всюду и всегда, куда ни кинет случай,
Носить ее в себе, мешая с жизнью жгучей,
И бережно хранить, и прятать ото всех,
И ярко наряжать в свой надоевший смех —
Старуху Ненависть!

(Подымается со скамьи.)

Долой все, что томило!
Не стал ли я другим пред этой дверью милой?
Мир, из которого иду я, позабыт.
Пусть не проникнет в дом то, что меня томит.

(Снова задумывается.)

Я проклят стариком! — Зачем же мысль дурная
Все возвращается? Ее я прогоняю.
Все будет хорошо.

(Пожимает плечами.)

Иль я сошел с ума?

(Подходит к двери дома и стучит.)

Дверь открывается. Выходит девушка в белом и радостно бросается ему в объятия.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Трибуле, Бланш, потом Берарда.

Т р и б у л е

Дочь!

(Радостно прижимая ее к груди)

Обними меня. Да, это ты сама —
Здесь, рядом! Пред тобой — все радость. Прочь унынье!
Дитя, я счастлив. Я дышу свободно ныне.

(С восторгом смотрит на нее.)

Милее с каждым днем... Тебе не скучно тут?
Пусть руки милые мне шею обовьют!

Б л а н ш
(обнимая его)

Как вы добры ко мне!

Т р и б у л е
(садится)

Не добротой — любовью
Я полон. Вот и все. Ты дочь моя по крови.
Не будь тебя со мной, как жил бы я тогда?

Б л а н ш
(кладет ему руку на лоб)

Но вы вздыхаете? Какая-то беда
Печалит вас, отец? Какая-то тревога?
И о семье своей я знаю так немного...

Т р и б у л е
Нет у тебя семьи.

Б л а н ш
Но имя есть у вас?

Т р и б у л е
Зачем оно тебе?

Б л а н ш
Соседи столько раз
В той местности, где я воспитывалась прежде,
Меня сироткою считали по одежде.

Т р и б у л е
Да, лучше б я тебя оставил в том краю.
Но разве мог забыть про девочку свою?
Ты мне дороже всех, нужней всего живого...
(Снова обнимает ее.)

Б л а н ш
Но если о себе не скажете ни слова...

Т р и б у л е
Из дома — никуда?

Б л а н ш
Два месяца почти
А в церковь восемь раз всего пришлось пойти.

Т р и б у л е

Так!

Б л а н ш

Хоть о матери скажите мне немножко!

Т р и б у л е

Не вспоминай о ней, о нашем горе, крошка.
Не вспоминай о той, чей образ, как сквозь сон,
В тебе таинственно сегодня повторен.
Та женщина была на женщин не похожа.
В огромном мире, где душа убита ложью,
Она нашла меня и полюбила так
За то, что я урод, за то, что я бедняк.
И умерла. И смерть ее хранит навеки
Таинственный рассказ о нежности к калеке —
О дивной молнии, блеснувшей мне на миг,
О райском отблеске, что я в аду постиг.
Будь ей легка земля, пристанище всех смертных,
Лелей ее в своих объятьях милосердных!

(Поднимает глаза к небу.)

Но ты осталась мне. О боже, счастлив я!

(Плачет, спрятав лицо в руках Блани.)

Б л а н ш

Отец, вы плачете? Иль вам не жаль меня?
Я ваших слез боюсь. Как сердце вдруг упало!

Т р и б у л е

Мой смех увидевши, что б ты тогда сказала?

Б л а н ш

Что с вами? Вы в тоске? Откройте свой секрет.
Хотя бы имя мне свое скажите.

Т р и б у л е

Нет.

Зачем оно тебе? Отец — и только. Слушай!
В других местах следят за мною злые души.

Я гадок одному иль проклят был другим...
Что в имени моем? Что сделаешь ты с ним?
Хочу хотя бы здесь, хочу с тобою рядом,
В глаза невинные впиваясь долгим взглядом,
Быть для тебя отцом, не более отца,
И, значит, честным быть и добрым до конца.

Б л а н ш

Отец мой!

Т р и б у л е

(снова страстно сжимает ее в объятиях)

Можно ли дорожке быть и ближе?
Люблю тебя взамен всего, что ненавижу!
Сядь рядом, девочка. Ты об отце своем
Забудешь? Говори! И если мы вдвоем,
И если пальцами ты руку мне сжимаешь,
Каких ты тайн моих еще не понимаешь?
Одно лишь счастье доступно для меня.
Есть у других друзья, есть братья, есть родня,
Есть верная жена, вассалы, важный предок,
Иль свита предков есть, и хор детей нередок.
Но у меня есть ты! Кто так богат другой?
Мое сокровище, мой ангел дорогой!
Тот верит в господу, — твоей душе я верю.
Тот молод и любим, он все откроет двери;
У тех есть гордость, блеск, здоровье и очаг,
Они добры, — мой свет в одних твоих очах.
Дитя мое! Мой мир! Все милое в отчизне!
Моя сестра и мать, невеста, сердце жизни!
Закон, вселенная, и вера, и страна,
Все это — ты одна, все — только ты одна!
Я всюду оскорблен и сгорбился покорно.
О, потерять тебя... Нет, этой мысли черной
Не в силах вынести и полсекунды я.
Так улыбнись. Мила улыбка мне твоя.
Похожа ты на мать. Была она красива.
Проводишь ты рукой по лбу неторопливо,
Как будто бы с очей смахнуть стремишься ты
Все, чем омрачена лазурь их чистоты.
Как будто ты с небес на землю прилетела, —
Вся светлая душа мне видима сквозь тело.

Но и закрыв глаза, я вижу — это ты.
Пусть превращусь в слепца — не страшно слепоты:
В последней темноте на дне души незрячей
Тебя, мой светлый день, я навсегда запрячу.

Б л а н ш

Я бы хотела вас счастливым сделать.

Т р и б у л е

Как?

Я счастлив тем одним, что я с тобой, бедняк:
Довольно этого, чтоб сердце не слабело.
Как волосы черны! Была ты раньше белой.
Кто мне поверил бы...

(Гладит, улыбаясь, ее волосы.)

Б л а н ш
(вкрадчиво)

Пред тем как тушат свет,
Нельзя ли посмотреть мне на Париж?

Т р и б у л е
(порывисто)

Нет, нет!

Не смей, дитя мое! По вечерам в Париже
Ведь не гуляла ты?

Б л а н ш
(вздрагнув)
Нет, никогда.

Т р и б у л е

Смотри же!

Б л а н ш

Ходила в церковь я.

Т р и б у л е
(в сторону)

Ее и там найдут;
Начнут преследовать; быть может, украдут

Дочь бедного шута. Бесчестье будет явным —
И только смех за ним...

(Громко)

Прошу тебя о главном —
Будь дома как в тюрьме. О, если б знала ты,
Как страшен наш Париж для женской чистоты,
Как здесь развратники шныряют, как опасны
Здесь люди знатные!

(Поднимает глаза к небу.)

О боже, силой властной
Убереги ее, спаси ребенка ты
От бурь и непогод, что мнут твои цветы.
Храни и сон ее от помышлений грязных,
Дабы бедняк отец являлся бы в свой праздник
Лелеять тайное сокровище свое,
Любуясь розою и свежестью ее!

(Прячет голову в ее ладонях и плачет.)

Б л а н ш

Не стану я просить у вас прогулок дальних.
О чем вы плачете?

Т р и б у л е

Тут нету слез печальных, —
Я слишком хохотал в ту ночь.

(Подымается.)

Часы бегут.

Пора опомниться и снова лезть в хомут.
Прощай же!

Темнеет.

Б л а н ш

(целуя его)

Поскорей вернитесь!

Т р и б у л е

Видишь, детка.

На службе сам себе принадлежу я редко. —
Эй, где вы, тетушка?

В дверях показывается старая дуэнья.

Б е р а р д а

Что, сударь?

Т р и б у л е

Ведь никто

Здесь не видал меня?

Б е р а р д а

Все было заперто,

И так пустынно здесь.

Совсем смерклось. По ту сторону стены, на улице, появляется король в простой одежде темного цвета. Он оглядывает высокую стену и запертую дверь с явными признаками неудовольствия и нетерпения.

Т р и б у л е

(обнимая дочь)

Прощай же, дорогая!

(Берарде)

И дверь на улицу закрыть я предлагаю.

Б е р а р д а утвердительно кивает головой.

Я знаю — в Сен-Жермен, от всех уединен,
Уютный домик есть. Нам подошел бы он.

Б л а н ш

Мне этот нравится. Я вижу угол сада
С балкона.

Т р и б у л е

На балкон вам выходить не надо!

(Прислушивается.)

Шаги на улице?

(Подходит к двери, открывает ее и тревожно вглядывается в темноту.)

Король прячется в тени двери, которую Трибуле полуоткрыл.

Б л а н ш

По вечерам нельзя
Мне воздухом дышать?

Т р и б у л е
(возвращается)

Нет, нет! Везде глаза!

В тот момент, когда Т р и б у л е поворачивается спиной к двери, король проскальзывает в полуоткрытую дверь и прячется за большим деревом.

(Берарде)

И лампу на окно не ставьте. Все опасно.

Б е р а р д а
(всплеснув руками)

Да никакой сюда не сунется несчастный!

(Поворачивается и замечает короля за деревом.)

В ту минуту, как Берарда открыла рот, чтобы крикнуть, король бросает ей кошелек. Она хватает его, сжимает в руке и ничего уже не говорит.

Б л а н ш

(к Трибуле, который осматривает террасу с фонарем в руке)

Держать нас взаперти и окружить стеной!
Но что же нам грозит?

Т р и б у л е

Не мне — тебе одной.
(Еще раз обнимает ее.)

Прощай же, доченька!

Фонарь в руке Берарды освещает Трибуле и Бланш.

К о р о л ь
(за деревом, в сторону)

Как! Трибуле!
(Смеется.)

Тем лучше!
Есть дочь у Трибуле! Чертовски странный случай!

Т р и б у л е
(уже собравшись уходить, снова возвращается)
Когда ты в церковь шла, никто за вами в ночь
Не следовал сюда?

Б л а н ш смущенно опускает глаза.

Б е р а р д а
Ах, что вы!

Т р и б у л е
Во всю мочь
Кричите в случае тревоги.

Б е р а р д а
Ах, конечно!

Т р и б у л е
А постучатся в дверь — не отворять беспечно!

Б е р а р д а
(с жаром)
Хотя бы сам король!

Т р и б у л е
Особенно — король.
(Обнимает еще раз дочь и уходит, тщательно закрыв дверь
за собой.)

Б л а н ш, Б е р а р д а, к о р о л ь.

В первой части сцены король стоит, спрятавшись за деревом.

Б л а н ш

(задумчиво, слушая удаляющиеся шаги отца)

Мне очень совестно.

Б е р а р д а

Откуда эта боль?

Б л а н ш

Малейших пустяков боится он, бедняжка!
Он плакал, уходя. Ему, как видно, тяжело.
Он добрый. Надо бы все рассказать ему
О том, как юноша за нами шел во тьму, —
Ты догадалась ведь? Тот самый, неизвестный.

Б е р а р д а

Все рассказать? Зачем? Ему неинтересно, —
Ваш батюшка дикарь и несколько чужак.
Иль ненавидите вы кавалера так?

Б л а н ш

Я? Ненавижу? Нет! Наоборот! С той ночи,
Что нам он встретился и поглядел мне в очи,
Не в силах мысли я от юноши отвлечь.
Он мне мерещится; его я слышу речь;
Я вечно с ним; его воображаю рядом.
Как нежен он, как смел! С каким веселым взглядом!
Как гордо он прошел и поклонился мне!
Как был бы он хорош, представьте, на коне!

Б е р а р д а

Блестящий кавалер!

Проходит мимо короля. Он дает ей горсть золотых.

Б л а н ш

В нем видно...

Б е р а р д а

(протягивая руку королю, продолжающему сыпать золото)

Превосходство.

Б л а н ш

В его больших глазах блистает благородство,
Великодушие...

Б е р а р д а

И щедрость!

(При каждом своем слове она снова протягивает руку, которую король снова наполняет золотыми монетами.)

Б л а н ш

Смелый взгляд!

Б е р а р д а

(протягивая руку)

Он доблестен...

Б л а н ш

Он добр...

Б е р а р д а

Он нежен...

Б л а н ш

Он крылат...

Б е р а р д а

(протягивая руку)

Красавчик!

Б л а н ш

(вздыхая)

Как он мил!

Б е р а р д а

(при каждом слове рука ее снова протягивается)

Он статен бесподобно!
А нос! Глаза! Лицо! Весь облик!

К о р о л ь
(в сторону)

Как подробно!
Старуха по частям влюбляется в меня!

Б л а н ш
Мне этот разговор приятен.

Б е р а р д а
Вижу я.

К о р о л ь
(в сторону)

Ну, масла лей в огонь!

Б е р а р д а
Он доблестный мужчина.
Он щедр. Он мил. Он добр.

К о р о л ь
(опустошив карманы)

Еще? Вот чертовщина!

Б е р а р д а
(продолжая)

Он знатен, кажется. Изящно он одет.
Блестает золото на кружевах манжет.

(Протягивает руку.)

К о р о л ь знаками показывает, что у него больше ничего нет.

Б л а н ш

Нет, нет! Не надо мне твоих вельмож. Мне ближе
Неопытный школяр и новичок в Париже,
Хотя бы и бедняк.

Б е р а р д а

Я об заклад побьюсь,
Что он простой школяр.

(В сторону)

Вот так дурацкий вкус!
В мозгах у девочки все превратилось в кашу.

Пробует еще раз протянуть руку королю.

А этот юноша так любит милость вашу!

К о р о л ь делает вид, что не замечает.

(Про себя)

Наш молодец иссяк. Нет платы — нет похвал.

Б л а н ш

(попрежнему не замечая короля)

О, только бы скорей воскресный день настал!
Когда он далеко, что злей моей печали?
Я помню этот день: молитвы отзвучали,
Он подошел ко мне, — а сердце так стучит!
Я брежу день и ночь. Никто не облегчит
Разлуки медленной. И только верю страстно:
Мой образ перед ним проходит ежечасно.
Лишь я одна царю в его душе; и он
В другую женщину не может быть влюблен;
И без меня ему не мило все живое,
Ни отдых, ни игра...

Б е р а р д а

(в последний раз пытаюсь получить что-нибудь от короля)

Ручаюсь головою!

К о р о л ь

(снимает с пальца кольцо и протягивает ей)

Кольцо за голову!

Б л а н ш

Как бы хотелось мне

Не в утренних мечтах, не в полуночном сне
Увидеть пред собой...

К о р о л ь выходит из засады и бросается перед ней на колени. Она
смотрит в другую сторону.

Сказать, смежая веки:

«Будь счастлив! Радуйся! Тебя...»

(Обернувшись, видит короля, стоящего на коленях, и в изумлении останавливается.)

К о р о л ь

(раскрывая объятия)

«...Люблю навеки!»

Признайся, милая! Откинь ненужный страх.

Как сладко прозвучит «люблю» в твоих устах!

Б л а н ш

Берарда, милая!

(Испуганно ищет глазами Берарду, которая исчезла.)

Зачем же ты из сада

Ушла?

К о р о л ь

(на коленях)

Но мы вдвоем. Нам целый мир ограда!

Б л а н ш

(дрожа)

Откуда, сударь, вы?

К о р о л ь

Из ада иль с небес, —

Архангел сверженный иль вознесенный бес, —
Я полюбил тебя.

Б л а н ш

О, пощадите, сударь!

Пока не видели, ступайте прочь отсюда!..

К о р о л ь

Уйти? Когда в руках любимую держу?
Ты мне принадлежишь! И я принадлежу
Тебе! Ведь ты сама...

Б л а н ш
(смущенно)

Он все слышал!

К о р о л ь

Конечно!

Столь дивный благовест я мог бы слушать вечно.

Б л а н ш

О, вы сказали все. Молю, ступайте прочь!
Уйдите!

К о р о л ь

Две судьбы соединила ночь.

То двойственной звезды лучи над небосводом,

И сердце девушки я разбудил приходом.

Я послан божеством, чтобы открыть любви

Твои уста, дитя, молодые дни твои.

Вглядишься же, милая! Над нами солнце блещет.

В нас пламя нежное ликует и трепещет.

Наследственную власть смерть унесет с собой,

Летучей славы гул умчит кровавый бой.

Быть притчей многих уст, владея полвселенной,

Стать императором... — нет, и величье тленно.

Но будет на земле рождаться вновь и вновь

Одно лишь прочное — и это есть любовь.

Бланш! Твой возлюбленный приносит счастье это.

Его, пугливая, ждала ты, как расцвета.

Жизнь — блещущий цветок; любовь — его пчела.

Голубка слабая в объятиях орла!

Мощь служит грации опорой безмятежной.

И вот твоя рука в моей забылась нежно.

Люби меня, люби!

(Хочет ее обнять. Она сопротивляется.)

Б л а н ш

Оставьте!

К о р о л ь прижимает ее к себе и целует.

Б е р а р д а

(в глубине сцены; в сторону)

Наконец!

К о р о л ь

(в сторону)

Она моя!

(Громко)

Скажи, что любишь!

Б е р а р д а

Вот наглец!

К о р о л ь

Бланш, повтори опять!

Б л а н ш

(опуская глаза)

Вам самому понятно,

Вы слышали.

К о р о л ь

(снова страстно целуя ее)

Мой рай!

Б л а н ш

Я гибну безвозвратно!

К о р о л ь

О нет, я счастье дам тебе!

Б л а н ш

(вырываясь из его объятий)

Вы мне чужой!

Как вас зовут?

Б е р а р д а
(в глубине сцены; в сторону)

Пора признаться, милый мой.

Б л а н ш
Ведь вы не дворянин, надеюсь, не вельможа?
Отец боится их.

К о р о л ь
Конечно, нет!
(в сторону)

О боже, —
Но кто?..
(Старается придумать.)

Гоше Майе — увy, школяр простой
И бедный.

Б е р а р д а
(тем временем пересчитывает полученное от короля золото)

Ловкий лжец!

На улице появляются де Пьенн и де Пардальян, в плащах,
с потайным фонарем.

П ь е н н
(тихо, Пардальяну)

Вот и ограда. Стой!

Б е р а р д а
(быстро спускается с террасы; тихо)
Как будто там шаги!

Б л а н ш
(в испуге)
Там мой отец, наверно.

Б е р а р д а
(королю)

Ступайте же!

К о р о л ь

Уйти? А тот разлучник скверный
Избегнет рук моих?

Б л а н ш
(Берарде)

Пусть выйдет он скорей
На набережную!

К о р о л ь
Уже расстаться с ней?
Разлюбишь ведь!

Б л а н ш
А вы?

К о р о л ь
Любить я вечно буду.

Б л а н ш
Нет, вы обманете. Мы поступили худо.

К о р о л ь
Последний поцелуй в прекрасные глаза!

Б е р а р д а
(в сторону)
Вот бурный молодец! Не поцелуй — гроза!

Б л а н ш
(слабо сопротивляясь)
Уйди!

К о р о л ь целует ее, затем входит в дом вместе с Берардой. Б л а н ш некоторое время смотрит на дверь, в которую они вошли, затем тоже входит в дом. Тем временем улица наполняется вооруженными дворянами в плащах и масках. К де Пьенну и де Пардальяну один за другим присоединяются де Горд, де Коссе, де Моншеню, де Брион, де Монморанси, Клеман Маро. Ночь очень темная. Потайной фонарь заговорщиков закрыт. Они подают условные знаки и показывают на дом Бланш. За ними следует л а к е й, несущий лестницу.

Дворяне, потом Б л а н ш, которая выходит из двери второго этажа на террасу, держа в руках факел, освещающий ее лицо; потом Т р и б у л е.

Б л а н ш

Гоше Майе! Навеки сердцу биться
При этом имени!

П ь е н н

(*другим дворянам*)

Вот и моя девица.

П а р д а л ь я н

Посмотрим!

Г о р д

(*пренебрежительно, де Пьенну*)

Поглядим твой выбор, трубадур
Мещанок городских и деревенских дур!

В это время Б л а н ш поворачивается так, что дворяне могут рассмотреть ее лицо.

П ь е н н

(*де Горду*)

Ну, что вы скажете?

М а р о

Признаюсь, что красotka!

Г о р д

Вот это грация! Стан из эфира соткан!

П а р д а л ь я н

Но как! В любовницах у Трибуле она!
Притворщик!

М а р о

Лучший приз — на долю горбуна!
Юпитер одобрял и не такую помесь.

Б л а н ш входит в дом. Виден только свет в ее окне.

Пь е н н

Мы дело разберем, с ней ближе познакомься.
Меж нами решено, что Трибуле мы мстим, —
Так как же пренебречь нам случаем таким?
Приставить лестницу и, долго не гадая,
Взобраться и украсть ее у негодяя —
И прямо в Лувр; а там красотка поутру
Его величеству придется по нутру.

К о с с е

Возложит на нее король благие руки.

М а р о

И дьявол их бери обоих на поруки!

Пь е н н

Вот это сказано!

Г о р д

За дело, господа!

Входит Т р и б у л е.

Т р и б у л е

(в глубине сцены, задумчиво)

Опять я тут... Зачем вернулся я сюда?

К о с с е

Вы не находите, — блондинка иль брюнетка, —
Король по женщинам всегда стреляет метко?
А украдут его супружескую честь, —
Что скажет он на то?

Т р и б у л е

(сделав несколько шагов вперед)

Таинственная весть —
Проклятье старика! Или грозят мне беды?

Ночь настолько черна, что он не видит около себя де Горда и заде-
вает его, проходя мимо.

Кто это?

Г о р д
(отшатывается в изумлении; тихо)

Трибуле!

К о с с е
(тихо)

Достичь двойной победы!
Убьем шута!

П ь е н н
О нет!

К о с с е
Ручаюсь за успех.

П ь е н н
Над кем же завтра нам смеяться? Кончен смех!

Г о р д
Да, заколов шута, пересолим мы лихо.

К о с с е
Но он мешает здесь!

М а р о
Прошу я слова. Тихо!
Сейчас улажу все.

Т р и б у л е
(замер на месте и прислушивается)
Здесь люди говорят!

М а р о
(подходя к нему)
Эй, Трибуле!

Т р и б у л е
(грозным голосом)

Кто здесь?

М а р о

Наш небольшой отряд.

Т р и б у л е

Кто это?

М а р о

Я, Маро.

Т р и б у л е

Темно, как в печке. Вы ли?

М а р о

Сам дьявол на небо свои чернила вылил.

Т р и б у л е

Зачем вы здесь?

М а р о

Пришли мы на охоту все —
Украсть для короля красавицу Коссе.

Т р и б у л е

(облегченно вздыхая)

Отлично!

К о с с е

(в сторону)

Я ему переломаяю кости!

Т р и б у л е

(к Маро)

Но как же к де Коссе вы попадете в гости?

М а р о

(тихо, к де Коссе)

Давайте ключ.

Де Коссе дает Маро ключ; тот передает его Трибуле.

(К Трибуле)

Смотри: вот это ключ дверной.
Пощупай! Герб Коссе тут выдавлен резной.

Т р и б у л е
(ощупывая ключ)

Три рыбьих плавника.

(В сторону)

Я, видно, правда, олух!

(Указывая на стену налево)

Там особняк Коссе.

(К Маро, возвращая ему ключ)

Наш разговор недолог.

Крадете вы жену у толстяка? Я ваш!

М а р о

Мы в масках.

Т р и б у л е

Маску мне!

М а р о надевает ему маску и поверх нее повязку, закрывающую уши и глаза.

А что еще мне дашь?

М а р о

Держи нам лестницу.

Они приставляют лестницу к террасе у балкона. М а р о подводит к ней Трибуле, которого заставляет держать ее.

Т р и б у л е
(держа лестницу)

Гм! Никого не вижу.

Достаточно ли вас?

М а р о

Темно во всем Париже!

(Другим, смеясь, тихо)

Любой из вас кричи и топочи за двух!
Повязка хороша: он сразу слеп и глух.

Они поднимаются по лестнице, открывают дверь с террасы и входят в дом. Вскоре один из них снова спускается во двор и открывает дверь на улицу. Затем появляются во дворе и остальные. Они выносят через эту дверь Бланш, полуодетую, с завязанным ртом, пытающуюся вырваться.

Б л а н ш

Отец! На помощь! Ах! Отец! Ко мне!

Г о л о с а у х о д я щ и х д в о р я н

Удача!

(Скрываются вместе с Бланш.)

Т р и б у л е

(один, у приставной лестницы)

Устроили мне тут чистилище впридачу!
Пора бы кончить им!

(Подносит руку к маске, нащупывает повязку.)

А шутка-то горька!

Глаза завязаны!

Срывает повязку, при свете брошенного фонаря замечает, что на земле что-то белеет; поднимает этот предмет и узнает покрывало своей дочери. Обернувшись, видит, что лестница приставлена к его террасе и что дверь его дома открыта. Вне себя, он вбегает туда и через мгновение выходит обратно, волоча за собой Берарду, полуодетую, с завязанным ртом. Он смотрит на нее в отчаянии, потом начинает рвать на себе волосы и издавать нечленораздельные вопли. Наконец к нему возвращается дар речи.

Проклятье старика!

(Падает без чувств.)

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

КОРОЛЬ

Приемная перед спальней короля в Лувре. Позолоченная резная мебель, ковры — все в стиле Возрождения. На переднем плане стол, кресла и складной стул. В глубине большая позолоченная дверь. Слева дверь в спальню короля, завешенная ковром. Справа открытый буфет с золотой, украшенной эмалью, посудой. Дверь в глубине ведет в парк.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дворяне.

Г о р д

Придумаем конец ночному приключенью.

П а р д а л ь я н

Чтоб лопнул Трибуле от своего мученья,
Не чувствуя, что здесь красавица его!

К о с с е

Ищи любовницу, дурак! Но отчего
Ему и не узнать? Видали нас дорогой.

М о н ш е н ю

Все слуги будут врать. Приказано им строго —
Не видеть женщины, а про господ забыть.

П а р д а л ь я н

Сумеет мой лакей любого с толку сбить;
Послал я хитреца. Войдет к шуту — и слугам
Расскажет, что видал, как увозили цугом
Девуцу в Сен-Дени в ночной туманный час,
А девка будто бы кричала и дралась.

К о с с е
(смеясь)

От Лувра в Сен-Дени он хорошо отброшен!

Г о р д

Повязкой на глазах надолго огорошен.

М а р о

Я написал ему, так дурачка дразня:

(Вытаскивает лист и читает.)

«Твоя красавица со мной. Ищи меня!
Обшарь вселенную. Ручаюсь адским пеплом,
Мы с ней вне Франции».

Г о р д

И подписался?

М а р о

«Беглым».

Все громко смеются.

П а р д а л ь я н

Вдогонку кинется!

К о с с е

Хотел бы я взглянуть!

Пусть отправляется в свой безнадежный путь,
Сжимая кулаки и злобно зубы стиснув.
Так мы расплатимся с обидой ненавистой!

Боковая дверь открывается. Выходит король в роскошном утреннем халате. За ним — де Пьенн. Придворные расступаются и обнажают головы. Король и де Пьенн хохочут.

К о р о л ь
(показывая на дверь в глубине)

Где? Там?

П ь е н н
Любовница шута!

К о р о л ь
Ужель она?
Ого! Любовницу украсть у горбуна!

П ь е н н
А может быть, жену?

К о р о л ь
(про себя)
Жену иль дочь! Прелестно!
Семейство у шута? Мне было неизвестно...

П ь е н н
Угодно вам?
К о р о л ь

Весьма!

Д е П ь е н н выходит и через мгновение возвращается, ведя за руку шатающуюся Бланш под вуалем. К о р о л ь небрежно усаживается в кресло.

П ь е н н
(к Бланш)
Красавица, для вас
Бояться и дрожать еще наступит час
Пред королем.

Б л а н ш
(попрежнему под вуалью)

Король — тот юноша? О небо!
(Падает на колени перед королем.)

Услышав ее голос, к о р о л ь вздрагивает и делает знак присутствующим выйти.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Король, Бланш.

Оставшись с нею вдвоем, король отбрасывает вуаль, скрывавший ее лицо.

Король

Бланш! Вы!

Бланш

Гоше Майе!

Король

(смеясь)

Кем бы еще я ни был, —

Ошибка или нет, — я в упоенье вновь.

Моя красавица! Мой рай! Моя любовь!

Дай мне обнять тебя!

Бланш

(отступая назад)

Нет, нет, король, оставьте!

Мне трудно говорить. Мне трудно верить правде.

Кто вы? Гоше Майе или король, увы, —

Но кем бы ни были, жалеть способны вы?

(Снова опускается на колени.)

Король

Способен ли жалеть? Боготворю безмерно,

Все, что сказал Гоше, я повторю наверно.

Любим тобой, люблю, — мы счастливы вдвоем.

Готов любить тебя и во дворце своем.

Ты думала, что я школяр иль прощелыга?

Но если жребий дал мне высшей власти иго,

Раз я рожден таким, — не станешь ты, дитя,

Бояться короля, мне за рождение мстя.

Ведь я не виноват, что не хожу с котомкой!

Бланш

(в сторону)

О, если б умереть! Как он смеется громко!

Король

Турнирам, праздникам, и танцам, и пирам,
Любовным радостям в лесу по вечерам,
Ста развлечениям, в полночи потаенным, —
Верь участи такой! Она дана влюбленным.
Мы два любовника, два друга, муж с женой.
Всем суждено стареть. По чести, жизнь — дурной
Обносок шелковый, потраченный с годами.
Блестит он кое-где любовью, как звездами.
Какой бы жалкой жизнь без блесточек была!

(Смеется.)

Я много размышлял про важные дела.
Вот мудрость: господа благодарить почаще,
Любить любимую и целоваться слаще!

Б л а н ш

(потрясенная, отступает назад)

О, где моя мечта? Совсем, совсем другой!

Король

Ты, верно, думала — я на любовь тугой,
Угрюмый дурачок, что действует без пыла
И хочет, чтоб его без памяти любила
Любая женщина, — глупейший из шутов,
Лишь вздохи жалкие он испускать готов.

Б л а н ш

(отталкивая его)

О, как несчастна я! Оставьте!

Король

Знаешь, кто я?

Вся Франция — со мной. Я — весь народ. Я стою
Один — пятнадцати миллионов человек.
Все — наше. Все — для нас. Мы их король навек.
Мой суверенный блеск ужели ты осудишь?
Бланш! Если я король, ты королевой будешь!

Б л а н ш

Но есть у вас жена!

К о р о л ь
(смеясь)

Ты глупенькая, да?
Жена возлюбленной бывает не всегда.

Б л а н ш
Возлюбленную стать? О стыд!

К о р о л ь
Как это гордо!

Б л а н ш
Отец — вот мой король. Мое решение твердо!

К о р о л ь
Отец твой — мой горбун. Да, только и всего!
Мой шут! Мой Трибуле! Он создан для того,
Чтоб волю исполнять мою!

Б л а н ш
(горько плачет, обхватив голову руками)
О боже правый!
Все вам принадлежит?

(Рыдает.)
Король бросается к ее ногам, чтобы утешить.

К о р о л ь
(с нежностью)

Не плачь! Рассудим здраво.
Ты так мне дорога! Дай руку.

Б л а н ш
Никогда!

К о р о л ь
(ласково)

Но любишь все-таки? Скажи еще раз «да»!

Б л а н ш
Нет, ни за что!

К о р о л ь

Тебя невольню я сбидел.

О лучше б этих слез я никогда не видел!
Столь милые черты печалью омрачить!
Уж лучше умереть! Мне королем прослыть
Без чести рыцарской, без доблести и жара —
Вот это было бы заслуженною карой.
Заставить женщину так плакать — о позор!

Б л а н ш

(рыдая, растерянно)

Так, значит, все игра, что было до сих пор?
Скорей к отцу, чтоб жизнь его не стала адом!
Пустите же меня. Мое жилище — рядом
С особняком Коссе. Известно вам оно...
Но кто вы? Не пойму я, кто вы! Все равно! —
Как унесли меня! Кричали как беспутно!
Все это, как во сне, я вспоминаю смутно.

(Плачет.)

Считала добрым вас...

(В ужасе отступает.)

Любила иль люблю,
Сама не разберусь... Как верить королю?

К о р о л ь

(пытается ее обнять)

Я вам внушаю страх?

Б л а н ш

(отталкивая его)

Оставьте!

К о р о л ь

(борется с ней)

В знак прощенья —

Один лишь поцелуй!

Б л а н ш
(отбиваясь)

Нет!

К о р о л ь
(смеется, в сторону)

Что за отвращенье!

Б л а н ш
(вырывается из его рук)

Не трогайте! Вот дверь...

(Замечает отворенную в спальню короля дверь, кидается в нее и запирает за собой.)

К о р о л ь
(вынимает из-за пояса золотой ключ)

Ключ от которой — тут.

(Отпирает ту же дверь, быстро входит в спальню и запирает за собой дверь на ключ.)

М а р о
(в течение некоторого времени уже наблюдавший из двери в глубине, смеясь)

Ей в спальне короля пощады не дадут!
Несчастное дитя!

(Зовет де Горда)

Эй, граф!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

М а р о, потом придворные, потом Т р и б у л е.

Г о р д
(к Маро)

Что за тревога?

М а р о

Овечку жадный лев понес уже в берлогу.

П а р д а л ь я н
(прыгая от радости)

Бедняга Трибуле!

П ь е н н
(остававшийся у двери и следивший за происходящим
снаружи)

Тсс! Вот он.

Г о р д
Тишина!
Не выдавать игры — и месть завершена.

М а р о
Он может одного меня считать виновным —
Со мной он говорил.

П ь е н н
Останьтесь хладнокровным.

Входит Т р и б у л е Ничего с виду в нем не изменилось. У него обыч-
ный шутовской наряд, обычное безразличие, но он очень бледен.

П ь е н н
(как бы продолжая начатый разговор и делая знаки моло-
дым дворянам, которые при виде Трибуле едва удержи-
ваются от смеха)

Здорово, Трибуле! — Так вот что, господа:
Еще один куплет прибавим мы сюда.

(Поет)

Бурбон, Марсель увидя,
Своим солдатам рек:
«О боже, кто к нам выйдет,
Лишь ступим за порог?»

Т р и б у л е
(продолжая песню)

То спуски, то подъемы:
Ах, горы не легки.
Дошли, но даже дома
Свистели в кулаки.

В с е

Прекрасно!

Т р и б у л е
(медленно выходит на авансцену; в сторону)

Где она?

(Продолжает петь.)

Дошли, но даже дома
Свистели в кулаки.

Г о р д
(аплодируя)

Эй, браво, Трибуле!

Т р и б у л е
(разглядывая смеющиеся вокруг лица; в сторону)

Причастны и они! Все ясно!

К о с с е
(ударив Трибуле по плечу, с оглушительным хохотом)

На земле
Есть новости, дурак?

Т р и б у л е
(остальным, показывая на де Коссе)

Смеется, как хоронит.

(Передразнивая де Коссе)

Есть новости, дурак?

К о с с е
(продолжая смеяться)

В запасе ничего нет?

Т р и б у л е
(*оглядев его с головы до ног*)

Коль скоро милостью хотите нас дарить,
Одно вы сможете — от скуки уморить.

В течение всей первой части этой сцены у Трибуле вид чѣловека наблюдающего, ищущего, выведывающего. Почти все время только взгляд выражает это. Но когда ему кажется, что никто на него не смотрит, он передвигает стул или трогает дверную ручку, желая узнать, заперта ли дверь. Но говорит он со всеми, как всегда, насмешливым, беспечным, непринужденным тоном. Придворные пересмеиваются между собой и обмениваются знаками, беседуя о разных вещах.

Т р и б у л е
(*про себя*)

Тут где-то спрятали... Спроси их только — встречу
Сейчас же смех.

(*С веселым видом подходит к Маро.*)

Маро! Какой был скверный вечер!
Ты все же насморка не получил вчера?

М а р о
(*прикидывается удивленным*)

Вчера?

Т р и б у л е
(*подмигивая, с понимающим видом*)
Я очень рад. Чем кончилась игра?

М а р о
Игра?

Т р и б у л е
(*кивает головой*)
Ну да!

М а р о
(*с невинным видом*)

Всю ночь, без свеч и без пирушки,
Как некий праведник, храпел я на подушке
И встал здоров и свеж, едва взошла заря.

Т р и б у л е

Ты, значит, дома был? Привиделось мне зря!

(Замечает на столе платок и бросается к нему.)

П а р д а л ь я н
(тихо, де Пьенну)

Он на моем платке разглядывает метку.

Т р и б у л е
(бросает платок; в сторону)

Нет, это не ее!

П ь е н н
(нескольким молодым людям, смеющимся в глубине)
Спокойно!

Т р и б у л е
(в сторону)
Где же детка?

П ь е н н
(де Горду)
Над чем смеялись вы?

Г о р д
(показывая на Маро)

Вот, чорт возьми, остряк!
Он всех нас рассмешил!

Т р и б у л е
(в сторону)
Что веселятся так?

Г о р д
(к Маро, со смехом)

Не смей невежливо смотреть! Тебе на плечи
Я брошу Трибуле и шею искалечу.

Т р и б у л е
(де Пьенну)

Еще не выходил король?

П ь е н н
Конечно, нет.

Т р и б у л е
И не стучал еще из спальни в кабинет?
(Подходит к двери.)

Д е П а р д а л ь я н его удерживает.

П а р д а л ь я н
Не разбуди его величества!

Г о р д
(де Пардальяну)

Послушай!
Сейчас наглец Маро нам сказкой тешил душу:
Три мужа, возвратясь, — откуда, знать нельзя, —
Как он рассказывал, вы помните, друзья? —
Застали жен своих с другими...

М а р о
Не найдя их!..

Т р и б у л е
Заботится у нас мораль о негодах!

К о с с е
Все жены неверны!

Т р и б у л е
(к де Коссе)
Эй, берегитесь!

К о с с е
Как?

Т р и б у л е

Страшитесь, де Коссе!

К о с с е

Чего?

Т р и б у л е

Я вижу знак, —
Горит у вас на лбу. Подвиньтесь ближе к свету.

К о с с е

Но что же?

Т р и б у л е

(смеясь ему в лицо)

Узнаю, чем кончат сказку эту!

К о с с е

(взбешенный, угрожающим тоном)

Га!

Т р и б у л е

Вот он, господа! Вот любопытный зверь!
Он знатно разъярен и зарычал теперь.

(Передразнивая де Коссе)

Га!

Общий смех. Входит дворянин из свиты королевы.

П ь е н н

Что вы, Водрагон?

Д в о р я н и н

Я послан госпожою,
Ее величеством. Есть у нее большое
Желанье с королем беседовать тотчас.

Де Пьенн знаками показывает ему, что это невозможно. Тот настаивает.

П ь е н н

(нетерпеливо)

Король еще не встал.

Д в о р я н и н

Неверно! Среди вас

Он появлялся ведь?

Раздражение де Пьенна растет. Он продолжает делать знаки, которых дворянин не понимает. Трибуле внимательно наблюдает за ним.

П ь е н н

Он на охоте.

Д в о р я н и н

Что вы!

Пажи не вызваны, борзые не готовы
На псарне.

П ь е н н

(в сторону)

Дьявол!

(Прямо в глаза дворянину, гневно)

Речь моя вполне ясна:

Сегодня никого не примут.

Т р и б у л е

(внезапно, громовым голосом)

Здесь она!

Там, с королем, она!

Придворные поражены.

Г о р д

Сошел с ума несчастный!

Т р и б у л е

Что я сказать хочу, всем вам должно быть ясно!
Вы скверно сделали, сказав мне: прочь, дурак!
Вы все, Коссе и Пьенн, весь сатанинский мрак,
Брион, Монморанси, сознайтесь: не вчера ли
Из дома моего вы женщину украли?
И Пардальян и вы там были. И сейчас.
Вы прячете ее здесь, в Лувре. Знаю вас!

Пь ен н
(хохочет)

Его любовница! Звезда среди красавиц
Или уродина.

Т р и б у л е
(грозно)

Там дочь моя, мерзавец!

В с е

Дочь!

Общее изумление.

Т р и б у л е
(скрестив руки на груди)

Это дочь моя! Посмейтесь, господа!
Что ж онемели вы? Странна моя беда?
Был шут — и вдруг отец! И дочерью гордится!
У волка дикого волчонок ведь родится.
И у меня могла родиться дочь. Ну что ж!

(Повышая голос)

Вам шутка нравилась. Конец ее хорош.
Эй вы, отдайте дочь! Пускай себе бормочут,
Пусть шепчут на ухо об этом иль хохочут.
А мне плевать на вас. Вы победили, мстя.
Эй вы, придворные! Отдать мое дитя!

(Бросается к двери.)

Ведь там она!

Дворяне становятся перед дверью, преграждая ему путь.

М а р о

Сошел с ума и лезет драться.

Т р и б у л е
(в отчаянии отступает)

Придворные льстецы! Орда лакеев! Братство
Бандитов! Все они украли дочь мою.
Что женщина для них? О, я их узнаю!
Но, к счастью, наш король такой увенчан грязью,
Что жены всех вельмож во всем разнообразье

Ему принадлежат. Девичья честь — ничто!
Столь глупой роскоши не признает никто.
Любая женщина — угодье, вид оброка,
Что королю мужа выплачивают к сроку,
Источник милости, — не очень ясно, чьей, —
И путь разбогатеть в любую из ночей
И в люди вылезти, достоинством торгуя!

(Глядя пристально им в глаза)

Найдется хоть один, кто бы сказал, что лгу я?
Все правда, господа! В беспутном дележе
Готовы вы продать — иль продали уже —
За титул, за кусок, за дрянь любого рода

(де Пардальяну)

Ты — мать,

(де Бриону)

а ты — жену,

(де Горду)

а ты — сестру бы продал!

Один из пажей

(наливает себе стакан вина и пьет, напевая)

Бурбон, Марсель увидя,
Своим солдатам рек:
«О боже, кто к нам выйдет...»

Трибуле

Кто выйдет, Обюссон, не знаю, — но вобью
Я в горло твой стакан и песенку твою!

(Ко всем)

Вельможи, герцоги, чей старый титул громок, —
О стыд! — Вермандуа, династии потомок;
Брион, чьи прадеды миланский знатный род;
Де Горд и Пардальян, которых чтит народ;
Монморанси — вы все, всей знати средоточье,
Вы дочь у бедняка украли этой ночью!
Но не пристали вам, сынам таких родов,
Столь низкие сердца под вывеской гербов.

Иль вы не рыцари? Иль мать вас не рожала?
Иль с конюхом она в постели полежала?
Ответьте, выродки!

Г о р д

Эй, шут!

Т р и б у л е

Где серебро?
Король ведь заплатил вам за мое добро?
Почем на каждого?

(Рвет на себе волосы.)

Все вместе с ней теряю!
А если б захотел?.. Она дороже рая.
Он заплатить бы рад!

(Глядя на всех)

Или хозяин ваш
Воображает, что возьму я, что ни дашь?
Он в силах титулом покрыть мое уродство?
Или убрать мой горб, даря мне благородство?
Смерть! Он купил меня живьем! Его дела
Жестоки и низки. Его игра подла.
Убийцы, рыцари больших дорог, сеньеры,
Мучители детей и женской чести воры!
Где дочь моя? Она нужна мне! Я хочу
Знать наконец, когда ребенка получу!
Смотрите — вот рука: она не знаменита,
Орудье бедняка... мозолями покрыта...
И вот вам кажется, что безоружна месть?
Нет шпаги у меня — но когти все же есть!
Я ждал достаточно. Всему есть мера, право!
Откройте эту дверь! Сейчас же!

Снова в ярости бросается на дверь, от которой его оттесняют. Несколько мгновений он борется, потом отходит к авансцене и падает там на колени, измученный, без сил.

Всей оравой —

На одного меня!

(Заливаясь слезами)

Я плачу наконец!

(К Маро)

Маро, ты разыграл меня. Ты молодец!
Есть у тебя душа, живое дарованье,
И сердце бедняка есть под ливрейной рванью...
Где спрятали ее? Что с нею? Как узнать?
Она ведь тут? Скажи! Нас окружает знать,
Но побеседуем по-братски — это можно.
Ведь ты же умница средь челяди вельможной!
Маро! Добряк Маро! Но ты молчишь!

(Ползет на коленях к вельможам.)

И вы

Простите мне за все! Я ползаю, увы!
Я болен, я устал. Молю, имейте жалость!
Бывало, я острил. Была обидна шалость.
Но если б знали вы, какая боль в спине!
Как скрючен я горбом! Но это в стороне...
Плохие дни у всех бывают, — а уродам
Они простительны. Служил я год за годом.
Я шут заслуженный. Прошу я, наконец,
Пощады. Вам нельзя ломать свой бубенец!
Над глупым Трибуле смеялись вы так часто.
Мне нечего сказать и больше нечем хвастать.
Отдайте, господа, сокровище мое!
Тут, в спальне короля, вы заперли ее.
Где девочка моя? Пощады! Ваша милость!
Мне делать нечего, когда не сохранилась
Она, мое дитя. Судьба моя горька.
Все разом отнято сейчас у старика.

Все продолжают молчать. В отчаянии он поднимается.

Смеются иль молчат! И это все? О боже!
Вам весело смотреть, как с содранною кожей
Оплакивает шут погубленную дочь,
Как рвет он волосы, что поседели в ночь!

Внезапно дверь королевской спальни открывается. Оттуда выходит
Б л а н ш, растерянная, с безумным взглядом; одежда ее в беспорядке;
с отчаянным криком она бросается к отцу.

Б л а н ш

Отец!

Т р и б у л е

О, вот она! Вот счастье! Вот горе!
Вот девочка моя! Мое семейство в сборе.
Столь невиновная в несчастьи сама!

(Его душат слезы и нервный смех.)

Не правда ль, господа, легко сойти с ума?
Простите, что в слезах впервые к вам я выйду.
И с этой девочкой, такую кроткой с виду,
Что стоит посмотреть — и лучше станешь сам,
Я волю дать готов своим смешным слезам.

(К Бланиш)

Не бойся ничего! Ведь это чья-то шутка.
Смеются — и пускай! Конечно, было жутко!
Они добры, честны. Раз я люблю тебя, —
Дадут нам жить вдвоем, спокойно и любя.

(Вельможам)

Ведь так?

(К Бланиш, обнимая ее)

Но ты со мной! Какое счастье снова!
О, я готов забыть все, что случилось злого,
Недавно плакавший теперь захохотал,
И потерявший все еще богаче стал.

(Глядя на нее с беспокойством)

Ты плачешь, — но о чем?

Б л а н ш

(пряча в руках пылающее и заплаканное лицо)

Кто эту тяжесть снимет?

Стыд!

Т р и б у л е

Что сказала ты?

Б л а н ш

(прячет лицо у него на груди)

О нет, не перед ними!

Вам одному.

Т р и б у л е

(дрожа от гнева, поворачивается к королевской двери)

Ага! Насильник! И ее!

Б л а н ш

(с рыданием бросается к его ногам)

Останемся вдвоем!

Т р и б у л е

(в три прыжка бросается к озадаченным вельможам и расталкивает их пинками)

Ступайте вон, зверье!

И ежели король сюда войдет иль даже
Пройдет поблизости...

(Обращается к Вермандуа)

Вы, кажется, из стражи?

Скажите, чтоб не смел входить! Еще я здесь!

П ь е н н

Вот полоумный шут! Смотри, какая спесь!

Г о р д

(удерживая его движением руки)

Младенцам и шутам не возражать пристойно,
Но надо их стеречь!

Они выходят.

Т р и б у л е

(садится в кресло короля и подымает дочь с полу; голосом, исполненным мрачного спокойствия)

Поговорим спокойно.

Теперь скажи мне все.

(Обернувшись, замечает, что де Коссе остался. Наполовину приподнявшись, показывает ему на дверь.)

Вы слышали? Назад!

Коссе

(пятится, подчиняясь властному тону Трибуле)

Им все позволено! Шуты еще грозят!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Трибуле, Бланш.

Трибуле

(мрачно)

Ну, говори теперь.

Бланш

(опустив глаза и прерывая речь рыданиями)

Должна я, очевидно,

Вам рассказать, как в дом пробрался он... Мне стыдно!

(Плачет, прижимая руки к лицу.)

Трибуле обнимает ее и нежно вытирает ей слезы.

Уже давно... Хочу начать издалека...

Меня преследовал... Нет, память не легка...

Он молча шел за мной... Нет, надо вам заметить,

Что в церкви суждено его мне было встретить.

Трибуле

Да! Короля!

Бланш

(продолжает)

Мой стул он тронул и ко мне

Слегка приблизился в церковной тишине...

(Голос ее все более и более слабеет.)

Вчера он к нам пришел, сумел проникнуть сразу...

Трибуле

Избавлю я тебя от тяжелого рассказа.

Все уж отгадано!

(Подымается.)

О горе! Боже мой!

Посмел он заклеить чело твое чумой!

Дыханьем осквернил тобою полный воздух
И грубо разорвал венец твой в юных звездах!
Мое убежище, где я — слуга ничей;
Заря, будившая меня от всех ночей;
Душа моей души, что доброту мне дала
И на бесчестие благой покров кидала;
Приют, что я нашел, отверженный для всех;
Небесный ангел мой, крепчайший мой доспех —
Погибла, брошена в болоте непролазном.
Разбит святой венец, что я считал алмазным.
Несчастье роковой удар мне нанесло.
Что делать при дворе, где торжествует зло,
Где я всегда встречал одно искусство блуда,
Да наглость пьяную, да морду лизоблуда?
Ведь раньше только ты, невинная краса,
Могла порадовать еще мои глаза!
Да, я послушен был, я принял эту участь,
Всей этой гнусностью по долгу службы мучась.
Пусть чванство я встречал в развратнике любом,
Слышал кичливый смех над горем, над горбом, —
Я жребием моим, что со стыдом был смешан,
Вполне доволен был: я ею был утешен.
Сам падая, хотел ее поднять — и вот,
Алтарь воздвигнул там, где строят эшафот.
Но мой алтарь разбит! Ты не напрасно плачешь
И личико свое в смятенье горьком прячешь.
Плачь больше, плачь еще! Часть горя иногда
От слез девических проходит без следа.
И если можешь ты, отдай отцу все горе!

(Задумчиво)

Вот только сделаю, что следует, — и вскоре
Покинем мы Париж. О, только б ускользнуть!

(Попрежнему задумчиво)

В один короткий день так изменить свой путь!

(В ярости поднимается.)

Проклятье! Кто бы мог мне предсказать недавно,
Что этот подлый двор, беспутный и бесславный,
Способный девушку бесчестно растоптать,
Бегущий от всего, в чем божья благодать,

Неслыханно легко творящий безобразья
И запятнавший все своей кровавой грязью, —
Что он дойдет еще до мерзости такой
И загрязнит тебя холодной рукой!

(Оборачивается к королевской двери.)

А ты, король Франциск!.. Прошу я ныне бога,
Чтоб оступился ты! Крута твоя дорога!
Чтоб он открыл твой склеп, да рухнешь ты туда!

Б л а н ш

(подымая глаза к небу, в сторону)

Не слушай, господи! Люблю его всегда!

Шум и шаги в глубине. На галлерее показывается группа солдат с дворянами. Впереди де Пьенн.

П ь е н н

(зовет)

Эй, Моншеню, поднять решетку. Гость объявлен:
Сейчас в Бастилию де Сен-Валье отправлен.

Солдаты по двое проходят в глубину. Окруженный ими де Сен-Валье, поровнявшись с дверью, останавливается и обращается к комнате короля.

С е н - В а л ь е

(громким голосом)

Обиду я нанес особе короля,
Свое отчаянье хоть этим утоля.
Но, прокляв короля, не услышал ответа.
Ни молнии с небес, ни друга в мире нету.
Он будет жить. Не жду я вести дорогой.

Т р и б у л е

(подымая голову и смотря ему в лицо)

Граф, ошибаетесь. За вас отмстит другой.

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

БЛАНШ

Пустынный берег Сены, пониже Сен-Жермена. Направо — лачуга, нищенски обставленная глиняной посудой, дубовыми скамейками. Во втором этаже чердак, где сквозь окно можно разглядеть убогое ложе. Зритель видит всю внутренность дома: стол, камин и в глубине крутую лестницу, ведущую на чердак. В левой от актеров стене дома проделана дверь, выводящая прямо на улицу. Стена плохо сложена, в ней трещины и щели, сквозь которые можно легко разглядеть все происходящее внутри. В двери потайное окошко, закрытое решеткой. Дверь перекрыта снаружи навесом, над ней вывеска харчевни. Остальную часть сцены занимает берег. Слева — ветхий, полуразрушенный парапет, под которым течет Сена. В парапет вделана стойка для колокола. На заднем плане, за рекой — лес Везине. Справа, за поворотом реки, — холм и городок Сен-Жермен с замком вдали.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Трибуле и Бланш — снаружи, Сальтабадиль — внутри. В течение всей этой сцены у Трибуле тревожный, обеспокоенный вид человека, боящегося, что ему помешают, заметят его, застанут врасплох. Он часто оглядывается по сторонам, больше всего поглядывая на лачугу. Сальтабадиль сидит на столе в харчевне и чистит свою портупю, не слыша ничего, что происходит вокруг.

Трибуле

Его ты любишь?

Бланш

Да.

Т р и б у л е

Я думал — подожду,
И выветрится страсть, рожденная в бреду...

Б л а н ш

Люблю.

Т р и б у л е

Вот женская причуда! Если можно,
Хоть объясни, за что.

Б л а н ш

Не знаю.

Т р и б у л е

Это ложно

И дико!

Б л а н ш

Никогда! Один я знаю суд,
И этот суд — любовь. Пускай мне жизнь спасут,
Пускай любой другой к моим ногам положит
Богатство, почести и славу, — не поможет:
Я сердца не отдам. А он? Пускай ему
Я злом обязана, — иного не приму
Я жребия. Того, что было, не забуду,
И если жизнь мою отдать должна я буду
За вас двоих — врага и друга моего, —
Отец, как и за вас, умру я за него.

Т р и б у л е

Прощаю, девочка.

Б л а н ш

Меня он любит тоже.

Т р и б у л е

Он? — Глупая!

Б л а н ш

Да, да! Клялся он славой божьей.
К тому же он красив, и смелый разговор
Так за сердце берет, и этот пылкий взор

Для каждой женщины так нежен и прелестен!
Король блистательный и храбрый!

Т р и б у л е
(в гневе)

Он бесчестен!
Но не похвалится, — как ни внушай вам страсть, —
Что безнаказанно мог жизнь мою украсть!

Б л а н ш

Но вами он прощен!

Т р и б у л е

Простил я святотатца?
Он должен в западню еще у нас попасться.
Час пробил!

Б л а н ш

Месяц уж, как я горю в огне...
Он прежде был вам мил.

Т р и б у л е

Да, так казалось мне.

(Яростно)

Отмщу я за тебя!

Б л а н ш
(умоляюще)

Отец, прошу пощады!

Т р и б у л е

Почувствуешь ли ты хоть легкую досаду,
Узнав, что он солгал?

Б л а н ш

Не верю. Нет в нем лжи.

Т р и б у л е

Когда увидишь все глазами, — о, скажи,
Не перестанешь ты его любить напрасно?

Б л а н ш

Не знаю. Он клялся, что обожает страстно.
Так он сказал вчера.

Т р и б у л е

(с горечью)

Когда же?

Б л а н ш

Вечерком.

Т р и б у л е

Смотри же! Из двоих тебе один знаком.

(Указывает Бланш на одну из щелей в стене; она смотрит.)

Б л а н ш

(тихо)

Но там один!

Т р и б у л е

(тоже понизив голос)

Смотри!

К о р о л ь в платье простого офицера появляется в низком зале харчевни. Он вошел через маленькую дверь из соседней комнаты.

Б л а н ш

(вздрагнув всем телом)

Отец, куда мне скрыться?

В течение всей последующей сцены она, как бы прикованная к стеной щели, смотрит и слушает все, происходящее внутри. К остальному она безучастна. Иногда ее охватывает судорожная дрожь.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, король, Магелона.

К о р о л ь ударяет Сальтабадила по плечу. Тот оборачивается, прервав свое занятие.

К о р о л ь

Две вещи!

С а л ь т а б а д и л ь

Чем служить?

К о р о л ь

Стаканом и сестрицей.

Т р и б у л е

Вот он каков, король по милости небес!
В лихое логово, рискуя всем, залез.
От скверного вина ему да будет скверно;
Да напоит его богиня сей таверны!

К о р о л ь

(в харчевне, поет)

Красотки лицемерят,
Безумен, кто им верит.
Измены их легки,
Как в мае ветерки.

С а л ь т а б а д и л ь молча приносит из соседней комнаты бутылку и стакан и ставит их на стол. Затем дважды стучит в потолок рукоятью своей длинной шпаги. По этому сигналу с лестницы спускается вприпрыжку хорошенькая девушка, резвая и веселая, одетая по-цыгански. Как только она появляется, к о р о л ь пытается обнять ее, но она уклоняется.

К о р о л ь

(Сальтабадилю, опять принявшемуся за чистку портупеи)

Приятель, пояс свой до блеска доведи
На улице. Ступай и больше не входи.

С а л ь т а б а д и л ь

Понятно.

С а л ь т а б а д и л ь подымается, неуклюже кланяется королю и выходит, закрыв за собой дверь. Он замечает Трибуле и подходит к нему с таинственным видом. В то время как они обмениваются короткими словами, девушка заигрывает с королем; Бланш наблюдает с ужасом.

С а л ь т а б а д и л ь

(показывая пальцем на дом, тихо)

Как решим? Он в доме. Нож наточен.
Чтоб умер или жил?

Т р и б у л е

Не удаляйся очень.

(Делает ему знак уйти.)

Сальтабадиль исчезает за старым парашетом. В это время король любезничает с цыганкой, а та, смеясь, отбивается.

Магелона

Ни-ни!

К о р о л ь

Я только что хотел обнять тебя —
И стала драться ты. «Ни-ни» звучит любя.
«Ни-ни» — большой успех. Поговорим о деле.

Цыганка подходит.

Не убегай. Смотри — прошла уже неделя,
Как в ту харчевенку я с Трибуле пришел
И черноглазую цыганку там нашел.
Неделю, девочка, тебя я обожаю —
Тебя одну.

Магелона

(смеясь)

Хо-хо! Вот чорт! Воображаю!
О двадцати других забыл ты, молодец!

К о р о л ь

(смеется тоже)

Я был несчастьем для двадцати сердец.
Я был чудовищем.

Магелона

Хвастун!

К о р о л ь

Поверь, как другу.
Но вот ты привела меня в свою лачугу,
В поганный свой шинок, где скверная еда
И скверное вино и где твой брат-балда, —
Наверно, страшный плут (так, кажется, похоже), —
Свою противную показывает рожу.
Пускай! Я эту ночь здесь проведу с тобой.

Магелона
(в сторону)

Наверно не уйдешь!

Король снова хочет ее обнять.

Оставьте!

Король
Вот так бой!

Магелона
Веди себя умней!

Король
Скажу умно и кратко:
Люби любимую и с ней целуйся сладко.
Так проповедовал покойник Соломон.

Магелона
Ты не в проповедях, скорей в шинке умен.

Король
(тянется к ней)
Послушай!

Магелона
(ускользает от него)
Завтра!

Король
Стол я опрокину, девка, —
Посмей лишь повторить! Несносная издевка!
Про «завтра» говорить красотки не должны!

Магелона
(внезапно смирится и весело садится за стол рядом с королем)

Изволь! Помирится.

К о р о л ь
(берет ее за руку)

Как пальчики нежны!
Не ласками других я ныне озабочен.
Нет ласки для меня нежней твоих пощечин.

М а г е л о н а
(с довольным видом)

Смеетесь!

К о р о л ь
Никогда!

М а г е л о н а
Я безобразна.

К о р о л ь

Нет!

Сама должна ты знать, как сладок твой расцвет.
Я весь в огне! Иль ты не знаешь, как мгновенно
Влюбляется в красу такой, как я, военный?
Уж если к женщине склоняет взоры он,
То сразу треск и жар — и весь испепелен!

М а г е л о н а
(хохочет)

Вы в книжке это все, наверно, прочитали.

К о р о л ь
(в сторону)

Возможно!

(Громко)

Поцелуй!

М а г е л о н а

Вы сразу пьяным стали!

К о р о л ь
(с улыбкой)

От страсти!

Магелона

Подняли меня вы на смех, да?
Приятный весельчак, повеса!

Король

Никогда!

(Целует ее.)

Магелона

Ну, хватит!

Король

Мы с тобой поженимся.

Магелона

(смеясь)

Дай слово!

Король

Красотка! Милая! Как разговор твой ловок!

(Сажает ее к себе на колени и говорит ей что-то совсем тихо.)

Магелона смеется, запрокинув голову.

Бланш больше не в силах вынести. Она оборачивается, бледная и дрожащая, к неподвижному Трибуле.

Трибуле

(сначала смотрит на нее молча)

Что скажешь ты теперь о мщении, дитя?

Бланш

(с трудом выговаривая слова, очень тихо)

Неблагодарный лжец! О боже, так шутя
Он предает меня! Как бьется сердце! Значит,
Нет у него души. Он ей переиначит
Те самые слова, что мне шептал в ночи.

(Прячет голову на груди отца.)

И эта наглая с ним будет...

Т р и б у л е
(мрачным голосом, тихо)

Помолчи!

Не плачь и предоставь мне действовать.

Б л а н ш

Все будет

По-вашему.

Т р и б у л е
(с мрачной радостью).

Идет!

Б л а н ш

Пускай нас бог рассудит!

Что вы задумали?

Т р и б у л е
(пылко)

Готова западня.

Но не выпрашивай — задушит гнев меня.
Ступай домой. Возьми побольше денег прежде —
И прямо на коня. Скачи в мужской одежде,
Не останавливаясь, до Эврё. Надень
Ботфорты, шляпу, плащ. Приеду через день.
Все платье собрано в том сундуке, что рядом
С портретом матери, — тебе искать не надо;
И конь твой под седлом. Исполни мой приказ.
Случится страшное должно здесь через час.
Смотри же, Бланш! Назад не возвращайся! Помни!
Ступай.

Б л а н ш

А вы, отец?

Т р и б у л е

Нельзя вернуться в дом мне.

(Обнимает ее и знаком велит уйти.)

Б л а н ш

Мне страшно!

Т р и б у л е

Встретимся мы скоро!

(Обнимает ее.)

Б л а н ш удаляется нетвердыми шагами.

Не грусти.

В продолжение всей этой сцены и следующей продолжается любовная игра и тихий разговор между королем и Магелоной. Как только Б л а н ш скрылась, Т р и б у л е подходит к парпету и делает знак. Появляется С а л ь т а б а д и л ь. Смеркается.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т р и б у л е, С а л ь т а б а д и л ь — снаружи. Магелона, король — в доме. Т р и б у л е считает золото; С а л ь т а б а д и л ь смотрит.

Т р и б у л е

Вот десять. Я вперед плачу из двадцати.

(Перед тем как вручить золото, останавливается.)

Он здесь останется всю ночь?

С а л ь т а б а д и л ь

(перед тем как ответить, разглядывает небо)

Какие тучи!

Т р и б у л е

(про себя)

Конечно, Лувр ему давно уже наскучил.

С а л ь т а б а д и л ь

И часу не пройдет, польет как из ведра.

Задержат молодца и ливень и сестра.

Т р и б у л е

Я к полночи вернусь.

С а л ь т а б а д и л ь

Что вам мешаться в дело?

Я справлюсь с ним один и брошу в Сену тело.

Т р и б у л е

Нет, нет! Я брошу сам.

С а л ь т а б а д и л ь

Извольте. Через час

Зашью его в мешок и притащу для вас.

Т р и б у л е

(отдает ему золото)

Возьми. И столько же за мной по обещанью.

С а л ь т а б а д и л ь

Как имя молодца, скажите на прощанье!

Т р и б у л е

Ах, имя? Хочешь знать как будто и меня?

Он — Смертный грех, я — Казнь: вот наши имена.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, без Трибуле

С а л ь т а б а д и л ь, оставшись один, смотрит на небо, на которое набегают тучи со стороны Сен-Жермена. Уже почти ночь. Молнии.

С а л ь т а б а д и л ь

Идет гроза. Париж весь под свинцовой тучей.

Не видно ни души на берегу. Тем лучше!

(Задумчиво)

А если рассудить по чести эту вещь, —

Чорт бы их взял! Не то вид горбуна зловещ,

Не то мне самому чего-то тут неловко.

(Смотрит на небо и качает головой.)

К о р о л ь в это время весело болтает с Магелоной.

К о р о л ь

(пытаясь обнять ее за талию)

Послушай, милая!

Магелона
(ускользая от него)

Постойте!

Король
Вот чертовка!

Магелона
(поет)

Как от апрельской почки,
Пахнёт из винной бочки.

Король
Как плечи хороши! Как линии нежны!
Так анатомию все изучать должны!
Как сделал бог тебя! Какою меркой меря,
Он сердце турка дал тебе, моей Венере?

Магелона
Тру-ля-ля-ля!
(Отталкивает короля.)

Постой! Вот брат мой!

Входит Сальтабадиль и закрывает за собой дверь.

Король
К чорту брата!
Далекий удар грома.

Магелона
Гром прогремел.

Сальтабадиль
Сейчас полъет, как из ушата.

Король
(ударив Сальтабадила по плечу)

Пускай гроза и дождь! Угодно мне провести
Ночь эту у тебя.

Магелона
(насмешливо)

Так хочет ваша честь?
Замашки короля! — Подымется тревога,
Начнет искать семья.

Сальтабадиль толкает ее и делает ей знаки.

Король
Родни у нас немного.
Нет даже бабушки.

Сальтабадиль
(в сторону)

Тем лучше!

Начинает барабанить дождь. Ночь совершенно черная.

Король
(Сальтабадиллю)

Можешь лечь
В конюшне, на дворе иль к дьяволу на печь.

Сальтабадиль
(кланяется)

Благодарю.

Магелона
(зажигая лампу, говорит королю шопотом и очень поспешно)

Уйди!

Король
(смеясь, громко)

Уйти в ненастье это?
В такую ночь за дверь не выгнать и поэта!
(Подходит к окну.)

С а л ь т а б а д и л ь

(показывает Магелоне золото и говорит тихо)

Пускай останется. Уже задаток есть, —
И в полночь столько же.

(Королю, с учтивостью)

Для нас большая честь.

Я предоставлю вам до утра помещенье.

К о р о л ь

(смеясь)

В июле здесь жара. Наверно, в возмещение
Так сыро в ноябре.

С а л ь т а б а д и л ь

Угодно ли взглянуть?

К о р о л ь

Посмотрим!

Сальтабадиль берет лампу. Король что-то шепчет, смеясь,
на ухо Магелоне, потом поднимается вслед за Сальтабадилем по ле-
стнице на чердак.

М а г е л о н а

Бедненький!..

(Подходит к окну.)

Вот темень! Ну и жуть!

С а л ь т а б а д и л ь

Вот вам кровать, и стул, и стол, коли угодно.

К о р о л ь

(разглядывает по очереди кровать, стол и стул)

А сколько ног всего? Три... девять... Превосходно!
И утварь, кажется, в сражении была
Вся искалечена?

(Подходит к окну с выбитыми стеклами.)

Ни ставен, ни стекла,
И спишь ты на ветру! Как обходиться с ветром,

Хотя и вежливым, но все же слишком щедрым?
(Сальтабадилю, который в это время зажигает ночник
на столе)

Прощай.

С а л ь т а б а д и л ь

Храни вас бог.

(Выходит, и слышно, как он медленно сходит по лестнице.)

К о р о л ь

(один, снимает шагу и перевязь)

Один, чорт побери!

Иль в ожиданье благ поспать мне до зари?

(Кладет на стул шляпу и шагу, снимает ботфорты и ложится на кровать.)

Но эта девушка свежа, ловка, занятна.

(Встает.)

Он двери, кажется, не запер?.. Что ж, приятно

И славно!

(Снова ложится.)

Спустя мгновение видно, что он крепко спит на своем ложе. Между тем Сальтабадиль и Магелона находятся внизу. Гроза уже разразилась. Ливень, молнии, частые удары грома. Магелона сидит у окна с каким-то шитьем в руках. Сальтабадиль с задумчивым видом допивает бутылку, оставленную королем. Оба некоторое время молчат, словно занятые важными мыслями.

М а г е л о н а

Миленький какой!

С а л ь т а б а д и л ь

Еще бы нет!

И цену я набил до двадцати монет!

М а г е л о н а

До скольких?

С а л ь т а б а д и л ь

Двадцати!

Магелона

Он стоит больше.

Сальтабадиль

Дура!

Но подымись, взгляни — не защитит ли шкуру
Он шпагой?

Магелона повинуется. Гроза в полном разгаре. В глубине сцены появляется Бланш, в мужском платье для верховой езды, в ботфортах со шпорами, вея в черном. Она медленно приближается к лагуче, между тем как Сальтабадиль пьет, а Магелона, с лампой в руке, смотрит на спящего короля.

Магелона

(со слезами на глазах)

Бедненький!

(Берет его шпагу.)

Красавчик крепко спит.

(Спускается вниз и отдает шпагу брату.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Король на чердаке; Сальтабадиль и Магелона — внутри;
Бланш — снаружи.
Беспрерывные раскаты грома.

Бланш

(медленно идет в темноте, озаряемая молниями)

Случится страшное! Все в голове горит.
Он должен ночь пробить в такой лагуче низкой.
Уже мне кажется, что миг последний близко.
Отец, прости меня. Тебя тут нет сейчас.
Я слова не сдержу, забуду твой приказ.
Я снова здесь, одна.

(Подходит к дому.)

Но что ж это такое?

Чем это кончится?.. Давно ли я в покое
Жила, невинная, в глуши, среди цветов,
Не зная горестей, не видя страшных снов —

И ввергнута сейчас в такую тьму и горе!
Ни чести, ни добра. Все сметено в позоре.
Иль правда, что сердцам, пылавшим от любви,
Любовь дарит одно — развалины свои,
И от всего костра горсть пепла остается?
Он разлюбил меня!

(Горько плачет, затем подымает голову.)

И этот гром, сдается,
Со мной беседует и хочет мне помочь
Обдумать мысль мою. Как страшно в эту ночь!
Но женщину в тоске ничто не остановит.
Нет страха у меня!

(Замечает в доме свет.)

О, что-то здесь готовят?

(Подходит ближе, затем отступает.)

Я мешкаю и жду. И сердце бьется так!
К убийству, может быть, давно уж дали знак!

Магелона и Сальтабадиль возобновляют свою беседу.

Магелона

Ну и погодка!

Сальтабадиль

Брр! Сейчас и в небе, значит,
Один ругается, другой горюет, плачет.

Бланш

А вдруг отец меня увидит здесь одну?

Магелона

Брат!

Бланш

(вздрагнув)

Что-то говорят!

Направляется, вся дрожа, к дому и приникает к щели.

Магелона

Братишка, слышишь?

С а л ь т а б а д и л ь

Ну?

М а г е л о н а

О чем я думаю, не знаешь?

С а л ь т а б а д и л ь

Нет.

· М а г е л о н а

Загадка!

С а л ь т а б а д и л ь

Про чорта!

М а г е л о н а

Кавалер, который спит так сладко,
Красив, как Аполлон, и вежлив, на мой вкус,
Влюблен в меня. Он спит, как маленький Иисус.
Не убивай его!

Б л а н ш

(которая видит и слышит все, в ужасе)

О боже!

С а л ь т а б а д и л ь

Сшей хороший

Мешок.

(Вынимает из сундука старую рогожу и камень и равнодушно протягивает рогожу Магелоне.)

М а г е л о н а

Зачем тебе?

С а л ь т а б а д и л ь

Когда я огорошу
Красавца твоего, кому он там ни люб,
Мы с этим камешком пихнем сюда и труп

М а г е л о н а

Но...

С а л ь т а б а д и л ь

Не мешайся же в мои дела, девица!

Магелона

Как!..

Сальтабадиль

Если слушать всех, что делал бы убийца?
Заштопай эту рвань.

Бланш

Они сестра и брат!
Мне кажется, что я подслушиваю ад.

Магелона

Поговорим.

Сальтабадиль

Давай.

Магелона

Есть у тебя хоть злоба
Против него?

Сальтабадиль

Зачем? Мы носим шпагу оба.
Такие господа милы мне с давних лет.

Магелона

Красавцу этому на свете равных нет.
А твой горбун — кривой, как буква «эс».

Сальтабадиль

Ну хватит!

Красавец иль горбун — неважно. Кто-то платит;
И за убийство он мне заплатил вперед,
И столько же потом, когда юнец умрет.
Все ясно; кончим спор.

Магелона

Горбатый твой заказчик
Еще придет сюда — вот и сыграет в ящик,
И кончено.

Бланш

Отец!

Магелона

Так, значит, уговор?

Сальтабадиль

(*глядя Магелоне в лицо*)

Эй, с кем ты говоришь? Я не бандит, не вор!
Убить заказчика, убить за ту же цену?

Магелона

(*показывая ему полено*)

Тогда пихни в мешок бревно или полено, —
Все в темноте сойдет за мертвого.

Сальтабадиль

Смешно!

Он примет, думаешь, за мертвеца бревно —
Сухое, твердое, корявое, кривое —
Обрубок дерева?

Бланш

Как дико ветер воет!

Магелона

Пощады!

Сальтабадиль

Пой еще!

Магелона

Ты добрый!

Сальтабадиль

Ерунда!

Он должен умереть — и баста!

Магелона

(*гневно*)

Никогда!

Я разбужу его!

Бланш

Вот доброе создание!

С а л ь т а б а д и л ь

А десять золотых?

М а г е л о н а

Ах, да!

С а л ь т а б а д и л ь

Так до свиданья!

Будь милой, не мешай!

М а г е л о н а

Нет! Я его спасу!

*(Решительно становится у лестницы, чтобы загородить
дорогу брату.)*

С а л ь т а б а д и л ь, побежденный ее настойчивостью, подходит к
авансцене, словно обдумывая, как бы все уладить.

С а л ь т а б а д и л ь

Так! Но старик придет в двенадцатом часу!
Пускай любая тварь, кому там ни случится, —
Бродяга, нищий ли к нам в двери постучится, —
Открою и убью и вместо твоего
Подкину горбуну. Я больше ничего
Не в силах выдумать. Да, горбуну в угодую
Убью прохожего, — пускай швыряет в воду!
Вот все, что для тебя могу я сделать.

М а г е л о н а

Так!

Но, думаешь, придет в такую ночь простак?

С а л ь т а б а д и л ь

Другого средства нет!

М а г е л о н а

В такую пору ночи?

Б л а н ш

Ты искушаешь, бог? Моей ты смерти хочешь?
Непоправимый шаг должна я совершить?

Я молода еще. О боже, дай мне жить!
Не торопи меня!

Удар грома.

Магелона

Когда в такую пору
Гость постучится к нам, руками сдвину гору!

Сальтабадиль

А нету никого — погибнет милый твой.

Бланш

Позвать дозор? Но спит дозор сторожевой,
А этот человек отца бы страже выдал!
Нет, смерти не хочу. Не дам отца в обиду.
Забочусь я о нем, должна хранить его...
Так рано умереть, в шестнадцать лет всего!
Холодный, скользкий нож в груди моей — и рана!
О!

Часы бьют три раза.

Сальтабадиль

Бьет без четверти двенадцать. Как ни рано,
Но, видно, некому к нам постучаться в дверь.
Не слышно ничего? Постой еще! Проверь!
Итак, пора кончать, как я соображаю.

(Подходит к лестнице.)

Магелона, рыдая, удерживает его.

Магелона

Брат, подожди еще!

Бланш

Ты плачешь — ты, чужая, —
А я здесь мешкаю и не хочу помочь!
Он разлюбил — конец! Все остальное прочь!
Смерть за него — пускай!

(Снова колеблется.)

И все-таки — так больно!

С а л ь т а б а д и л ь
(Магелоне)

Ждать больше нечего. Пусти меня. Довольно!

Б л а н ш

О, только бы узнать, ударит он куда!
О, только б не страдать! А если — вот беда —
В лицо! О господи!..

С а л ь т а б а д и л ь
(пытаясь оттолкнуть удерживающую его Магелону)

Кого, скажи толково,
Ждать мне взамен его? Нет дурака такого!

Б л а н ш
(дрожа под дождем)

Мне холодно!

(Направляется к двери.)

Иду!

(Останавливается.)

Смерть — под таким дождем!
(Шатаясь, идет к двери и тихонько стучит.)

М а г е л о н а

Стучат!

С а л ь т а б а д и л ь

То дождь стучит в окно. Чего мы ждем?

Б л а н ш стучит снова.

М а г е л о н а

Стучат!

(Подбегает к потайному окошку и вглядывается
в темноту.)

С а л ь т а б а д и л ь

Не может быть!

Магелона

(к Бланш)

Эй, кто там?

(Сальтабадилю)

Бедный малый!

Бланш

Ночлега до зари!

Сальтабадиль

Подрыхнет он немало!

Магелона

Ночь будет хороша.

Бланш

Откройте!

Сальтабадиль

(Магелоне)

Стой пока!

И отыщи мне нож, чтоб наточить слегка!

Магелона дает ему нож. Сальтабадиль его точит о лезвие серпа.

Бланш

Натачивают нож — над ним склонились оба!

Магелона

Стучигся прямо в гроб...

Бланш

Дрожу я от озноба!

Так, значит, я умру?

(Бросается на колени.)

Бог, я к тебе иду.

Прощаю тем двоим. Прощаю их вражду.

Отец и ты, господь, простите злое дело

И мне и королю, кого я пожалела;

Простите демону проклятому тому,
Который, вынув нож, надеется на тьму.
Неблагодарному я жизнь мою вручаю.
Пусть, радуясь, любя, забыв меня, скучая,
Живет он много лет и будет счастлив впредь —
Тот, для кого должна сейчас я умереть.

(Подымается.)

Убийца мой готов.

(Снова стучит в дверь.)

Магелона
(Сальтабадиллю)

Нетерпелив, однако!

Сальтабадиль
(пробуя клинок на доске стола)

Готово. Встань сюда и дожидайся знака.

Бланш

Как ясно слышу все!

Сальтабадиль встает за дверью так, чтобы вошедший его не заметил.

Магелона
(Сальтабадиллю)

Затвор уже сняла.

Сальтабадиль
(за дверью, с ножом в руке)

Открой.

Магелона
(открывает Бланш)

Входите же.

Бланш
(про себя)

Добро под видом зла!
(Отступает.)

Магелона

Ну что ж вы медлите?

Бланш

(в ужасе; в сторону)

Сестра — на помощь брату...

Отец, прости меня! Забудь свою утрату!

(Входит.)

В то мгновение, когда она переступает порог, Сальтабадиль заносит над нею свой нож. Занавес падает.

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

Т Р И Б У Л Е

Та же декорация. Но с того момента, как поднялся занавес, внутренность дома Сальтабадила скрыта от зрителей ставнями. Никакого света. Полный мрак.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Т р и б у л е, один, медленно выходит из глубины сцены, закутанный в плащ. Гроза затихает. Дождь прекратился. Изредка вспышки молнии и отдаленные раскаты грома.

Т р и б у л е погружен в глубокую задумчивость. Во взоре его — мрачная радость.

Т р и б у л е

Вот и возмездие! Час пробил! Наконец-то!
Я целый месяц жду, выискиваю средства.
Я прячу замысел под маской шутовской,
Смеюсь, снедаемый невидимой тоской.

(Глядя на низкую дверь дома)

Вот дверь... Почти держать в руках, почти касаться!
Отсюда вынесут мне тело, может статься.
Час не настал еще. Но я пришел сюда —
Хоть погляжу на дверь, она ли это. — Да!
Конечно, это здесь.

Удар грома.

Вот тайна тьмы гнетущей!
Убийство на земле! Гроза в небесной туче!

Как я велик сейчас! Гнев силою огня
В подобье божества преобразил меня.
Какого короля я умерщвляю! Войны
И мир земных держав — в его руке спокойной.
Легла вселенная на эти рамена.
Умри он — и пойдет шататься вся страна!
Я выну гвоздь один, нарушу равновесье,
Толкну его слегка — и города и веси
Придут в движение, начнет Европа вся
Искать опоры вновь, на волоске вися.
И если бы господь спросил сегодня землю:
«Земля! Какой вулкан я на тебя поднимаю?
Кто вздыбит христиан, смутит магометан?
Кто? Папа, Дория, Карл Пятый иль султан,
Сам Цезарь иль Христос, апостол или воин,
Какой кулак, земля, тряхи тебя достоин?
Кто в смутах племена смешает на земле?» —
И в ужасе земля ответит: «Трибуле!»
Кичись же, скоморох! Любуйся тем, что поднял.
Ты мщением своим качаешь мир сегодня!

Среди последних раскатов грома слышно, как на далеких башенных
часах бьет полночь. Т р и б у л е прислушивается.

Бьет полночь!

(Быстро подходит к дому и стучит в дверь.)

Г о л о с и з н у т р и

Кто там?

Т р и б у л е

(сгорбившись, задыхаясь от волнения)

Я.

Приоткрывается лазейка внизу двери.

Г о л о с

Так ждите у дверей.

С а л ь т а б а д и л ь, согнувшись, вылезает из-под двери, волоча за собой через это узкое отверстие что-то тяжелое, длинный тук, который невозможно рассмотреть в темноте. Ни в руках у него, ни в доме — никакого света.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Трибуле, Сальтабадиль.

Сальтабадиль

Ух, тяжко! Шаг еще! Возьмите поскорей.

Трибуле в судорожном восторге помогает ему вынести на авансцену длинный коричневый мешок, в котором, повидимому, находится труп.

Ваш человек в мешке.

Трибуле

Посмотрим. Посвети-ка!

Сальтабадиль

Как бы не так!

Трибуле

Чего боишься ты? Все тихо.

Сальтабадиль

А вдруг ночной дозор, чорт побори, стрелки?
Тут не до факелов! Шуметь нам не с руки.
Платите!

Трибуле вручает ему кошелек и в то время, как тот считает, рассматривает мешок, лежащий на земле.

Трибуле

Ненависть стать счастьем захотела!

Сальтабадиль

Хотите, помогу швырнуть вам в Сену тело?

Трибуле

Сам справлюсь.

Сальтабадиль

(настойчиво)

А вдвоем скорее бы сошло.

Т р и б у л е

Предать врага земле всегда не тяжело.

С а л ь т а б а д и л ь

Я бы сказал — реке! — Весьма доволен сделкой.

(Подходит к паранету.)

Хозяин, не сюда! На этом месте мелко.

(Показывает ему место, где паранет сломан.)

Орудуйте скорей. Там глубже. В добрый час!

(Входит в дом и запирает дверь за собой.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Т р и б у л е

(один, пристально глядя на мешок)

Добыча! Вот он! Мертв! Взглянуть в последний раз?

(Ощупывает мешок.)

Не стоит. И в мешке я вижу, что похоже!

Вот шпоры острые царапают рогожу.

Конечно, он!

(Выпрямляется и ставит ногу на мешок.)

Теперь смотри на нас, земля!

Вот это — шут, а здесь — останки короля!

Какого! Первого среди владык вселенной!

Вот я топчу его. И он проглочен Сеной,

Как склепом родовым. А саван — чем же плох?

Кто это совершил?

(Скрещивает руки на груди.)

Я, бедный скоморох!

Но как опомниться, как торжество измерить?

Народы на заре откажутся поверить!

Что скажет завтра мир? Что скажет род людской?

Как будет потрясен развязкою такой!

Так кем же он смещен, какой судьбою злейшей —

Его величество, кумир наш августейший,

Принц Валуа, герой, чья грудь в литой броне,
Он, Карла Пятого соперник на коне?
Пред ликом вечности — удачник войн бывалых,
Чья поступь древних стен твердыни колебала!

Изредка слышны раскаты грома.

Он, бившийся всю ночь при Мариньяно, он,
За батальоном в бой бросавший батальон,
Когда же день настал, — да ведомо потомкам, —
Не шпагой дравшийся, а лишь ее обломком, —
Чьим подвигом была вселенная горда,
Король, кумир — и вдруг исчезнет без следа!
Во всем величии, средь челяди придворной,
Блистательный монарх вдруг выкраден проворно,
Так точно, как крадут у матерей ребят, —
Никто не знает кем, под громовой раскат!
Весь этот двор и блеск вдруг обернулись дымом!
Король, что поутру казался неврежимым,
Исчез, рассыпался в воздушной пустоте,
Зажегся и потух, как молнии вон те!
Мы завтра, может быть, свидетелями будем,
Как, бочки золота показывая людям,
Глашатай заорет прохожим на пути:
«Пропал у нас король! Где короля найти?»
Вот чудеса!

(После некоторого молчания.)

А ты, дитя мое, бедняжка,
Отомщена теперь, — и он наказан тяжко!
Нужна мне кровь была, — за несколько монет
Купил ее!

(В ярости склоняется над трупом.)

Подлец! Ты слышишь или нет?
Дороже дочь моя всех королевских тронов!
Жила ведь, никого и пальчиком не тронув,
Ты взял ее, украл и через час вернул
Мне обесчещенной, и стыд ее согнул.
Ну что же, слышишь ты, — ведь это, правда,
Ты слышишь, я смеюсь, отмстивший невозбранно!
странно, -

Да, да! Забывчивым я притворился так,
Чтоб усыпить тебя. И ты считал, простак,
Что гнев отца беззуб, что все легко и просто?
О, в схватке начатой мне нехватало роста!
Я слаб, а ты силен. Но слабый верх возьмет:
Кто ползал пред тобой — тот грудь твою грызет!
Ты мой!

(Еще ниже склоняется над трупом.)

Ты слышишь ли, ты, дворянин от века?
Я шут, я твой дурак, частица человека,
Почти животное! Ты звал меня, как пса!

(Ударяет труп.)

Когда желанье мстить откроет нам глаза
И сонные сердца любая малость ранит, —
Кто хил — тот вырастет, кто низок — тот воспрянет!
И ненависти, раб, не бойся и не прячь!
Расти из кошки тигр! И из шута — палач!

(Приподымается.)

А если бы еще он слышал, как я дерзок, —
Он, не могущий встать!

(Снова наклоняется над мешком.)

Ты слышишь? Ты мне мерзок!
Иди на дно реки, кончай молодые дни.
Быть может, приплывешь в аббатство Сен-Дени!
Прощай, король Франциск!

(Берет мешок за один конец и тащит к воде.)

В тот момент, когда мешок уже на парاپете, дверь дома открывается, и оттуда выходит Магелона. Она беспокойно оглядывается, делает рукой движение, показывающее, что она ничего не видит, входит обратно в дом и сейчас же выходит с королем, показывая ему знаками, что никого нет и что он может спокойно идти. После этого она возвращается к себе, а король проходит в глубине сцены в направлении, указанном ему Магелоной. В этот момент Трибуле собирается столкнуть мешок в Сену.

Т р и б у л е
(держа мешок в руках)

Плыви!

К о р о л ь
(поет в глубине сцены)

Красотки лицемерят,
Безумен, кто им верит!

Т р и б у л е
(вздвинув)

Что слышу я?

Иль смутный гул ночной так обманул меня?

(Оборачивается в страхе, прислушивается.)

К о р о л ь уже ушел, но слышно, как он поет.

Г о л о с к о р о л я
Красотки лицемерят,
Безумен, кто им верит!

Т р и б у л е

Проклятье! Горе мне! В моем мешке — не он!
Он спасся и бежал! Он кем-то подменен!
Ах, чорт! Обманут я!

(Подбегает к дому. Там открыто только верхнее оконце.)

Бандит!

(Измеряет на глаз высоту, обдумывая, нельзя ли взобраться.)

Окно высоко!

(Возвращается к мешку; в ужасе)

Кого же он взамен сюда впихнул жестоко?
Кто жертва бедная?

(Ощупывает мешок.)

Да, здесь лежит мертвец!

(Распарывает мешок кинжалом и тревожно вглядывается.)

Не вижу! Ночь темна, и небо — как свинец.

(Растерянно озирается.)

Нет света! Весь Париж — как кладбище ночное.

(В отчаянии склоняется над телом.)

Дождемся молнии.

(Несколько секунд пристально смотрит на мешок, из которого наполовину вытащил тело Бланш.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т р и б у л е, Б л а н ш.

Внезапная вспышка молнии. Трибуле вскакивает и отступает с неистовым воплем.

Т р и б у л е

Дитя мое родное!

Дочь! Небо и земля! Здесь дочь моя! Она!

(Щупает свою руку.)

О боже! Вся рука в крови обагрена!

Я гибну! Дочь моя! Нет, это призрак ложный!

Нет, это все обман! Нет, это невозможно!

Она спешит в Эврё. Она уже в пути.

(Падает на колени перед телом, устремив взор к небу.)

О боже, это сон! Ты мог ее спасти!

Крылами осени ее головку, боже!

Нет, это не она!..

Молния снова озаряет бескровное лицо и закрытые глаза Бланш.

Она! В гнилой рогоже!

(С рыданием бросается на ее тело.)

Она! Дитя мое! Ответь мне только, дочь!

Тебя убили? Да? Ответь! Сегодня в ночь?

И никого вокруг! На всей земле мы двое!

Дочь! Говори, ответь! Дитя мое живое!

Б л а н ш

(как бы воскрешенная криками отца, приоткрывает глаза и говорит угасшим голосом)

Кто звал меня?

Т р и б у л е
(как безумный)

Жива, вздохнула, поднялась!
И сердце вновь стучит! И не закрыла глаз!

Б л а н ш
(приподымается; она в рубашке, залитой кровью,
ее волосы распущены, ноги скрыты мешком)

Где я?

Т р и б у л е
(поддерживает ее своим объятием)

Дитя мое! Любовь моя! Бедняжка!
Узнала? Слышишь ли? Ответь!

Б л а н ш

Отец! Мне тяжело...

Т р и б у л е
Вот дьявольская тьма... Что сделали с тобой?
Мне страшно, что тебе я причиняю боль...
Не видно ничего! Ты ранена, родная?
Приподымись же!

Б л а н ш
(прерывающимся голосом)

Нож задел — я это знаю —
Мне сердце...

Т р и б у л е
Кто удар нанес из-за угла?

Б л а н ш
Я гибну... я сама... тогда вам солгала —
Любила слишком... вот... и умираю...

Т р и б у л е
Кара,
Придуманная мной! От моего удара...
Но как же?.. Где они могли тебя найти?

Б л а н ш
(*умирающим голосом*)

Не заставляй меня рассказывать!

Т р и б у л е
(*осыпая ее поцелуями*)

Прости!
Как! Потерять тебя, не зная... Ты слабеешь?

Б л а н ш
(*стараясь повернуться*)

Мне душно... Кончено...

Т р и б у л е
(*приподнимая ее, с тоской в голосе*)

Бланш! Ты еще не смеешь...
Живи!
(*В отчаянии оборачивается.*)

Эй, кто-нибудь! На помощь! — Ни души!
Так и оставят нас, чтоб умерла в глуши?
Ага! Там на стене есть колокол тревожный!
(*К Блани*)

Дождешься ты меня? На миг уйти мне можно?
Я принесу воды, тревогу подыму.

Б л а н ш знаком показывает, что это бесполезно.

Так лучше было бы... Не хочешь? Почему?
(*Не оставляя ее, зовет на помощь.*)

Эй, кто-нибудь!

Полная тишина. Дом погружен в темноту.

Их дом — жилище погребенных!

Б л а н ш в агонии.

Не умирай, постой, голубка, мой ребенок!
Бланш, если нет тебя, я буду нищ и гол.
Не умирай, постой!

Б л а н ш

О!

Т р и б у л е

Локоть мой тяжел?

Тебе мешает он? Переменю я руку.
Так лучше? Легче так? Сейчас утихнет мука.
Дыши! Сейчас придут, помогут и дадут
Тебе воды. — Никто не подошел и тут!

Б л а н ш

(с усилием, угасающим голосом)

Прости его, отец... Прощай...

Голова ее откидывается.

Т р и б у л е

Она не дышит!

(Подбегает к колоколу и бешено звонит в него.)

Убийство! Караул! Огня!

(Возвращается к Бланш.)

Дай мне услышать

Хотя бы голос твой! Скажи мне! Пожалей!

(Пытается приподнять ее.)

Зачем же никнешь ты все ниже, тяжелей?
В шестнадцать лет! О нет! Не может быть разлуки!
Бланш своего отца не бросит в этой муке!
О боже мой, за что? Зачем мертвы уста?

Появляются люди, сбежавшиеся с факелами на звон колокола.

Иль бог безжалостен? Иль эта твердь пуста?
Уж лучше не рождать, не жить совсем на свете,
Чем нам показывать красу твою в расцвете!

Уж лучше не держать и на руках дитя!
Уж лучше бы совсем малюткой, залетя
В наш мир, ты унеслась, как птицы улетают!
Уж лучше, девочка...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, мужчины, женщины из народа.

Ж е н щ и н а

Как за сердце хватают

Его слова!

Т р и б у л е

(оборачивается)

Ага! Пришли вы наконец?

Проснулись во-время!

(Берет за ворот возчика, держащего бич в руке.)

Есть лошадь, молодец?

Колеса есть, скажи?

В о з ч и к

Есть! Не хватай руками!

Т р и б у л е

Так! Можешь голову мне размозжить о камень!

(Снова бросается на тело Бланш.)

Дитя любимое!

О д и н и з п р и с у т с т в у ю щ и х

Отца бы увести!

В таком отчаянье!

Пытаются оттащить Трибуле. Тот сопротивляется.

Т р и б у л е

Не трогайте. Пусти!
Не смейте отнимать! Что я дурного сделал?
Я и не знаю вас!

(К одной из женщин)

Ты выслушать хотела?
Ты плачешь, женщина? Так у тебя в груди
Есть сердце? Пусть они оставят нас!

Женщина вступается за него. Он возвращается к телу Бланш и падает перед ним на колени.

Т р и б у л е

Пади

Ниц, горемычный шут, пред нею на колени!

Ж е н щ и н а

Нельзя устраивать здесь шумных представлений,
А то вас уведут.

Т р и б у л е
(растерянно)

Нет! Кажется, еще

Она жива.

(Обхватывает и приподнимает тело дочери.)

Ко мне склонилась на плечо.
Найдите доктора во что бы то ни стало!
Нам надо отдохнуть. Она ведь так устала.

(Берет ее на руки, как мать уснувшего ребенка.)

Нет, нет! Не умерла! Нет, не захочет бог!
Он знает, как горбун несчастен и убог,
Какая ненависть везде калек встречает,
Как от калек бегут, как их не замечают.
А эта девочка была ко мне нежна,
И, услышав ваш смех, заплакала б она!

Дай мне скорей платок — я оботру ей губки.
Как розовы они у бедненькой голубки!

(Отирает ее лицо.)

О, если бы сейчас, как это помню я,
Златоволосая, двухлетняя моя
Пред вами прыгала...

(Крепко прижимает ее к сердцу.)

Несчастное сердечко,
Больная деточка, погаснувшая свечка!

(Более тихим голосом, любуясь ею)

Я на руках держал ребенка иногда —
Вот как сейчас держу. Как ей спалось тогда!
А только разбужу — мила, как ангел божий!
Я не показывал ей смехотворной рожки, —
Но улыбается все больше и светлей,
И я сто тысяч раз целую ручки ей.
Бедняжка! Умерла! Нет, это сон счастливый.
Смотрите: если бы немного подошли вы,
Вы убедились бы, как дышит горячо.
Глаза откроются. Я буду ждать еще.
Вы видите? Я прав и потому спокоен.
Я понял: это сон, и чувствую, какой он;
Не делаю того, что мне запрещено,
Но с бедной девочкой останусь все равно.

(Смотрит на нее.)

Какое личико! Ни горечи, ни муки
Нет и следа. Вот я уже согрел ей руки.
Пощупайте!

Входит врач.

Женщина

Хирург... Пустите, сударь, к ней!

Трибуле

Не буду вам мешать. Смотрите! Так видней.
Что это, обморок?

В р а ч

(осматривая Бланиш)

Нет, это смерть. Вот рана
Глубокая в боку. И, как это ни странно,
Кровь хлынула вовнутрь, исхода не найдя.

Т р и б у л е

Убил свое дитя! Убил свое дитя!

(Падает на землю.)

ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖА

Автор, как он и обещал в предисловии к предыдущей драме, вернулся к делу всей своей жизни — искусству. Он возобновил свои любимые занятия даже прежде, чем окончательно разделался с жалкими политическими противниками, которые отвлекли его от работы два месяца тому назад. К тому же выпустить в свет новую драму через полгода после драмы запрещенной — это тоже был способ сказать правительству правду в лицо. Это значило показать ему, что оно зря старается. Это значило доказать ему, что искусство и свобода могут возродиться за одну ночь наперекор грубой ступне, попирающей их. И он теперь рассчитывает в одно и то же время продолжать политическую борьбу, если в том будет надобность, и свой литературный труд. Можно выполнять свой долг и заниматься в то же время своим делом. Одно не мешает другому. У человека две руки.

«Король забавляется» и «Лукреция Борджа» не похожи ни по содержанию, ни по форме, и эти два произведения имели каждое столь различную судьбу, что одно из них явится, может быть, основной политической вехой, а другое — вехой литературной в жизни автора. Все же он считает нужным сказать, что эти две пьесы, столь различные по содержанию, по форме и по своей судьбе, тесно связаны в его сознании. Идея, вызвавшая к жизни драму «Король забавляется», и идея, породившая драму «Лукреция Борджа», возникли в одно и то же время, в том же самом сердце. В самом деле, в чем заключается заветная мысль, скрытая под тремя или четырьмя оболочками в драме «Король забавляется»? Вот она. Представьте *физи-*

ческое уродство, самое отвратительное, самое отталкивающее, самое полное; поместите его там, где оно будет выделяться всего сильнее, — на самой нижней, самой подземной, самой презираемой ступени общественного здания; осветите это жалкое существо со всех сторон зловещими лучами контрастов; а затем — дайте ему душу и вложите в эту душу самое чистое из человеческих чувств — отцовское чувство. Что произойдет? Это божественное чувство, разгоревшись в зависимости от определенных причин, преобразит на ваших глазах это униженное существо; до этого ничтожное, оно станет великим; до этого уродливое, оно станет прекрасным. Вот что такое, в сущности, «Король забавляется». Ну, а что такое «Лукреция Борджа»? Представьте *нравственное* уродство, самое отвратительное, самое отталкивающее, самое полное; поместите его там, где оно будет выделяться всего сильнее, — в сердце женщины, наделенной всеми дарами физической красоты и царственного величия, которые еще резче подчеркивают ее преступность, и прибавьте ко всему этому нравственному уродству чувство чистое, самое чистое, какое только женщина может испытывать, — материнское чувство. Чудовище сделайте матерью, — и чудовище возбудит участие, чудовище заставит плакать, и существо, вызывавшее страх, вызовет сострадание, и эта безобразная душа станет почти прекрасной в ваших глазах.

Итак, отцовство, освящающее физическое уродство, — это «Король забавляется»; материнство, очищающее нравственное уродство, — это «Лукреция Борджа». Если бы слово «биология» не было варварским новообразованием, то можно было бы сказать, что в сознании автора две эти пьесы представляют не что иное, как своего рода биологию, которая могла бы быть озаглавлена «Отец и мать». Не все ли равно, что они имели разную судьбу? Второй суждена была удача, первая же стала жертвой приговора без суда и следствия; идея, которая легла в основу первой, останется скрытой от многих глаз в силу целого множества предубеждений; идея, которая вызвала к жизни вторую, каждый вечер, если только мы не поддаемся какой-то иллюзии, встречает понимание и сочувствие со стороны умной и благожелательной публики. *Habent sua fata!*¹

¹ Имеют свою судьбу (лат.).

Но как бы ни обстояло дело с этими двумя пьесами, не имеющими, впрочем, других достоинств помимо того, что публике угодно было отнестись к ним со вниманием, они сестры-близнецы, они обе — и увенчанная успехом и отвергнутая — зачаты вместе, как Людовик XIV и Железная Маска.

Корнель и Мольер имели обыкновение обстоятельно отвечать на критику, вызванную их произведениями, и зрелище, отнюдь не лишенное любопытства, представляет для нас то, как эти два титана театра в своих «предисловиях» и «обращениях к читателю» стараются выпутаться из целой сети придирок, которою непрерывно оплетала их современная критика. Автор этой драмы не считает себя достойным следовать столь великим примерам. Он перед лицом критики будет молчать. Что подобает таким авторитетам, как Мольер и Корнель, не подобает другим. Впрочем, может быть, один только Корнель во всем мире и умеет оставаться великим и возвышенным в то самое время, когда заставляет какое-нибудь из своих предисловий склонять колени перед Скюдери или Шапеленом. Автор отнюдь не Корнель; те, с кем имеет дело автор, отнюдь не Шапелены или Скюдери. Критика, за несколькими единичными исключениями, была по отношению к нему честной и благосклонной.

Конечно, он мог бы ответить на целый ряд замечаний. Тех, кто находит, например, что Дженнаро слишком простодушно позволяет герцогу во втором действии отравить его, он мог бы спросить, почему Дженнаро, лицо, созданное воображением поэта, должен быть более правдоподобным и менее доверчивым, чем исторический Друз у Тацита, *ignarus et iuveniliter hauriens*.¹ Тем, кто ставит ему в упрек, что он преувеличил преступления Лукреции Борджа, он сказал бы: «Почитайте Томази, почитайте Гвиччардини, почитайте прежде всего *Diarium*». ² Тем, кто порицает его за то, что он принял на веру фантастические слухи, ходившие в народе насчет смерти мужей Лукреции, он ответил бы, что часто вымыслы народа составляют правду поэта, и, кроме того, он еще привел бы слова Тацита, историка, который в большей мере, нежели драматург,

¹ Неопытный и по-юношески жадный (лат.).

² Дневник (лат.).

должен был бы проявить критическое отношение к правдивости фактов: «*Quamvis fabulosa et immania credebantur, atrocior semper fama erga dominantius exitus*». ¹ Он мог бы вдаваться в еще более обстоятельные объяснения и вместе с критикой рассмотреть по частям весь остов своей драмы; но ему приятнее благодарить за критику, чем возражать на нее, и, наконец, он предпочитает, чтобы ответы, которые он мог бы дать на замечания критиков, читатель нашел не в предисловии, а в самой драме, если только они в ней действительно содержатся.

Ему извинят, что он отнюдь не настаивает на чисто эстетической стороне своего произведения. Есть целый круг иных, в его глазах не менее высоких идей, которые ему хотелось бы иметь возможность затронуть и углубить по поводу «Лукреции Борджа». С его точки зрения вопросы литературные представляют целый ряд вопросов общественных, и всякое произведение — это деяние. На эту тему он охотно высказался бы пространно, если бы время и место позволяли ему. Театр — мы не устанем это повторять — имеет в наши дни необыкновенное значение, которое возрастает непрерывно вместе с ростом самой цивилизации. Театр — это трибуна. Театр — это кафедра. Театр обладает голосом громким и властным. Когда Корнель говорит: «Что значит царский сан, когда так мало значишь?», Корнель — это Мирабо. Когда Шекспир говорит: «*To die, to sleep*», ² Шекспир — это Боссюэ.

Автор этой драмы знает, какое важное и великое дело театр. Он знает, что драма, пусть и не выходя из границ беспристрастного искусства, выполняет миссию национальную, миссию общественную, миссию человеческую. Когда он видит, как каждый вечер этот умный и просвещенный народ, благодаря которому Париж стал средоточием прогресса, толпится перед занавесом, который через мгновение заставит подняться его мысль, мысль скромного поэта, он чувствует, как мало он значит перед лицом всего этого ожидания, полного любопытства; он чувствует, что его талант — ничто, а все должна решать его честность; он со всей строгостью и сознательностью задает себе

¹ Хотя баснословные и чудовищные, они вызывают к себе доверие, так как молва о смерти владык всегда рассказывает нечто весьма ужасное (лат.).

² Умереть, уснуть («Гамлет») (англ.).

вопрос о философском смысле своего произведения, ибо понимает свою ответственность и не хочет, чтобы эта толпа могла когда-нибудь потребовать от него отчета в том, что он преподавал ей.

Забота о человеческой душе — тоже дело поэта. Нельзя, чтобы толпа разошлась из театра и не унесла с собой какой-либо суровой и глубокой нравственной истины. И он, с божьей помощью, надеется, что и впредь (по крайней мере, пока не кончится то нелегкое время, в которое мы живем) он всегда будет развертывать на сцене зрелища поучительные и наставительные. Он всегда готов будет показать гроб среди пиршественного зала, капюшон монаха рядом с маской, дать услышать заупокойные молитвы среди звуков оргии. Иной раз он выведет на самой авансцене разгул карнавала с песнями во все горло, но из глубины сцены он крикнет: *Memento quia pulvis es.*¹

Он, конечно, знает, что искусство само по себе, искусство чистое, искусство в собственном смысле не требует всего этого от поэта, но он думает, что недостаточно — особенно на сцене — выполнять только требования искусства. А что до язв и бедствий человечества, то всякий раз, как он их выставит напоказ в драме, он постарается набросить на них покров утешающей и высокой мысли и тем смягчить их отвратительную наготу. Марьон Делорм он изобразит на сцене не иначе, как очистив куртизанку силою любви; уроду Трибуле он даст сердце отца; чудовищу Лукреции он даст природу матери. И благодаря этому он с ясной и спокойной совестью сможет смотреть на свое произведение. Драма, о которой он мечтает и которую пытается претворить в действительность, будет в состоянии касаться решительно всего, не загрязняясь от прикосновения. Пусть все будет проникнуто мыслью нравственной и сочувственной — и тогда не останется ничего уродливого или отталкивающего. С вещью самой отвратительной сочетайте религиозную мысль — и она станет чем-то святым и чистым. Соедините образ виселицы и образ бога — это будет крест.

12 февраля 1833

¹ Помни о том, что ты прах (лат.).

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Донна Лукреция Борджа.

Дон Альфонсо д'Эсте.

Дженнаро.

Губетта.

Маффио Орсини.

Джеппо Ливеретто.

Дон Апостоло Газелла.

Асканио Петруччи.

Олоферно Вителлоццо.

Рустигелло.

Астольфо.

Княгиня Негрони.

Привратник.

Монахи.

Вельможи, пажи, стража.

Венеция и Феррара. — 15...

ОСКОРБЛЕНИЕ ЗА ОСКОРБЛЕНИЕМ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Терраса дворца Барбариго в Венеции. Ночное празднество. По сцене время от времени проходят маски. Дворец с обеих сторон террасы великолепно освещен; слышна духовая музыка. Терраса — вся в зелени, погружена в полумрак. На заднем плане, внизу террасы, находится канал Зуэцца, на котором иногда, выделяясь среди темноты, появляются гондолы с масками и музыкантами, слабо освещенные. Каждая из этих гондол проплывает в глубине сцены под музыку, то изящно игривую, то мрачную, постепенно затихающую в отдалении. Вдали видна Венеция в лунном свете.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Молодые люди, роскошно одетые, разговаривают на террасе, держа в руках маски. Губетта, Дженнаро, одетый по-военному, дон Апостоло Газелла, Маффио Орсини, Асканио Петруччи, Олоферно Вителлоццо, Джеппо Ливеретто.

Олоферно. В наши дни творится столько страшных дел, что и об этом случае уже не говорят; но право же, не бывало происшествия более ужасного и более загадочного.

Асканио. Да, темное дело — и дело темных рук.

Джеппо. Как оно было, синьоры, это я знаю. Я это слышал от моего двоюродного брата — его высокопреосвященства кардинала Карриале, а он был осведомлен лучше,

чем кто бы то ни было. Знаете, кардинал Карриале, у которого с кардиналом Риарио завязался этот знаменитый спор по поводу войны против Карла Восьмого Французского?

Д ж е н н а р о *(зевает)*. Ах, опять нам Джеппо рассказывает свои истории. Что до меня, то я не слушаю. Я и без того уже устал.

М а ф ф и о. Такие вещи не занимают тебя, Дженнаро, и это вполне понятно. Ты храбрый искатель приключений. Ты носишь имя, которое тебе случайно дали. Ты не знаешь ни отца своего, ни матери. По тому, как ты держишь шпагу, никто не усомнится, что ты дворянин, но о знатности твоего рода известно только одно — то, что ты дерешься как лев. Мы братья по оружию, и, клянусь, я не для того все это говорю, чтобы тебя обидеть. Ты спас мне жизнь под Римини, я спас тебе жизнь на мосту в Виченце. Мы поклялись помогать друг другу и в опасностях и в делах любви, мстить друг за друга, если надо будет, иметь только общих врагов. Астролог предсказал нам, что мы умрем в один день, и за предсказание мы дали ему десять золотых цехинов. Мы с тобой не друзья, мы — братья. Но ты можешь быть счастлив, что тебя зовут просто Дженнаро, что ты ни с чем не связан, что тебя не преследует рок, который часто по наследству тяготеет над знаменитыми именами. Ты счастлив! Не все ли тебе равно, что происходит, что произошло, — лишь бы достаточно было солдат, чтобы воевать, и женщин, чтобы наслаждаться. Что тебе — история семейств и городов, тебе, воспитаннику полка, у которого нет ни родного города, ни семьи? А для нас, Дженнаро, это все иначе. Мы вправе проявлять участие к страшным событиям нашего времени. Отцы наши и матери участвовали в этих трагедиях, и раны еще кровоточат в семьях почти у всех нас. — Расскажи нам, Джеппо, что тебе известно.

Д ж е н н а р о *(опускается в кресло и принимает такую позу, как будто собирается заснуть)*. Вы разбудите меня, когда Джеппо кончит рассказывать.

Д ж е п п о. Так вот. В тысяча четыреста девяносто...

Г у б е т т а *(из глубины сцены)*. Девяносто седьмом.

Д ж е п п о. Правильно — девяносто седьмом году, однажды в ночь со среды на четверг...

Г у б е т т а. Нет, со вторника на среду.

Д ж е п п о. Вы правы. Так вот, в эту ночь некий лодочник на Тибре, лежавший в своей лодке, — он сторожил свои товары, — увидел нечто страшное. Произошло это на берегу реки, ниже церкви Сан-Джеронимо. Было, вероятно, часов пять утра. Лодочник в темноте увидел, как из улицы, что слева от церкви, вышли двое людей, словно не знавших, куда им направиться, и чем-то озабоченных; потом появились еще двое и наконец еще трое, всего семеро. Из них только один был верхом. Ночь была очень темная. В домах, что выходят на Тибр, одно только окно оставалось освещенным. Семеро приблизились к реке. Тот, который был верхом, повернул лошадь задом к Тибру, и тут лодочник отчетливо увидел, что с ее крупа в одну сторону свисают ноги и в другую — руки и голова. Это был труп мужчины. Пока их товарищи сторожили выходы из улиц, двое пеших сняли труп с лошади, с силой раскачали его и забросили на середину Тибра. В то мгновение, когда труп ударился о поверхность воды, всадник задал какой-то вопрос, и те двое ответили: «Да, монсиньор». Тогда всадник повернулся к Тибру и увидел что-то черное, плававшее на воде. Он спросил, что это. Ему ответили: «Монсиньор, это плащ покойного монсиньора». Один из них стал швырять камни в этот плащ, пока он не погрузился в воду. Когда все это было кончено, они отправились все вместе дорогой, что ведет к Сан-Джакомо. Вот что видел лодочник.

М а ф ф и о. Страшный случай! А человек, которого эти люди бросили в реку, был, наверно, важная особа? И какое, наверно, ужасное зрелище — убийца верхом на коне, а за его спиной — труп!

Г у б е т т а. На коне были два брата.

Д ж е п п о. Вы не ошиблись, синьор де Бельверана. Мертвец — это был Джованни Борджа; всадник — Чезаре Борджа.

М а ф ф и о. Эти Борджа — семейство демонов. Но скажите, Джеппо, за что же брат убил брата?

Д ж е п п о. На ваш вопрос я не отвечаю. Причина столь омерзительна, что даже и упоминать о ней, наверно, смертный грех.

Г у б е т т а. А я вам отвечаю. Чезаре, кардинал Валенсии, убил Джованни, герцога Гандиа, из-за того, что оба брата любили одну и ту же женщину.

Маффио. Кто же была эта женщина?

Губетта (*попрежнему в глубине сцены*). Их сестра.

Джеппо. Довольно, синьор де Бельверана. Не проносите при нас имени этой женщины-чудовища. Нет у нас теперь такой семьи, которой бы она не нанесла глубокой раны.

Маффио. У нее, кажется, был ребенок?

Джеппо. Да, а отцом этого ребенка был Джованни Борджа.

Маффио. Теперь этот ребенок был бы уже взрослым.

Олоферно. Он исчез.

Джеппо. То ли Чезаре Борджа удалось похитить его у матери, то ли матери удалось похитить его у Чезаре Борджа — неизвестно.

Дон Апостооло. Если это мать прячет сына, то правильно делает. С тех пор как Чезаре Борджа, кардинал Валенсии, стал герцогом Валантинуа, он — вы это знаете — умертвил, кроме брата своего Джованни, еще двух племянников, сыновей Гифри Борджа, князя Сквилаччи, и своего двоюродного брата кардинала Франческо Борджа. У него просто страсть — убивать родственников.

Джеппо. Да, он, чорт возьми, хочет остаться единственным Борджа и завладеть всеми богатствами папы!

Асканио. А эта сестра, которую вы, Джеппо, не хотите назвать, она как будто в то самое время ездила тайком в монастырь Святого Сикста и скрывалась там — по какой причине, непонятно.

Маффио. А как звали лодочника, который все это видел?

Губетта. Звали его Джорджо Скъявоне; он перевозил лес в Рипетту.

Маффио (*шопотом, Асканио*). Этот испанец знает о наших делах больше, чем мы, итальянцы.

Асканио (*шопотом*). Мне тоже что-то подозрителен этот синьор де Бельверана. Но не будем углубляться; тут, может быть, таится какая-то опасность.

Джеппо. Ах, синьоры, синьоры! В какое время мы живем! И есть ли в нашей бедной Италии, где свирепствуют войны, чума и эти Борджа, есть ли хоть один такой человек, который на несколько дней вперед мог бы быть спокоен за свою жизнь?

Дон Апостоло. Ну, господа, поскольку мы еще живы, нам придется участвовать в посольстве, которое Венецианская республика отправляет к герцогу Феррары, — поздравить его с победою над Малатеста и с взятием Римини. Когда мы уезжаем в Феррару?

Олоферно. Должно быть, послезавтра. Знаете, оба посланника уже назначены — сенатор Тьополо и начальник галер Гримани.

Дон Апостоло. Будет с нами капитан Дженнаро?

Маффио. Разумеется! Дженнаро и я — мы никогда не расстаемся.

Асканио. Должен сообщить вам, синьоры, нечто важное: там без нас уже пьют испанские вина.

Маффио. Так идем во дворец. Эй, Дженнаро! (*Обращаясь к Джеппо*) А он в самом деле заснул, пока вы рассказывали, Джеппо, вашу историю.

Джеппо. Пусть спит.

Все уходят, кроме Губетты.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Губетта, потом донна Лукреция; Дженнаро, спящий.

Губетта (*один*). Да, я знаю больше, чем они; шопотом они признавались в этом друг другу. Я знаю больше, чем они, но синьора Лукреция знает больше, чем я, герцог Валантинуа знает больше, чем синьора Лукреция, дьявол знает больше, чем герцог Валантинуа, а папа Александр Шестой знает больше, чем дьявол. (*Смотрит на Дженнаро.*) Крепкий, однако, сон у молодежи!

Входит донна Лукреция в маске. Заметив спящего Дженнаро, она смотрит на него с восхищением и благоговением.

Донна Лукреция (*в сторону*). Он спит! Его, наверно, утомил этот праздник! Как он хорош! (*Оборачивается.*) Губетта!

Губетта. Говорите потише, синьора. Здесь я не Губетта, а граф де Бельверана, кастильский дворянин; вы — госпожа маркиза де Понтеквадрато, дама из Неаполя. Мы не должны показывать и вида, будто знакомы. Ведь так вы приказали, ваша светлость. Вы здесь не у себя дома, вы — в Венеции.

Донна Лукреция. Вы правы, Губетта. Но здесь, на террасе, никого нет, кроме этого юноши, а он спит. Мы можем немного поговорить.

Губетта. Как угодно будет вашей светлости. Должен дать вам еще один совет — не снимайте маску. Вас могут узнать.

Донна Лукреция. А что мне до этого? Если они не знают, кто я, то мне бояться нечего; если же они знают, кто я, то страшно будет им.

Губетта. Мы в Венеции, синьора; у вас здесь немало врагов, и они тут на свободе. Венецианская республика, разумеется, не допустит покушения на жизнь вашей светлости, но вас могут оскорбить.

Донна Лукреция. Да, ты прав. Мое имя в самом деле внушает ужас.

Губетта. Здесь не одни венецианцы; есть тут приезжие из Рима, из Неаполя, из Романьи, из Ломбардии, итальянцы со всей Италии.

Донна Лукреция. И вся Италия ненавидит меня! Ты прав! Но это должно измениться. Я родилась на свет не затем, чтобы творить зло, — сейчас я это чувствую более, чем когда бы то ни было раньше. Меня соблазнил дурной пример моей семьи. — Губетта!

Губетта. Синьора?

Донна Лукреция. То, что я тебе сейчас прикажу, надо немедленно сообщить в Сполето.

Губетта. Приказывайте, синьора. У меня всегда наготове четыре оседланных мула и четыре курьера.

Донна Лукреция. Что сделали с Галеаццо Аччайоли?

Губетта. Он все еще в тюрьме — в ожидании, когда ваша светлость велит его повесить.

Донна Лукреция. А Гифри Буондельмонте?

Губетта. В темнице. Вы еще не дали приказания задушить его.

Донна Лукреция. А Манфреди де Курцола?

Губетта. Тоже еще не задушен.

Донна Лукреция. А Спадакаппа?

Губетта. Как вы приказали, яд ему дадут только в день пасхи — в святых дарах. Это будет через шесть недель — сейчас ведь карнавал.

Донна Лукреция. А Пьетро Капра?

Губетта. Пока что он еще епископ Пезары и канцлер, но не пройдет и месяца, как он превратится в горсть праха, ибо святейший отец наш папа арестовал его по вашей жалобе и держит его под надежной охраной в подземельях Ватикана.

Донна Лукреция. Губетта, скорее пиши святейшему отцу, что я прошу о помиловании Пьетро Капры! Губетта, пусть освободят Аччайоли! И Манфреди де Курцола пусть освободят! И Буондельмонте тоже! И Спадакаппу — тоже!

Губетта. Позвольте, позвольте, синьора! У меня дыхание перехватило! Что это за приказания я слышу от вас! Боже мой! Прощения сыплются градом! Помилования так и льются потоком! Я просто утопаю в этом океане мило сердя! Мне прямо не выбраться из этой пучины добрых дел!

Донна Лукреция. Добрые дела или злые — не все ли тебе равно, если я плачу за них?

Губетта. Ах, доброе-то дело куда труднее, чем злое! И что же теперь станет со мной, с бедным Губеттой, если вы решили стать милосердной?

Донна Лукреция. Слушай, Губетта, ты ведь самый старый мой, самый преданный друг.

Губетта. Да, вот уже пятнадцать лет, как я имею честь быть вашим помощником.

Донна Лукреция. Ну так скажи, Губетта, старый мой друг, старый мой помощник, не начинаешь ли ты чувствовать потребность изменить твою жизнь? Не хочется ли тебе, чтобы нас с тобой благословляли так же часто, как до сих пор проклинали? Не устал ты от преступлений?

Губетта. Я вижу, что вы собираетесь стать самой добродетельной из высочайших особ в мире.

Донна Лукреция. Разве наша с тобой слава, страшная слава убийц и отравителей, еще не угнетает тебя, Губетта?

Губетта. Нисколько. Правда, когда я прохожу по улицам Сполето, я слышу, как какие-то грубияны бормочут кругом: «Гм! Вот идет Губетта, Губетта-Яд, Губетта-Кинжал, Губетта-Виселица» — ведь к моему имени они прицепили целый клубок самых язвительных прозвищ. Все это говорится, а если и не говорится, то можно прочесть по глазам. Но что мне до того? К моей дурной славе

я привык, как папский солдат привык присутствовать на богослужении.

Донна Лукреция. Но разве ты не понимаешь, что все эти оскорбительные названия, которыми осыпают тебя, да и меня тоже, могут возбудить презрение и ненависть в таком сердце, в котором ты желал бы вызвать любовь? Или ты, Губетта, никого на свете не любишь?

Губетта. Хотелось бы мне знать, кого любите вы, синьора!

Донна Лукреция. Ты этого и не можешь знать. Но я буду с тобой откровенна. Не стану говорить тебе о моем отце, брате, муже, любовниках...

Губетта. Но ведь кого же еще можно любить?

Донна Лукреция. Есть иная любовь, Губетта.

Губетта. Ну вот еще! Или вы из любви к богу хотите стать добродетельной?

Донна Лукреция. Губетта! Губетта! А если я скажу тебе, что в Италии, в этой страшной, полной преступлений Италии, нашлось сердце благородное и чистое, сердце, полное высокой мужественной доблести, сердце ангела под панцырем воина, что мне, бедной женщине, внушающей ужас, ненавидимой, презираемой, прокливаемой людьми, осужденной небесами, что мне, несчастной всемогущей повелительнице, чья душа томится в смертной муке, мне, Губетта, остается одна надежда, одно прибежище, одна мысль — перед смертью заслужить в этом гордом и чистом сердце хоть малую долю нежности, хоть малую долю уважения, что у меня нет иной честолюбивой мечты, как заставить когда-нибудь это сердце биться легко и радостно на моей груди, — поймешь ли ты тогда, Губетта, почему я тороплюсь искупить мое прошлое, смыть грязь с моего имени, стереть все пятна, что покрывают меня с головы до ног, а мерзкий и кровавый образ, в котором я представляюсь Италии, превратить в образ, овеянный славой, раскаянием и добродетелью?

Губетта. О боже мой, синьора, да вы сегодня, верно, встретились с каким-нибудь схимником?

Донна Лукреция. Не смейся. Уже давно у меня такие мысли — только я тебе не говорила. Человек, увлеченный потоком преступлений, не может остановиться, когда захочет. Два ангела — добрый и злой — боролись во мне, но мне кажется, что добрый ангел одержит верх.

Губетта. Если так — *te Deum laudamus, magnificat anima mea Dominum!*¹ — Да знаете ли, синьора, что я вас больше не понимаю и что с некоторых пор вы стали загадкою для меня? Месяц тому назад вы, ваша светлость, объявляете, что отправляетесь в Сполето, прощаетесь с вашим супругом, его светлостью доном Альфонсо д'Эсте, который, впрочем, настолько мил, что влюблен в вас, как нежный голубок, а ревнив, как тигр; итак, ваша светлость покидаете Феррару и тайком приезжаете в Венецию, почти без свиты, под именем какой-то неаполитанки, а я — под именем испанца. Прибыв в Венецию, вы, ваша светлость, расстаетесь со мной и приказываете не быть с вами знакомым; потом вы начинаете носиться по празднествам, концертам, балам и ужинам, пользуетесь карнавалом, чтобы нигде не появляться без маски, таитесь от взглядов, никем не узнаны, еле разговариваете со мной — и то только вечером, где-нибудь в дверях — и вот, в довершение всего этого маскарада, проповедь, с которой вы обращаетесь ко мне! Проповедь, обращенная ко мне! Разве это не поразительно, не чудесно? Вы преобразили ваше имя, преобразили ваш наряд, теперь вы преображаете и вашу душу! По чести говоря, этот карнавал заходит слишком далеко. Тут я теряюсь. В чем же причина такого поведения, ваша светлость?

Донна Лукреция (*хватая его за руку и подводя к спящему Дженнаро*). Видишь этого юношу?

Губетта. Вижу не в первый раз и знаю: вы его преследуете с того дня, как приехали в Венецию и надели маску.

Донна Лукреция. Что ты о нем скажешь?

Губетта. Скажу, что этот юноша спит на скамье, но заснул бы стоя, наслушавшись назидательных и душе-спасительных речей, которыми вы меня угощаете.

Донна Лукреция. Как по-твоему, он очень красив?

Губетта. Он был бы еще лучше, если б глаза у него не были закрыты. Лицо без глаз — что дворец без окон.

Донна Лукреция. Если бы ты знал, как я его люблю!

Губетта. Это уж дело дона Альфонсо, вашего царственного супруга. Должен, впрочем, предупредить вашу

¹ Тебя, боже, славим, да возвеличит душа моя господа (лат.).

светлость, что вы попусту теряете время. Насколько мне известно, этот юноша страстно влюблен в одну прекрасную девушку по имени Фьямметта.

Донна Лукреция. А любит его девушка?

Губетта. Говорят, любит.

Донна Лукреция. Тем лучше! Я так хочу, чтоб он был счастлив!

Губетта. Вот странно — совсем не в ваших нравах. Я считал вас более ревливой.

Донна Лукреция (*глядя на Дженнаро*). Какие благородные черты!

Губетта. Мне все кажется, он на кого-то похож...

Донна Лукреция. Не говори, на кого он похож... Оставь меня.

Губетта уходит. Лукреция словно в благоговейном восторге стоит перед Дженнаро и не замечает, как в глубине сцены появились двое в масках; они наблюдают за нею.

Донна Лукреция (*думая, что она одна*). Так это он! Наконец-то я хоть минуту могу без страха глядеть на него! Нет, я не воображала его таким красавцем! Боже! Не дай мне испытать его ненависть и презрение, — ты ведь знаешь, в нем для меня все, что я люблю на земле! Я не смею снять маску, а надо вытереть слезы.

Снимает маску, чтобы вытереть глаза. Двое в масках тихо разговаривают, пока она целует руку спящего Дженнаро.

Первый. Довольно, я могу вернуться в Феррару. Я приехал в Венецию, только чтобы убедиться в ее неверности; того, что я видел, достаточно. Мое пребывание здесь не может больше продолжаться — пора в Феррару. Этот юноша — ее любовник. Как его имя, Рустигелло?

Второй. Его зовут Дженнаро. Он — наемный солдат, храбрец, без роду, без племени, и о происхождении его не известно ничего. Сейчас он — на службе Венецианской республики.

Первый. Устрой так, чтобы он приехал в Феррару.

Второй. Это, ваша светлость, устроится само собой. Он послезавтра вместе со своими друзьями отправляется в Феррару — они входят в состав посольства, возглавляемого сенаторами Тьополо и Гримани.

Первый. Хорошо. Все, что мне сообщали, оправдилось. Повторяю, я видел достаточно; мы можем вернуться.

Уходят.

Донна Лукреция (*сложив руки и почти что став на колени перед Дженнаро*). О боже мой! Пусть дано ему будет столько счастья, сколько горя выпало мне!

Целует Дженнаро в лоб; он мгновенно просыпается.

Дженнаро (*хватая за руки Лукрецию, пришедшую в замешательство*). Поцелуй!.. Женщина! Клянусь честью, синьора, если бы вы были королевой, а я поэтом, то это было бы точь-в-точь приключение Алена Шартье, французского стихотворца. Но кто вы — я не знаю, а я — я только солдат.

Донна Лукреция. Пустите меня, синьор Дженнаро.

Дженнаро. О нет, синьора.

Донна Лукреция. Кто-то идет! (*Убегает; Дженнаро — за нею.*)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Джеппо, потом Маффио.

Джеппо (*входя с противоположной стороны*). Чье лицо я вижу? Да, это она! Эта женщина в Венеции! — Эй, Маффио!

Маффио (*входит*). Что такое?

Джеппо. Должен рассказать тебе о необыкновенной встрече. (*Говорит что-то на ухо Маффио.*)

Маффио. Ты в этом уверен?

Джеппо. Так, как уверен в том, что мы здесь во дворце Барбариго, а не во дворце Лаббиа.

Маффио. Она с Дженнаро вела нежный разговор?

Джеппо. Да, с Дженнаро.

Маффио. Надо вырвать из этой паутины брата моего Дженнаро.

Джеппо. Идем, предупредим друзей.

Уходят. Сцена ненадолго остается пустой; только время от времени в глубине под музыку проплывают гондолы. Дженнаро и донна Лукреция в маске возвращаются.

Дженнаро, донна Лукреция.

Донна Лукреция. На этой террасе темно и безлюдно; здесь я могу снять маску. Я хочу, чтобы вы, Дженнаро, видели мое лицо. *(Снимает маску.)*

Дженнаро. Вы — красавица!

Донна Лукреция. Посмотри на меня, Дженнаро, и скажи, что я не внушаю тебе ужаса!

Дженнаро. Мне — внушаете ужас? Да что вы, синьора! Я, напротив, чувствую в глубине сердца, как что-то влечет меня к вам.

Донна Лукреция. Так тебе кажется, Дженнаро, что ты мог бы полюбить меня?

Дженнаро. Почему же нет? Но все же, синьора, я буду искренним и скажу, что есть женщина, которая мне дороже.

Донна Лукреция *(с улыбкой)*. Знаю, маленькая Фьямметта.

Дженнаро. Нет.

Донна Лукреция. Кто же это?

Дженнаро. Моя мать.

Донна Лукреция. Твоя мать! Твоя мать, о мой Дженнаро? Ты, не правда ли, очень любишь твою мать?

Дженнаро. А между тем я никогда не видел ее. Это вам, наверно, кажется удивительным? Но мне почему-то хочется открыться вам. Слушайте, я расскажу вам тайну, которую еще не рассказывал никому, даже моему брату по оружию — не рассказывал даже Маффио Орсини. Странно, что доверяешься так первому встречному, но у меня такое чувство, словно вы для меня не первая встреча. Я — солдат, не знающий своей семьи; я вырос в Калабрии в семье рыбака, сыном которого себя считал. В день, когда мне исполнилось шестнадцать лет, рыбак поведал мне, что он мне не отец. Вскоре за тем явился незнакомец: он посвятил меня в рыцари и уехал, не подняв забрала своего шлема. Еще через некоторое время какой-то человек, весь в черном, принес мне письмо. Я распечатал его. Мне писала моя мать — моя мать, которую я

не знал, моя мать, которая представлялась мне доброй, нежной, милой, прекрасной — вот как вы! Моя мать, которую я обожал всей моей душой! Из этого письма, где не было названо ни одного имени, я узнал, что принадлежу к знатному и знаменитому роду и что мать моя очень несчастна. Бедная моя мать!

Донна Лукреция. Добрый Дженнаро!

Дженнаро. С того дня я стал искать счастья на войне: ведь если я чего-то стою по моему рождению, я должен стать чем-то и благодаря моей шпаге. Я всюду побывал в Италии. Но где бы я ни находился, в первый день каждого месяца ко мне является один и тот же гонец. Он вручает мне письмо от моей матери, получает от меня ответ и удаляется. Он мне ничего не говорит, и я не говорю ему ни слова: он глухонемой.

Донна Лукреция. Так ты ничего не знаешь о твоей семье?

Дженнаро. Я знаю, что у меня есть мать, что она несчастна, и я отдал бы мою жизнь, чтобы видеть ее слезы, отдал бы душу, чтобы видеть ее улыбку. Это все, что я знаю.

Донна Лукреция. Где же у тебя эти письма?

Дженнаро. Я храню их все здесь, на моей груди. Мы, люди военные, часто подставляем нашу грудь ударам шпаг, а письма матери — это надежная броня.

Донна Лукреция. Благородное сердце!

Дженнаро. Хотите посмотреть на ее почерк? Вот одно из ее писем. *(Вынимает одно из писем, спрятанных у него на груди, целует его и подает донне Лукреции.)* Прочитайте.

Донна Лукреция *(читает)*. «Не старайся, мой Дженнаро, узнать, кто я, пока не настанет день, который я назначу. Право же, я достойна сострадания. Меня окружают безжалостные родственники, которые убили бы тебя, как они убили твоего отца. Тайна твоего рождения, дитя мое, должна быть известна только мне одной. Если бы ты ее знал, ты не мог бы о ней молчать — столько в этом скорби и столько величия; молодость доверчива, и ты не ведаешь, как это известно мне, что за опасности обступают тебя со всех сторон. Бог весть, ты, может быть, пошел бы им навстречу из безрассудной юной смелости, ты прогово-

рился бы или дал угадать, кто ты, — и ты не прожил бы двух дней после того. Нет! Нет! Довольно с тебя и этого: знай, что у тебя есть мать, что она обожает тебя и днем и ночью охраняет твою жизнь. Мой Дженнаро, мой сын, ты — это все, что мне дорого на земле; сердце мое трепещет, когда я думаю о тебе». (*Останавливается, глотая слезы.*)

Д ж е н н а р о. С каким чувством вы это читаете! Кажется, будто вы не читаете, а говорите. О! Вы плачете! Вы — добрая, синьора, и я люблю вас за то, что вы плачете над письмом моей матери. (*Берет письмо, снова его целует и прячет на груди.*) Да вот вы видите — вокруг моей колыбели творились преступления. Бедная моя мать! Теперь, не правда ли, вам понятно, что меня мало занимают любовные интриги и истории, — я живу одной только мыслью, мыслью о моей матери! О! освободить мою мать! Служить ей, отомстить за нее, утешить ее — какое это счастье! О любви я подумаю потом! А все, что я делаю, — я делаю для того, чтобы быть достойным моей матери. Немало найдется наемных солдат, которые не очень-то разборчивы и готовы сражаться за дьявола, после того как они сражались за архангела Михаила; но я — я служу только правому делу; я хочу, чтобы пришел день, когда к ногам моей матери я смогу положить шпагу, чистую и безупречную, как шпага императора. Знаете, синьора, мне предлагали за большие деньги поступить на службу к этой мерзкой Лукреции Борджа. Я отказался...

Д о н н а Л у к р е ц и я. Дженнаро! Дженнаро! Пожалейте и злых людей! Вы ведь не знаете, что творится у них на душе.

Д ж е н н а р о. К безжалостным у меня нет жалости. Но не стоит говорить об этом, синьора. А теперь, когда я вам сказал, кто я такой, ответьте мне тем же — скажите и вы, кто вы такая.

Д о н н а Л у к р е ц и я. Женщина, которая любит вас, Дженнаро.

Д ж е н н а р о. А ваше имя?

Д о н н а Л у к р е ц и я. Не спрашивайте меня больше.

Факелы. Шумно входят Джеппо и Маффио. Донна Лукреция стремительно надевает снова маску.

Те же, Маффио Орсини, Джеппо Ливеретто, Асканио Петруччи, Олоферно Вителлоццо, дон Апостоло Газелла, вельможи, дамы, пажи с факелами.

Маффио (*держа факел*). Хочешь знать, Дженнаро, кто эта женщина, с которой ты говоришь о любви?

Донна Лукреция (*надев маску, в сторону*). О праведное небо!

Дженнаро. Все вы мои друзья, но, клянусь богом, — тот, кто дотронется до маски этой женщины, будет изрядный смельчак. Маска женщины священна так же, как лицо мужчины.

Маффио. Только для этого надо, чтобы и женщина была женщиной! Ее мы не хотим оскорблять — мы хотим лишь сказать ей, как нас зовут. (*Делая шаг в сторону Лукреции*) Синьора, я Маффио Орсини, брат герцога де Гравина, которого ваши сбирьы задушили ночью, когда он спал.

Джеппо. Синьора, я Джеппо Ливеретто, племянник Ливеретто Вителли, которого по вашему приказу закололи в подземельях Ватикана.

Асканио. Синьора, я Асканио Петруччи, двоюродный брат Пандольфо Петруччи, властителя Съены, которого вы убили, чтобы вернее завладеть его городом.

Олоферно. Синьора, меня зовут Олоферно Вителлоццо, я племянник Яго д'Аппиани, которого вы отравили во время празднества, вероломно захватив его крепкий замок в Пьомбино.

Дон Апостоло. Синьора, вы казнили на эшафоте дона Франческо Газелла, дядю вашего третьего мужа, дона Альфонсо Арагонского, которого, по вашему приказанию, убили алебардами на лестнице собора святого Петра. Я дон Апостоло Газелла, двоюродный брат второго из них и сын первого.

Донна Лукреция. О боже!

Дженнаро. Кто эта женщина?

Маффио. А теперь, синьора, когда мы вам сказали, как нас зовут, хотите — мы вам скажем, как зовут вас?

Донна Лукреция. Нет, нет, синьоры, сжальтесь! Только не при нем!

Маффио (*снимая с нее маску*). Скиньте маску, сударыня, — посмотрим, способны ли вы еще краснеть.

Дон Апостоло. Дженнаро, эта женщина, с которой ты говорил о любви, — отравительница и развратница.

Джеппо. Кровосмесительница во всех степенях родства. Она грешила с обоими своими братьями, и один убил другого из-за любви к ней.

Донна Лукреция. Пощадите!

Асканио. Грешила со своим отцом — папой римским!

Донна Лукреция. Сжальтесь!

Олоферно. Грешила бы и со своими детьми; но небо отказывает в них чудовищам!

Донна Лукреция. Довольно! Довольно!

Маффио. Хочешь знать ее имя, Дженнаро?

Донна Лукреция. Пощадите, синьоры, пощадите!

Маффио. Дженнаро, хочешь знать ее имя?

Донна Лукреция (*у ног Дженнаро*). Не слушай их, мой Дженнаро!

Маффио (*простирая руку*). Это—Лукреция Борджа!

Дженнаро (*отталкивая ее*). О!

Все. Лукреция Борджа!

Она падает без чувств к ногам Дженнаро.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Площадь в Ферраре. Направо — дворёц с решетчатым балконом и низкой входной дверью. Под балконом — герб на большом каменном щите, внизу которого — надпись крупными и выпуклыми позолоченными буквами: «Borgia». Налево — маленький домик с дверью на площадь. На заднем плане — дома и колокольни.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Донна Лукреция, Губетта.

Донна Лукреция. Все ли готово для вечера, Губетта?

Губетта. Да, синьора.

Донна Лукреция. Они будут все впятером?

Губетта. Все впятером.

Донна Лукреция. Губетта, они меня жестоко оскорбили!

Губетта. Я при этом не был.

Донна Лукреция. Они были безжалостны!

Губетта. Они так, во весь голос, называли ваше имя?

Донна Лукреция. Они его, Губетта, не называли, они мне его швырнули в лицо!

Губетта. Так прямо, на балу?

Донна Лукреция. При Дженнаро!

Губетта. Если так, то с их стороны крайне легкомысленно покинуть Венецию и приехать в Феррару. Правда, им нельзя было поступить иначе — ведь сенат отправил их с посольством, которое прибыло сюда на прошлой неделе.

Донна Лукреция. О! Он ненавидит и презирает меня теперь, и тому виною — они. Ах, Губетта, я им отомщу!

Губетта. Рад слышать, наконец, разумное слово. Слава богу, вы бросили ваши человеколюбивые бредни! Я чувствую себя куда лучше с вашей светлостью, когда вы верны своей природе, как вот сейчас. Тут я по крайней мере знаю, как мне быть. Вот видите ли, синьора: озеро — это противоположность острова, башня — противоположность колодца, акведук — противоположность моста, а я имею честь быть противоположностью добродетельного человека.

Донна Лукреция. Дженнаро с ними. Смотри, чтобы с ним ничего не случилось.

Губетта. Если бы мы с вами сделались добрыми людьми, это было бы чудовищно.

Донна Лукреция. Повторяю тебе — смотри, чтобы с Дженнаро ничего не случилось.

Губетта. Будьте покойны.

Донна Лукреция. Мне все же очень бы хотелось увидеть его еще раз.

Губетта. Благодарение богу, ваша светлость видите его каждый день. Вы подкупили его слугу, чтобы он уговорил своего господина поселиться в этой вот лачуге против вашего балкона, и сквозь решетки вашего окна вы всякий день имеете несказанное счастье видеть, как приходит и уходит вышеупомянутый дворянин.

Донна Лукреция. Я хочу с ним говорить, Губетта.

Губетта. Ничего нет проще. Пошлите вашего мастера на все руки Астольфо сказать ему, в котором часу ваша светлость будете ждать его во дворце.

Донна Лукреция. Я так и сделаю, Губетта. Но пожелает ли он придти?

Губетта. Удалитесь, ваша светлость; он, кажется, сейчас пройдет под вашими окнами с этими сорванцами.

Донна Лукреция. Они попрежнему принимают тебя за графа де Бельверана?

Губетта. Они меня считают испанцем с головы до пят. Я их лучший друг. Я беру у них деньги в долг.

Донна Лукреция. Деньги! А зачем?

Губетта. Да затем, чтобы их иметь. Впрочем, казаться нищим и держать дьявола за хвост — это в самом что ни на есть испанском духе.

Донна Лукреция (*в сторону*). О боже, огради Дженнаро от несчастья!

Губетта. А по этому поводу, синьора, мне в голову пришла одна мысль.

Донна Лукреция. Что за мысль?

Губетта. Да та, что хвост у дьявола должен быть очень прочно приделан, привинчен, припаян к позвоночному хребту, чтобы устоять прогив великого множества людей, которые то и дело его дергают.

Донна Лукреция. Ты по всякому поводу шутишь, Губетта.

Губетта. Таков мой обычай.

Донна Лукреция. Они идут, кажется. — Ничего не забудь. (*Входит во дворец через маленькую дверь под балконом.*)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Губетта, один.

Губетта. Кто такой этот Дженнаро? И на какого чорта он ей дался? Что и говорить — не знаю я всех тайн нашей красавицы, но тут мое любопытство возбуждено. На этот раз она, право же, не оказала мне доверия, так пусть не воображает, что я ей буду помогать; из истории с Дженнаро пусть выпутывается, как сумеет. И что за странная манера так любить, когда сама ты — дочь

Родриго Борджа и Ваночцы, когда в жилах у тебя течет кровь куртизанки, смешанная с кровью папы! Синьора Лукреция предается платоническим чувствам! Ничему теперь не буду удивляться — пусть мне даже скажут, что папа Александр Шестой верит в бога! (*Смотрит в соседнюю улицу.*) Ну вот и наши юные безумцы с венецианского карнавала. Великолепная пришла им мысль — смертельно оскорбив герцогиню Феррарскую, приехать из свободного государства в Феррару! На их месте я, конечно, воздержался бы от участия в свите венецианского посольства. Но такова уж молодежь. В подлунном мире волчья пасть то самое место, куда они бросаются охотнее всего.

Входят молодые люди; сперва они не замечают Губетты, который, чтобы удобнее наблюдать, стоит у одного из столбов, поддерживающих балкон. Они разговаривают вполголоса, видимо встревоженные.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Губетта; Дженнаро, Маффио, Джеппо, Асканио, дон Апостоло, Олоферно.

Маффио (*тихо*). Что бы вы ни говорили, господа, а не следовало ехать в Феррару после того, как мы в самое сердце поразили синьору Лукрецию Борджа.

Дон Апостоло. Что нам было делать? Сенат послал нас сюда. Разве есть возможность не подчиниться приказаниям всемогущего сената? Нас назначили, и надо было ехать. Я, однако, не закрываю глаза на то, что эта Лукреция и в самом деле опасный враг. Здесь она госпожа.

Джеппо. Что же она, Апостоло, может нам сделать, по-твоему? Разве мы не на службе у Венецианской республики? Разве мы не принадлежим к посольству? Ведь коснуться и волоса на голове у одного из нас — это значило бы объявить войну дожу, а Феррара не очень-то любит меряться силами с Венецией.

Дженнаро (*задумчиво, в глубине сцены, не вмешиваясь в разговор*). О моя мать! Моя мать! Кто мне скажет, как мне помочь моей несчастной матери?

М а ф ф и о. Можно тебя уложить в могилу, Джеппо, и при этом не коснуться волоса на твоей голове. Есть яды, с помощью которых Борджа устраивают свои дела бесшумно и незаметно и куда лучше, чем с помощью топора или кинжала. Вспомни, каким образом Александр Шестой отправил на тот свет султана Зизими, брата Баязета.

О л о ф е р н о. И сколько еще других!

Д о н А п о с т о л о. Что касается брата Баязета, его история — любопытная и довольно страшная. Папа внушил ему, что Карл Французский отравил его, когда они вместе ужинали; Зизими всему поверил и принял из прекрасных рук Лукреции Борджа противоядие, которое через два часа освободило Баязета от его брата.

Д ж е п п о. Видно, этот милейший турок плохо разбирался в политике.

М а ф ф и о. Да, у Борджа есть яды, которые убивают человека в один день или в один год, как заблагорассудится хозяевам. От этих проклятых ядов вино становится вкусней, и бутылку допиваешь с особым удовольствием. Думаешь, что пьян, а ты мертв. Или вдруг человек начинает чахнуть, кожа его сморщивается, глаза проваливаются, волосы седеют, зубы крошатся как стекло, попавшее в хлеб; он уже не ходит, а тащится, не дышит, а хрипит, не смеется, не спит, дрожит от холода на солнце в самый полдень; он еще юноша, а видом старик; некоторое время он еще томится в агонии и, наконец, умирает. И вот, когда он уже мертв, люди вспоминают, что полгода или год назад он выпил у Борджа стакан кипрского вина. (*Оборачивается.*) Да вот, господа, как раз перед вами Монтефельтро, вы его, может быть, знаете; он здешний житель, как раз с ним это и случилось. Вон он там, в конце площади. Посмотрите на него.

В глубине сцены, шатаясь, прихрамывая и опираясь на палку, проходит седой человек, очень худой, закутанный в плащ.

А с к а н и о. Бедный Монтефельтро!

Д о н А п о с т о л о. Сколько ему лет?

М а ф ф и о. Двадцать девять — как мне.

О л о ф е р н о. Еще в прошлом году я его видел — он был здоровый и румяный, как вы.

М а ф ф и о. Три месяца тому назад он поужинал у нашего святейшего отца папы в его Бельведерском винограднике.

А с к а н и о. Ужасно!

М а ф ф и о. О! Об этих ужинах у Борджа рассказывают неслыханные вещи!

А с к а н и о. Там царит неистовый разврат, приправленный ядами.

М а ф ф и о. Смотрите, синьоры, как безлюдно вокруг нас на этой площади. Народ не решается подходить так близко к герцогскому дворцу; он боится, как бы яды, что день и ночь изготавливаются там, не проникли наружу сквозь стены.

А с к а н и о. Ведь в сущности, синьоры, посланники имели уже вчера аудиенцию у герцога. Наша миссия почти окончена. В свите посланников пятьдесят человек. Наше отсутствие даже не будет замечено, и я считаю, что для нас благоразумно было бы покинуть Феррару.

М а ф ф и о. И нынче же!

Д ж е п п о. Успеется и завтра, господа. Я приглашен сегодня вечером на ужин к княгине Негрони, а я в нее без памяти влюблен и не хотел бы дать повод думать, что убегаю от самой красивой женщины Феррары.

О л о ф е р н о. Ты приглашен сегодня ужинать к княгине Негрони?

Д ж е п п о. Да.

О л о ф е р н о. И я тоже.

А с к а н и о. И я тоже.

Д о н А п о с т о л о. И я тоже.

М а ф ф и о. И я тоже.

Г у б е т т а (*показываясь из-за колонны*). И я тоже, синьоры.

Д ж е п п о. А-а! Вот и синьор де Бельверана. Ну что ж! Мы отправимся туда все вместе и весело проведем вечер. Здравствуйте, синьор де Бельверана.

Г у б е т т а. Дай вам бог долгие годы, синьор Джеппо!

М а ф ф и о (*шопотом, к Джеппо*). Вы, Джеппо, наверно скажете, что я малодушен, но, если вы меня послушаетесь, лучше нам не ходить на этот ужин. Дворец Негрони примыкает к герцогскому дворцу, и я не очень-то доверяю любезностям синьора де Бельверана.

Д ж е п п о (*шопотом*). Выс ума сошли, Маффио. Негрони — очаровательная женщина; говорю вам, что я в нее влюблен, — а Бельверана — славный человек. Я спрашивался о нем и о его родне. Мой отец сражался вместе с его отцом при осаде Гренады в году тысяча четыреста восьмидесятом.

М а ф ф и о. Это еще не доказывает, что он сын того отца, с которым был знаком ваш отец.

Д ж е п п о. В вашей воле, Маффио, не идти на этот ужин.

М а ф ф и о. Если вы пойдете, пойду и я.

Д ж е п п о. Коли так, хвала Юпитеру! — А ты, Дженнаро, разве не с нами нынче вечером?

А с к а н и о. Неужели Негрони тебя не пригласила?

Д ж е н н а р о. Нет. Княгиня, видимо, сочла меня недостаточно знатным.

М а ф ф и о (*улыбаясь*). В таком случае ты, мой брат, отправишься на какое-нибудь любовное свидание.

Д ж е п п о. Кстати, расскажи-ка нам, что тебе говорила в тот вечер синьора Лукреция. Она от тебя как будто без ума. Уж она тебе верно всего наговорила. На балу она чувствовала себя свободно и воспользовалась счастливым случаем. Женщины маскируются только для того, чтобы смелей обнажать душу. Лицо — под маской, сердце — нараспашку.

Д о н н а Л у к р е ц и я, за минуту до этого вышедшая на балкон и приподнявшая решетку, слушает их разговор.

М а ф ф и о. Да ты и поселился как раз напротив ее балкона. Ах, Дженнаро, Дженнаро!

Д о н А п о с т о л о. А это, приятель, небезопасно: ведь почтенный герцог Феррары, как говорят, очень ревнует свою супругу.

О л о ф е р н о. Да ну, Дженнаро, признайся, далеко ли зашел твой роман с Лукрецией Борджа.

Д ж е н н а р о. Синьоры, если вы еще будете говорить со мной об этой ужасной женщине, придется пустить в ход шпаги!

Д о н н а Л у к р е ц и я (*на балконе; в сторону*). Увы!

М а ф ф и о. Это шутки, Дженнаро, ничего больше. Но мне кажется, с тобою можно бы и говорить о ней, раз ты носишь ее цвета.

Дженнаро. Что ты хочешь сказать?

Маффио (*показывая на шарф, который надет на Дженнаро*). А этот шарф?

Дженнаро. Мне его прислала Фьямметта.

Маффио. Так ты думаешь. Так велела тебе сказать Лукреция. Но это Лукреция собственными руками вышила его для тебя.

Дженнаро. Ты в этом уверен, Маффио? От кого ты это знаешь?

Маффио. От твоего слуги, который передал тебе шарф: Лукреция его подкупила.

Дженнаро. Проклятие! (*Сбрасывает с себя шарф, разрывает его и топчет ногами.*)

Донна Лукреция (*в сторону*). Увы! (*Опускает решетку и уходит.*)

Маффио. Эта женщина все-таки хороша собой!

Джеппо. Да, но зловещий отпечаток лежит на ее красоте.

Маффио. Это золотой дукат с портретом Сатаны.

Дженнаро. О, будь проклята эта Лукреция Борджа! Вы говорите, эта женщина любит меня? Ну что ж, тем лучше! Пусть это будет ее наказанием. Она внушает мне отвращение. Да, она мне внушает отвращение. Знаешь, Маффио, ведь так бывает всегда: нельзя быть равнодушным к женщине, которая тебя любит. Ее надо или любить, или ненавидеть. А как любить такую? Чем больше женщина преследует нас, тем сильнее мы ее ненавидим. А эта женщина не оставляет меня в покое, одолевает, осаждает меня. Чем я мог заслужить любовь Лукреции Борджа? Разве это не позор, не бедствие? С той самой ночи, как вы во весь голос крикнули ее имя, мысль об этой гнусной женщине так ненавистна мне, что вы и представить себе не можете. Прежде Лукреция Борджа виделась мне только издали, на огромном расстоянии, словно страшный призрак, подымающийся над всей Италией, словно привидение, грозящее всем. Теперь это привидение — мое; оно приходит и садится у моего изголовья; оно любит меня и хочет лечь в мою постель. Клянусь моей матерью, это ужасно! Маффио, она убила синьора де Гравина, твоего брата, — ну что ж, я заменю его тебе, я отомщу ей за него! Вот он, ее гнусный дворец, дворец разврата, дворец предательства, дворец убийства, дворец прелюбодеяства, дво-

рец кровосмесительства, дворец всех преступлений, дворец Лукреции Борджа! О! Если я и не могу наложить клеймо на лицо этой женщины, я наложу его хоть на стену ее дворца! *(Становится на каменную скамью, находящуюся под балконом, и кинжалом вырывает первую букву имени Borgia, так что получается слово orgia.)*

Маффио. Что это он делает, чорт возьми?

Дженнаро. Буквой меньше в имени синьоры Лукреции — это, Дженнаро, головой меньше на твоих плечах.

Губетта. Вот, синьор Дженнаро, каламбур, из-за которого завтра полгорода потянут к ответу.

Дженнаро. Если будут искать виновного, я скрываться не стану.

Губетта *(в сторону)*. Этого бы я хотел! Синьора Лукреция оказалась бы в затруднении.

Уже несколько минут двое людей, одетых в черное, ходят по площади и наблюдают.

Маффио. Синьоры, там какие-то подозрительные личности смотрят на нас с любопытством. По-моему, осторожнее нам будет разойтись. Не делай новых глупостей, брат Дженнаро.

Дженнаро. Будь спокоен, Маффио. Твою руку! Господа, желаю вам веселиться нынче ночью! *(Входит к себе.)*

Остальные расходятся.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Двое в черном.

Первый. Ты что это тут делаешь, Рустигелло?

Второй. Жду, чтобы ты ушел, Астольфо.

Первый. В самом деле?

Второй. А ты что тут делаешь, Астольфо?

Первый. Жду, чтобы ты ушел, Рустигелло.

Второй. Кого тебе нужно, Астольфо?

Первый. Мужчину, который только что вошел в тот дом. А тебе кого нужно?

Второй. Его же.

Первый. Дьявол!

Второй. А на что он тебе?

Первый. Чтобы отвести его к герцогине. А тебе?

Второй. Чтобы отвести его к герцогу.

Первый. Дьявол!

Второй. И что же его ждет у герцогини?

Первый. Наверно, любовь. А у герцога?

Второй. Должно быть, виселица.

Первый. Как быть? Не может он в одно и то же время быть и у герцогини и у герцога, наслаждаться любовью и висеть на виселице.

Второй. Вот дукат. Сыграем в орлянку — посмотрим, кому он достанется.

Первый. Так тому и быть.

Второй. Если проиграю, просто-напросто скажу герцогу, что не нашел птички в гнезде. Дела герцога меня мало касаются. (*Подбрасывает дукат.*)

Первый. Решетка.

Второй (*смотрит на упавшую монету*). Орел.

Первый. Быть ему на виселице. Бери его. Прощай.

Второй. Прощай.

Когда первый удаляется, второй открывает дверь под балконом, входит и возвращается с четырьмя сбирами, с которыми идет к двери дома, куда вошел Дженнаро, затем стучит.

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

СУПРУЖЕСКАЯ ЧЕТА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Зала в герцогском дворце в Ферраре. Обои тисненой кожи с золотыми узорами. Великолепная мебель в итальянском вкусе конца XV века. Герцогское кресло красного бархата с вышитым гербом дома Эсте. Сбоку стол, крытый красным бархатом. В глубине большая дверь. Справа — маленькая дверь. Налево — другая малая дверь, замаскированная под обои. За этой дверью видно начало винтовой лестницы, уходящей под пол и освещенной длинным и узким решетчатым окном.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Альфонсо в великолепном наряде, выдержанном в цветах дома Эсте. Рустигелло в костюме тех же цветов, но более скромном.

Рустигелло. Ваши приказания уже исполнены, ваша светлость. Что прикажете еще?

Дон Альфонсо. Возьми этот ключ. Ступай в галерею Нумы. Там сосчитаешь все резные рамы, начиная с фигуры, что стоит у двери и изображает Геркулеса, сына Юпитера, одного из моих предков. Как дойдешь до двадцать третьей рамы, увидишь маленькое отверстие, скрытое в пасти позолоченного дракона, а это — миланский дракон. Рама эта сделана по желанию Людовика Моро.

Вставь ключ в это отверстие. Рама повернется на петлях, как дверь. В потайном шкафу ты увидишь хрустальный поднос и на нем два графина — золотой и серебряный, и еще две эмалевые чаши. В серебряном графине — чистая вода. В золотом графине — вино, особым образом приготовленное. Ты, Рустигелло, ничего не переставляя на подносе, принесешь все это в соседнюю комнату, и ежели ты слышал, как у людей зубы стучали от страха, когда они рассказывали про знаменитый яд Борджа, порошок белый и блестящий, словно мрамор Каррары, и способный превратить роморантенское вино в сиракузское, ты, конечно, не дотронешься до золотого графина.

Рустигелло. Можно мне идти, ваша светлость?

Дон Альфонсо. погоди. Потом ты возьмешь твою лучшую шпагу и станешь за этой дверью так, чтобы слышать все, что тут будет говориться, и войти по первому же знаку — я позвоню в серебряный колокольчик, а ты знаешь его звук. (*Показывает на колокольчик, стоящий на столе.*) Если я просто позову: «Рустигелло!», ты придешь с подносом. Если я подам знак колокольчиком, ты войдешь со шпагой.

Рустигелло. Будет исполнено, ваша светлость.

Дон Альфонсо. Ты заранее обнажишь шпагу, чтобы потом не терять времени — вытаскивать ее из ножен.

Рустигелло. Слушаюсь.

Дон Альфонсо. Возьми, Рустигелло, две шпаги. Одна может сломаться.

Рустигелло уходит через малую дверь. В среднюю дверь входит слуга.

Слуга. Ее светлость желает говорить с вашей светлостью.

Дон Альфонсо. Пусть войдет.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Альфонсо, донна Лукреция.

Донна Лукреция (*входит стремительно*). Сеньор, это же недостойно, возмутительно, гнусно. Кто-то из ваших подданных — знаете ли вы об этом, дон Альфон-

со? — обезобразил имя вашей супруги под ее родовым гербом. И где же? — На фасаде вашего собственного дворца. Это сделали среди бела дня, открыто! Кто это сделал? Не знаю, но это и дерзость и безумие. Мое имя обещено, и жители вашей Феррары — этот самый гнусный во всей Италии народ — теперь издеваются над моим гербом, столпившись у дворца, как у позорного столба. Неужели вы думаете, дон Альфонсо, что я с этим примирюсь и не предпочту умереть от одного удара кинжала, чем тысячи раз умирать от отравленных стрел насмешки и острословия? Право же, синьор, странно со мной обращаются в ваших феррарских владениях! Мне это начинает надоедать, а вы, на мой взгляд, что-то слишком уж приветливы и спокойны в то самое время, как доброе имя вашей супруги по всему городу забрызгивают грязью, как его нещадно терзают оскорбления и клевета. Я хочу полного удовлетворения, синьор герцог, предупреждаю вас. Придется вам снарядить суд. То, что случилось, не пустяк, уверяю вас. Или вы, чего доброго, думаете, что я ничьим уважением не дорожу и что муж мой не обязан защищать меня? Нет, нет, ваша светлость, кто женится, тот и охраняет, кто дает руку, тот и поддерживает. Я на это рассчитываю. Каждый день приносит мне новые оскорбления, а вас, как я вижу, это нисколько не волнует. Или грязь, которой обливают меня, не обрызгивает и вас, дон Альфонсо? Ну, ради бога, рассердитесь хоть немножко — посмотреть бы мне раз в жизни, как вы негодуете из-за меня! Вы говорите иногда, что в меня влюблены? Так пусть вам будет дорога моя честь. Вы ревнуете? Будьте ревнивы и к моему доброму имени! Если я моим приданным удвоила ваши владения, если я принесла вам не только золотую розу и благословение святого отца, но и нечто большее — Сьену, Римини, Чезену, Сполето и Пьомбино, больше городов, чем у вас было замков, и больше герцогств, чем у вас было баронств, — если я сделала вас самым могущественным властелином в Италии, так это, синьор, вовсе не основание, чтобы вы позволяли вашему народу издеваться надо мной, глумиться и оскорблять, чтобы вы перед лицом всей Европы позволяли вашей Ферраре пальцем показывать на вашу жену, всеми презираемую, поставленную ниже, чем какая-нибудь служанка ваших конюхов или их слуг! Это, повторяю я, не

основание для того, чтобы ваши подданные всякий раз, как я прохожу среди них, непременно говорили: «Ах, эта женщина...» Так вот, объявляю вам, синьор, — я требую, чтобы преступление, совершенное сегодня, было раскрыто и строго наказано, — иначе я пожалуюсь папе, пожалуюсь герцогу Валантинуа, что стоит сейчас у Форли с войском в пятнадцать тысяч. Рассудите же, стоит ли вам взять на себя труд подняться с кресла.

Дон Альфонсо. Синьора, преступление, о котором вы говорите, мне известно.

Донна Лукреция. Как! Преступление вам известно, а преступник не открыт!

Дон Альфонсо. Преступник открыт.

Донна Лукреция. Хвала господу! Но если он открыт, каким же образом он не схвачен?

Дон Альфонсо. Он схвачен, синьора.

Донна Лукреция. Но если он схвачен, как же он еще не наказан?

Дон Альфонсо. Он еще будет наказан. Я хотел знать ваше мнение насчет наказания.

Донна Лукреция. Это вы правильно решили. Где он?

Дон Альфонсо. Здесь.

Донна Лукреция. Ах, здесь? Я хочу, чтобы наказание было примерным, — понимаете, синьор? Ведь это же оскорбление величества. За такие преступления отсекают голову, что замыслила их, и руку, что их исполнила! — Ах, так он здесь! Хочу на него посмотреть.

Дон Альфонсо. Это нетрудно. (*Зовет*) Батиста!

Входит слуга.

Донна Лукреция. Одно только слово, ваша светлость, пока еще не ввели преступника. Кто бы ни был этот человек, — пусть он ваш земляк или даже родственник, — дайте мне ваше слово, дон Альфонсо, слово герцога, носящего корону, что он не выйдет отсюда живым.

Дон Альфонсо. Даю вам это слово. Слышите, синьора, — я даю вам слово!

Донна Лукреция. Конечно, слышу. Очень хорошо. Привести его сюда. Я сама допрошу его! О боже

мой! Что я сделала всем этим феррарцам, которые так преследуют меня?

Дон Альфонсо (*слуге*). Пусть введут преступника.

Дверь в глубине открывается. Появляется Дженнаро, безоружный, между двух стражей. В ту же минуту видно, как по лестнице налево, за дверью, скрытой под обоями, появляется Рустигелло; в руках у него поднос с двумя графинами — золотым и серебряным — и двумя кубками. Он ставит поднос на подоконник, вынимает шпагу и становится за дверью.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Дженнаро.

Донна Лукреция (*в сторону*). Дженнаро!

Дон Альфонсо (*подходя к ней с улыбкой, шопотом*). Разве вы его знаете?

Донна Лукреция (*в сторону*). Это Дженнаро! Боже, какой злой рок! (*С тоскою смотрит на него.*)

Дженнаро отворячивается.

Дженнаро. Ваша светлость, я простой солдат и со всей почтительностью позволю себе обратиться к вам с вопросом. По приказу вашей светлости меня схватили нынче утром в доме, где я остановился. Что вашей светлости угодно от меня?

Дон Альфонсо. Нынче утром, синьор капитан, против дома, в котором вы живете, было совершено преступление, состоящее в оскорблении величества. Имя возлюбленной супруги нашей и двоюродной сестры донны Лукреции Борджа наглым образом изуродовано на стене нашего герцогского дворца. Мы ищем виновника.

Донна Лукреция. Это не он! Тут ошибка, дон Альфонсо. Этот юноша ни при чем!

Дон Альфонсо. Откуда вам это известно?

Донна Лукреция. Я в том уверена. Этот юноша — из Венеции, а не житель Феррары. Таким образом...

Дон Альфонсо. Что же это доказывает?

Донна Лукреция. Дело это было сегодня утром, а мне известно, что утро он провел у некоей Фьямметты.

Дженнаро. Нет, синьора.

Дон Альфонсо. Вот видите, ваша светлость, вы плохо осведомлены. Дайте я сам его спрошу. Скажите, капитан Дженнаро, это вы совершили преступление?

Донна Лукреция *(в полном смятении)*. Какая здесь духота! Просто задохнешься! Воздуха! Мне надо воздуха! *(Идет к окну и, проходя мимо Дженнаро, быстро говорит ему шопотом.)* Скажи, что это не ты!

Дон Альфонсо *(в сторону)*. Она ему что-то шепнула.

Дженнаро. Дон Альфонсо, калабрийские рыбаки, воспитавшие меня и с самого детства купавшие в море, чтобы я рос сильным и смелым, внушили мне правило, следуя которому часто рискуешь жизнью, но честью — никогда: «Делай то, что говоришь; говори то, что делаешь». Герцог Альфонсо, я тот, кого вы ищете.

Дон Альфонсо *(оборачиваясь к донне Лукреции)*. Я дал вам слово, синьора, слово герцога.

Донна Лукреция. Я должна сказать вам два слова наедине.

Герцог делает слуге и стражам знак — удалиться с арестованным в соседнюю комнату.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Донна Лукреция, дон Альфонсо.

Дон Альфонсо. Что вам угодно, синьора?

Донна Лукреция. Мне угодно, дон Альфонсо, чтобы этот юноша не погиб.

Дон Альфонсо. Всего несколько минут тому назад вы влетели сюда, как буря, в гневе и в слезах; вы жаловались мне на оскорбление, которое вам нанесли, вы с бранью, с криком требовали головы преступника, вы хотели получить от меня слово, что он не выйдет отсюда живым, и я вам честно дал свое герцогское слово, а теперь вы не хотите, чтобы он погиб! — Клянусь богом, это ново для меня.

Донна Лукреция. Я не хочу, синьор герцог, чтобы этот юноша погиб!

Дон Альфонсо. Синьора, люди моей породы и моего склада не имеют обыкновения оставлять свои обещания невыполненными. Я дал вам слово, — теперь мне

надо отказываться от него? Я поклялся, что преступник умрет, и он умрет. Бог свидетель — вы можете выбрать для него род смерти.

Донна Лукреция (*стараясь казаться веселой и нежной*). Ах, дон Альфонсо, дон Альфонсо, мы, право же, занимаемся пустяками. Ну да, я совершенная сумасбродка, это так. Что поделаешь — меня избаловал отец. С детских лет все мои прихоти всегда исполнялись. Чего я хотела четверть часа тому назад, сейчас я этого больше не хочу. Вы же знаете, дон Альфонсо, что я всегда была такая! Ну сядьте же подле меня и поговорим нежно, искренно, как муж и жена, как два добрых друга.

Дон Альфонсо (*тоже с подчеркнутой любезностью*). Донна Лукреция, вы — дама моего сердца, и я безмерно счастлив, что вам хоть на миг захотелось видеть меня у ваших ног. (*Садится рядом с нею.*)

Донна Лукреция. Как хорошо, когда находишь общий язык! Да знаете ли вы, Альфонсо, что я люблю вас все так же, как в первый день нашего супружества, в тот день, когда вы так блистательно совершили свой въезд в Рим в сопровождении брата моего герцога Валантинуа и вашего брата кардинала Ипполито д'Эсте? Я стояла на балконе под лестницей собора святого Петра. Я и сейчас помню вашу великолепную лошадь всю в золоте, помню, какой царственный был у вас вид!

Дон Альфонсо. Вы сама, синьора, были так прекрасны, так лучезарны под сенью балдахина белой парчи.

Донна Лукреция. О синьор, не говорите обо мне, когда я говорю о вас. Не может быть сомнения, что все принцессы Европы завидуют моему замужеству — ведь во всем христианском мире нет такого рыцаря, как вы. И право, я люблю вас так, как любят в восемнадцать лет. Вы ведь знаете, что я вас люблю, Альфонсо? Надеюсь, вы в этом никогда не сомневаетесь? Пусть я порой бываю и холодной и рассеянной, но таков уж мой нрав, и не сердце тут виной. Послушайте, Альфонсо, если бы ваша светлость слегка журила меня за это, я бы могла быстро исправиться. Хорошо любить друг друга так, как любим мы! Дайте мне руку, поцелуйте меня, дон Альфонсо! И странно, право же, подумать, что такие люди, как вы и я, занимающие самый прекрасный в мире герцогский пре-

стол, любящие друг друга, готовы поссориться из-за какого-то жалкого венецианца—наемного капитана! Надо прогнать этого человека и больше о нем не говорить. Пусть отправляется, мошенник, куда хочет — верно, Альфонсо? Лев и львица не станут же сердиться на какую-то маленькую мошку. Да знаете ли вы, ваша светлость, что если бы корона герцога присуждалась в награду самому красивому из мужчин Феррары, она досталась бы только вам? — Давайте, я сама скажу от вашего имени Батисте, чтобы он как можно скорее распорядился прогнать этого Дженнаро из Феррары!

Дон Альфонсо. Не к спеху.

Донна Лукреция (*с притворной веселостью*). Мне больше не хотелось бы и думать об этом. Позвольте мне, синьор, кончить это дело так, как мне нравится.

Дон Альфонсо. Это дело кончится так, как найду нужным я.

Донна Лукреция. Но ведь у вас-то, мой Альфонсо, у вас же нет причины желать ему смерти.

Дон Альфонсо. А слово, которое я вам дал? Клятва государя — священна.

Донна Лукреция. Пусть это говорят народу. Но мы-то с вами, Альфонсо, знаем, что это такое. Святой отец обещал королю французскому, Карлу Восьмому, что сохранит жизнь Зизими, — тем не менее он умертвил этого Зизими. Герцог Валантинуа на честное слово остался заложником у того же самого простака Карла Восьмого, а как только представился случай, герцог Валантинуа бежал из французского лагеря. Вы сами дали обещание Петруччи вернуть им Сьену. Вы этого не сделали, да и не должны были делать. Да что! История государств полна таких случаев. Ни короли, ни народы и дня не могли бы прожить, если бы стали в точности исполнять обещания. Между нами говоря, Альфонсо, соблюдение клятвы необходимо лишь тогда, когда нет другого выхода.

Дон Альфонсо. Однакоже, донна Лукреция, клятва...

Донна Лукреция. Не приводите мне таких слабых доводов. Я не настолько глупа. Лучше скажите мне, мой дорогой Альфонсо, нет ли у вас особых причин гневаться на этого Дженнаро? Нет? Ну, так подарите мне его жизнь. Ведь вы же обещали мне предать его смерти. Не

все ли вам равно, раз мне угодно его простить? Ведь оскорблена — я.

Дон Альфонсо. Именно потому, что он вас оскорбил, я и не хочу его щадить, любовь моя.

Донна Лукреция. Если вы меня любите, Альфонсо, вы не откажете. А если мне угодно показать пример милосердия? Так можно заслужить любовь вашего народа. Я хочу, чтобы ваш народ полюбил меня. Милосердие делает государя похожим на Иисуса Христа. Будем же, Альфонсо, милосердыми государями. В бедной Италии и без того довольно тиранов, начиная от папского барона-наместника и кончая папой — наместником бога. Кончим это, дорогой Альфонсо. Освободите этого Дженнаро. Пусть это прихоть; но прихоть женщины священна и возвышенна, когда она спасает голову человека.

Дон Альфонсо. Дорогая Лукреция, не могу.

Донна Лукреция. Не можете? Но почему же вы не можете сделать для меня такую малость, как подарить мне жизнь этого капитана?

Дон Альфонсо. Вы, любовь моя, спрашиваете — почему?

Донна Лукреция. Ну да — почему?

Дон Альфонсо. Потому, что этот капитан — ваш любовник.

Донна Лукреция. Боже!

Дон Альфонсо. Потому, что вы гонялись за ним в Венецию! Потому, что погнались бы за ним и в ад! Потому, что я следил за вами, когда вы его преследовали! Потому, что я видел, как вы, задыхаясь под маской, гонялись за ним, точно волчица за своей добычей! Потому, что вот тут, сейчас, вы пожирали его взглядом, полным слез и полным огня! Потому, что вы без всякого сомнения уже отдавались ему, синьора! Потому, что переполнилась мера позора, и мерзости, и разврата! И пора мне отомстить за мою поруганную честь так, чтобы вокруг моей постели кровь лилась рекой. Слышите, синьора?

Донна Лукреция. Дон Альфонсо...

Дон Альфонсо. Замолчите. Постарайтесь теперь лучше оберегать ваших любовников, Лукреция! У входа в вашу спальню ставьте какого хотите стража, но у выхода теперь будет привратник по моему выбору — палач!

Донна Лукреция. Ваша светлость, клянусь вам!

Дон Альфонсо. Не клянитесь. Клятвы — это для народа. Не приводите таких слабых доводов.

Донна Лукреция. Если бы вы только знали...

Дон Альфонсо. Довольно! Я ненавижу всю вашу ужасную семью, всех этих Борджа, и первую — вас, вас, которую я так безумно любил! В конце концов я это должен вам сказать — ведь это же позорное, неслыханное и удивительное дело, что в вашем и моем лице соединились дом Эсте, который стоит больше, чем дом Валуа или дом Тюдоров, — да, дом Эсте, — и семья Борджа, которая зовется даже не Борджа, а Ленцуоли, или Ленцолио, или еще бог знает как! Мне внушает ужас ваш брат Чезаре, у которого от природы кровавые пятна на лице, ваш брат Чезаре, который убил вашего брата Джованни! Мне внушает ужас ваша мать — эта Роза Ваноцца, старая испанская проститутка, которою теперь возмущается Рим, а раньше возмущался Валанс! А ваши самозванные племянники, эти герцоги Сермонетто и Непи, — хороши, право, герцоги, герцоги со вчерашнего дня, по милости украденных земель! Дайте мне кончить! Мне внушает ужас ваш отец, папа римский, у которого женщин — целый сераль, как у турецкого султана Баязета, ваш отец — этот антихрист, ваш отец, который отправляет на галеры людей достойных и прославленных, а кардиналами делает разбойников, — и когда смотришь на тех и других, одинаково одетых в красное, то невольно задаешь себе вопрос — не каторжники ли стали кардиналами, а кардиналы — каторжниками?

Донна Лукреция. Ваша светлость! Ваша светлость! Заклинаю вас на коленях, заклиная во имя Христа и девы Марии, во имя вашего отца и вашей матери, заклиная — пощадите этого капитана!

Дон Альфонсо. Вот это любовь! — С его трупом, синьора, вы сможете делать все, что вам заблагорассудится, а ждать этого не потребуется и часа.

Донна Лукреция. Пощадите Дженнаро!

Дон Альфонсо. Мое решение бесповоротно, и если бы вы могли читать в моей душе, вы замолчали бы, как если бы он был уже мертв.

Донна Лукреция (*поднимаясь*). Так берегитесь же, дон Альфонсо Феррарский, мой четвертый муж!

Дон Альфонсо. О, не пугайте, синьора! Ей-богу, я вас не боюсь! Я знаю ваши повадки. Я не позволю себя

отравить, как ваш первый муж, этот жалкий испанский дворянин, которого уж не помню, как звали, да и вы не помните! Я не позволю прогнать себя, как второй ваш муж, Джованни Сфорца, властитель Пезары, этот болван! Я не позволю заколоть себя пиками на какой бы то ни было лестнице, как третий — дон Альфонсо Арагонский, слабый ребенок, чья кровь даже не окрасила ступеней — так, как будто это была чистая вода. Спокойно! Я мужчина, синьора. В нашем роду часто носили имя Геркулеса. Клянусь небом! В городе моем и в моих владениях полно солдат, и я сам — один из них, и моих добрых пушек я еще не продал, как этот бедняга король Неаполя, вашему светлейшему отцу папе.

Донна Лукреция. Вы раскаетесь в этих словах, синьор. Вы забываете, кто я.

Дон Альфонсо. Я прекрасно знаю, кто вы, но я знаю также, где вы находитесь. Вы — дочь папы, но вы не в Риме; вы правительница Сполето, но вы не в Сполето; вы — жена, подданная и служанка Альфонсо, герцога Феррарского, и вы находитесь в Ферраре!

Донна Лукреция, бледная от ужаса и гнева, пристально смотрит на герцога и медленно отступает перед ним, пока в изнеможении не падает в кресло.

Ах, это вас удивляет и вы испуганы, синьора? А до сих пор я боялся вас. Теперь пусть будет по-новому, и для начала я впервые налагаю руку на вашего любовника — он умрет.

Донна Лукреция (*слабым голосом*). Будьте рассудительны, дон Альфонсо. Если этот человек — тот самый, что так преступно оскорбил меня, он не может быть в то же время моим любовником.

Дон Альфонсо. Почему бы и нет? Он мог это сделать в порыве досады, гнева, ревности. Ведь он тоже, быть может, ревнив. Впрочем, я-то почем знаю? Я хочу, чтобы он умер. Это моя прихоть. Во дворце полно солдат, они преданы мне и слушаются только меня. Бежать отсюда он не может. Вы, синьора, ничему не в силах помешать. Я предоставил вашей светлости выбрать для него род смерти — решайте же.

Донна Лукреция (*ломая руки*). О боже мой! Боже мой!

Дон Альфонсо. Вы не отвечаете? Так я прикажу заколоть его шпагой там, в передней. (*Идет к выходу.*)

Она хватает его за руку.

Донна Лукреция. Стойте!

Дон Альфонсо. Быть может, вы лучше сами нальете ему бокал сиракузского вина?

Донна Лукреция. Дженнаро!

Дон Альфонсо. Он должен умереть.

Донна Лукреция. Только не от шпаги!

Дон Альфонсо. Это мне все равно. Какой же вы способ выбираете?

Донна Лукреция. Другой.

Дон Альфонсо. Только будьте внимательны — не ошибитесь, налейте ему сами из золотого графина. Впрочем, я буду здесь. Не подумайте, что я оставляю вас одну.

Донна Лукреция. Я сделаю то, что вам будет угодно.

Дон Альфонсо. Батиста!

Слуга входит

Привести арестованного.

Донна Лукреция. Вы, ваша светлость, мерзкий человек!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Дженнаро, стража

Дон Альфонсо. Что я слышу, синьор Дженнаро? То, что вы сделали нынче утром, вы сделали, говорят, из озорства и по легкомыслию, а отнюдь не по злому умыслу? Госпожа герцогиня вас прощает, а вы к тому же, как слышно, храбрец. Если так, то, ей-богу, вы можете целым и невредимым возвращаться в Венецию. Богу не угодно, чтобы я лишил славную Венецианскую республику доброго слуги, а христианство — верного воина с верной шпагой в руке, да еще в такое время, когда в Кипрских и Кандийских водах стали появляться язычники и сарацины!

Дженнаро. Очень этому рад, ваша светлость. Признаться, я не ожидал такой развязки, но я благодарен

вашей светлости. Милосердие — это царственная добродетель, и бог пошлет милость на небе тому, кто оказывает милость на земле.

Дон Альфонсо. Скажите, капитан, выгодное ли это дело — служить республике? Сколько вы получаете жалованья в год?

Дженнаро. У меня, ваша светлость, отряд в пятьдесят копий; людей я содержу и одеваю на свой счет. Республика платит мне две тысячи золотых цехинов в год, не считая военной добычи и случайных доходов.

Дон Альфонсо. А если бы я предложил вам четыре тысячи, поступили бы вы на службу ко мне?

Дженнаро. Это невозможно. Я еще пять лет должен прослужить республике. Я уже связал себя.

Дон Альфонсо. Связали — чем?

Дженнаро. Словом.

Дон Альфонсо (*тихо, донне Лукреции*). Оказывается, синьора, они тоже умеют держать слово. (*Громко*) Так и не будем говорить об этом, синьор Дженнаро.

Дженнаро. Я ничем не унижил себя, чтобы спасти свою жизнь, но раз уж ваша светлость мне дарит ее, то вот что я могу теперь не таить от вас. Ваша светлость еще помнит осаду Фаэнцы два года тому назад. Ваш отец, его светлость герцог Эрколе д'Эсте, подвергся там великой опасности со стороны двух стрелков герцога Валантинуа — они чуть не убили его. Неизвестный солдат спас ему жизнь.

Дон Альфонсо. Да, и этого солдата потом не могли разыскать.

Дженнаро. Это был я.

Дон Альфонсо. Это, ей-богу, заслуживает награды. Не примете ли вы, капитан, этот кошелек с цехинами?

Дженнаро. Поступая на службу республики, мы даем клятву не принимать денег от иностранных государей. Но если ваша светлость разрешит, я кошелек возьму и золото раздам от себя этим храбрым воинам. (*Показывает на стражу.*)

Дон Альфонсо. Извольте.

Дженнаро берет кошелек.

Но если так, то, по обычаю наших предков, вы со мною выпьете, как друг, бокал моего доброго сиракузского вина.

Д ж е н н а р о. С удовольствием, ваша светлость.

Д о н А л ь ф о н с о. И, чтобы почтить вас как человека, который спас жизнь моему отцу, пусть госпожа герцогиня сама нальет вам вина.

Д ж е н н а р о кланяется и отходит, чтобы раздать деньги солдатам в глубине сцены.

Рустигелло!

Р у с т и г е л л о появляется с подносом.

Поставь поднос сюда, на этот стол. Так, хорошо. (*Берет донну Лукрецию за руку.*) Слушайте, синьора, что я скажу этому человеку. — Рустигелло, стань снова за этой дверью с обнаженной шпагой в руке; если услышишь звон этого колокольчика, ты войдешь. Ступай.

Р у с т и г е л л о выходит; видно, как он становится за дверью.

Синьора, вы сами нальете вина молодому человеку, и притом из золотого графина, не забудьте.

Д о н н а Л у к р е ц и я (*бледная, слабым голосом*). Да... Если бы вы только знали, что вы делаете в этот миг и как это ужасно, вы бы сами содрогнулись, ваша светлость, как бы ни были бесчувственны!

Д о н А л ь ф о н с о. Не ошибитесь — из золотого графина. — Ну что же, капитан?

Д ж е н н а р о, покончив с раздачей денег, возвращается на авансцену. Герцог наливает себе из серебряного графина и подносит бокал к губам

Д ж е н н а р о. Я просто смущен. Вы так добры, ваша светлость.

Д о н А л ь ф о н с о. Синьора, налейте синьору Дженнаро. Сколько вам лет, капитан?

Д ж е н н а р о (*беря другой бокал и протягивая его герцогине*). Двадцать.

Д о н А л ь ф о н с о (*шопотом, герцогине, пытающейся взять серебряный графин*). Из золотого, синьора!

Она, дрожа, берет золотой графин

А ведь вы, наверно, влюблены?

Дженнаро. Кто же, ваша светлость, хоть немного не влюблен?

Дон Альфонсо. А знаете ли, синьора, что было бы жестокостью отнять этого капитана у жизни, у любви, у Италии с ее солнцем, у красоты его двадцатилетнего возраста, у славного поприща войны и приключений, источника доблести всех царственных домов, у празднеств, у маскарадов, у веселых венецианских карнавалов, где бывает обмануто столько мужей, и у красавиц, которых может полюбить этот юноша и которые — не правда ли, синьора? — должны любить этого юношу? — Так налейте же капитану. (*Шопотом*) Если вы колеблетесь, я позову Рустигелло.

Она молча наливает вино Дженнаро.

Дженнаро. Благодарю вашу светлость за то, что я еще могу жить для моей бедной матери.

Донна Лукреция (*в сторону*). О ужас!

Дон Альфонсо (*пьет*). Ваше здоровье, капитан Дженнаро, — живите долгие годы!

Дженнаро. Ваша светлость, бог да воздаст вам. (*Пьет.*)

Донна Лукреция (*в сторону*). О небо!

Дон Альфонсо (*в сторону*). Дело сделано. (*Вслух.*) Теперь я вас оставляю, капитан. Вы можете ехать в Венецию, когда вам будет угодно. (*Тихо, донне Лукреции*) Благодарите меня, синьора, я оставляю вас с ним наедине. Вы, наверно, захотите с ним проститься. Пусть, если вам это нравится, он будет ваш последние четверть часа своей жизни. (*Уходит, стража следует за ним.*)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Донна Лукреция, Дженнаро.

Рустигелло попрежнему виден за дверью в неподвижной позе.

Донна Лукреция. Дженнаро! Вы отравлены!

Дженнаро. Я отравлен, синьора?

Донна Лукреция. Отравлены!

Дженнаро. Я должен был бы этого ожидать — ведь вино наливали вы.

Донна Лукреция. О, не терзайте меня, Дженнаро. Не отнимайте у меня остатки сил — они мне нужны

еще на несколько минут. Выслушайте меня. Герцог ревнует меня к вам, герцог считает вас моим любовником. Герцог предоставил мне на выбор: или видеть, как Рустигелло тут же заколет вас, или самой налить вам яду — страшного яду, Дженнаро, такого яду, что при одной мысли о нем бледнеет всякий итальянец, знающий историю последних двадцати лет...

Дженнаро. Да, яд Борджа!

Донна Лукреция. Вы его выпили. Никто в мире не знает противоядия от этой ужасной отравы, никто, кроме папы, кардинала Валантинуа и меня. Вот склянка — я всегда ношу ее при себе. В этой склянке, Дженнаро, жизнь, здоровье, спасенье. Одна капля, один глоток — и вы спасены. *(Хочет поднести склянку к губам Дженнаро; он отступает.)*

Дженнаро *(пристально глядя на нее)*. Кто поручится мне, синьора, что и это не яд?

Донна Лукреция *(уничтоженная, падает в кресло)*. О боже! Боже!

Дженнаро. Разве не зовут вас Лукреция Борджа? Или вы думаете, что я не помню о брате Баязета? Ведь я немного знаю историю! Его тоже уверили, что он отравлен — Карлом Восьмым, и дали ему противоядие, от которого он умер. А рука, что поднесла ему противоядие, — вот она — держит эту склянку. И уста, что уговаривали его выпить, вот они — я слышу, как они говорят!

Донна Лукреция. О я несчастная!

Дженнаро. Послушайте, синьора, вы притворяетесь влюбленной, но я не поддамся обману. У вас какой-то страшный умысел против меня. Это видно. Вы, должно быть, знаете, кто я. Вот сейчас по вашему лицу можно прочесть, что вы это знаете, и легко заметить, что у вас есть причина, которая ни за что и никогда не позволит вам открыть мне тайну. Ваша семья должна знать мою семью, и, может быть, в этот час, отравляя меня, вы, кто знает, — мстите не мне, а моей матери?

Донна Лукреция. Вашей матери, Дженнаро! Вы ее, может быть, представляете себе совсем иной, чем она есть. А что бы вы сказали, будь она преступница вроде меня?

Дженнаро. Не клевете на нее. О нет! Мать моя — не такая женщина, как вы, синьора Лукреция!

О, я чувствую ее в моем сердце, я вижу ее в грезах моей души — такой, какая она есть. Образ ее — во мне, он родился со мной: я не любил бы ее так, как люблю, если бы она не была достойна меня. Сердце сына не ошибется насчет матери. Я возненавидел бы ее, если б она могла быть похожа на вас. Но нет, нет! Что-то во мне говорит, говорит громко, что моя мать не из числа тех демонов, которых много среди вас, нынешних красавиц, — кровосмесительниц, развратниц, отравительниц! О боже! Я твердо уверен в том, что если есть на свете женщина невинная, женщина добродетельная, святая — то это моя мать! О, она такая и не может быть иной! Вы ее наверно знаете, синьора Лукреция, и вы не будете мне противоречить!

Донна Лукреция. Нет, Дженнаро, этой женщины, вашей матери, я не знаю!

Дженнаро. Но с кем я об этом говорю? Что вам, Лукреция Борджа, материнские скорби и радости? У вас, как слышно, никогда не было детей, и это счастье для вас. Ведь если бы у вас были дети, — знаете, синьора, — они отказались бы от вас! Где тот несчастный, тот отверженный, что согласился бы иметь такую мать? Быть сыном Лукреции Борджа! Называть матерью Лукрецию Борджа!

Донна Лукреция. Дженнаро! Вы отравлены. Герцог, который уже считает вас мертвым, может вернуться каждый миг! Мне бы думать лишь о том, как вас спасти, помочь вам бежать. А между тем вы говорите такие страшные слова, что я только слушаю их и цепенею от ужаса...

Дженнаро. Синьора...

Донна Лукреция. Но надо кончать! Клеймите меня, убивайте своим презрением, но вы отравлены — выпейте сейчас же это!

Дженнаро. Кому же мне верить, синьора? Герцог честен, и я спас жизнь его отцу. Вас же я оскорбил, вам есть за что мстить мне.

Донна Лукреция. Мстить тебе, Дженнаро! Если б я могла отдать всю мою жизнь, чтобы подарить тебе лишний час жизни, отдать всю мою кровь, чтобы не дать тебе пролить одну-единственную слезу, стать у позорного столба, чтобы возвести тебя на престол, адскими муками заплатить за малейшую из твоих забав — я бы не роптала, я была бы счастлива, я бы целовала твои ноги, мой Джен-

наро! О моем бедном, жалком сердце ты вовеки не узнаешь ничего, кроме того, что оно полно тобою! — Но время не терпит, Дженнаро, яд действует, вот сейчас ты его почувствуешь, еще немного — и будет уже поздно. Жизнь в этот миг открывает перед тобой две темные бездны, но в одной из них минут насчитывается меньше, чем часов в другой. Ты должен решиться, которую избрать. Выбор этот ужасен. Дай мне руководить тобой. Сжался над нами обоими, Дженнаро! Ради неба, выпей скорей!

Д ж е н н а р о. Хорошо, пускай! Если и тут преступление, да падет оно на вашу голову. В конце концов, правду вы говорите или неправду, жизнь моя не стоит таких споров. Давайте. *(Берет склянку и пьет.)*

Д о н н а Л у к р е ц и я. Спасен! Теперь во весь опор мчись в Венецию. Есть у тебя деньги?

Д ж е н н а р о. Есть.

Д о н н а Л у к р е ц и я. Герцог думает, что ты умер. Скрыть от него твое бегство будет легко. Постой! Возьми эту склянку и всегда держи при себе. В наше время ни одна трапеза не обходится без яда. А ты под особенной угрозой. Ну, скорей уходи! *(Указывает ему на дверь, замаскированную обоями, и приоткрывает ее.)* Спустись по этой лестнице. Она выходит в один из дворов палаццо Негрони. Оттуда тебе легко будет выскользнуть. Не жди завтрашнего утра, не жди заката солнца, не жди ни одного часа, ни даже получаса! Оставь Феррару сейчас же, оставь Феррару, как если бы то был горящий Содом, и не оглядывайся назад! — Прощай! — Нет, постой минуту. Я должна сказать тебе, Дженнаро, еще одно слово.

Д ж е н н а р о. Говорите, синьора.

Д о н н а Л у к р е ц и я. Я прощаюсь с тобой, Дженнаро, и больше не увижу тебя никогда. Мне уж и не мечтать о том, чтобы хоть изредка встречать тебя на моем пути. А это было единственное мое счастье. Но это значило бы рисковать твоей головой. И вот мы в этой жизни расстаемся с тобой навсегда! Увы! Я слишком уверена, что мы не встретимся и в будущей жизни. О Дженнаро! Прежде, чем мы простимся с тобой навеки, скажешь ли ты мне хоть слово?

Д ж е н н а р о *(потупив глаза)*. Синьора...

Д о н н а Л у к р е ц и я. Я ведь, как никак, спасла тебе жизнь!

Дженнаро. Так вы говорите. Но все здесь — сплошные потемки. Не знаю, что и думать. Но знаете, синьора, я все могу простить, кроме одного.

Донна Лукреция. Что же это?

Дженнаро. Поклянитесь мне всем, что вам дорого, — хотя бы моей собственной головой, раз вы любите меня, вечным спасением моей души, — поклянитесь мне, что ваши преступления не имеют отношения к несчастьям моей матери.

Донна Лукреция. Все, что я вам говорю, Дженнаро, полно значения. Я не могу дать такую клятву.

Дженнаро. О моя мать! Так вот она, эта ужасная женщина — причина всех твоих несчастий!

Донна Лукреция. Дженнаро!

Дженнаро. Вы сами сознались, синьора! Прощайте же! Я проклиная вас!

Донна Лукреция. А я благословляю тебя, Дженнаро!

Он уходит. Лукреция без чувств падает в кресло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Декорация второй части первого действия. Площадь в Ферраре с балконом герцогского дворца по одну сторону и домом Дженнаро по другую. Ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Альфонсо, Рустигелло, закутавшиеся в плащи.

Рустигелло. Да, ваша светлость, так оно и было. Не знаю уж, с помощью какого зелья она спасла ему жизнь, а потом выпустила его через двор палаццо Негрони.

Дон Альфонсо. И ты стерпел?

Рустигелло. Как было помешать ей? Она заперла дверь на засов. Я не мог выйти.

Дон Альфонсо. Надо было выломать дверь.

Рустигелло. Дверь дубовая, засов железный. Легкое ли дело?

Дон Альфонсо. Мало ли что? — Говорю тебе — надо было сломать засов, надо было войти и убить его.

Рустигелло. Если бы я даже и выломал дверь, синьора Лукреция заслонила бы его собой. Пришлось бы убить и синьору Лукрецию.

Дон Альфонсо. Ну и что же? Что из того?

Рустигелло. На этот счет у меня не было приказаний.

Дон Альфонсо. Рустигелло, хорош тот слуга, который и без лишних слов понимает своего государя.

Рустигелло. К тому же я боялся поспорить вашу светлость с папой.

Дон Альфонсо. Болван!

Рустигелло. Дело было шекотливое, ваша светлость. Убить дочь святейшего отца!

Дон Альфонсо. И не убивая ее, ты разве не мог закричать, позвать, предупредить меня, помешать любовнику удрать?

Рустигелло. Да, а назавтра ваша светлость помирились бы с синьорой Лукрецией, и послезавтра синьора Лукреция велела бы меня повесить.

Дон Альфонсо. Ну довольно. Ты ведь мне сказал, что не все еще потеряно.

Рустигелло. Не все потеряно. Вот видите — свет в окне. Этот Дженнаро еще тут. Его слуга, которого подкупила герцогиня, теперь подкуплен мною и все мне рассказал. Сейчас он с парой оседланных лошадей стоит за крепостью и ждет своего хозяина. Дженнаро вот-вот выйдет из дому.

Дон Альфонсо. Коли так, спрячемся за углом. Ночь темная. Мы его убьем, когда он будет проходить мимо.

Рустигелло. Как прикажете.

Дон Альфонсо. Шпага у тебя надежная?

Рустигелло. Надежная.

Дон Альфонсо. Есть у тебя кинжал?

Рустигелло. На свете только две вещи нелегко найти — итальянца без кинжала и итальянку без любовника.

Дон Альфонсо. Хорошо. Ты ударишь изо всех сил, обеими руками.

Рустигелло. А почему бы, ваша светлость, не арестовать его просто-напросто, а потом и повесить по приговору суда?

Дон Альфонсо. Он венецианский подданный, и это значило бы объявить республике войну. Нет, удар кинжала падает неизвестно откуда и ни на кого не навлекает подозрений. Отравить было бы еще лучше, но стравить не удалось.

Рустигелло. Так, может быть, ваша светлость, прикажете взять четырех сбиров, чтобы вашей милости не вмешиваться в это дело? Они мигом спровадят его на тот свет.

Дон Альфонсо. Друг мой синьор Макьявелли часто говаривал мне, что в подобных обстоятельствах государям лучше всего самим устраивать свои дела.

Рустигелло. Ваша светлость, кто-то идет.

Дон Альфонсо. Станем у сены.

Они прячутся в тень, под балкон. Появляется Маффио в праздничном наряде, что-то напевая, и стучится в дверь к Дженнаро.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Альфонсо и Рустигелло, притаившиеся у стены;
Маффио, Дженнаро.

Маффио. Дженнаро!

Дверь отворяется, показывается Дженнаро.

Дженнаро. Ты, Маффио? Хочешь войти?

Маффио. Нет. Мне надо лишь два слова тебе сказать. Ты решительно не хочешь ужинать с нами нынче у княгини Негрони?

Дженнаро. Я не приглашен.

Маффио. Так я тебя представляю.

Дженнаро. Есть еще другая причина. Тебе-то я должен ее сказать. Я уезжаю.

Маффио. Как? Уезжаешь?

Дженнаро. Через четверть часа.

Маффио. Почему?

Дженнаро. Это я тебе скажу в Венеции.

Маффио. Любовные дела?

Дженнаро. Да, любовные дела.

М а ф ф и о. Ты дурно поступаешь со мною, Дженнаро. Мы поклялись никогда не расставаться, быть неразлучными, как братья, и вдруг ты уезжаешь без меня!

Д ж е н н а р о. Поезжай со мной!

М а ф ф и о. Лучше ты иди со мной! Приятнее провести ночь за ужином в обществе хорошеньких женщин и веселых собеседников, чем на большой дороге, где кругом разбойники да овраги.

Д ж е н н а р о. Нынче утром ты не очень-то был уверен в твоей княгине Негрони.

М а ф ф и о. Я навел справки. Джеппо, оказывается, был прав. Она очаровательная женщина, очень веселая, любит стихи и музыку — вот и все. Ну пойдем со мной!

Д ж е н н а р о. Не могу.

М а ф ф и о. Ехать среди ночи! Тебя убьют.

Д ж е н н а р о. Будь спокоен. Прощай. Желаю веселиться.

М а ф ф и о. Брат Дженнаро, не по душе мне твоя поездка.

Д ж е н н а р о. Брат Маффио, не по душе мне твой ужин.

М а ф ф и о. Что, если с тобой случится беда, а меня при этом не будет?

Д ж е н н а р о. Как знать, не упрекну ли я себя завтра, что покинул тебя сегодня?

М а ф ф и о. И в самом деле, давай не будем разлучаться. Сделаем друг другу уступки. Пойдем сегодня к Негрони, а завтра на рассвете вместе и поедем. Решено?

Д ж е н н а р о. Слушай, придется мне рассказать тебе, Маффио, почему я так внезапно собрался уезжать. Суди сам, прав ли я. *(Отводит Маффио в сторону и говорит ему на ухо.)*

Р у с т и г е л л о *(под балконом, шопотом, дону Альфонсо)*. Нападать, ваша светлость?

Д о н А л ь ф о н с о *(шопотом)*. Подождем.

М а ф ф и о *(хохочет, выслушав рассказ Дженнаро)*. Знаешь, что я тебе скажу, Дженнаро? Тебя одурачили. Во всей этой истории нет ни яда, ни противоядия. Все — чистейшая комедия. Лукреция без памяти влюблена в тебя, и вот она захотела внушить тебе, будто спасла тебе жизнь. Надеется, верно, что благодарность незаметно перейдет в любовь. Герцог — добрый малый, он неспособен кого бы

то ни было ни отравить, ни убить. К тому же ты спас жизнь его отцу, и он это знает. Герцогиня хочет, чтобы ты уехал, — понятное дело. В Венеции ей, право, удобнее заниматься любовью, чем в Ферраре. Муж все-таки ее немножко стесняет. Что же до ужина у Негрони, там будет восхитительно. Ты пойдешь. Надо же, чорт возьми, здраво рассуждать и ничего не преувеличивать. Ты знаешь, что я осторожен и дурного не посоветую. Если было два-три знаменитых случая, когда эти Борджа за ужином отравляли превосходным вином самых лучших своих друзей, так это еще не причина, чтобы вовсе не ужинать. Это еще не причина, чтобы в чудесном сиракузском вине всегда видеть отраву, а во всех знатных красавицах Италии — Лукрецию Борджа. Все это бредни и рассказы! Если бы так, то одни грудные младенцы могли бы спокойно ужинать и не сомневаться насчет того, чем их поят. Клянусь Геркулесом, выбирай, Дженнаро: быть ребенком или быть женщиной; сосать грудь кормилицы или идти ужинать.

Д ж е н н а р о. В самом деле, как-то странно спастись ночью. Это похоже на трусость. Впрочем, если опасно оставаться, то я не должен покидать Маффио одного. Будь что будет. Тут тоже дело случая. Решено. Ты меня представишь княгине Негрони. Иду с тобой.

М а ф ф и о *(беря его за руку)*. Ей-богу, вот это друг!

Уходят. Видно, как они удаляются, направляясь в глубь площади.

Д о н А л ь ф о н с о и Р у с т и г е л л о выходят из засады.

Р у с т и г е л л о *(с обнаженной шпагой)*. Ну чего ж вы ждете, ваша светлость? Их только двое. Возьмите на себя одного, я беру другого.

Д о н А л ь ф о н с о. Нет, Рустигелло. Они идут на ужин к княгине Негрони. А по моим сведениям... *(Останавливается на минуту и как будто задумывается. Вдруг, рассмеявшись.)* Чорт возьми! Это мне еще более на руку, да и было бы презабавно. Подождем до завтра.

ВИНО И СМЕРТЬ

Великолепный зал в палатце Негрони. Направо решетчатая дверь. В глубине большая, очень широкая двустворчатая дверь. Посреди зала — роскошно накрытый стол во вкусе шестнадцатого века. **Кругом** снуют маленькие черные пажи, одетые в золотую парчу. Когда занавес поднимается, за столом сидят четырнадцать человек: **Джеппо, Маффио, Асканио, Олоферно, Апостоло, Дженнаро, Губетта** и семь молодых женщин, красивых и одетых очень нарядно. Молодые люди пьют и сдят или громко хохочут, разговаривая со своими соседками, — за исключением Дженнаро, который молчит и, повидимому, задумался.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Джеппо, Маффио, Асканио, Олоферно, дон Апостоло, Губетта, Дженнаро, женщины, пажи.

Олоферно (*со стаканом в руке*). Да здравствует херес, славное вино! Херес де ла Фронтера — райский город.

Маффио (*тоже со стаканом в руке*). Это вино лучше ваших историй, Джеппо.

Асканио. У Джеппо, когда он выпьет, страсть рассказывать истории.

Дон Апостоло. На днях — в Венеции, у славного дожа Барбариго, нынче — в Ферраре, у божественной княгини Негрони.

Джеппо. Но тогда это была страшная история, а сегодня — веселая.

Маффио. Веселая, Джеппо? О том, как дон Силичео, тридцатилетний красавец, кавалер, проигравший в карты все свое состояние, женился на богатейшей маркизе Кальпурнии, которой от роду сорок восемь лет. Клянусь Вакхом — да что же тут, по-вашему, веселого?

Губетта. Грустная и довольно обычная история. Разорившийся мужчина женится на разрушающейся даме. Такое мы видим каждый день. *(Принимается за еду.)*

Время от времени некоторые из гостей встают из-за стола и выходят на авансцену, где разговаривают; пиршество тем временем продолжается.

Княгиня Негрони *(указывая Маффио на Дженнаро)*. Граф Орсини! Друг ваш, кажется, что-то очень грустен.

Маффио. Он всегда такой, синьора. Простите, что я его привел, хоть вы и не удостоили его приглашения. Мы с ним братья по оружию. Он спас мне жизнь при осаде Римини, а я при взятии моста в Виченце принял на себя удар шпаги, который ему предназначался. Мы не разлучаемся никогда. Мы всегда вместе. Один цыган предсказал нам, что мы умрем в один и тот же день.

Княгиня Негрони *(смеясь)*. А сказал он вам — утром это будет или вечером?

Маффио. Он нам сказал, что это будет утром.

Княгиня Негрони *(смеясь еще громче)*. Ваш цыган сам не знал, что говорит. И вы очень любите этого юношу?

Маффио. Так, как только может мужчина любить мужчину.

Княгиня Негрони. Ну что же, вы наполняете друг другу жизнь. Вы счастливы.

Маффио. Дружба, синьора, не заполняет всего сердца.

Княгиня Негрони. Боже мой! А что же заполняет все сердце?

Маффио. Любовь.

Княгиня Негрони. У вас все любовь на языке.

Маффио. А у вас она во взгляде.

Княгиня Негрони. Какой вы чудак!

Маффио. Какая вы красавица! (*Берет ее за талию.*)

Княгиня Негрони. Граф Орсини, оставьте меня!

Маффио. Дайте поцеловать руку.

Княгиня Негрони. Нет! (*Ускользает от него.*)

Губетта (*подходит к Маффио*). Ваши дела с княгиней, кажется, неплохи?

Маффио. Она мне говорит одно только «нет».

Губетта. В устах женщины слово «нет» — это старший брат слову «да».

Джеппо (*подходит к Маффио*). Как тебе нравится княгиня?

Маффио. Божественна. Между нами говоря, она начинает сильно царапать мое сердце.

Джеппо. А ее ужин?

Маффио. Настоящий пир.

Джеппо. Княгиня — вдова.

Маффио. Это и видно по ее веселости.

Джеппо. Надеюсь, ты больше не остерегаешься ее угощения?

Маффио. Ну что тут говорить! Я был безумец.

Джеппо (*Губетте*). Вы просто не поверите, синьор Бельверана, — ведь Маффио боялся идти на ужин к княгине.

Губетта. Боялся? Да отчего же?

Джеппо. Оттого, что дворец Негрони примыкает к дворцу Борджа.

Губетта. К чорту этих Борджа! Давайте пить!

Джеппо (*тихо, к Маффио*). Люблю этого Бельверану за то, что он не любит Борджа.

Маффио (*тихо*). Да, правда, он не пропустит случая, чтобы послать их к чорту, и делает это с исключительным изяществом. И все-таки, милый мой Джеппо...

Джеппо. Ну что?

Маффио. Я с самого начала ужина наблюдаю за этим испанцем. Он пил до сих пор только воду.

Джеппо. Опять тебя, добрый мой Маффио, одолевают подозрения! Ты что-то скучен во хмелю.

Маффио. Может, ты и прав. Я безумец.

Губетта (*возвращаясь и оглядывая Маффио с ног до головы*). Знаете ли, синьор Маффио, вы скроены так, что проживете до девяноста лет, и очень похожи на деда моего — он дожил как раз до такого возраста, а звали его,

так же как и меня, дон Хиль-Басилио-Фернан-Иренео-Фелипе-Фраско-Фраскито граф де Бельверана.

Д ж е п п о (*тихо, к Маффио*). Надеюсь, ты больше не сомневаешься в его испанском происхождении? Ему при крещении дали по меньшей мере двадцать имен. — Просто целый каталог, синьор Бельверана!

Г у б е т т а. Увы! Наши родители привыкли давать нам больше имен при крещении, чем червонцев при женитьбе. Но чего это они там смеются? (*В сторону*) Надо все-таки создать предлог, чтобы дамы могли удалиться. Как быть? (*Снова садится за стол.*)

О л о ф е р н о (*пьет*). Господа! Клянусь Геркулесом, я никогда не проводил более прелестного вечера. Сударыни, отведайте этого вина. Оно нежнее, чем лакрима-кристи, и еще огненнее кипрского. Это, синьоры, сиракузское вино.

Г у б е т т а (*ест*). Олоферно, как видно, пьян.

О л о ф е р н о. Сударыни, я не могу не прочесть стихотворения, которое только что сочинил. Я бы хотел быть поэтом более одаренным, чтобы прославить столь великолепный пир.

Г у б е т т а. А я бы хотел быть более богатым, чем мне выпало на долю, и самому задавать друзьям такие пиры.

О л о ф е р н о. Нет ничего сладостнее, как воспевать красавицу и добрый ужин.

Г у б е т т а. Еще сладостнее обнимать первую и вкушать второй.

О л о ф е р н о. Да, я бы хотел быть поэтом. Я хотел бы вознестись к небесам. Я хотел бы иметь крылья...

Г у б е т т а. Фазана, что на моей тарелке.

О л о ф е р н о. Я все-таки прочитаю вам мой сонет.

Г у б е т т а. К чорту сонет, синьор маркиз Олоферно Вителлоццо! Разрешаю вам не читать его. Давайте пить!

О л о ф е р н о. Вы мне разрешаете не читать мой сонет?

Г у б е т т а. Как разрешаю собакам не кусать меня, папе — не благословлять меня, а прохожим — не швырять в меня камнями.

О л о ф е р н о. Чорт! Да вы, кажется, оскорбляете меня, мой маленький испанец.

Г у б е т т а. Я вас не оскорбляю, итальянский верзила. Я отказываюсь уделить внимание вашему сонету. Всего

только. Мое горло больше жаждет кипрского вина, чем уши — поэзии.

Олоферно. Так я ваши уши, потрепанный кастилец, прибую гвоздями к пяткам.

Губетта. Вы редкостный олух! Фу! Видал ли кто такого невежу? Упился сиракузским вином, а ведет себя так, словно охмелел от пива!

Олоферно. Да знаете ли, я вас разрежу на четыре части, чорт побери!

Губетта (*разрезывая фазана*). Не могу вам ответить такой же любезностью. Я не разрезаю такой грубой дичи, как вы. Сударыни, не угодно ли фазана?

Олоферно (*хватая нож*). К дьяволу! Да я распорю брюхо этому мерзавцу, будь он даже знатнее самого императора!

Дамы (*вставая из-за стола*). Боже! Они сейчас будут драться!

Мужчины. Олоферно, успокойся!

Они обезоруживают Олоферно, который хотел броситься на Губетту.

В это время дамы исчезают в боковую дверь.

Олоферно (*вырываясь*). Нечистая сила!

Губетта. Вы так часто призываете дьявола, любезный мой поэт, что обратили в бегство наших дам. Уж как вы неловки!

Джеппо. Что верно, то верно. Куда это они исчезли?

Маффио. Они испугались. Нож блеснет — женщина и улизнет.

Асканио. Ничего, они вернутся.

Олоферно (*угрожая Губетте*). Завтра я тебя найду, чортов графчик!

Губетта. Завтра — сколько вам будет угодно!

Олоферно, шатаясь, в досаде садится на свое место.

Губетта хохочет

Вот дурак-то! Отпугнул самых красивых женщин Феррары — и чем же? Ножом, обернутым в сонет! Разъярился из-за каких-то стихов! У него и впрямь крылья. Это не человек, а гусь. Он, верно, и спит-то как на насесте, этот Олоферно!

Джеппо. Ну довольно, синьоры, успокойтесь. А завтра утром, клянусь Юпитером, вы со всей учтивостью

можете перерезать друг другу горло. По крайней мере вы, как подобает дворянам, будете драться на шпагах — не на ножах.

А с к а н и о. А кстати, куда мы девали наши шпаги?

Д о н А п о с т о л о. Вы забыли, что у нас их отобрали в передней.

Г у б е т т а. Предосторожность была кстати, а то мы подрались бы при дамах и заставили бы покраснеть самих голландцев, хмелеющих от табака.

Д ж е н н а р о. Предосторожность весьма кстати — что и говорить!

М а ф ф и о. Чорт возьми! Вот, брат Дженнаро, первое слово, которое ты вымолвил с начала ужина. Ты совсем не пьешь! Уж не мечтаешь ли о Лукреции Борджа? У тебя, Дженнаро, с ней, наверно, роман? Не отнекивайся!

Д ж е н н а р о. Налей мне вина, Маффио! Друзей я не бросаю ни в бою, ни за столом.

Ч е р н ы й п а ж *(с двумя графинами в руках)*. Синьоры, какого прикажете вина — кипрского или сиракузского?

М а ф ф и о. Сиракузского. Оно лучше.

Ч е р н ы й п а ж наливает всем

Д ж е п п о. Чума на этого Олоферно! Что же, наши дамы не вернутся? *(Подходит к одной двери, потом к другой.)* Обе двери заперты снаружи, синьоры!

М а ф ф и о. Уж не испугались ли теперь и вы, Джеппо? Они просто не хотят, чтобы мы погнались за ними. Вполне понятно.

Д ж е н н а р о. Выпьем же, господа.

Чокаются.

М а ф ф и о. Твое здоровье, Дженнаро! И скорей бы тебе найти твою мать!

Д ж е н н а р о. Да услышит тебя бог!

Все пьют, за исключением Губетты, который незаметно выплескивает вино на пол.

М а ф ф и о *(тихо, к Джеппо)*. На этот раз, Джеппо, я точно видел.

Д ж е п п о *(тихо)*. Что видел?

М а ф ф и о. Испанец не выпил.

Д ж е п п о. Так что же?

Маффио. Он выплеснул вино на пол.

Джеппо. Он пьян, да и ты тоже.

Маффио. Может статься.

Губетта. Теперь — застольную песню, синьоры! Я спою вам песню получше, чем сонет маркиза Олоферно. Клянусь добрым старым черепом моего отца, что не я сложил эту песню, ведь я не поэт и не так утончен, чтобы заставить две рифмы стукаться клювами. Вот моя песенка. Она обращена к его милости святому Петру, достославному привратнику рая, и в основе имеет ту глубокую мысль, что небо принадлежит тем, кто пьет.

Джеппо (*тихо, к Маффио*). Он не только пьян, он к тому же и пьяница.

Все (*за исключением Дженнаро*). Песню, песню!

Губетта (*поет*).

Апостол Петр, открой врата

Пьянчуге, чья душа чиста,

А громогласные уста

Готовы гаркнуть: Domine! ¹

Все (*хором, за исключением Дженнаро*).

Gloria, Domine! ²

Губетта (*поет*).

Он пьет весь день, весь день поет

И отрастил такой живот,

Что трудновато в райский вход

Пролезть такой хоромине.

Все (*хором, за исключением Дженнаро*).

Gloria, Domine!

Чокаются и хохочут во все горло. Внезапно раздается отдаленное заунывное пение.

Голоса за сценой. Sanctum et terribile nomen eius. Initium sapientiae timor Domini. ³

Джеппо (*смеется еще громче*). Послушайте, синьоры! Мы тут поем застольную песню, а эхо — клянусь Вакхом! — служит нам вечерню.

Все. Послушаем.

¹ Господу (*лат.*).

² Слава богу (*лат.*).

³ Священно и грозно имя его Начало премудрости — страх божий (*лат.*).

Голоса за сценой (*несколько ближе*). Nisi Dominus custodierit civitatem, frustra vigilat qui custodit eam.¹

Все раздражаются хохотом.

Д ж е п п о. Настоящее церковное пение.

М а ф ф и о. Проходит, верно, погребальная процессия.

Д ж е н н а р о. В полночь-то! Больно поздно.

Д ж е п п о. Ну продолжайте, синьор Бельверана.

Голоса за сценой (*все более приближаясь*). Oculos habent, et non videbunt. Nares habent, et non odorabunt. Aures habent, et non audient.²

Все хохочут еще громче.

Д ж е п п о. И горланы же они, эти монахи!

М а ф ф и о. Смотри-ка, Дженнаро. Огонь в светильниках гаснет. Мы вот-вот очутимся в темноте.

Свет в самом деле тускнеет, как будто в светильниках нехватает масла.

Голоса за сценой (*еще ближе*). Manus habent, et non palpabunt, pedes habent, et non ambulabunt, non clamabunt in gutture suo.³

Д ж е н н а р о. Мне кажется, голоса все ближе.

Д ж е п п о. По-моему, процессия проходит сейчас под нашими окнами.

М а ф ф и о. Это заупокойные молитвы.

А с к а н и о. Какие-то похороны.

Д ж е п п о. Выпьем за здоровье того, кого хоронят.

Г у б е т т а. А может быть, их несколько — почему вы знаете?

Д ж е п п о. Ну так за здоровье всех!

А п о с т о л о (*Губетте*). Bravo! — А мы продолжим наш разговор со святым Петром.

¹ Если господь не охранит государство, вотще бодрствует тот, кто охраняет его (*лат.*).

² Есть у них глаза, но не будут они зреть. Есть у них ноздри, но не будут они обонять. Есть у них уши, но не будут они слышать (*лат.*).

³ Есть у них руки, но не будут они осязать; есть у них ноги, но не будут они ступать; не будут они возглашать гортанью своею (*лат.*).

Г у б е т т а. Выражайтесь вежливее. Надо говорить: с его милостью достойным и преславным стражем райских врат. (Поет.)

Раз всякий праведник — румян,
То небеса для тех, кто пьян,
Кто пел всю жизнь, подняв стакан,
И хоть бы раз охрип.

В с е

И хоть бы раз охрип.

Г у б е т т а

И если райская страна,
Как островок, вознесена
Из волн испанского вина,
Петр, обрати нас в рыб!

В с е (*чокаясь, с громким смехом*).

Петр, обрати нас в рыб! ¹

Большая дверь в глубине сцены медленно раскрывается во всю ширину. За нею виден обширный зал, обитый черным, освещенный несколькими факелами, на задней стене большой серебряный крест. Длинная вереница монахов в черном и белом, с опущенными на лица капюшонами, в отверстиях которых видны только глаза, с факелами в руках входит в среднюю дверь; монахи поют громкими голосами:

De profundis clamavi ad te, Domine! ²

Затем они молча становятся по обе стороны зала и застывают в неподвижности, как изваяния; молодые люди с изумлением смотрят на них.

М а ф ф и о. Что все это значит?

Д ж е п п о (*принуждая себя смеяться*). Это все шутка. Готов биться об заклад, ставлю моего коня против поросенка и мое имя Ливеретто против имени Борджа, что это наши очаровательные графини; они нарядились на этот лад, чтобы испытать наше мужество, и если приподнять наугад любой из этих капюшонов, под ним окажется свежее и лукавое личико красотишки. Вот посмотрите. (*Смеясь, поднимает один из капюшонов и застывает в ужасе, увидев под ним мертвенно бледное лицо монаха*).

¹ Перевод стихов принадлежит М. Л. Лозинскому.

² Из глубины воззвал я к тебе, господи (лат.).

продолжающего стоять в полной неподвижности, с опущенными глазами, с факелом в руках. Опускает капюшон и отступает.) Это становится странно!

М а ф ф и о. Не знаю, отчего это кровь стынет у меня в жилах.

М о н а х и (*поют оглушительно громко*). Conquassabit capita in terra multorum! ¹

Д ж е п п о. Какая ужасная западня! Шпаги! Наши шпаги! Да что это такое, синьоры? Мы здесь в гостях у дьявола!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и донна Лукреция.

Д о н н а Л у к р е ц и я (*одетая в черное, внезапно появляется на пороге двери*). Вы в гостях у меня!

В с е (*за исключением Дженнаро, который смотрит на все происходящее из угла зала, где донна Лукреция его не замечает*). Лукреция Борджа!

Д о н н а Л у к р е ц и я. Несколько дней тому назад вы все произносили это имя с торжеством злорадства. Сейчас вы произносите его с ужасом. Да, да, глядите на меня глазами, остановившимися от страха. Это я, я, синьоры. Я пришла сообщить вам новость, сказать, что все вы, синьоры, отравлены и что каждому из вас осталось жить не больше часу. Не шевелитесь. В зале рядом — солдаты, вооруженные копьями. Теперь моя очередь, моя — возвысить голос и раздавить вам голову каблуком. Джеппо Ливеретто, отправляйся к своему дяде Вителли, которого я приказала заколоть в подземельях Ватикана! Асканио Петруччи, спеши к своему двоюродному брату Пандольфо, которого я убила, чтобы похитить его город! Олоферно Вителлоццо, тебя ждет твой дядя — знаешь, Яго д'Аппиани, которого я отравила на пиру! Маффио Орсини, поговори-ка на том свете обо мне с братом твоим де Гравина, которого я велела задушить, пока он спал! Апостола Газелла, я, говоришь ты, обезглавила твоего отца Франческо Газелла, зарезала твоего кузена Альфонсо Арагон-

¹ Раздробит он на земле головы многих (*лат.*).

ского? — так отправляйся к ним! Вы задали мне бал в Венеции, я плачу вам ужином в Ферраре. Праздник за праздник, синьоры!

Д ж е п п о. Какое пробуждение, Маффио!

М а ф ф и о. Подумаем о боге.

Д о н н а Л у к р е ц и я. А, юные мои знакомцы с венецианского карнавала, вы этого не ждали? Ей-богу, мне кажется, что я отомстила за себя. Что скажете, синьоры? Кто здесь знает толк в делах мести? Для женщины как будто недурно, — а, как находите? (*Монахам*) Отцы мои, уведите этих господ в соседний зал, где все приготовлено, исповедуйте их и воспользуйтесь немногими оставшимися минутами, чтобы спасти то, что в каждом из них еще может быть спасено. Синьоры, пусть те из вас, у кого есть души, не пренебрегают этим. Души ваши будут в хороших руках. Эти достойные отцы — монахи капеллы святого Сикста, и наш святой отец дозволил им помогать мне в случаях, подобных нынешнему. И если я позаботилась о ваших душах, то позаботилась и о ваших телах. Вот, глядите. (*Монахам, стоящим у двери*) Посторонитесь немного, отцы мои, — пусть эти синьоры посмотрят.

Монахи расступаются; за дверью видны пять поставленных в ряд гробов, обитых черным сукном.

Счетом ровно пять — столько, сколько вас. Ах, молодые люди, вы раздражаете душу несчастной женщине и думаете, что она вам не отомстит! Вот, Джеппо, твой гроб; вот, Маффио, твой; Олоферно, Апостоло, Асканио, вот ваши гробы!

Д ж е н н а р о (*которого она до сих пор не видела, делает шаг вперед*). Нужен, синьора, шестой гроб!

Д о н н а Л у к р е ц и я. О небо! Дженнаро!

Д ж е н н а р о. Он самый.

Д о н н а Л у к р е ц и я. Пусть все выйдут. Оставьте нас. — Губетта, что бы здесь ни произошло, что бы ты ни услышал, — пусть никто не входит сюда!

Г у б е т т а. Слушаю.

Монахи медленно и торжественно уходят, уводя с собой Маффио, Джеппо, Асканио, Апостоло, Олоферно; молодые люди в полном смятении и шатаются.

Дженнаро, донна Лукреция.

Зал освещают лишь несколько догорающих светильников. Двери снова заперты. Донна Лукреция и Дженнаро, оставшись одни, несколько мгновений смотрят в молчании друг на друга, словно не зная, с чего начать.

Донна Лукреция (*про себя*). Это Дженнаро!

Монахи (*за сценой*). Nisi Dominus aedificaverit domum, in vanum laborant qui aedificant eam.¹

Донна Лукреция. Опять вы, Дженнаро! Всегда вы, какой бы удар я ни наносила! Боже правый! Как вы оказались тут?

Дженнаро. Я обо всем подозревал.

Донна Лукреция. Вы еще раз отравлены. Вы умрете!

Дженнаро. Да, если захочу. — У меня есть противоядие.

Донна Лукреция. Ах, да! Слава богу!

Дженнаро. Одно слово, синьора. Вы сведущи в таких вещах. Достаточно ли в склянке жидкости, чтобы спасти этих дворян, которых ваши монахи повели в склеп?

Донна Лукреция (*смотрит на склянку*). Тут едва хватит для вас одного, Дженнаро.

Дженнаро. Вы не можете достать сейчас же другую склянку?

Донна Лукреция. Я отдала вам все, что у меня было.

Дженнаро. Хорошо.

Донна Лукреция. Что вы делаете, Дженнаро? Поторопитесь. Не шутите такими страшными вещами. Чем скорее выпить противоядие, тем лучше. Пейте же, ради неба! Боже мой! Как вы были неосторожны! Спасайте вашу жизнь! Вы отсюда выйдете через потайную дверь, которую знаю я. Все еще можно поправить. Сейчас ночь. Лошадей подадут немедленно. Утром вы будете уже далеко от Феррары. Ведь правда — ужасные творятся в ней дела? Пейте же — и в дорогу. Вам надо жить! Вас надо спасти!

Дженнаро (*берет со стола нож*). Речь о том, что вам придется умереть, синьора!

¹ Если не господь воздвигнет дом, тщетно трудятся те, кто воздвигает его (*лат*).

Донна Лукреция. Как! Что вы сказали?

Дженнаро. Я говорю, что вы предательски отравили пятерых благородных юношей, моих друзей, — да, клянусь небом, лучших моих друзей, и в их числе Мафффио Орсини, моего брата по оружию, который спас мне жизнь в Виченце и чьи обиды — мои обиды, чья месть — моя месть. Я говорю, что вы совершили гнусное дело, что я должен отомстить за Мафффио и за остальных и что вы умрете!

Донна Лукреция. О благое небо!

Дженнаро. Молитесь, синьора, и покороче. Я отравлен. Мне ждать нельзя.

Донна Лукреция. Нет, этому не быть! Чтобы Дженнаро меня убил! Да разве это возможно?

Дженнаро. Это чистейшая правда, синьора, и, клянусь, на вашем месте я упал бы на колени и молча бы стал молиться богу. — Вот, можно стать у этого кресла.

Донна Лукреция. Нет, говорю вам, что это невозможно. Нет, какие бы страшные мысли ни приходили мне в голову, такая мысль никогда не являлась мне. — Что это! Что это! Вы на меня подымаете нож? Пойдите, Дженнаро! Мне нужно вам что-то сказать!

Дженнаро. Говорите скорей.

Донна Лукреция. Брось этот нож, несчастный! Говорю тебе, брось! Если бы ты знал... — Дженнаро! Знаешь, кто ты? Знаешь, кто я? Тебе и не ведомо, как я близка тебе! Сказать ли ему все? В наших жилах, Дженнаро, одна и та же кровь! Твоим отцом был Джованни Борджа, герцог Гандиа!

Дженнаро. Ваш брат! Так вы сестра моего отца? Ах, синьора!

Донна Лукреция (*в сторону*). Сестра его отца!

Дженнаро. Ах, так я ваш племянник? Так это мою мать, бедную герцогиню Гандиа, все эти Борджа сделали такой несчастной? Синьора Лукреция, моя мать в своих письмах говорит мне о вас. Вы из тех бесчеловечных родственников, о которых она с ужасом пишет мне: они убили моего отца, а ее жизнь наполнили слезами и кровью. Так, значит, теперь я должен отомстить вам и за отца! Должен спасти от вас мою мать! Вы мне тетка! Вы мне тетка! Я из рода Борджа! О, я с ума схожу! — Слушайте, Лукреция Борджа, вы немало прожили и за вами столько злодея-

ний, что вы, наверно, стали ненавистны и отвратительны себе самой. Вы, без сомнения, устали жить — не правда ли? Ну так надо кончать. В таких семействах, как наше, где преступления творятся из рода в род, переходят, вместе с именем, от отца к сыну, роковой круг замыкается убийством, по большей части — убийством семейным, последним преступлением, которое смывает все предыдущие. Человека благородного никогда не осудят за то, что он отрубил дурную ветвь от семейного дерева. Испанец Мударра убил дядю своего Родриго де Лару, который сделал меньше зла, чем вы. И этот испанец заслужил всеобщую хвалу за то, что убил своего дядю, — слышите ли, тетушка! Ну, довольно об этом говорить! Поручите душу вашу богу, если вы верите в бога и в бессмертие вашей души!

Донна Лукреция. Дженнаро, пожалей хоть себя! Ты еще невинен! Не совершай этого преступления!

Дженнаро. Преступления! О, мысли мои путаются и мешаются! Разве я совершу преступление? Но пусть это и будет преступление — ведь на то я и сам Борджа, клянусь дьяволом! На колени, тетушка, на колени!

Донна Лукреция. Неужели ты и думаешь то, что говоришь, Дженнаро? Так ты платишь мне за любовь?

Дженнаро. Любовь!..

Донна Лукреция. Это невозможно. Я хочу тебя спасти от тебя самого. Я позову. Я буду кричать.

Дженнаро. Вы не откроете эту дверь. Вы не сделаете и шагу. А ваши крики вас не могут спасти. Ведь сами вы только что распорядились никого сюда не пускать, что бы тут ни случилось, что бы ни пришлось услышать там, снаружи.

Донна Лукреция. Но то, что вы делаете, Дженнаро, — это же низко! Убить женщину, беззащитную женщину! О, в душе у вас больше благородства! Послушай, если хочешь, убей меня после; я жизнью не дорожу, но грудь моя разрывается от тоски — так ты жесток был со мной все время. Ты молод, дитя, а молодость всегда слишком строга. О, если мне надо умереть, я не хочу умереть от твоей руки. Пойми, это невозможно, чтобы я умерла от твоей руки. Ты и сам не знаешь, как это было бы ужасно. Да к тому же, Дженнаро, час мой не настал еще. Правда, я совершила много злых деяний, я великая преступница, но потому, что я великая преступница, надо мне

дать время раскаяться и исповедаться. Это необходимо, Дженнаро, слышишь?

Дженнаро. Вы моя тетка. Вы сестра моего отца. Что вы сделали с моей матерью, синьора Лукреция Борджа?

Донна Лукреция. Постой, постой! Ах, боже мой, я не могу всего сказать. Да если бы я и сказала все, твой ужас, твоё отвращение ко мне возросли бы вдвое! Послушай меня еще минуту. О, если бы ты дал мне покаяться у твоих ног! Ведь ты пощадишь меня, правда? Что же, хочешь, я пойду в монахини? Хочешь, я затворюсь в монастыре? Скажи! Слушай, если бы тебе сказали: «Эта несчастная срезала себе волосы, она спит на золе, она собственными руками роет себе могилу, она день и ночь молится богу, и не за себя, хотя она очень в этом нуждается, — а за тебя, которому это вовсе не надобно, и все это она делает только для того, чтобы ты когда-нибудь взглянул на нее с жалостью, чтобы ты уронил слезу на живые раны ее сердца и души, чтобы ты ей больше не говорил, как сейчас, голосом более грозным, чем труба страшного суда: «Вы Лукреция Борджа!»... Если бы тебе все это рассказали, неужели у тебя хватило бы твердости оттолкнуть ее? О, пощади! Не убивай меня, мой Дженнаро! Будем жить оба, ты — чтобы просить меня до конца, я — чтобы до конца раскаяться! Пожалей меня хоть немного! Зачем такая беспощадность к несчастной женщине, которой нужно только немного жалости! — Немного жалости! Пощади мою жизнь! И знаешь ли, мой Дженнаро, — я говорю это ради тебя, — то, что ты хочешь сделать, было бы низко, то было бы отвратительное злодеяние, убийство! Мужчине — убить женщину! Мужчине, который сильнее, чем она! О нет, ты не сделаешь этого, не сделаешь!

Дженнаро (*потрясенный*). Синьора...

Донна Лукреция. О! Я вижу, ты пощадишь меня! Я прочла это в твоих глазах. О, дай мне поплакать у твоих ног!

Голос за сценой. Дженнаро!

Дженнаро. Кто зовет меня?

Голос. Брат мой Дженнаро!

Дженнаро. Это Маффио!

Голос. Дженнаро! Я умираю! Отомсти за меня.

Дженнаро (*снова заносся нож*). Довольно. Я больше ничего не слушаю. Поймите, синьора, вам придется умереть!

Донна Лукреция (*отбиваясь и хватая его за руку*). Пощади! Пощади! Лишь одно еще слово!

Дженнаро. Нет!

Донна Лукреция. Прости меня! Выслушай меня!

Дженнаро. Нет!

Донна Лукреция. Ради самого неба!

Дженнаро. Нет! (*Наносит ей удар.*)

Донна Лукреция. А!.. Ты убил меня! Дженнаро, я твоя мать!

КОММЕНТАРИИ

Драма «Марьон Делорм» (первоначальное название «Дуэль во времена Ришелье») была написана в июне 1829 г.

Гюго стремился применить в ней новаторские принципы романтической драмы, провозглашенные им в предисловии к драме «Кромвель» (1827). Поэтому «Марьон Делорм» носит полемический характер по отношению к традиционной драматургии классицизма и является в известном смысле программным произведением.

Выбор сюжета из отдаленного, преимущественно национального прошлого с выведением на сцене крупных исторических личностей, стремление передать «колорит места и времени» (политическую и социальную обстановку эпохи, черты ее быта и нравов), совмещение в пьесе трагического и комического, нарушение обязательных для классицизма «единств места и времени», а главное, изображение в отрицательном свете аристократии и духовенства и выдвижение на первый план демократического героя — все эти принципиальные новшества характерны для драматургии Гюго в целом

Стремясь к исторической точности, Гюго в течение двух с половиной лет старательно собирал материалы для «Марьон Делорм», изучал эпоху, делал выписки из трудов историков и мемуаристов о деятельности Ришелье, о личности Людовика XIII и о его окружении. Но в самой драме Гюго весьма вольно обращается с историей, подчиняя ее своему идейному и художественному замыслу.

Действие «Марьон Делорм» происходит в 1638 г., при короле Людовике XIII, когда во Франции завершалось становление абсолютной монархии, являвшейся для того времени исторически прогрессивной государственной формой, служившей целям национального объединения. Людовик XIII, не обладавший ни твердостью характера, ни дарованиями, был фактически отстранен от власти; вместо него пра-

вил выдающийся государственный деятель, первый министр короля, герцог и кардинал Ришелье (1585—1643), имевший неограниченное влияние на Людовика XIII. Ришелье вел твердую политику усиления абсолютизма: он значительно централизовал государственный аппарат, ограничил политическую независимость крупных феодалов, беспощадно подавляя их сопротивление, покровительствовал торговле и промышленности, но вместе с тем он усилил угнетение народных масс, особенно крестьян. Гюго не дает объективной исторической оценки деятельности Ришелье, который фигурирует в драме лишь как символ деспотического антинародного правления. Ему противопоставлены отверженный обществом плебей и куртизанка.

Форма исторической драмы наполняется у Гюго современным содержанием: в ней поднимается вопрос о смертной казни, поставленный одновременно в «Последнем дне приговоренного к смерти» (1829); накануне июльской революции обличаются церковь и монархия, — в образе ничтожного Людовика XIII цензура не без основания усмотрела намеков на царствовавшего тогда Карла X; наконец, характер центрального персонажа, Дидье, совершенно лишен исторической окраски: как все «народные» герои Гюго, Дидье является лишь жертвой общественной несправедливости и носителем идеальных нравственных качеств.

Несмотря на то, что три парижских театра оспаривали друг у друга право на постановку «Марьон Делорм», она была запрещена цензурой; более того, четвертое действие пьесы послужило поводом к запрещению вообще изображать коронованных лиц на сцене. Не помогли ни согласие Гюго на значительные купюры в тексте пьесы, ни его переговоры с министрами и с самим королем. От предложенного правительством в виде компенсации увеличения пенсии, которую поэт получал в то время, — с двух до шести тысяч франков — Гюго публично отказался.

Конфликт Гюго с цензурой получил широкую огласку, ибо запрещение «Марьон Делорм» было типичным случаем применения реакционных «июльских ордонансов» министерства Полиньяка, послуживших толчком к началу революции 1830 г. Близкий к сен-симонизму журнал «Глоб» писал: «Господину Виктору Гюго выпала честь принять на себя первый удар во вновь разгоревшейся ныне войне против идей».

«Марьон Делорм» была впервые поставлена уже после свержения Бурбонов, 11 августа 1831 г., в театре Порт-Сен-Мартен.

Стр. 7. ...двумя министерствами — Мартиньяка и Полиньяка... — Министерство Мартиньяка, пытавшегося найти среднюю линию

между партией короля и либеральной оппозицией, продержалось лишь несколько месяцев и в августе 1829 г. было сменено крайне реакционным министерством Полиньяка.

Стр. 8. ...*большой актрисе, так блестяще исполнявшей роль доньи Соль*. — При первой постановке «Эрнани» в 1830 г. роль доньи Соль исполняла знаменитая артистка м-ль Марс.

Стр. 9. ...*написал «Оду на коронование»*... — «Ода на коронование Карла X» была написана Гюго в 1825 г.

Стр. 10. ...*написанным в духе господствующей школы*... — Имеется в виду драматургия эпигонов классицизма, до того времени прочно державшаяся на французской сцене.

— *Видок преграждал путь Корнелю*. — Видок — полицейский сыщик, в прошлом уголовный преступник; приобрел известность благодаря опубликованному в 1828 г. весьма пошлым, рассчитанным на сенсацию «Мемуарам Видока». *Корнель* назван здесь как представитель высокоидейного искусства.

Стр. 11. ...*как «глюкист» и «пиччинист» исчезли в пучине 1789 г.* — Незадолго до революции 1789 г. в Париже происходила борьба двух направлений в оперной музыке. Представителем одного был Глюк (ум. в 1787 г.), создававший глубокие по мысли и чувству произведения, представителем другого — поселившийся в Париже итальянец Пиччини (ум. в 1800 г.), писавший изящную и мелодичную, но легковесную оперную музыку.

Стр. 12. ...*после времен регентства, Вольтера, Бомарше, Людовика XV, Калиостро... возможны Карлы Великие*... — Регентство Филиппа Орлеанского (1715—1723, в годы малолетства короля Людовика XV) было временем крайнего упадка французского абсолютизма; страна находилась во власти политических авантюристов, спекулянтов и откупщиков. *Вольтер* и *Бомарше* упомянуты как писатели, отразившие в своих произведениях кризис дворянской монархии в XVIII веке и упадок нравов аристократии. *Калиостро* — авантюрист и шарлатан, родом итальянец, подвизавшийся в конце XVIII в. во многих странах Европы, в том числе при французском и русском дворах; он выдавал себя за великого ученого, медика и алхимика. *Карл Великий* — король франков (768—814), а с 800 г. император, объединивший под своей властью большую часть западной Европы.

Стр. 13. *Марьон Делорм* — знаменитая в XVII в. французская куртизанка, собиравшая в своем салоне цвет придворной аристократии. Эпизод любви Марьон и Дидье, положенный в основу драмы Гюго, вымышлен.

Стр. 13. *Ланжели* — историческое лицо; происходил из обедневших дворян, был конюхом у принца Конде, затем стал придворным шутком Людовика XIII. Вельможи боялись его влияния и давали ему взятки, на которых Ланжели разбогател.

— *Лафемас* — также историческое лицо; сын мелкого дворянина, ближайший помощник Ришелье по судебным делам; за свою жестокость был прозван «кардинальским палачом».

— *Герцог де Бельгард* в прошлом был фаворитом короля Генриха IV, с 1620 г. стал герцогом и пэром Франции; как политический противник Ришелье был в конце концов выслан им из Парижа.

Стр. 14. *...по последней моде 1638 года.* — Ремарки, требующие соблюдения исторической точности в костюмах, были одним из новшеств, введенных Гюго-драматургом.

Стр. 19. *Такую дружбу нам Ракан изображал.* — *Ракан* — французский придворный поэт XVII в., писавший галантные пастушеские идиллии.

Стр. 20. *Она да «Сид» еще уже затмили всех.* — Постановка в 1636 г. трагикомедии Корнеля «Сид», вокруг которой возникла бурная полемика, была видным событием в культурной жизни Франции того времени.

Стр. 22. *А вдруг он гугенот?* — Укрепляя абсолютизм, Ришелье вел решительную борьбу против французских протестантов (гугенотов), состоявших по преимуществу из тех слоев дворянства и буржуазии, которые проявляли сепаратистские стремления и нежелание мириться с централизующими тенденциями монархии.

Стр. 27. *Фрина* — греческая куртизанка, славившаяся своей красотой.

Стр. 34. *Десятками казнят у нас еретиков.* — *Еретики* — гугеноты.

Стр. 35. *А есть ли новости с войны?* — Имеется в виду Тридцатилетняя война (1618—1648 гг.) между католическими и протестантскими князьями Германии. В этой войне с 1635 г. приняла участие также и Франция.

Стр. 38. *И Скюдери его шута прикончить мог.* — *Скюдери* Жорж — второстепенный писатель и драматург XVIII в., безуспешно пытавшийся соперничать с молодым Корнелем. После постановки «Сида» Скюдери выпустил злопыхательскую брошюру «Замечания о Сиде».

— *...любит называть он все по именам.* — Поэтика классицизма требовала избегать прямого наименования обыденных, «низких» предметов и явлений, заменяя их описательными выражениями (перифразами).

Стр. 38. А «Брадаманту» ты читал, читал «Пирама»? — Здесь и далее речь идет о драматургии, составлявшей репертуар единственного тогда в Париже театра Бургундского отеля. «Брадаманта» (1580) — трагедия одного из предшественников классицизма Гарнье; «Пирам и Фисба» (1617) — трагедия Теофиля де Вио.

Стр. 39. ...трагедию Мере. — Мере — драматург XVII в., ближайший предшественник Корнеля, один из основателей французской классической трагедии.

— Всей Академией высокой. — Стремясь поставить литературу и театр на службу своей политике, Ришелье основал в 1629 г. Французскую Академию, находившуюся полностью под его контролем. Составленная из второстепенных, но целиком послушных всесильному министру писателей, Академия скоро стала рассадником угодничества и догматизма в искусстве.

— Арди Александр (ум. в 1632 г.) — плодовитый драматург, автор трагедий, трагикомедий и пасторалей.

— Но Шапелен уже столкнул его с Парнаса. — Шапелен Жан (ум. в 1674 г.) — второстепенный французский поэт, высмеянный Буало и Вольтером. Прислуживался к Ришелье, был назначен академиком и составил отрицательный отзыв Академии о «Сиде».

— По Аристотелю, по правильной методе... — В основу догматических «правил» классицизма была положена «Поэтика» Аристотеля.

Стр. 41. Что, заговор? Забыт, как видно, Марильяк! — Маршал Луи Марильяк был казнен в 1632 г. за участие в заговоре против Ришелье, организованном матерью и братом короля.

Стр. 42. Дуэль! Забыли вы о графе Бугенвиле. — Ришелье запретил под страхом смертной казни дуэли, бывшие продолжением феодальных междоусобиц, и объявил, что дворянин должен проливать кровь только на службе короля. Презируя это запрещение, граф Бугенвиль в 1627 г. дрался на дуэли среди бела дня на Королевской площади в Париже, за что и был казнен.

Стр. 44. Людовик и Арман — то есть Арман Дюплесси Ришелье.

Стр. 45. Прево — королевский наместник в провинциях и комендант в городах Франции.

Стр. 60. Орден Святого Духа — рыцарский орден, учрежденный во Франции Генрихом III в 1578 г

Стр. 67. Грасье, Тайбра, Скарамуш — не собственные имена, а названия типов персонажей в пьесах французских бродячих комедиантов.

— Ты, черноглазая, Химен изображай. — Химена — героиня трагикомедии Корнеля «Сид».

Стр. 68. *Жену Оргонову* — Эльмиру, героиню комедии Мольера «Тартюф» (1664); Гюго допускает здесь анахронизм, так как действие «Марьон Делорм» происходит задолго до написания «Тартюфа».

Стр. 78. *Так принял наш король от Меровингов трон.* — Меровинги — первая династия франкских королей (V—VIII вв.).

Стр. 85. *И кардинальские дадут читать стихи.* — Кардинал Ришелье сочинял посредственные пьесы и публиковал их под чужим именем.

Стр. 88. *С тех пор, как кардинал его себе присвоил.* — При первом появлении в Париже Корнеля, тогда еще начинающего драматурга, Ришелье предложил ему писать пьесы под прямым его руководством. Корнель попытался работать таким образом, но вскоре отказался от сотрудничества со всемогущим кардиналом и предпочел писать по собственному усмотрению.

Стр. 95. *Здесь я единственный, кто властвует и судит...* — Самым ярким выражением феодальных привилегий, с которыми упорно боролся Ришелье, было то, что до утверждения абсолютизма феодал в своем поместье являлся высшей политической и судебной властью.

Стр. 99. *Ventre-Saint Gris* (искажение слов, означающих «клянусь кровью христовой») — любимое восклицание короля Генриха IV.

Стр. 100. *Приматиччо* Франческо — итальянский художник, скульптор и архитектор XVI в., принимавший участие в украшении Шамборского замка.

Стр. 105. *Епископ бил врагов.. под Ла-Рошелю.* — В 1628 г. Ришелье взял крепость *Ла-Рошель*, последний оплот гугенотов на юге Франции, и тем самым ликвидировал нечто вроде дворянской гугенотской республики, существовавшей некоторое время в пределах французского королевства.

Стр. 110. *Но эминенций нет — ни серых здесь, ни красных — Эминенция* (буквально — «высочество») — титул кардиналов. «Красная эминенция» (по пурпурному цвету кардинальского одеяния) — прозвище Ришелье. «Серой эминенцией» называли иронически аббата Жозефа, ближайшего его помощника, следовавшего за кардиналом, как его тень.

Стр. 111. *Изменой разогнал он Лигу...* — Лига здесь — военно-политический союз немецких католических князей во главе с императором Фердинандом, образовавшийся во время Тридцатилетней войны и поддержанный Испанией, против протестантской Унии. Нейтралитет Франции в первые годы войны косвенно способствовал успехам Лиги, но Ришелье, придя к власти в 1624 г., круто повернул внешнюю политику Франции и начал борьбу против австрийских и испанских Габсбургов, что предreshило поражение Лиги в этой войне.

Стр. 111. *..свой грозный меч подъял на друга — Австрию, откуда королева.* — Жена Людовика XIII, Анна Австрийская, через своего отца (испанского короля Филиппа II) и деда (Карла V, германского императора и испанского короля) принадлежала к дому Габсбургов, основным наделом которых была Австрия.

Стр. 112. *Зато излечивать дано вам золотуху.* — По древнему суеверному представлению, короли Франции (а также Англии) обладали способностью излечивать золотуху одним прикосновением к больному.

Стр. 113. *Мою он мать ссылает!* — Мать Людовика XIII, Мария Медичи, после неудачного заговора против Ришелье (1630) бежала в Брюссель, а затем в 1638 г., по требованию Ришелье, ей было предложено переселиться в Англию.

— *Не хочет, чтоб я был с Густав-Адольфом в ссоре...* — Густав-Адольф — шведский король (1611—1632), был противником германского императора в Тридцатилетней войне. Ришелье одно время поддерживал Густава-Адольфа и в 1631 г. ассигновал ему большую сумму для ведения войны с Лигой, так как стремился ограничить район военных действий Восточной Германией и не подпускать к французским границам ни одну из воюющих армий.

Стр. 117. *Когда пустеет Лувр и люден Монфоко...* — Лувр — королевская резиденция в Париже. Монфоко — пригород Парижа, место казни политических преступников.

Стр. 120 *..родитель ваш... был пронзен кинжалом...* — Отец Людовика XIII, Генрих IV, в 1610 г. был убит фанатиком-иезуитом Равальком.

Стр. 130. *Монтень изрек: «Как знать?» Рабле сказал: «Быть может».* — «Как знать?» — фраза из «Опытов» (1588) французского гуманиста Монтеня, являющаяся законченным выражением его скептицизма по отношению к религиозным и вообще всяким ограничивающим человеческий ум догмам. Согласно преданию, Рабле (1494—1553), умирая, сказал: «Я отправляюсь искать великое *быть может*», выражая этим сомнение в загробной жизни.

ЭРНАНИ

Драма «Эрнани» была написана как бы в ответ на запрещение постановки «Марьон Делорм» — в августе-сентябре 1829 г. и поставлена 25 февраля 1830 г. (издана в сценическом варианте в том же году, а в первоначальной авторской редакции — в 1836 г.).

В напряженной атмосфере кануна июльской революции постановка «Эрнани» явилась политической демонстрацией, и это предопределило

успех пьесы. В предисловии к «Эрнани» Гюго открыто объявил свой романтизм «либерализмом в литературе», а в самой драме изобразил отверженного обществом человека трагическим героем и соперником короля.

Появление «Эрнани» на сцене театра Французской Комедии, освященного вековой традицией классицизма, было воспринято как дерзкий вызов общественному мнению в литературных вопросах. Оно сыграло важную роль в литературно-театральной борьбе тех лет, вылившись в решительное столкновение двух направлений в искусстве: реакционного в ту пору классицизма и демократического романтизма.

«Эрнани» — историческая драма только по именам некоторых действующих лиц и по историческим событиям, служащим фоном для вымышленного сюжета. По существу же это, как и «Марьон Делорм», произведение политически злободневное, хотя идейно и менее значительное, чем «Марьон Делорм». Обличение монархического произвола здесь ограничивается лишь первыми тремя актами и совершенно исчезает в последних двух; безнравственный и деспотичный король превращается в умного и справедливого императора, и герой примиряется с ним; наконец, снимается даже принадлежность героя к демократическим низам — он оказывается грандом Испании.

Политически компромиссный характер «Эрнани» явился отражением монархических иллюзий Гюго, накануне июльской революции возлагавшего большие надежды на смену династии. Драма обладает и рядом художественных недостатков. Уже Бальзак сурово осудил в ней сюжетные натяжки, неправдоподобие некоторых ситуаций, а также непоследовательность характера главного героя, вся «непримиримость» которого «падает при первом дуновении милости» со стороны короля. Но, по сравнению с условной классической трагедией тех лет, драма Гюго была смелой, новаторской и поразила современников своим страстным гуманизмом.

Действие «Эрнани» происходит в Испании начала XVI в., в период, названный Марксом «эпохой образования великих монархий, которые повсюду воздвигались на развалинах враждовавших между собою феодальных классов: аристократии и городов».¹ В пьесе изображен испанский король Карл I (впоследствии, в качестве германского императора, именовавшийся Карлом V), правление которого (1516—1556) ознаменовало собою окончательное торжество испанского абсолютизма. Карл I ликвидировал феодальные вольности, жестоко подавил восстания городов (комунерос), расширил колониальные владения Испании в Старом и Новом свете.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. X, стр. 721.

Как сын австрийского эрцгерцога, Карл I после смерти деда своего, германского императора Максимилиана, притязал на императорский престол и добился его в 1519 г. благодаря подкупу князей-избирателей. Став властителем огромной, могущественной и богатой державы, в пределах которой «никогда не заходило солнце», он строил фантастические проекты всемирной дворянской монархии, истощил казну завоевательными походами, подавлял все освободительные движения в Европе. В силу исторических условий испанский абсолютизм не сделался, как в других европейских странах, центром национального и государственного объединения всей страны. Держава Карла V скоро распалась, и со второй половины XVI в. в Испании начался глубокий экономический и политический кризис, приведший к победе феодально-католической реакции. Тяжело переживая крушение своих планов мирового господства, Карл V в 1556 г. отрекся от престола и умер в монастыре.

В политической обстановке Испании начала XVI в. Гюго искал материала для изображения деспотического гнета государства над личностью.

Стр. 170. *...Мирабо дал свободу...* — *Мирабо* (1749—1791) — один из видных деятелей начального этапа французской революции 1789 г. Гюго явно переоценивал его значение для революции в целом.

Стр. 171. *Пусть старые правила д'Обиньяка умирают вместе со старым обычным правом Кюжаса...* — Аббат *д'Обиньяк* в своей книге «Практика театра» (1669) один из первых во Франции сформулировал «правило трех единств» (места, времени и действия), соблюдавшееся драматургами классицизма. *Жак Кюжас* — французский ученый юрист XVI в., считавшийся крупнейшим авторитетом в области римского права.

Стр. 173. *«Romancero general»... перечитать «Сиду», «Дона Санчо», «Никомеда»...* — *«Romancero general»* — сборник испанских народных песен («романсов»), изданный впервые в XVI в.; он послужил одним из источников сюжета корнелевского «Сиды» и вдохновил Гюго на некоторые его произведения. *«Дон Санчо Арагонский»* и *«Никомед»* — трагедии Корнеля.

Стр. 175. *...по моде Изабеллы Католической* — то есть по устаревшей моде; *Изабелла Католическая*, королева Испании, царствовала с 1475 по 1504 г., тогда как действие «Эрнани» происходит в 1519 г.

Стр. 183. *...король Кастилий.* — Различались две Кастилии: Старая (северная) и Новая (южная). Названия эти сохранились и после того, как обе эти области административно совершенно слились между собой, войдя в состав общенационального испанского государства.

Стр. 190. *Пока Бернард и Сид не покидали нас... — Бернардо дель Карпио и Сид* — легендарные национальные герои Испании, борцы за свободу родины, носители идеи чести и душевного благородства.

Стр. 192. *Золотое руно* — орден, введенный в Испании Карлом I; золотая цепь с подвешенным к ней изображением барана.

— *Максимилиана нет* — см. стр. 539.

Стр. 194. *Франциск* — французский король Франциск I, который, как и саксонский герцог Фридрих III Мудрый, был соперником Карла I в борьбе за императорскую корону.

— *Я Гента гражданин.* — Карл V родился в Нидерландах, в городе Генте, где и получил воспитание.

Стр. 196. *...сказал Людовику мой дед...* — имеется в виду французский король Людовик XII.

— *По булле, избранным не может быть чужой...* — Так называемая «Золотая булла» (1356) императора Карла IV, с целью устранить вмешательство пап в избрание германского императора, устанавливала, что избирателями должны были быть лишь крупнейшие светские и духовные князья немецких земель.

Стр. 209. *...ношу я Индии... венец?.. Из всех Испаний ты — их у меня четыре — что хочешь выбирай...* — В состав испанской державы в начале XVI в. входили: Испания, Южная Италия, включая Сицилию, Нидерланды и владения в Южной Америке, которая тогда называлась Индией.

Стр. 239—240. *Знал Борджа, Сфорцу я и Лютера встречал, — но все ж такого я не видел преступленья.* — Миланский герцог Лодовико Сфорца и Цезарь Борджа, незаконный сын папы Александра VI Борджа (оба умерли в начале XVI в.) были широко известны своими предательствами, насилиями и убийствами; *Лютер*, основатель немецкого протестантизма, должен был представляться правоверному католику дону Руй Гомесу воплощением ереси и безнравственности.

Стр. 241. *Как в день Семи голов...* — По средневековому народному сказанию, семеро братьев, благородных юношей из кастильского рода Лара, были предательски завлечены своим дядей в засаду и убиты маврами. Позже сводный брат погибших Мударра отомстил за них предателю. Это предание о «Семи инфантах Лары» составило сюжет эпической поэмы и многих романсов.

Стр. 246. *Сант-Яго был магистр и Калатравы...* — *Сант-Яго* и *Калатрава* — два рыцарских ордена, основанных в XII веке в Испании преимущественно для борьбы с маврами.

Стр. 259 *В ней ставка — жизнь моя.* — Намерение участников Лиги убить Карла I — вымысел Гюго.

Стр. 262. *Примас* — почетный титул некоторых архиепископов, имевших особый авторитет и права.

— *Трибуле* — см. примечания к драме «Король забавляется».

— *Я назван был на ты*. — Обращение на «ты» со стороны короля, как выражение особой близости, было исключительной привилегией грандов Испании, так же как право находиться в присутствии короля с покрытой головой.

Стр. 264. *Тритем*, или Тритемий (ум. в 1516 г.) — немецкий историк и богослов, занимавшийся также магией. *Корнелий* — Корнелий Агриппа из Неттесгейма (ум. в 1535 г.) — немецкий алхимик, натурфилософ и медик.

Стр. 267. *Они превыше всех, живут в них оба Рима* — то есть могущество античного императорского Рима и нового папского Рима.

Стр. 278. *Весь мир — и римская священная корона...* — «Священная Римская империя германской нации» была основана еще в X в., как союз папской и императорской власти при фактическом подчинении папы германскому императору. Последний претендовал на роль «светского главы всего христианского мира», почему его империя и называлась «священной».

Стр. 280. *Мы Валтасаровы слова пришли писать*. — Согласно библейской легенде, последний вавилонский царь Валтасар, осажденный персами в своем дворце, устроил пир, во время которого невидимая рука начертала на стене огненные слова, возвещавшие гибель царя и его царства. В ту же ночь это пророчество исполнилось.

Стр. 286. *Уплаты ищет Рим, пора смирить датчан, Франциск, Венеция, там Лютер, Сулейман...* — Карлу V действительно пришлось, сразу же после избрания его императором, вступить в борьбу с многочисленными противниками — с папой, требовавшим непомерных церковных податей, с Лютером, подрывавшим устои католицизма, и датским королем Христианом II, поддерживавшим протестантизм, с Франциском I — главным его политическим антагонистом в Европе, с Венецией — опаснейшим конкурентом в торговле со странами Средиземноморского бассейна. Борьба Карла V с турецким султаном Сулейманом II относится к более позднему времени.

КОРОЛЬ ЗАБАВЛЯЕТСЯ

Работу над этой драмой Гюго начал весной 1832 г., прервал на несколько месяцев из-за тяжелой болезни сына, возобновил 2 июня и завершил к 23 июля 1832 г. Таким образом, время написания драмы «Король забавляется» совпадает с народным восстанием в Париже

5—6 июня 1832 г.; в своем окончательном виде драма явилась прямым откликом на это восстание. С большим политическим пафосом в ней обличается монархический произвол и показана трагическая судьба его невинных жертв; жалкий шут — символ унижения народа — противопоставлен могущественному и блестящему королю; более того, шут обладает моральной властью над королем, заманивает его в ловушку и мстит ему.

Сцена, в которой Трибуле, попирая ногою мешок, в котором, как он думает, находится труп Франциска I, восклицает:

Кто хил, тот вырастет! Кто низок, тот воспрянет!
И ненависти, раб, не бойся и не прячь!
Расти из кошки — тигр! И из шута — палач! —

звучала в обстановке тех месяцев как открытая угроза режиму июльской монархии. Недаром прогрессивная часть зрителей встретила это место пением революционных песен Марсельезы и Карманьолы, а правительство поспешило запретить пьесу после первого же представления (театр Французской Комедии, 22 ноября 1832 г.). Министр Аргу заявил Гюго, что его пьеса «оскорбляет нравы», что в ней содержатся намеки на короля Луи-Филиппа и, наконец, что «монархический принцип пострадает от нападков на одного из самых популярных во Франции королей» (Франциска I).

Ввиду формальной отмены цензуры в 1830 г. запрещение драмы «Король забавляется» было незаконным, и Гюго, по его словам, «не имея возможности непосредственно напасть на правительство», обратился в коммерческий суд с иском к театру Французской Комедии, требуя возмещения материальных потерь от снятия пьесы. Суд не решился пойти против правительства, но процесс Гюго, получивший широкую огласку и подхваченный либеральными газетами, сыграл свою роль в борьбе за свободу печати.

Постановка драмы «Король забавляется» была осуществлена во Франции только через 50 лет, 22 ноября 1882 г.

В январе 1857 г., когда Гюго был в изгнании, композитор Верди поставил в Париже оперу «Риголетто» по мотивам драмы «Король забавляется».

Действие драмы происходит в первой половине XVI в., в период правления короля Франциска I (1515—1547) — видного представителя нарождавшегося французского абсолютизма. При нем резко снизилось значение старых сословных учреждений, ограничивавших раньше власть короля, крупные феодалы стали терять независимость на местах и превращаться в придворных, интересы церкви были подчинены

трону, увеличались налоги; при издании законов король руководствовался только формулой «ибо так нам угодно».

Завоевательные походы Франциска I в богатую Италию способствовали росту торговли и развитию французской буржуазии; при нем начинается расцвет культуры Возрождения. Король покровительствовал искусствам и наукам, основал светский университет Коллеж де Франс и сам занимался поэзией.

Приурочив действие драмы «Король забавляется» к эпохе Франциска I, Гюго получил возможность особенно наглядно показать аморальность придворных нравов и бесчеловечность абсолютизма. В основу образа Франциска I в пьесе положена характеристика, данная ему современниками, которые рисуют этого «короля-дворянина» безрассудно храбрым, любящим наслаждения, легкомысленным эгоистом и честолюбцем. Гюго подчеркивает эти стороны характера короля, рисуя вместе с тем низкопоклонство и аморализм окружающих его вельмож. Вводя в действие ряд исторических фигур, Гюго стремился создать правдивую рамку для основного сюжета пьесы. Но по существу история остается здесь условным фоном для моральной и политической проблематики.

Стр. 317. *Тейлор* — барон Исидор Тейлор; состоял в 1824 г. в должности королевского комиссара при театре Французской Комедии.

— *Хартия-правда* — имеется в виду конституция (хартия) 1830 г. Королю Луи-Филиппу приписывалась фраза: «Отныне хартия станет правдой».

Стр. 320. *Видок* — см. примечание к стр. 10.

— *...вроде битвы при Монлери...* — *Битва при Монлери* произошла в 1465 г. между войсками французского короля Людовика XI и войсками его врагов-феодалов во главе с бургундским герцогом Карлом Смелым. Она описана историографом Людовика XI Матье в его книге «История царствования Людовика XI».

Стр. 321. *Трибуле* — придворный шут королей Людовика XII и Франциска I, упоминаемый в хрониках того времени и в романе Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль», где он назван «глупомудрым». Настоящее его имя было Фериаль; Трибуле — его прозвище, происходящее от старофранцузского глагола «tribouler» — дергать, беспокоить. Однако характер персонажа, выведенного Гюго под этим именем, является вымышленным, так же как и весь сюжет драмы.

— *Де Коссе Шарль* — полководец Франциска I, маршал Франции. *Сен-Валье* (Жан де Пуатье, сеньер де Сен-Валье) — вельможа

при дворе Франциска I. Все, что говорится в драме о дочери Сен-Валье *Диане де Пуатье*, не соответствует историческим фактам.

Стр. 323. *Реньяр Жан* (1655—1709) — французский драматург, автор развлекательных комедий нередко фривольного содержания. *«Школа жен»*, *«Амфитрион»* — комедии Мольера, где изображаются двусмысленные положения, связанные с вопросами брака и любви. *Данден*, *Сганарель* — персонажи из комедий Мольера, ревнивцы, обманутые своими женами. *Главная сцена «Тартюфа»* — имеется в виду сцена из комедии Мольера, в которой святоша-лицемер Тартюф пытается соблазнить жену своего благодетеля Оргона.

Стр. 334. *...по словам Брантома...* — *Пьер Брантом* (1540—1614) — французский писатель, автор мемуаров, в которых дается живая картина придворной жизни и нравов того времени. Сочинение Брантома *«Жизнь знаменитых людей и великих полководцев французских и иностранных»* — один из основных источников Гюго при работе его над драмой *«Король забавляется»*.

Стр. 336. *...Катрен* — четверостишие.

— *Маро Клеман* (1496—1544) — один из видных поэтов французского Возрождения; состоял одно время на службе у Франциска I. В своих легких, изящных стихах, полных светлой жизнерадостности, он отчасти отразил нравы придворного общества. Однако Клеман Маро отнюдь не был таким беспринципным придворным угодником, каким изобразил его Гюго Гуманист и свободомыслящий в религиозных вопросах, он часто обличал жестокость и несправедливость; много раз он подвергался гонениям и должен был окончить жизнь на чужбине.

Стр. 341. *Ваш стих о Трибуле.* — Приводимые здесь стихи принадлежат в действительности не Клеману Маро, а его отцу Жану Маро, занимавшему при Франциске I пост королевского историографа.

Стр. 343. *Его любезная, что устроит в Кале все войско англичан...* — Намек на французскую национальную героиню XV в. Жанну д'Арк, возглавившую один из французских отрядов во время Столетней войны с Англией. В результате патриотического подъема французского народа, ярко проявившегося в выступлении Жанны д'Арк, англичане были изгнаны из Франции и к 1450 г. в их руках остался лишь порт Кале.

Стр. 345. *...единственной сестрицы: ученых при дворе угодно видеть ей.* — Сестра короля Франциска I, Маргарита Наваррская, собрала при своем дворе кружок ученых гуманистов; она защищала религиозное свободомыслие, покровительствовала поэтам и сама была даровитой писательницей.

Стр. 358. *Блеск лилий Валуа темней моих седин...* — На гербе королевского дома Валуа, к которому принадлежал Франциск I, были изображены белые лилии.

Стр. 399. *«Бурбон, Марсель увидя...»* — Гюго приводит здесь куплеты из старой солдатской песни, найденной им в мемуарах Брантома.

Стр. 443. *Кто? Папа, Дориа, Карл Пятый иль султан?* — Франциск I вел ожесточенные войны с *Карлом V* (см. примечания к «Эрнани») за господство в Северной Италии. В ходе этих войн он примкнул к Лиге, организованной против Габсбургов папой Климентом VII и английским королем, а в 1535 г. заключил союз против Карла V с турецким султаном Сулейманом Великолепным. Андреа *Дориа* стоял во главе генуэзского флота во время итальянских войн Франциска I и вначале поддерживал французов против Миланского герцога; но когда Франциск I отказался дать Генуе обещанные льготы, Дориа внезапно примкнул к Карлу V.

Стр. 446. *Он, бившийся всю ночь при Мариньяно...* — Битва при Мариньяно произошла в 1515 г. между войсками Франциска I и соединенной армией итальянских князей и швейцарцев, хозяйничавших в ту пору в Северной Италии. Победа, одержанная в этом сражении Франциском I, явилась важным этапом в борьбе французских королей за Миланское герцогство.

ЛУКРЕЦИЯ БОРДЖА

Драма «Лукреция Борджа» (первоначальное название «Ужин в Ферраре») была написана вслед за драмой «Король забавляется» (с 9 по 29 июня 1832 г.) и, по свидетельству самого автора, тесно связана с нею своей моральной проблематикой. Однако «Лукреция Борджа» лишена политического пафоса, характерного для предыдущей пьесы: по своим идейным и художественным качествам она больше всех других пьес Гюго приближается к мелодраме. Правда, мы находим здесь обычное для Гюго противопоставление нравственного достоинства социально ущемленного героя (Дженнаро) аморальности высших классов; но нагромождение ужасов и преступлений, внешние эффекты, неистовство страстей в значительной мере заслоняют обличительную тенденцию пьесы. Не активная борьба против зла, а неизбежность морального возмездия за зло составляют ее идею.

Как и в драме «Король забавляется», Гюго применил здесь свой метод гротеска, построенного на гуманистической мысли о доброй

природе человека, которую не могут до конца убить никакие социальные извращения и уродства. Таким зерном добра должно явиться в одном случае материнство Лукреции, в другом — отцовство Трибуле. Но если чувство Трибуле к дочери поднимало из глубин социального унижения и восстанавливало человеческое достоинство жалкого шута, то в «Лукреции Борджа» Гюго стремится вызвать сострадание к коронованной преступнице.

Имея печальный опыт в прошлом, Гюго опасался препятствий к постановке «Лукреции Борджа» и потому в предисловии к пьесе заранее опровергал обвинения ее в безнравственности. Первое представление «Лукреции Борджа» состоялось 2 февраля 1833 г. в театре Порт-Сен-Мартен. Современники отмечали сценичность драмы, простоту композиции, лаконизм действия. Жорж Санд в письме 1870 г. сравнивала даже мастерство Гюго в «Лукреции Борджа» с античной трагедией.

«Лукреция Борджа» — первая драма Гюго, написанная прозой.

Действие происходит в Италии в начале XVI в. В это время Италия, политически раздробленная, состояла из большого числа самостоятельных княжеств с абсолютистской формой правления и двух-трех еще сохранившихся от прошлого купеческих республик. Между этими государствами велась непрерывная борьба. В центре Италии находилась Папская область. Не имея права передавать свои светские владения по наследству, папы старались еще при жизни всякими способами обогатить своих родственников. Особенно прославился своей алчностью и преступлениями папа Александр VI Борджа (1492—1503), который в своем стремлении объединить в руках своего семейства всю Среднюю Италию не останавливался ни перед какими средствами. Его незаконный сын Цезарь (Чезаре) Борджа мечтал встать во главе общеитальянской абсолютной монархии; он прокладывал себе путь к власти обманом и предательством, ядом и кинжалом. Одним из орудий для осуществления своих честолюбивых планов семейство Борджа сделало незаконную дочь папы Лукрецию, выдавая ее замуж за различных итальянских властителей, которые после брака вскоре умирали, будучи, если верить молве, заколоты убийцами, подосланными отцом и братом Лукреции, или отравлены ими. Однако планы семейства Борджа не осуществились.

В семействе Борджа ярко проявились черты, вообще присущие итальянским высшим классам эпохи позднего Возрождения: честолюбие, крайняя развращенность, полная беспринципность в выборе средств для достижения цели. Если некоторые историки второй половины XIX в. и отвергли большую часть преступлений, приписывае-

мых преданием папе Александру VI и его детям, то все же на совести этой семьи лежит достаточное количество злодеяний.

Рисуя образ Лукреции Борджа, Гюго следовал за легендой, приписывавшей ей чудовищные пороки и преступления. Но хотя исторические источники и дают некоторые сведения о внебрачном сыне Лукреции Борджа, вся трагическая история ее материнства, так же как и смерть ее от руки сына, вымышлены Гюго.

Стр. 461. ...зачаты вместе, как Людовик XIV и Железная Маска. — В начале царствования Людовика XIV в Бастилии содержался таинственный узник, носивший железную маску. Высказывалось предположение, что это был брат-близнец короля, притязавший на престол и за это обреченный Людовиком на пожизненное заточение.

— *Скюдери, Шапелен* — см. примечания к стр. 38 и 39.

— ...менее доверчивым, чем исторический Друз у Тацита... — Римский историк Тацит (I—II в.) рассказывает, что сын императора Тиберия Друз был отравлен в 23 г. н. э. своей женою Ливией.

— *Почитайте Томази, почитайте Гвиччардини.* — Томази — итальянский писатель XVII в., автор книги «Жизнь Цезаря Борджа» (1671). Франческо Гвиччардини (XVI в.) — итальянский историк, автор «Истории Италии» (опубликована посмертно), в которой он рассматривает исторические события как результат алчности и властолюбия отдельных лиц.

Стр. 462. *Корнель — это Мирабо.* — См. примечания к стр. 10 и 70.

Стр. 466. ...спор по поводу войны против Карла Восьмого Французского. — В 1494 г. французский король Карл VIII с большим войском перешел Альпы, подчинил себе Северную и Среднюю Италию, затем проследовал через Рим и захватил Неаполь. Многие итальянские государи, в том числе римский папа, сначала думали использовать нашествие французов в своих личных целях. Но вскоре грабежи и бесчинства французских феодалов заставили итальянские княжества объединиться для борьбы с захватчиками и освободить от них Италию.

Стр. 467. *Мертвец — это был Джованни Борджа; всадник — Чезаре Борджа.* — Согласно историческим источникам, Чезаре Борджа в 1497 г., стремясь завладеть землями и имуществом своего старшего брата Джованни, герцога Гандиа, приказал убить его во время пиршества и бросить его труп в Тибр. После этого он унаследовал владения брата и его герцогский титул.

Стр. 468. *С тех пор как Чезаре Борджа... стал герцогом Валантинуа...* — Герцогство Валантинуа (с главным городом — Валанс, на

юге Франции) было подарено Чезаре Борджа французским королем Людовиком XII в награду за некоторые политические услуги.

Стр. 469. *...поздравить его с победою над Малатеста и с взятием Римини.* — Речь идет о междоусобных войнах мелких итальянских государств.

Стр. 473. *Это уж дело дона Альфонсо, вашего царственного супруга.* — Лукреция Борджа была выдана замуж за феррарского герцога Альфонсо д'Эсте.

Стр. 475. *...точь-в-точь приключение Алена Шартье, французского стихотворца.* — Намек на анекдот о придворном поэте короля Карла VII *Алене Шартье* (XV в.), которого будто бы однажды застала спящим в кресле и поцеловала жена дофина (будущего Людовика XI) Маргарита Шотландская.

Стр. 479. *...вашего третьего мужа, дона Альфонсо Арагонского...* — Муж Лукреции Борджа, семнадцатилетний юноша Альфонсо, побочный сын неаполитанского короля из арагонской династии, был смертельно ранен наемными убийцами папы Александра VI на лестнице собора св. Петра в Риме. Политической причиной этого убийства был союз папы с французским королем Карлом VIII, требовавшим разрыва отношений с враждебным Карлу VIII Неаполем.

Стр. 482—483. *...сама ты — дочь Родриго Борджа...* — Род Борджа происходил из испанских дворян. Александр VI до избрания его папою носил имя Родриго.

Стр. 483. *...объявить войну дожу...* — Дож — выборный пожизненный правитель в купеческой республике Венеции.

Стр. 484. *...отправил на тот свет султана Зизими, брата Баязета.* — Младший брат турецкого султана Баязида, или Баязета II (1481—1512), Джем (у Гюго — Зизими) после неудавшейся попытки отнять у брата престол бежал в Рим, ища покровительства у папы Александра VI, который, как утверждают, его отравил, будучи подкуплен Баязидом.

Стр. 490. *Ступай в галерею Нумы... изображает Геркулеса, сына Юпитера, одного из моих предков.* — Нума Помпилий — легендарный римский царь древнейшей эпохи. Стремление, опираясь на античную традицию, обожествлять свой род (происхождение от бога Юпитера и героя Геркулеса) было характерно для итальянских князей периода позднего Возрождения.

Стр. 501. *...стали появляться язычники и сарацины.* — В средние века сарацинами называли арабов или мавров, с которыми боролись европейские народы. Хотя они были мусульманами, их нередко называли «язычниками», не делая различия между этими двумя понятиями. В XV в. торговые пути из Южной Европы на восток были вновь

преграждены мусульманами-турками, которые в 1453 г. захватили Константинополь и создали угрозу Италии.

Стр. 507. *...горящий Содом...* — По библейской легенде, город Содом был сожжен небесным огнем в наказание за развращенность его жителей.

Стр. 523. *...монахи капеллы святого Сикста* — то есть папской капеллы Сикстинская капелла была построена в 1473 г. и расписана величайшими художниками итальянского Возрождения.

Стр. 526. *Испанец Мударра убил дядю своего Родриго де Лару* — см. примечания к стр. 241.

СОДЕРЖАНИЕ

Марьон Делорм. <i>Перевод</i> <i>Анны Ахматовой</i>	5
Эрнани. <i>Перевод</i> <i>Вс. Рождественского</i>	167
Король забавляется. <i>Перевод</i> <i>Павла Антокольского</i> . . .	315
Лукреция Борджа. <i>Перевод</i> <i>А. В. Федорова</i>	457
Комментарии <i>С. Брахман</i>	529

Оформление художника

С. Пожарского

Редакторы

С. Емельяников и С. Рошаль

Художественный редактор А. Ермаков

Технический редактор Г. Каунина

Корректоры В. Покровская

и В. Брагина

*

Подписано к печати 16/II — 1953 г.
А-00117. Бумага $84 \times 108^{1/32} = 8,5$ бум. л.,
27,88 печ. л. Уч.-изд. л. 27,6.
Тираж 150 000. Заказ № 334. Цена 12 р.

*

2-я типография «Печатный Двор» им.
А. М. Горького Союзполиграфпрома
Главиздата Министерства культуры
СССР. Ленинград, Гатчинская, 26.